

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

**WORLDS
OF CLIFFORD
D. SIMAK**

OUR CHILDREN'S CHILDREN

**THE FELLOWSHIP
OF THE TALISMAN**

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ДЕТИ НАШИХ ДЕТЕЙ
БРАТСТВО ТАЛИСМАНА**

Издательская фирма «Полярис»
1994

Our Children's Children
Copyright © 1974 by UPD

The Fellowship of the Talisman
Copyright © 1978 by Clifford D. Simak

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1994 Л. Булыкина, *иллюстрации*

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
составление

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-072-7

ДЕТИ НАШИХ ДЕТЕЙ

Глава 1

Бентли Прайс, фотограф Глобал Ньюс Сервис, положил на сковородку кусок мяса, поставил регулятор жаровни в позицию «нагрев» и опустился в кресло-качалку с банкой пива в руке. Внезапно в воздухе, под ветвями древнего дуба, появилась дверь, и из нее начали выходить люди.

Бентли полагал, что с годами утратил всякую способность удивляться. Горький опыт приучил его не видеть в неожиданном ничего сколько-нибудь необычного. Он добросовестно выполнял свою работу: снимал сцены происшествий и удалялся, порой в большой спешке, ибо опасался конкурентов из Ассошиэйтед Пресс и ЮПИ; к тому же, Бентли считал, что, хотя художественные редакторы в целом ребята неплохие, лучше — и разумнее — не будить в них зверя.

Однако сейчас Прайс откровенно изумился, поскольку на его глазах происходило то, что отнюдь не легко вообразить или вывести из предшествующего опыта. Он замер в кресле, стиснув в кулаке банку с пивом, и оторопело уставился на незваных гостей, а те валили через дверь нескончаемым потоком. Впрочем, черная дыра с нечеткими очертаниями вряд ли подходила под определение «дверь»; вдобавок она отличалась довольно внушительными размерами — пришельцы выходили из нее по четверо, а то и по пятеро в ряд.

Судя по наружности, это были обыкновенные люди; недоумение вызывала разве что одежда: они словно возвращались домой с маскарада. Будь они все молоды, Бентли предположил бы, что имеет честь наблюдать студентов какого-нибудь колледжа, однако среди новоприбывших хватало и пожилых, и стариков.

Одним из первых на лужайку возле дуба ступил высокий и худой мужчина, худоба которого, как ни странно, придавала ему известное изящество. Его голову венчала шапка густых, седых со стальным отливом волос, а шею он вытягивал точь-в-точь как индюк. Наряд мужчины составляли серая юбка, что едва доставала до шишковатых колен, и красный плед, перекинутый через плечо и перехваченный в талии ремнем, который также удерживал юбку; в общем, подытожил про себя Бентли, ни дать ни взять шотландский горец.

Мужчину сопровождала молодая женщина в белом платье, из-под которого виднелись сандалии. Иссия-черные волосы женщины, собранные в «хвост», ниспадали до пояса. А она симпатичная, подумал Бентли. Незнакомка была красива той красотой, какая встречается крайне редко; кожа ее лица будто светилась изнутри и не уступала белизной платью.

Парочка приблизилась к креслу, в котором восседал Бентли.

— Закрываю, — произнес мужчина, — что вы хозяин. — Его слова прозвучали как-то странно, хотя все, вроде бы, было понятно.

— Вы имеете в виду, что я владею этой лавочкой? — отозвался Бентли.

— Вполне возможно, — ответил пришелец. — Я не до конца освоился с языком вашего времени, но вы меня, похоже, понимаете.

— Разумеется, — подтвердил Бентли, — но о каком таком времени вы толкуете? У вас что, свой язык на каждый день?

— Ни в коем случае, — возразил мужчина. — Так или иначе, мы просим извинения за свое вторжение. Мы не причиним вреда вашей собственности.

— Слушайте, приятель, — сказал Бентли, — я тут не хозяин. Я всего лишь, ну, что ли замещаю его, пока он в отлучке. Велите своим не ходить по клумбам, ладно? Если цветы окажутся помятыми, супруга Джо просто чокнется от злости. Она от них без ума.

Между тем гостей становилось все больше, они заполнили весь двор, а некоторые уже перебрались к соседям Бентли. Последние беспомощно главели по сторонам в тщетных попытках уловить смысл происходящего.

— Мне кажется, о цветах можно не беспокоиться, — проговорила девушка, одарив Бентли улыбкой. — Мы прибыли сюда с добрыми намерениями и знаем, как себя вести.

— Мы рассчитываем на ваше снисхождение, — прибавил мужчина, — и надеемся, что вы не откажете в помощи беженцам.

Бентли присмотрелся к толпе и решил, что беженцев в ней нет. Он разбирался в таких вещах: ведь ему довелось фотографировать в разных частях света сотни и тысячи беженцев. Те, как правило, ходили в рванье, обвешанные уцелевшими пожитками, а эти люди, несмотря на диковинность их нарядов, были одеты с иголочки; что касается пожитков, то каждый второй пришелец имел при себе портфель наподобие атташе-кейса. В частности, таковым обладал собеседник Бентли.

— Не похожи вы на беженцев, — заявил фотограф, высказывая свои сомнения вслух. — Откуда бежите?

— Из будущего, — ответил мужчина. — Мы молим вас о милости. Поверьте, нам пришлось выбирать между жизнью и смертью.

Ошеломленный услышанным, Бентли хотел было промыть мозговые извилины пивом, но передумал, поставил банку на траву и медленно встал.

— Знаете, мистер, — проговорил он, — если вы затеяли какую-то хитрую игру, то обратились не по адресу. Я не собираюсь снимать всякую чушь.

— Игру? — переспросил мужчина; чувствовалось, что он и впрямь озадачен. — Прошу прощения, сэр. Я не совсем вас понял.

Бентли взглянул на «дверь». Из нее по-прежнему, по четверо-пятеро в ряд, выходили люди, и процессии, казалось, не предвидится конца. Черная дыра ничуть не изменилась, очертания ее оставались столь же размытыми; за ней можно было различить деревья, кустарники и теннисную площадку во дворе соседнего дома. Интересно, подумалось ему, сколько очкариков ломало голову над этой затеей? Каким образом они создали

дыру и откуда, черт побери, взялась столь многочисленная толпа?

— Мы прибыли, — сказал мужчина, — из будущего, которое наступит через пятьсот лет. Мы бежим от смертельной угрозы и уповаем на ваше милосердие и содействие.

— Мистер, — произнес Бентли, — вы ведь не дурите меня, верно? Иначе, попавшись на вашу удочку, я лишусь работы.

— Мы предполагали, что встретим недоверие, — отозвался мужчина. — К сожалению, у нас нет доказательств, поэтому, если можете, поверьте нам на слово.

— Хорошо, вы меня убедили, — буркнул Бентли. — Так и быть, пощелкаю. Но если...

— Вы разумеете, что намерены сфотографировать нас?

— Ну да. Я же фотограф-профессионал.

— Мы пришли не за тем, чтобы фотографироваться. Если у вас есть какие-то сомнения, пожалуйста, не стесняйтесь. Мы не обидимся.

— Значит, фотографии вам не нужны, — хмыкнул Бентли. — Все как всегда. Тот, кто попадает в переделку, терпеть не может, чтобы его снимали.

— Нет, мы не возражаем, — ответил мужчина. — Снимайте, сколько хотите.

— Не возражаете? — ошарашенно справился Бентли.

— Ни чуточки.

Бентли круто развернулся и кинулся к задней двери дома. По дороге он задел ногой банку, и та взвилась в воздух, разбрызгивая вокруг пиво.

На кухонном столе, за которым Бентли работал до того как решил перекусить, лежали три фотоаппарата. Прайс схватил один из них и двинулся было на двор, но вдруг вспомнил о Молли. Пожалуй, надо сообщить ей о том, что тут творится. Если эти паяцы на самом деле из будущего, они наверняка заинтересуют Молли. Не то чтобы он верит им, хотя бы одному слову, но все равно, лучше подстраховаться. Бентли снял трубку стоявшего в кухне телефона и набрал номер, костеря себя за то, что попусту тратит время. Скорее всего, Молли нет дома. Сегодня воскресенье, к тому же денек выдался на редкость удачный, так что вряд ли он ее застанет.

— Алло, — прозвучал в трубке женский голос.

— Молли, это Бентли. Ты знаешь, где я живу?

— В Вирджинии. Бесплатно наслаждаешься всеми удобствами, пока Джо в отлучке.

— С чего ты взяла? Я присматриваю за домом! Ну, цветочки Эдны...

— Ха!

— Я звоню вот по какому поводу, — продолжал Бентли. — Не хочешь заглянуть ко мне?

— Нет, — отрезала Молли. — Если собираешься соблазнять меня, вывози на природу.

— Не собираюсь я никого соблазнять! — воскликнул Бентли. — Тут у меня на заднем дворе полно людей, которые утверждают, что они из будущего, каковое наступит через пятьсот лет.

— Бред какой-то, — пробормотала Молли

— Я тоже так думаю. Но тогда откуда они взялись? Их, должно быть, не меньше тысячи. Даже если они не из будущего, представляешь, какую можно оттрохать статью? Так что давай, жми сюда и побеседуй с ними. Тебя напечатают во всех утренних газетах

— Бентли, ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Я трезв как стеклышко и стремлюсь заполучить тебя сюда не для того...

— Ладно, — проговорила Молли. — Я приеду. А ты позвони-ка в редакцию. Воскресный выпуск готовит Мэннинг. Будь с ним поаккуратнее, он зол как черт. Возможно, он подойдет кого-нибудь еще. Или это все-таки шутка?

— Не шутка, — вздохнул Бентли. — Я не настолько спятил, чтобы шутить шуточки, которые могут стоить мне работы.

— До скорого. — Молли положила трубку.

Бентли принялся было набирать номер редакции, но обернулся на звук открывшейся двери. На пороге стоял его недавний собеседник.

— Прошу прощения, — проговорил мужчина, — однако дело не терпит отлагательств. Ребятишкам нужно в туалет. Вы не против, если...

— Вот там, — Бентли ткнул пальцем в направлении ванной. — А второй наверху.

Мэннинг отозвался после полудюжины гудков.

— Я нашел шикарную тему для статьи, — сообщил Бентли.

— Где?

— В доме Джо. Ну, где я живу.

— Молодец. Пиши.

— Я не репортер, — возразил Бентли, — и писать статьи в мои обязанности не входит. Мое дело фотографировать. А статья будет и впрямь шикарная, жалко ее портить, и...

— Хорошо, — сказал Мэннинг устало. — Поищу, кого можно подослать. Но учти, сегодня воскресенье, и у нас запарка. Если выяснится, что тема — пшик, ты уж не обессудь.

— На заднем дворе моего дома собралась толпа. Они явились из воздуха и уверяют, что пришли из будущего.

— Откуда?! — взревел Мэннинг.

— Из будущего, которое наступит через пятьсот лет.

— Бентли, ты пьян...

— Только не надо угрожать мне, — перебил Бентли. — Я передал, что знаю, остальное меня не касается. — Он повесил трубку и взял фотоаппарат.

Сквозь кухонную дверь двигались сплошной чередой дети. Их сопровождало несколько взрослых.

— Госпожа, — заметил Бентли, обращаясь к одной из женщин. — Наверху есть другой туалет. Вы бы разделили их пополам.

Глава 2

Стив Уилсон, пресс-секретарь Белого Дома, направлялся к выходу, весь в мыслях о предстоящем свидании с Джуди Грей, своей помощницей, когда зазвонил телефон. Уилсон нехотя снял трубку.

— Это Мэннинг, — сообщил голос на другом конце провода.

— Слушаю тебя, Том.

— Ты не включал радио?

— Нет. А с какой стати мне его включать?

— Происходит нечто непонятное. Нечто такое, о чем тебе, на мой взгляд, следовало бы знать. Похоже, к нам вторглись.

— Как вторглись?!

— Да нет, не то. Представь себе: из воздуха появляются какие-то люди, которые говорят, что они из будущего.

— Том, если ты меня разыгрываешь.

— Признаться, — отозвался Мэннинг, — я тебя понимаю. Когда мне позвонил Бентли...

— Бентли Прайс, твой пьяница фотограф?

— Он самый, только совершенно трезвый. Дело-то ведь было с утра. К нему поехала Молли и кое-кто еще. Ассошиэйтед Пресс взяло след...

— Где творится эта чертовщина?

— В частности, за рекой, неподалеку от Фоллз-Черч.

— В частности?

— Ну да. У нас имеются также сообщения из Бостона, Чикаго и Миннеаполиса. АП утверждает, что то же самое и в Денвере.

— Спасибо, Том. Я тебе весьма признателен. — Уилсон повесил трубку, двумя шагами пересек кабинет и включил радио.

— ...Известно на данный момент, — произнес диктор. — Пришельцы появляются из того, что один наблюдатель окрестил «дыркой в ландшафте». Они выходят по пятеро и даже по шестеро в ряд, шеренга за шеренгой, точно армия на марше. У нас в Вирджинии они объявились за рекой. Наши корреспонденты передают о похожих случаях из Бостона, Миннеаполиса, Чикаго, Денвера, Нового Орлеана, Лос-Анджелеса и окрестностей Нью-Йорка. Как правило, «дверь» возникает не в самом городе, а поблизости от него. Вот поступило очередное сообщение, на сей раз — из Атланты. — Поставленный голос диктора на последних словах едва заметно дрогнул. — Никто не знает, кто они такие, откуда явились и посредством чего перемещаются в пространстве. Они просто проникают в наш мир. Их уже тысячи, но поток не прекращается. Можно сказать, что мы столкнулись со вторжением, но не военного характера. Пришельцы как будто настроены дружелюбно, никого не трогают и никому не докучают. По неподтвержденным сведениям, они из будущего, но это, как вы понимаете, вряд ли возможно...

Уилсон убрал звук, вернулся к телефону и набрал номер. Ему ответил коммутатор Белого Дома.

— Дела? Это Стив. Где президент?

— Отдыхает.

— Попросите кого-нибудь разбудить его. Пускай включит радио. Я сейчас буду.

— А в чем дело, Стив? Что...

Уилсон нажал на рычаг и тут же набрал другой номер. Через какое-то время в трубке раздался голос Джуди:

— Что-нибудь случилось, Стив? Я только-только закончила упаковывать припасы для пикника. Или ты не...

— Пикник отменяется, милая. Срочная работа.

— В воскресенье?!

— А почему нет? У нас возникли проблемы. Я заскочу за тобой. Будь готова.

— Черт! — воскликнула Джуди. — А я-то думала завалить тебя на травку, под деревья...

— Я сойду с ума, воображая, что потерял, — пообещал Стив.

— Ладно, буду ждать у дома.

Уилсон вновь прибавил громкость.

— ...беглецы из будущего. Они убегают от того, что грозит им гибелью, и выбрали для бегства наше с вами настоящее. Разумеется, путешествия во времени невозможны, однако откуда все-таки взялись эти люди...

Глава 3

Сэмьюэл Дж. Хендерсон стоял у окна, глядя на залитую солнцем клумбу с розами. Почему, черт побери, подумал он, неприятности чаще всего случаются по воскресеньям, когда все разъезжаются кто куда и никого не найдешь? Именно в воскресенье забурился Китай, опять-таки в воскресенье произошел переворот в Чили, и вот, на тебе, пожалуйста, — снова тот же день.

Раздался сигнал вызова. Президент отвернулся от окна, сел за стол и нажал кнопку на селекторе.

— Министр обороны на связи, — сообщила секретарша.

— Спасибо, Ким, — поблагодарил Хендерсон и снял трубку. — Джим, говорит Сэм. Вы слышали?

— Да, мистер президент, по радио, но не все.

— Я в таком же положении. Но сомневаться, по-видимому, не приходится. Нужно что-то предпринять, и поскорее. Необходимо овладеть ситуацией.

— Понятно. Мы должны позаботиться о них. Разместить. Накормить.

— Джим, кроме вооруженных сил, никто не способен осуществить такое достаточно быстро. Нельзя допустить, чтобы наши гости разбежались. Нужно держать их под контролем — по крайней мере, пока мы не поймем что к чему.

— Объявить мобилизацию гвардии?

— Пожалуй, да, — согласился президент. — Используйте все свои возможности. Помните, у вас есть несгораемые времянки. Как насчет транспортировки и питания?

— Возможно, мы сумеем обеспечить их всем необходимым на несколько дней, максимум на неделю. Все зависит от того, сколько их в общей сложности. Но так или иначе нам понадобится помощь. Я думаю обратиться в министерство сельского хозяйства и социальной политики. Надеюсь, они помогут людьми и припасами.

— От вас требуются решительные действия. Не переусердствуйте, но и не миндальничайте. Если что, мы вас прикроем. Нам необходимо время, чтобы выработать план, и задача армии — предоставить правительству этот срок. Я переговорю с другими министрами. Возможно, кабинет соберется в полном составе сегодня вечером или даже днем. Кстати, вы первый, кто позвонил. Остальные пока молчат.

— А ЦРУ и ФБР?

— Очевидно, они не бездельничают, но меня еще не уведомяли. Вероятно, скоро прорежутся.

— Мистер президент, как по-вашему...

— Джим, я ничего не знаю, за исключением того, что рассказал. Когда начнете операцию, свяжитесь со мной.

— Так точно, сэр, — отрапортовал министр.

— До встречи, Джим.

Вновь прозвучал сигнал селектора.

— Пришел Стив, — сказала секретарша.

— Пригласите.

Дверь распахнулась, и в проеме показалась фигура Уилсона. Хендерсон указал на кресло.

— Садитесь, Стив. Ну, какие новости?

— Сообщений все больше, сэр. «Двери» появились на всей территории Соединенных Штатов, в Европе, Канаде, кое-где в Южной Америке, в России, Сингапуре, Маниле. Из Китая и Африки пока ничего не поступало. До сих пор — никаких объяснений. Прямо фантастика! Невозможно поверить, так и подмывает заявить, что такое немыслимо. Но факт остается фактом, никуда не денешься.

Президент снял очки, положил их на стол, потом принялся вертеть в пальцах.

— Я разговаривал с Сэндбергом. Армия займется размещением и прочим. Как погода?

— Если я ничего не путаю, — отозвался Уилсон, — утром обещали, что всюду, кроме северо-востока тихоокеанского побережья, будет солнечно. А на побережье, как всегда, дождь.

— Я попытался связаться с государственным секретарем, — продолжал президент, — но, конечно же, безуспешно. Уильямс в Бернинг-Три. Я поручил известить его. Черт возьми, почему обязательно в воскресенье? Пресса, должно быть, уже в сборе?

— Зал заполняется. Через час они начнут колотить в дверь. Мне придется впустить их, но какое-то время они потерпят. А вот часам к шести, самое позднее, понадобится текст заявления.

— Скажите им, что мы не бездействуем. Положение изучается. Скажите, что решено использовать армейские подразделения, причем сделайте особый упор на то, что войска отправляются на помощь. Не подавлять, а помогать. Возможно, будет объявлена мобилизация Национальной гвардии. Это решать Джиму.

— Сэр, вероятно, в ближайшие час-два ситуация прояснится?

— Как знать, как знать. У вас есть какие-нибудь соображения, Стив?

Пресс-секретарь покачал головой.

— Ну ладно. Я ожидаю звонков от министров. Хорошенькое дельце: сидим тут в полной неизвестности!

— Сэр, вам, скорее всего, придется выступить по телевидению. Население будет ждать.

— Да, наверно.

— Я договарюсь с телевизионщиками.

— Пожалуй, стоит связаться с Лондоном и Москвой, а также с Пекином и Парижем. Проблема общая, так что принимать меры надо сообща. Поручу Уильямсу, как только он появится. И нужно позвонить в ООН, Хью, узнать, что думает он.

— Что передать прессе, сэр?

— Пока ничего. В крайнем случае обрисуйте положение телевидению. Кстати, вы не знаете, сколько у нас гостей?

— По оценке ЮПИ, они прибывают со скоростью двенадцать тысяч в час. При том, что на нашей территории может находиться до сотни «дверей»...

— Господи Боже! — воскликнул президент. — По миллиону в час! Мир не выдержит такого нашествия, он и так перенаселен! У нас не найдется ни где разместить их, ни чем накормить. Как по-вашему, зачем они явились к нам? Если они из будущего, то должны располагать историческими сведениями, должны представлять, к чему приведет их появление.

— Может статься, их гонит отчаяние, — предположил Уилсон. — Им наверняка известно, что наши возможности невелики. Вероятно, они выбирали между жизнью и смертью.

— Дети наших детей, — произнес президент, — грядущее поколение. Если они на самом деле из будущего, значит, у нас просят помощи наши собственные потомки. Мы не можем повернуться к ним спиной.

— Надеюсь, все испытывают похожие чувства, — сказал Уилсон. — Но если поток скоро не иссякнет, нам грозит экономический кризис, а где кризис, там недовольство. Мы рассуждаем о проблеме «отцов и детей», и на тебе! Правда, тут уже скорее деды и правнуки.

— Здесь необходима поддержка церквей, — проговорил президент, — если они, конечно, согласятся. Если нет, неприятностей не избежать. Стоит одному кликуше завести свою волюнку, и все пропало.

— Вы имеете в виду Биллингса, сэр? — Уилсон усмехнулся. — Если не возражаете, я попробую связаться с ним. Мы вместе учились в колледже. Побеседую с ним, хотя вряд ли от того будет толк.

— Попытайтесь убедить его, — сказал президент. — Если он откажется внимать логическим доводам, пригрозите ему силой. Признаться, более всего меня тревожат обыватели. Как же, у них отбирают кусок хлеба, чтобы накормить черт знает кого! Придется действовать решительно. Профсоюзы могут испугаться притока ра-

бочей силы, но там заправляют разумные люди, которые разбираются в экономике и слышат не только себя.

Президента прервал сигнал селектора. Хендерсон нажал кнопку.

— На связи госсекретарь Уильямс, сэр.

Уилсон поднялся, чтобы идти. Президент потянулся за трубкой.

— Будьте поблизости, — велел он.

— Я так и собирался, сэр, — отозвался Уилсон.

Глава 4

На аппарате Джуди горели все до единого световые индикаторы. Девушка что-то тихо говорила в микрофон. Листок блокнота покрывали записи. Когда вошел Уилсон, Джуди прекратила разговор. Огни индикаторов продолжали мерцать.

— В зале полно народу, — сказала девушка. — Поступило срочное сообщение от Тома Мэннинга. Он утверждает, что дело первостепенной важности. Позвонить ему?

— Сам позвоню, — ответил Уилсон, усаживаясь за стол, и набрал номер. — Том, это Стив. Джуди передала мне, что ты меня искал.

— Да, — отозвался Мэннинг. — Молли кое-что раскопала. Похоже, у нас в Вирджинии находится один из предводителей всей этой шайки. Доказательств, естественно, никаких, но он хочет поговорить с президентом. Заявляет, что может все объяснить. Вернее, даже настаивает на объяснении.

— Он говорил с Молли?

— Да, но ничего конкретного не сказал. Так, ходил вокруг да около.

— Именно с президентом?

— И никак иначе. Его зовут Мейнард Гейл. С ним еще дочь, Элис.

— Пускай Молли привезет их сюда, но не с парадного крыльца. Я предупрежу охрану. Посмотрим, что он скажет.

— Стив...

— Да?

— Поскольку Молли нашла этого парня, она требует себе исключительных прав на интервью.

— Нет, — отрезал Уилсон.

— Послушай, Стив, — в голосе Мэннинга послышались просительные нотки. — Иначе она не соглашается. Черт побери, Стив, ее требование справедливо. В конце концов, ты обязан нам! Если бы не Бентли и Молли...

— Ты просишь меня, чтобы я собственными руками выкопал себе могилу? «Таймс», «Пост» и все остальные сожрут меня с потрохами!

— Не преувеличивай, — фыркнул Мэннинг. — Ну что тебе стоит? Нам всего-то и нужно, что право на первое интервью с Гейлом.

— Я объявлю, что его нашло Глобал, — отозвался Уилсон. — Не сомневайся, вам воздадут по заслугам.

— А как насчет интервью?

— Он же сейчас у вас, верно? Вот и берите интервью, а потом везите его сюда. Вы хозяева положения. Не скажу, чтобы я был в восторге, но, как ты понимаешь, поделать ничего не могу.

— Он отказывается говорить до встречи с президентом. Пообещай, что затем передашь его нам.

— Я не буду ничего обещать. Между прочим, он не вещь, чтобы передавать его из рук в руки. Кстати, ты уверен, что он тот, за кого себя выдает?

— Разве тут можно быть уверенным? — ответил вопросом на вопрос Мэннинг. — Однако он знает, что происходит, поскольку сам в том участвует, знает то, что необходимо знать нам. Тебе не придется тянуть его за язык. Тебе предстоит слушать и составлять мнение.

— Том, повторяю, я не могу что-либо обещать. Тебе это прекрасно известно. Меня удивляет твоя просьба.

— Позвони мне, когда соберешься с мыслями, — сказал Мэннинг.

— Подожди, Том.

— Что?

— Сдается мне, ты идешь по тонкому льду. Пытаешься придержать жизненно важную информацию.

— У нас нет никакой информации.

— Пускай будет источник жизненно важной информации. За твои действия я могу привлечь тебя к ответственности. Кроме того, ты удерживаешь этого человека против его воли.

— Никто его не удерживает. Он сам цепляется за нас. Решил почему-то, что мы единственные, кто может доставить его в Белый Дом.

— Значит, вы препятствуете ему, отказываете в необходимой помощи, при том что он — я могу лишь догадываться — по всей вероятности, посл.

— Стив, не дави на меня. Мы с тобой слишком давно дружим...

— Послушай, Том, я не собираюсь идти у тебя на поводу. Дружба дружбой, но через час на мой стол ляжет прокурорский ордер.

— Ну и что?

— Потолкуй со своим юристом. Жду твоего звонка. — Уилсон швырнул трубку на аппарат и встал.

— Что ему нужно? — справилась Джуди.

— Попробовал шантажировать меня.

— Ты был с ним груб.

— Разрази меня гром, Джуди, что делать, если иначе не получается?! Должность не позволяет.

— Стив, пресса волнуется.

— Запускай.

Корреспонденты, толпившиеся снаружи, гурьбой ввалились в кабинет и расселись на привычные места. Джуди закрыла дверь.

— Что вы нам скажете, Стив? — спросил репортер АП.

— Официального заявления пока нет, — ответил Уилсон, — и в ближайшее время не предвидится. Пожалуй, могу сказать только, что дам вам знать сразу, как узнаю что-нибудь сам. Менее получаса назад президент, подобно вам, находился в неведении. Он выступит позднее, когда будет набрано достаточное количество фактов. Мне поручено передать, что вооруженные силы получили приказ позаботиться о пришельцах, разместить их, накормить и все такое прочее. Действовать приходится в чрезвычайных условиях. Вероятно, к вечеру правительство выработает план.

— Известно, кто такие эти пришельцы? — справился корреспондент «Вашингтон пост».

— Нет, — отозвался Уилсон. — Пока ничего конкретного. Ни кто они, ни откуда, ни с какой целью прибыли к нам.

— Вы не верите, что они из будущего?

— Я не говорил, что не верю, Джон. Мы не принадлежим к числу воинствующих невежд. Просто до сих пор нет доказательств ни за, ни против.

— Мистер Уилсон, — подал голос представитель «Нью-Йорк таймс», — предпринимались ли попытки установить контакт? Имели ли место переговоры?

— На данный момент нет.

— Можно ли сделать вывод, что такую попытку вот-вот предпримут?

— Я бы не стал торопиться с выводами. Правительство накапливает сведения, но не забудьте, что все началось какой-нибудь час тому назад. У нас просто не было времени на что-либо серьезное. Надеюсь, все это понимают.

— Но вы предполагаете, что переговоры состоятся?

— Могу лишь повторить, что правительство накапливает сведения. Возможно, нам удастся вступить в контакт, но прошу отметить, что таково мое личное мнение. Я полагаю, это было бы вполне логично с точки зрения того, как разворачиваются события. Может статься, кому-то из представителей прессы посчастливилось больше нашего. Вы наверняка опередили нас.

— Мы пытались разговорить их, — признал корреспондент ЮПИ, — но они отмалчиваются. Создается впечатление, что им приказано говорить как можно меньше. Они лишь твердят, что явились из будущего, которое отстоит от нас на пятьсот лет, что просят прощения за беспокойство и что для них речь идет о жизни и смерти. Ничего иного от них не добиться. Скажите, Стив, президент выступит по телевидению?

— Полагаю, что да, но во сколько — неизвестно. Как только час будет определен, я извещу вас.

— Мистер Уилсон, связывался ли президент с Москвой и Лондоном или с другими государствами? — поинтересовался журналист «Таймс».

— Он намеревался посоветоваться с госсекретарем.

— Намеревался или намеревается?

— По-видимому, разговор уже состоялся. Мне кажется, более обстоятельно на ваш вопрос я смогу

ответить примерно через час. Можете не волноваться, я ничего от вас не скрою.

— Мистер пресс-секретарь, — настала очередь «Чикаго трибюн», — правительство, вероятно, осознает, что прирост населения со скоростью два с половиной миллиона человек в час...

— По моим сведениям, — перебил Уилсон, — около миллиона в час.

— Над земной сушей открылось до двухсот отверстий, туннелей или как их там называть, — продолжал корреспондент. — Даже если основываться на вашей цифре, это означает, что менее чем за двое суток прирост населения составит миллиард с хвостиком. Мой вопрос таков: сможет ли мир прокормить столько людей?

— Правительство весьма озабочено проблемой, которая вас интересует. Я ответил на ваш вопрос?

— Отчасти, сэр. Какие меры оно планирует?

— Здесь необходимо обсуждение, — проронил Уилсон.

— То есть вы не ответите?

— В настоящий момент я не могу ответить.

— Позвольте, — вмешался репортер «Лос-Анджелес таймс». — В мире, который расположен в пятистах годах в будущем, должны существовать передовые наука и технология. Рассматривала ли администрация...

— Нет, — сказал Уилсон. — Пока нет.

— Мистер Уилсон, — произнес, вставая, корреспондент «Нью-Йорк таймс», — вы не слишком нас порадовали. Будем надеяться, что позже мы получим ответ на свои вопросы.

— Да, будем надеяться, — согласился Уилсон, поднялся из-за стола и стоял так, наблюдая, как журналисты выходят в приемную.

Глава 5

У армии возникли затруднения. Лейтенант Эндрю Шелби связался с майором Марселем Бернсом.

— Сэр, я не могу удержать этих людей. Их похищают.

— Какого черта, Энди? Что значит похищают?

— Ну, не то чтобы и впрямь похищают, сэр. Местные забирают их по домам. Тут есть такой здоровенный домина, так в него набилось человек двадцать. Я разыскал хозяина и сказал ему, что мне поручено отвести пришельцев в полном составе туда, где их ждут кров и пища. А этот тип посоветовал мне не беспокоиться о тех, кто очутился под крышей его дома. Мол, если вас заботят кров и пища, то все в порядке. Они мои гости, я накормлю их и размещу со всеми удобствами. И он не одинок, сэр. То же самое творится в других домах, что вверх, что вниз по улице. В общем, демонстрируют радушие. Полбеда, когда бы только местные, но ведь приезжают за много миль, чтобы залучить кого-нибудь к себе. Короче говоря, пришельцы рассеялись по всей округе, и я ничего не могу поделать.

— А что там с дверью? Ну, с туннелем?

— По-прежнему выходят, как будто на параде. Валом валят. Я пытаюсь собрать их в одном месте, а они разбегаются, уходят, уезжают кто куда.

— Но хоть кто-то у тебя остался?

— Так точно, сэр. Скоро начнем погрузку.

— И что они за люди?

— Обыкновенные, сэр. На мой взгляд, такие же, как мы, разве что говорят по-чуждому. Правда, одежда у них странная. Одни в робах до пят, другие в лосинах, третьи — ну, словом, как на маскараде. Но все вежливые и не доставляют ровным счетом никакого беспокойства. Однако от количества просто голова кругом идет. В том, что они разбредаются, их вины нет. Тут виноваты местные. Они дружелюбны, сэр, но их слишком уж много.

— Ладно, — проговорил майор со вздохом. — Делай что можешь

Глава 6

Лампочки на аппарате Джуди мигали не переставая. В приемной толпились ожидающие новостей журналисты. Уилсон встал из-за стола и подошел к стрекочущим телетайпам. Агентство Глобал Ньюс передавало:

«Вашингтон (ГН). Миллионы пришельцев, утверждающих, что они из будущего, которое наступит через пятьсот лет, появились в мире сегодня днем, выйдя из более чем 200 «временных туннелей».

Отмечается почти повсеместное нежелание принять их версию случившегося, однако официальные власти, похоже, начинают склоняться именно к такой точке зрения, если не в Вашингтоне, то в столицах других государств. Помимо утверждения, что они явились из будущего, пришельцы, как правило, не дают сколько-нибудь полезной информации. Ожидается, что в ближайшие часы наши сведения о них значительно пополнятся. Пока, в суматохе прибытия, трудно определить, кто возглавляет пришельцев, однако можно предположить, что в скором времени руководители будут найдены. Туннели замечены над каждым из континентов Земли.

По неподтвержденным данным, скорость прибытия неизвестных составляет около двух миллионов человек в час. При такой скорости...»

— Стив, — позвала Джуди, — тебя. Том Мэннинг. Уилсон вернулся за стол.

— Ну что, подготовил ордер? — справился Мэннинг.

— Еще нет. Решил дать тебе время одуматься.

— Значит так: выписывай на здоровье. Наши юристы говорят, что тебе с нами не справиться.

— Вряд ли он мне понадобится.

— Здесь ты угадал. Молли уже выехала, с ней Гейл и его дочь. Они будут у вас минут через двадцать, смотря как движение. Тут становится неуютно. Куча зевак, да вдобавок подкатили армейские грузовики.

— Том, — проговорил Уилсон, — я хочу сказать тебе, что знаю, почему ты пытался подловить меня.

— Стив, послушай...

— Да, Том?

— Гейл слегка разоткровенничался перед Молли. Попросил ее передать одну вещь. Мол, это нельзя откладывать.

— Ну и?..

— Он предлагает установить у каждого из туннелей артиллерийское орудие, зарядить их разрывными снарядами и, в случае чего, палить прямой наводкой. При чем не обращая внимания на людей. Палить, и все.

— Ты не знаешь зачем?

— Он не пожелал объяснить. Сказал, что мы пойдем сами. По его словам, разрывные снаряды уничтожат туннель. Все усвоил?

— Да вроде бы.

— Я пока не стану распространяться об этом, — закончил Мэннинг, — но лишь пока.

Уилсон нажал на рычаг, затем снял трубку президентского телефона.

— Ким, когда меня могут принять? — спросил он.

— Он сейчас разговаривает. У него люди, к тому же постоянно идут звонки. Что у вас такое, Стив?

— Сверхсрочное дело. Мне необходимо увидеть президента.

— Тогда подходите. Я попробую провести вас.

— Джуди, — сказал Уилсон, — скоро приедет Молли Кимболл с двумя пришельцами.

— Я позвоню охранникам.

— Разумеется, через задние ворота. Если я не вернусь до тех пор, отправь их к Ким.

Глава 7

Министр обороны Сэндберг и государственный секретарь Уильямс сидели на кушетке напротив президентского стола. Генеральный прокурор Рейли Дуглас расположился в кресле. Все трое кивнули Уилсону, когда тот вошел в кабинет.

— Стив, — проговорил президент, — мне доложили, что у тебя что-то срочное.

— Так и есть, мистер президент, — ответил Уилсон, делая вид, что не заметил укоризны в голосе Хендерсона. — Молли Кимболл везет сюда пришельца, который объявил себя старшим той группы, что высадилась в Вирджинии. Я думал, сэр, вы захотите с ним встретиться.

— Садитесь, Стив, — предложил президент. — Что вы знаете об этом человеке? Действительно ли он старший? Или самозванец?

— Трудно сказать, — отозвался Уилсон. — Вероятно, он предъявит какие-то доказательства своего положения.

— Так или иначе, — вмешался государственный секретарь, — мы должны выслушать его. Господи, наконец хоть кто-то вызвался объяснить, что происходит.

Уилсон уселся в кресло рядом с генеральным прокурором.

— Старший или нет, он просил передать такую вещь, причем заявил, что дело не терпит отлагательств.

Он предложил разместить перед туннелями артиллерийские орудия, заряженные разрывными снарядами.

— Выходит, существует какая-то опасность? — спросил министр обороны.

— Не знаю, — покачал головой Уилсон. — Он, похоже, избегал конкретики. Сказал только, что, мол, в случае чего следует стрелять по туннелю прямой наводкой, даже если там будут люди. Стрелять, не обращая на них внимания. Разрывные снаряды уничтожат туннель.

— Что может случиться? — недоумевал Сэндберг.

— Понятия не имею. Я пересказал вам то, что узнал от Тома Мэннинга, а его озадачила Молли, которая говорила со старшим. На мой взгляд, это всего-навсего мера предосторожности. Впрочем, он будет здесь через несколько минут и сам все расскажет.

— Как по-вашему, следует нам принять его? — поинтересовался президент.

— Мне кажется, у нас нет иного выхода, — ответил Уильямс. — Тут уже не до протокола — какой протокол в подобной ситуации?! Даже если он не тот, за кого себя выдает, мы наверняка узнаем что-то полезное. Разумеется, мы примем его не как посла или официального представителя пришельцев, а как частное лицо. Так мы ничем не рискуем.

— Да, мы должны принять его, — мрачно согласился Сэндберг.

— Мне не нравится, что он едет с прессой, — подал голос генеральный прокурор. — Корреспонденты — сторона заинтересованная. Они могут подсунуть нам «подсадную утку».

— Я знаю Тома Мэннинга, — возразил Уилсон, — и знаю Молли. Я ручаюсь за них. Возможно, стоило бы опасаться обмана, если бы тот человек сразу раскрыл свои карты. Но он заявил, что будет говорить только с президентом.

— Поступок гражданина-патриота, — хмыкнул генеральный прокурор.

— Если вы имеете в виду Мэннинга и Молли, — бросил Уилсон, — я разделяю вашу точку зрения. Впрочем, наши мнения могут разниться.

— Во всяком случае, — сказал государственный секретарь, — поскольку мы решили отнестись к нему

как к частному лицу, наша беседа с ним ни к чему нас не обяжет.

— Я бы хотел узнать поподробнее насчет уничтожения туннелей, — прибавил министр обороны. — Откровенно говоря, мне стало как-то не по себе. Хорошо, из них пока выходят люди. А как нам быть, если вдруг оттуда вылезет нечто иное?

— Например? — спросил Дуглас.

— А черт его знает, — откликнулся Сэндберг.

— Насколько серьезны ваши возражения, Рейли? — осведомился президент у генерального прокурора.

— Не слишком, — ответил тот. — Так, исконная неприязнь юристов к несоблюдению правил.

— Что ж, — подытожил президент, — тогда мы примем его. — Он посмотрел на Уилсона. — Вам известно, как его зовут?

— Мейнард Гейл. С ним дочь по имени Элис.

Президент кивнул.

— Господа, вы выкроите время, чтобы присутствовать на встрече? — Получив утвердительный ответ, Хендерсон повернулся к пресс-секретарю: — Вы тоже, Стив. В конце концов, он ваш протеже.

Глава 8

Деревня страдала от голода, но внезапно голод кончился. Среди ночи совершилось чудо. В небе над деревней образовалась дыра, из которой потоком хлынула пшеница. Первым увидел, что творится, деревенский дурачок, хромой и бездомный попрошайка, который бродил в темноте между домами. Изнывая от голода, не в силах заснуть, он ковылял по улице, высматривая, где можно стащить хоть крупицу съестного, поднял голову и увидел в лунном свете поток пшеницы. Перепутавшись до полусмерти, он было рванулся прочь, но голод остановил его. Дурачок не ведал, что такое падает с неба, однако, на всякий случай, решил попробовать на зуб. Преодолевая страх, он подползал все ближе, рассмотрел наконец зерна, кинулся вперед и рухнул на кучу, что выросла посреди улицы. Он запихивал зерна в рот, давился, кашлял, судорожно глотал — и хватал следующую горсть. В итоге переполненный желудок, непривычный к столь обильному угощению, взбунтовался; дурачок съехал с кучи и стал кататься по земле. Тело его сотрясали приступы рвоты.

Подоспевшие сельчане отпихнули дурачка в сторону, чтобы не мешал насыщаться. Их всех переполошил крестьянин, вышедший из дому, дабы облегчиться. Им было недосуг уделять внимание жалкому дурачку-хромоножке, который и вообще не из этой деревни. Шляются тут всякие приبلудные!

Деревня пробудилась. Люди выбегали на улицу с корзинами и горшками, торопливо насыпали пшеницу, но ее было столько, что хватило бы на целый город. Старейшины стали держать совет. Они велели вырыть ямы, куда потом принялись ссыпать зерно. Конечно, с пшеницей так не обращаются, но ее следовало спрятать, пока не появились соседи, жители окрестных сел. Иного способа укрыть зерно от любопытных глаз как будто не существовало. Засуха истощила почву, начисто лишила ее влаги, поэтому в земле пшенице ничто не угрожало — так что пока пойдет в ямы, а там поглядим.

Однако поток не иссякал, а сухая земля не позволяла вырыть ямы достаточной глубины, и куча зерна росла быстрее, чем ее растаскивали.

Утром в деревню приехали солдаты. Они отогнали крестьян и стали грузить пшеницу на машины.

Да, то было чудо; как иначе объяснить, что небеса разверзлись и одарили страждущих питанием? Но теперь для сельчан значимость чуда уменьшилась — ведь пища, оказывается, предназначалась не одним им, а всему миру.

Глава 9

— Я полагаю, — проговорил Мейнард Гейл, — вы хотели бы выяснить наверняка, кто мы такие и откуда прибыли.

— Пожалуй, начать лучше именно с этого, — согласился президент.

— Мы, — произнес Гейл, — обыкновенные люди из 2498 года от Рождества Христова, который наступит через без малого пятьсот лет. Нас с вами разделяет примерно такой же промежуток времени, который отъединяет ваше настоящее от эпохи Христофора Колумба. Мы попали к вам посредством, как вы их называете, временных туннелей. Должен сказать, название вполне подходящее. Мы перемещаемся во времени, каким образом — я даже не стану пытаться объяснить. Вернее, я не смог бы этого сделать, при всем желании. Я не разбираюсь в принципах перехода, разве что самую малость. Поэтому мое объяснение вряд ли чем-либо вам поможет.

— Вы сказали, — вмешался государственный секретарь, — что перемещаетесь из будущего в наше настоящее. Могу я узнать, сколько вас всего?

— Если все пройдет по плану, мистер Уильямс, то никто из нас не останется в будущем.

— То есть к нам пожалует все население планеты? Вы намереваетесь целиком и полностью обезлюдить 2498 год?

— Вы совершенно правы, сэр.

— Но сколько же вас?

— Около двух миллиардов, плюс-минус несколько тысяч. Как видите, наше население меньше вашего. Позже я изложу причины...

— Но почему? — не выдержал генеральный прокурор. — Почему вы покидаете свое время? Вы должны понимать, что мировая экономика не выдержит такого бремени. Возможно, в Соединенных Штатах и ряде других наиболее развитых государств все сложится, на ограниченный срок, не так уж плохо. Мы можем разместить вас и накормить, но, признаться, действуем едва ли не на пределе возможностей. Что же говорить про бедные страны! Они не протянут и недели!

— Мы сознавали свою ответственность, — произнес Мейнард Гейл, — и приняли известные меры, чтобы облегчить ситуацию. Над территориями Индии, Китая, некоторых африканских и южноамериканских стран из туннелей высыпается пшеница и иные съестные припасы, что должно хотя бы немного снизить напряженность. Мы знаем, что этого недостаточно, знаем, чем грозит вашей экономике наше появление. Поверьте, решение далось нам непросто.

— Надеюсь, что так, — язвительно заметил президент.

— Думается, — продолжал Гейл, — вы не раз задавались вопросом, обитают ли во Вселенной иные разумные существа, по крайней мере, не пропускали, вероятно, публикаций на эту тему. Почти во всех авторь приходят к выводу: да, обитают. Отсюда вытекает следующий вопрос: если так, почему никто не ищет нас, то бишь людей, почему никто к нам не летит? Ответ известен — космос неизмеримо велик, расстояния между звездами громадные, наша Солнечная система находится в галактическом закутке, вдалеке от сердца Галактики, где, по идее, должна была развиваться разумная жизнь. Кроме того, в упомянутых публикациях часто обсуждается, как будут выглядеть те, кто, может статься, соберется когда-нибудь навестить нас. Здесь мнения авторов в значительной степени расходятся, но большинство все же склоняется к тому, что раса, сумевшая выйти в космос, должна достичь того уровня соци-

ального и, если хотите, этического развития, когда она перестанет угрожать соседям и всем остальным. Примем эту гипотезу за истинную. Значит, у нее, как и у всякой истинной гипотезы, существуют исключения. Так вот, мы, в свое время, стали жертвами как раз такого исключения.

— Иными словами, — сказал Сэндберг, — к вам прилетели инопланетяне, и контакт оказался неудачным для человечества. Именно поэтому вы предложили установить перед туннелями пушки?

— Вы их не разместили? Судя по вашему тону...

— Нам было некогда.

— Сэр, умоляю вас! Мы опасаемся, что кому-то из наших врагов удастся миновать все преграды и проникнуть в туннели! Мы оставили сильные заслоны, отрядили в них наиболее надежных, приказав им, если произойдет самое худшее, немедленно уничтожить туннели, но всего предугадать невозможно...

— Однако ваше предостережение было весьма неопределенным. Откуда нам...

— Вы поймете, — перебил Гейл, — поймете сразу. У вас не возникнет ни малейшего сомнения. Представьте, что эта тварь движется так быстро, что кажется всего лишь размытым пятном. Представьте, что у нее острые клыки, когти и длинный хвост с ядовитыми шипами. Только не думайте, что они похожи на медведей, или тигров, или слонов...

— Выходит, они сражаются лишь клыками и когтями...

— Сэр, иное оружие им ни к чему. Они необыкновенно быстры и наделены умопомрачительной силой. Их снедает жажда крови. Они убивают из удовольствия. Разорвите кого-нибудь из них на части, и он все равно попытается прикончить вас. Они подкапываются под укрепления и разрушают самые крепкие стены...

— Что-то не верится, — заметил генеральный прокурор.

— Вы правы, — отозвался Гейл. — Тем не менее я говорю чистую правду. Мы отражали их атаки чуть ли не двадцать лет, но конец неотвратимо надвигался. По совести сказать, мы начали предчувствовать его уже через несколько лет после того, как эти твари появи-

лись на Земле. Мы знали, что у нас остается единственный шанс — отступить, а отступать нам было некуда, кроме как в прошлое. Все наши попытки удержать их оказались тщетными. Поверьте, господа: пятьсот лет спустя человечество погибнет.

— Так или иначе, они не могут последовать за вами сквозь время, — проговорил президент.

— Если вы разумеете, что среди них нет ученых, способных повторить наши достижения, я с готовностью соглашусь с вами. Они слеплены из другого теста.

— В вашем рассказе имеется одно досадное упущение, — проронил государственный секретарь. — Вы описываете инопланетян как жестоких зверей, пускай разумных, но зверей. Однако чтобы построить звездолеты, на которых они прилетели на Землю, им необходимы были, скажем так, манипуляторы, как то: руки, щупальца или что-либо в этом роде.

— Так и есть.

— Но вы сказали...

— Прошу прощения, — прервал Гейл. — К сожалению, сразу всего не расскажешь. У тех, о ком мы говорим, одни конечности снабжены когтями, другие — кистями вроде человеческих; помимо того, они наделены щупальцами. Я бы выразился так: они — причуда эволюции. В своем развитии они каким-то образом, неизвестно для чего, миновали все стадии взаимообмена, характерные для обитателей Земли. Под взаимообменом я имею в виду отмирание одного признака и замену его неким иным. Инопланетяне приобретали новые органы и способности, не утрачивая при этом ничего из уже имевшегося. В результате каждый из них сделался ходячим эволюционным анахронизмом.

На мой взгляд, они, когда бы захотели, без труда создали бы самое грозное оружие, какое только можно представить. Мы часто гадали, почему этого не произошло. Наши психологи предложили такую версию. По их мнению, инопланетяне, прилетевшие на Землю, — раса воинов, обретающих славу в убийстве врага. Вероятно, они и в космос вышли лишь затем, чтобы отыскать очередные жертвы. Убийство для них — вещь сугубо личная, вопрос совести, как когда-то религия для человечества. Поэтому убивать надо самому, без помощи

механических приспособлений, клыками, когтями и хвостом с ядовитыми шипами. Возможно, они воспринимают механические орудия убийства так, как, скажем, какой-нибудь прославленный мечник древности относился к огнестрельному оружию, то есть с презрением, ибо такое оружие достойно разве что труса. Скорее всего, инопланетянам время от времени необходимо подтверждать свое мужество, или зверство, а единственный способ сделать это — убить врага в схватке один на один. Мне кажется, их общество организовано по иерархическому принципу: чем больше ты убил, тем выше твое положение. После битвы они съедают павших, если не всех, то столько, сколько могут, то ли соблюдая ритуал, то ли утоляя разыгравшийся аппетит. Наверняка мы, разумеется, не знаем. Признаться, нам вообще мало что известно. Вы понимаете, ни о каких переговорах не могло быть и речи. Мы фотографировали их, анатомировали трупы, но затраченные усилия не принесли сколько-нибудь значительной пользы. Инопланетяне не организуют кампаний. Они сражаются, судя по всему, безо всякой стратегии. При желании они уничтожили бы нас давным-давно. Их тактика такова: внезапный набег — и отступление. Они не предпринимают попыток удержать захваченную территорию, не рыщут в поисках добычи, а просто убивают, и ничего другого им, похоже, не нужно. Порой у нас складывалось впечатление, что они намеренно не спешат покончить с нами: ведь иначе, погибни человечество, как бы они стали утолять свою жажду крови?

Уилсон посмотрел на девушку, что сидела рядом с Гейлом, и заметил на ее лице тень страха.

— Двадцать лет, — протянул Сэндберг. — Если я правильно понял, вы противостояли этим тварям на протяжении двадцати лет?

— Сейчас обстоятельства изменились к лучшему, — ответил Гейл и тут же поправился: — Вернее, они изменились перед тем, как мы ушли. У нас появилось оружие. Поначалу же нас застали врасплох. К тому времени, когда прилетел чужой звездолет, мир на Земле не нарушался больше ста лет, а от оружия не осталось и следа. Развязав войну на уничтожение, они бы легко справились с нами, но, как я уже сказал,

преследовали иные цели. Мы получили возможность разработать средства защиты. Мы создали оружие, причем некоторые виды его весьма эффективны, однако выяснилось, что оно не годится, равно как и ваше, за исключением, пожалуй, ядерного; но какое здоровое общество отважится... — Гейл помолчал, затем продолжил: — Мы убили множество инопланетян, но это ничуть не улучшило положения. Они словно не уменьшались в числе, скорее даже наоборот. Насколько нам известно, посадку на Земле совершил лишь один звездолет. И хоть он достаточно велик, все же на его борту не могло поместиться столько тварей, сколько рассыпалось по поверхности планеты. Мы предположили — иного объяснения не возникало, — что инопланетяне чрезвычайно плодовиты и достигают зрелости в необычайно короткие сроки. Похоже, они не избегают смерти, к примеру, не прячутся и не бегут без оглядки. Должно быть, подобное поведение запрещено воинским уставом. По-видимому, они придерживаются того мнения, что нет ничего слаще, чем пасть на поле боя. Кроме того, они не ведают жалости и разят не разбирая. Убейте сотню, но один уцелевший учинит в ваших рядах такой разгром, что победа окажется пирровой. Думается, мы, изнывая от страха, вели жизнь, подобную той, какой жили американские первопроходцы, которым ежеминутно грозило нападение индейцев. Если бы мы остались в своем времени, то постепенно пали бы, все до единого. Да, нас сохраняли, так сказать, консервировали, но тем не менее потихоньку искореняли. Вот почему мы пришли к вам.

Я убежден, что человечество не в состоянии ужиться с теми, кто выгнал нас из дома. Они непримиримы. Традиционный образ ласки в курятнике по сравнению с ними — лишь бледная копия.

— Что ж, — проговорил президент, — то, что мы слышали, позволяет, на мой взгляд, отдать приказ о размещении перед туннелями орудий.

— У нас нет конкретных доказательств, — буркнул генеральный прокурор.

— Я предпочту обойтись без них, — заявил Сэндберг. — Мне как-то не хочется, чтобы они появились.

Президент потянулся к телефону.

— Можете воспользоваться моим аппаратом, — сказал он министру обороны. — Ким соединит вас с кем нужно.

— А после Джима, — прибавил госсекретарь, — с вашего разрешения, позвоню я. Надо поставить в известность другие страны.

Глава 10

Мисс Эмма Гарсайд выключила радио и уселась на стул, прямо, будто проглотила аршин, преисполненная едва ли не благоговения перед собственной мудростью. Ее осенила идея. Прежде такое случалось крайне редко — точнее, никогда; ибо, несмотря на то что мисс Эмма была женщиной гордой, она как на людях, так и в мыслях предпочитала не высовываться, вела себя застенчиво и робко. Свою гордость она демонстрировала, да и то не всегда, лишь мисс Кларабелле Смайт, ближайшей подруге. Сознание того, что ей есть чем гордиться, доставляло мисс Эмме огромное удовольствие; впрочем, вспоминая конокрада и человека, повешенного за поистине гнусное преступление, она испытывала нечто вроде угрызений совести и потому в разговорах со своей милой Кларабеллой старалась не упоминать ни того ни другого.

В окна комнаты, что выходили на запад, лился яркий солнечный свет. Лучи солнца освещали потертый коврик, на котором спал, свернувшись в клубочек, старый кот. В саду позади дома, ничем не примечательного здания на столь же малопримечательной улице, закричал дрозд, готовясь, должно быть, атаковать кусты малины, но мисс Эмма не обратила на крик птицы никакого внимания.

Да, подумалось ей, пришлось потратить кучу денег, переворошить груду бумаг, изрядно попутешествовать,

однако дело того стоило. Никто в городке — это можно было утверждать наверняка — не знает истории своей семьи так, как она; недаром она проследила генеалогические корни вплоть до революции и даже дальше, до дней английского владычества и первых поселений колонистов на побережье. От конокрада и повешенного, а также от остальных сомнительных личностей никуда, конечно, не деться, зато сколько оказалось в роду достойных сквайров и крепких йоменов! Кроме того, из пелены времен проступали очертания древнего родового замка. Правда, что касается замка, тут мисс Эмму терзали порой сомнения

И вот, мысленно воскликнула она, и вот! Она изучила историю семьи, насколько позволяли архивы. Но теперь, теперь у нее появилась возможность — посмеет ли она? — двинуться в будущее. Она знала всех своих предков, а сегодня выяснилось, что у нее есть шанс познакомиться с потомками. Если эти люди действительно из будущего, если на радио ничего не напутали, то успех обеспечен. Нужно браться за работу, и браться самой, поскольку архивов будущего, разумеется, не существует. Ей придется побывать у пришельцев, тех, что заполонили Новую Англию; она будет задавать вопросы и, вероятно, узнает желаемое далеко не сразу. Скажите, душечка, в вашем роду были Гарсайды, Ламберты или Лоуренсы? Ах, вам кажется, но вы не уверены? А кто может знать? Да, душечка, крайне важно, вы не поверите, как важно!

Мисс Эмма сидела на стуле, предаваясь раздумьям и ощущая внутри себя некое шевеление; то было чувство принадлежности к семье, которое погнало ее в прошлое, а ныне звало в грядущее. Кот по-прежнему сладко спал на коврике, а в саду заливался дрозд

Глава 11

— Итак, — произнес президент, — нам известно, что Земля через пятьсот лет подвергнется нападению из космоса. Люди той эпохи, не в силах справиться с нашествием, решили отступить в прошлое. — Он откинулся на спинку кресла. — Я правильно изложил суть вашего рассказа?

— Совершенно верно, сэр, — кивнул Гейл.

— Однако теперь, когда вы здесь — пускай не все, но большая часть, а остальные понемногу подходят, — что вы намерены делать? Или вам было некогда разрабатывать план действий?

— Почему же? — возразил Гейл. — Планы у нас есть, только нам не осуществить их без вашей помощи.

— Мне хотелось бы понять, — подал голос генеральный прокурор, — что привело вас именно к нам. Почему вы выбрали наше время?

— Потому, — ответил Гейл, — что вы обладаете необходимой технологией и ресурсами. Мы провели тщательное историческое исследование и установили, что ваша эпоха, плюс-минус десять лет, более всего подходит для претворения в жизнь наших стремлений.

— О какой технологии идет речь?

— О той, что требуется для постройки машины времени. Мы снабдим вас чертежами, спецификациями и рабочей силой. Нам понадобятся только материалы и ваша добрая воля...

— Но зачем вам машины времени?

— Мы не намерены оставаться здесь, — пояснил Гейл. — Это было бы нечестно. Мы вовсе не желаем подорвать вашу экономику, которая и без того уже испытывает трудности. Если бы не ситуация в будущем, я надеюсь, вы понимаете, что мы бы никогда не ушли оттуда.

— Куда же вы направитесь? — спросил президент.

— В прошлое, точнее, в средний миоцен.

— Миоцен?

— Так называется один из геологических периодов. Он начался приблизительно двадцать пять миллионов лет назад и продолжался около двадцати миллионов лет.

— А почему туда? Почему именно на двадцать пять миллионов лет? Почему не на десять, не на пятьдесят и не на сто?

— По ряду причин, — отозвался Гейл. — Мы постарались всесторонне исследовать вопрос. Во-первых, в миоцене на Земле появилась трава. Это, на мой взгляд, главная причина. Палеонтологи считают, что трава стала произрастать в начале периода. Их вывод основывается на изучении зубов травоядных животных той поры. Трава содержит абразивные минеральные вещества, которые стачивают зубы. Отсюда следует, что появление у животных зубов, которые растут на протяжении всей жизни, связано с употреблением в пищу травы. Кроме того, имеются сведения, что в эпоху миоцена засушливый климат привел к вымиранию лесов, на смену которым пришли травяные прерии, обеспечивавшие кормом громадные стада травоядных. По мнению палеонтологов, все это произошло на заре миоцена, двадцать пять миллионов лет тому назад. Однако, приняв во внимание, что палеонтологи могли ошибиться — впрочем, вероятность ошибки чрезвычайно мала, — мы выбрали в качестве временной координаты цифру в двадцать миллионов лет.

— Раз вы направляетесь туда, к чему было задерживаться у нас? — осведомился генеральный прокурор. — Я полагаю, туннели времени, которые вы использовали, дотянулись бы и до миоцена.

— Вы правы, сэр. Нам просто не хватило времени. Мы торопились покинуть свой год.

— При чем здесь время?

— Мы не могли уйти в миоцен без приспособлений и инструментов, без запасов семян и сельскохозяйственных животных. Разумеется, все это имелось у нас в наличии, однако, чтобы обеспечить транспортировку всего вышеперечисленного, потребовалось бы несколько недель. И потом, не забывайте о пропускной способности. Каждый инструмент или мешок семян, каждая голова скота замедлили бы прохождение людей. Если бы на нас не наседали инопланетяне, если бы мы могли как следует подготовиться, то отправились бы прямоком в миоцен. Но увы! Чудовища сообразили, что мы что-то замышляем, и нам стало ясно: разобравшись, что к чему, они атакуют входы в туннели. Поэтому мы были вынуждены действовать поспешно, ибо основную задачу видели в том, чтобы спасти как можно больше людей. Так что мы прибыли к вам с пустыми руками.

— И рассчитываете, что мы снабдим вас всем необходимым?

— Рейли, — вмешался президент, — мне кажется, вы перегибаете палку. Ситуация сложилась совершенно непредвиденная, подобного поворота событий мы, естественно, не ожидали, а потому нужно проявить снисходительность и разумность. Мы ведь помогали и помогаем менее развитым государствам. Да, конечно, это вопрос внешней политики, но такова и традиционная черта американского характера: протягивать руку помощи. Люди, которые выходят из временных туннелей на нашей территории, являются, по всей видимости, коренными американцами, то есть нашими согражданами, нашими потомками, и, на мой взгляд, было бы несправедливо отказать им в том, чем пользуются жители других стран.

— Если нас не обманывают, — буркнул генеральный прокурор.

— Сейчас выясним, — сказал президент. — Мистер Гейл вряд ли полагает, что мы станем действовать очертя голову. Кстати, мистер Гейл, ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. По вашим словам, вы намереваетесь переселиться в прошлое. Что же, переселение пойдет вслепую, наобум? Что случится, если, очутившись в миоцене, вы обнаружите, что ваши палеонтологи ошиблись относительно травы или что возникли иные затруднения, которых никто не предполагал?

— Сюда мы прибыли наобум, — проговорил Гейл. — Вернее, не совсем. Мы знали из достоверных исторических источников, что нас ждет. Но когда речь заходит о временном промежутке протяженностью в миллионы лет, источники не годятся. Тем не менее мы как будто нашли выход. Наши физики и другие ученые разработали теоретические принципы связи через временной туннель. Мы надеемся, что сумеем послать в прошлое разведывательный отряд, который изучит положение дел и сообщит, можно ли начинать переселение.

Я не объяснил следующего: к сожалению, мы можем путешествовать во времени лишь в одном направлении. Мы способны уйти в прошлое, но не в состоянии эмигрировать в будущее. Поэтому разведчики, если они установят, что избранная нами эпоха не пригодна для проживания, не смогут вернуться. Мы опасаемся, что в поисках подходящего места и времени потеряем несколько отрядов. Это только возможность, но с ней приходится считаться. Наши люди, господа, сознают свою ответственность и готовы к любой участи. Мы оставили в будущем арьергард, который охраняет входы в туннели. Скорее всего, никто из них уже не присоединится к нам. Рано или поздно туннели нужно будет уничтожить, вне зависимости от того, все ли успели преодолеть их.

Я отнюдь не пытаюсь вызвать у вас сочувствие, вовсе не стремлюсь разжалобить. Моя цель — показать, что мы не страшимся опасностей. Мы не станем требовать от вас невозможного и будем признательны за все, что вы сочтете необходимым сделать.

— Я искренне расположен к вам, — заявил государственный секретарь, — и, несмотря на природный скептицизм, склонен верить всему вами сказанному, однако не могу отделаться от ощущения некоторой несообразности происходящего. Ваше появление у нас станет историческим фактом, то бишь частью истории, которая, несомненно, дойдет до будущего. Значит, вы должны знать, чем все кончится. Правильно?

— Нет, — возразил Гейл. — Мы ничего не знаем. В нашей истории такого факта нет, поскольку он, как ни странно звучит, пока не имел места...

— Как же так? — воскликнул Уильямс. — Почему?

— Вы затронули вопрос, в котором я не разбираюсь. Тут переплетаются физические и философские принци-

пы, причем образом, которого я не постигаю. Наши ученые многократно пытались свести концы с концами. Сначала мы спрашивали себя, вправе ли мы изменять историю; ведь, отправляясь в прошлое, мы как целое становимся фактором, который будет в известной степени определять ход событий. Мы размышляли над тем, чем обернется присовокупление названного фактора, какое влияние он окажет на существующую историю. Но позже ученые пришли к выводу, что влияние будет практически нулевым. Я понимаю ваше недоумение и повторяю, что сам не в состоянии разобраться в сути проблемы. Человечество проходило путем, на который мы ступили, но двигалось вперед, в грядущее, и на этом пути ничего подобного тому, что происходит сейчас, не случалось. В будущем на человечество напали пришельцы из космоса. Мы сбежали от них в прошлое, событие произошло, история изменилась, и теперь все будет иначе. Да, история изменилась, но не наша, не та история, которая доходит до момента нашего бегства. Изменилась ваша история. В силу нашего поступка вы оказались на ином пути. Мы не знаем, приведет ли он к нападению инопланетян; вполне вероятно, что приведет...

— Чужь какая-то! — воскликнул Дуглас.

— Поверьте мне, — проговорил Гейл, — все не так просто. Эту теорию разрабатывали выдающиеся ученые.

— Так или иначе, — сказал президент, — в настоящий момент принять какое-либо решение не представляется возможным. Мне кажется, лучше всего относиться к происходящему как к данности. Что сделано, то сделано; нужно привыкать к переменам. Меня интересует вот что...

— Я к вашим услугам, сэр, — откликнулся Гейл.

— Зачем уходить в прошлое настолько глубоко, на двадцать миллионов лет?

— Для того, чтобы следы нашей цивилизации никак не повлияли на будущую историю человечества. Возможно, мы там не задержимся. Наши историки утверждают, что человек, учитывая уровень технологических достижений, проведет на Земле не более миллиона лет; скорее же всего, гораздо меньше. В течение этого промежутка все мы покинем Землю. Если бы нас в нашем времени оставили в покое, мы бы за несколько

веков наверняка вышли в космос. Так что, обосновавшись в прошлом, мы, через ряд тысячелетий, построим звездолеты и, вероятно, улетим с планеты. Обретя возможность покинуть Землю, человек вряд ли станет медлить. Пройдет какой-нибудь миллион лет — и он покинет ее навсегда.

— Но ваше присутствие здесь, у нас, связано с использованием природных ресурсов, — произнес Уильямс. — То есть след сохранится. Вам потребуются уголь и железо, нефть и газ...

— Толика железа, — поправил Гейл. — Толика, которой никто не заметит. В нашем времени ощущалась постоянная нехватка материалов, поэтому мы приспособились обходиться малым. Ископаемое же топливо нам ни к чему.

— А энергия?

— Мы подчинили себе ядерный синтез. Наша экономность покажется вам удивительной. Вещи, которые мы изготавливаем, практически вечны. Не десять лет, не двадцать, а века. Фактор износа в нашей экономике больше не является определяющим. В результате производство в 2498 году составило менее одного процента от вашего сегодняшнего уровня.

— Немыслимо, — пробормотал Сэндберг.

— По вашим меркам да, — согласился Гейл, — но не по нашим. Нам пришлось изменить образ жизни. У нас не было выбора. Хищническое разбазаривание природных ресурсов на протяжении столетий оставило нас в нищете. Мы были вынуждены искать способы выжить.

— Если ваши рассуждения относительно того, что человек пробудет на Земле не более миллиона лет, обоснованны, — сказал президент, — я не совсем понимаю, зачем вам углубляться в прошлое. Уйдите миллионов на пять, куда уж дальше.

— Мы окажемся в непосредственной близости к предкам человечества, — объяснил Гейл. — Хотя человек, каким мы его себе представляем, появился не ранее двух миллионов лет назад, первые приматы бродили по поверхности планеты примерно семьдесят миллионов лет. Мы все равно так или иначе столкнемся с ними, этого не избежать, но, возможно, встреча не будет иметь сколько-нибудь значимых последствий; уйти же глубже нельзя из-за динозавров, общение с

которыми вряд ли будет особенно приятным. По совести говоря, дело не только в динозаврах. Предки австралопитеков вышли на арену истории не позднее пятнадцати миллионов лет назад. Цифры, разумеется, весьма приблизительные. Большинство наших антропологов считает, что мы будем в безопасности, проникнув в прошлое на десять миллионов лет. Но мы хотим подстраховаться; вдобавок, нам ничто не препятствует. Вот откуда взялись двадцать миллионов. И потом, нужно же оставить место для вас.

— Для нас! — воскликнул Дуглас, вскакивая.

— Минутку, Рейли, — жестом остановил его президент. — Давайте дослушаем.

— На ваш взгляд, предложение вполне разумное, — продолжал Гейл. — Посудите сами; через пятьсот лет произойдет вторжение из космоса. Да, благодаря нам вы очутились на ином пути развития, и никакого нашествия может и не быть, но, по вычислениям наших ученых, вероятность того, что оно состоится, очень высока. Так зачем же вам двигаться к нему? Почему не присоединиться к нам? В вашем распоряжении пятьсот лет. Используйте их для подготовки, чтобы не бежать, как мы, в спешке и суматохе, но уйти постепенно, за несколько лет. Почему бы не бросить нынешнюю Землю и не начать все заново? Человечество пойдет нехоженой дорогой. Новые земли...

— Бред! — крикнул Дуглас. — Если мы, ваши предки, удалимся в прошлое, ваше будущее не наступит!

— Вы забыли, что он нам объяснял, — вмешался Уильямс, — про иной путь.

— Я умываю руки! — заявил Дуглас, усаживаясь на место. — С меня достаточно.

— Мы не можем отправиться с вами, — сказал Сэндберг. — Нас слишком много, и...

— Не с нами. Как мы. Вместе нас действительно будет чересчур много. Вы и так страдаете от перенаселенности. Вот ваш шанс! Вы можете сократить численность населения до куда более приемлемых масштабов. Мы уходим на двадцать миллионов лет. Половина вас может переселиться в прошлое на девятнадцать миллионов лет, остальные — на восемнадцать. Каждую из групп будет отделять от другой по миллиону лет, что исключит возможность вмешательства в дела друг друга.

— Но как же быть с вашими принципами? — спросил Уильямс. — Мы наверняка оставим в прошлом заметный след. Мы пользуемся углем, железом...

— Не оставите, если примете нашу философию и технологию.

— Вы согласны поделиться с нами своими секретами? Ядерный синтез...

— Если вы присоединитесь к нам, — сказал Гейл, — мы будем настаивать на этом.

— Кажется, — произнес президент, вставая, — мы достигли той точки, где следует на время прекратить разговор. Вам предстоит многое сделать. Благодарим вас, мистер Гейл, что вы приехали к нам и привезли с собой вашу прелестную дочь. Надеюсь, вы не возражаете против продолжения беседы, несколько погодя?

— Ни в коем случае, — отозвался Гейл. — Я буду только рад. Кроме того, вам надо поговорить с другими, кому известно значительно больше моего. Они сообщат вам все необходимые сведения.

— Я приглашаю вас быть моими гостями, — продолжал президент.

— Здесь, в Белом Доме? — подала голос Элис Гейл. Девушка, судя по всему, чем-то взволнованная, стиснула руки.

— Да, милая, в Белом Доме, — ответил с улыбкой президент. — Вы окажете нам большую честь.

— Извините горячность моей дочери, — проговорил Гейл. — Дело в том, что Белый Дом интересует ее, так сказать, с профессиональной точки зрения. Она изучала его, прочла все, что можно, об его архитектуре и истории.

— Приятно слышать, — заметил президент, завершая встречу.

Глава 12

Люди по-прежнему выходили из горловины туннеля, но теперь их встречал полицейский кордон. Одни полицейские разделяли поток на две части, направляя кого направо, кого налево, чтобы движение не застопорилось и не возникла «пробка», другие оттесняли толпу зевак. Усиленный мегафоном голос определял, кому и куда надлежит идти, а когда он умолкал, слышалось бормотание радиоприемника, доносившееся из машины, припаркованной на обочине. Машин было не перечесть: на тротуаре, на газонах, на лужайках перед домами — явный вызов праву частной собственности. По улице громыхали военные грузовики и автобусы. В них сажали пришельцев, и они уезжали, а на смену подкатывали новые. Однако они не поспевали; людей все прибавлялось, и приходилось отводить вновь прибывших в сторону, чтобы освободить место следующим.

Лейтенант Эндрю Шелби говорил по радиотелефону с майором Марселем Бернсом:

— Сэр, наши усилия ни к чему не приводят. Господи Боже, никогда не видел такой толпы. Было бы проще, если бы мы сумели отогнать зевак, но они сопротивляются, а нам не хватает народу, чтобы справиться с ними. Мы перекрыли движение гражданского транспорта и постоянно передаем по радио призыв не мешать, но они все лезут. Дороги забиты машинами. Даже не хочу

думать, что будет, когда стемнеет. Как насчет техников, которые вроде бы должны установить прожектора?

— Они выехали, — ответил майор. — Держись, Энди, не подкачай. Нам нужно забрать оттуда всех.

— Добавьте автобусов, — попросил лейтенант.

— Пошлю, как только раздобуду, — пообещал Бернс. — Да, скоро должен прибыть оружейный расчет.

— Зачем нам пушка? Что мы с ней будем делать?

— Не знаю. Мне было сказано лишь то, что я тебе передал.

Глава 13

— Неужели вы верите ему? — удивился Дуглас. — Но это же сущая нелепица! Ни дать ни взять научно-фантастический роман. Говорю вам, нас пытаются одурачить!

— Значит, все те, кто вышел из туннелей, — нелепица? — спросил Уильямс. — Какое иное объяснение вы можете предложить? Рассказ Гейла и впрямь попадает фантастикой, но вполне достоверно объясняет ситуацию. Признаться, мне...

— Да кто он такой?! — продолжал горячиться генеральный прокурор. — Представитель вашингтонской общины, общественный деятель! Нет чтобы хотя бы мелкий правительственный чиновник...

— Возможно, у них не существует правительства как такового, — предположил Уильямс. — За пять столетий мало ли какие могли произойти перемены.

— Стив, — поинтересовался президент, — а что думаете вы? Ведь это вы его нам подсунули.

— Совершенно зря, — пробормотал Дуглас.

— За истинность его истории я ручаться, естественно, не могу, — отозвался Уилсон.

— Что сказала Молли? — справился Сэндберг.

— Почти ничего. Я уверен, он не обмолвился перед ней ни словом о том, что поведал нам, однако она сумела вызнать у Гейла и его дочери, на что похож мир,

в котором они живут, то есть жили. Говорит, что удовлетворена.

— Глобал Ньюс не пыталось подсуесться? — спросил Дуглас.

— Разумеется, пыталось. Любое агентство новостей поступило бы точно так же; да что агентство — любой репортер, который не зря ест свой хлеб. На то они, в конце концов, и журналисты. Но Мэннинг не особенно нажимал. Он знал, как и я...

— Что к вам не подъедешь? — закончил Дуглас.

— Рейли! — одернул прокурора президент.

— Что мне сообщить прессе? — спросил Уилсон.

— Ничего, — быстро ответил Дуглас. — Ровным счетом ничего.

— Им известно, что я был у президента и что происходит нечто необычное. Они не будут довольны молчанием.

— Им не положено знать.

— Напротив, положено, — возразил Уилсон. — Нельзя рассматривать прессу как противника. Журналисты просто выполняют свою работу. Общественность должна быть в курсе происходящего. Пресса поддерживает нас, но нам не следует злоупотреблять доверием. Нужно что-то сообщить им, лучше всего — правду.

— Я бы сказал им, — проговорил Уильямс, — что полученные сведения позволяют предположить, что эти люди действительно явились из будущего, но необходимо время, чтобы все тщательно проверить. Пока мы не можем сделать официального заявления, поскольку продолжаем изучать обстановку.

— Репортеры наверняка захотят узнать, что привело к нам гостей, — заметил Сэндберг. — Стиву надо будет что-то ответить. Не годится отпускать его безоружным. Кроме того, вскоре посыплются вопросы относительно пушек перед туннелями.

— Правда напугает население до полусмерти, — откликнулся Уильямс. — От нас тут же потребуют открыть огонь, чтобы уничтожить туннели.

— Почему бы не сказать, — предложил президент, — что в будущем случилась грандиозная катастрофа и люди, дабы спасти себя, решили уйти к нам? Что касается пушек, нам вряд ли удастся отмолчаться, но врать тоже не хочется. Скажите, что это — обычная мера предосторожности.

— Но только если спросят, — прибавил Сэндберг.

— Хорошо, — произнес Уилсон, — но ведь тем дело не ограничится. Будут вопросы, связывались ли мы с другими государствами и с ООН и когда ожидается официальное заявление.

— Сообщите, что связывались, — сказал Уильямс. — И... получили совет установить орудия.

— Стив, — проговорил президент, — вам придется выкручиваться самому. Выручайте: нам и без того худо. Ссылайтесь на то, что все прояснится позднее.

Глава 14

«Сообщение Молли Кимболл. Вашингтон (ГН). Люди, которые выходят из туннелей, являются беженцами из будущего.

Это подтвердил сегодня Мейнард Гейл, один из них. Он, однако, отказался открыть причину, по которой они бегут из будущего, что наступит, по его словам, через пятьсот лет. Он утверждает, что изложит обстоятельства случившегося лишь федеральным властям. В настоящий момент Гейл пытается связаться с кем-либо из членов правительства. Он заявляет, что у себя в будущем исполнял обязанности представителя вашингтонской общины и что ему было поручено вести переговоры с нашей администрацией от лица всех пришельцев.

Он охотно согласился, при условии, что мы будем избегать вопросов, связанных с причинами бегства, описать мир, в котором живет — вернее, жил. В этом мире не существует деления на государства, а война превратилась в понятие, смысл которого давно забылся.

Общество будущего организовано весьма просто, что вызвано экологическими проблемами, которые накапливаются у нас сегодня. Оно уже не подходит под определение «индустриальное». Производство в нем составляет менее одного процента от наших нынешних показателей. То, что производится, не подвержено старению. Гейл утверждает, что философия старения вот-вот отомрет и у нас, поскольку возникнет необходи-

мость снизить потребление природных ресурсов в связи с истощением их запасов, о чем годами предупреждали население планеты экономисты и экологи.

Поскольку в будущем почти не осталось ни угля, ни иных ископаемых видов топлива, сограждане Гейла пользуются энергией ядерного синтеза. Именно эта энергия удерживает хрупкую экономическую структуру общества от крушения.

Мир, отстоящий от нашего на пятьсот лет, полностью компьютеризован; значительная часть населения проживает в «высотных» городах. Такой город образуют пять или шесть башен, причем отдельные из них достигают в высоту одной мили. «Расползание» городков прекратилось, поэтому освободилось пространство для сельскохозяйственных угодий. Города, в большинстве своем, возводятся из металлических отходов, которые у нас валяются на свалках; их жизнеобеспечением ведают компьютеры.

По словам Гейла, богатство как таковое утратило ведущую роль. Люди будущего не знают ни миллиардеров, ни той нищеты, от которой ныне страдают миллионы. Судя по всему, за пятьсот лет изменился не только образ жизни, но и жизненные ценности. Жизнь стала проще и спокойнее; «трудоголиков» в будущем, похоже, совсем немного...»

Глава 15

В парке Лафайетта собралась толпа, тихая и добропорядочная, как все толпы, что стекались сюда на протяжении многих лет, чтобы посмотреть на Белый Дом. Люди ничего не требовали и не ждали, просто как бы демонстрировали свое участие в национальном кризисе. Над толпой восседал на жеребце Энди Джексон*; конь и всадник позеленели от времени, там и сям их украшали пятна голубинового помета.

Никто из собравшихся не знал, в чем суть кризиса, даже не подозревал, что тот в самом разгаре. Люди не имели ни малейшего понятия, что происходит и чем это может грозить лично им; правда, отдельные личности порой погружались в размышления, а затем принимались делиться результатами — иногда проявляя чрезмерную настойчивость — с теми, кто стоял рядом.

На Белый Дом обрушился шквал телефонных звонков. Звонили конгрессмены, лидеры партий, которые лезли с предложениями и советами, бизнесмены и промышленники, поддавшиеся внезапной панике, и помешанные, что требовали немедленных действий.

* Эндрю Джексон (1767—1845), 7-й президент США. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Подъехал грузовик телестудии. Операторы принялись за дело. Они снимали толпу в парке Лафайетта, сверкающий на солнце фасад Белого Дома, а за кадром звучал голос комментатора.

Вдоль по улице бродили туристы, слегка изумленные тем, что им довелось оказаться участниками исторических событий; белки выныривали из-за ограды Белого Дома, усаживались на тротуар и выпрашивали угощение, сложив на груди передние лапки.

Глава 16

Элис Гейл стояла у окна, глядя на Пенсильвания-авеню и на толпу в парке. Девушка дрожала — не от холода, а от восторга, — не смея поверить собственному счастью. Неужели она и вправду здесь, в Вашингтоне двадцатого столетия, там, где творилась мировая история, где жили легендарные люди? Неужели ей отвели ту самую комнату, в которой когда-то спали коронованные особы?

Коронованные особы, повторила она про себя. Какое неуклюжее, почти средневековое выражение! Впрочем, в нем ощущается некое своеобразие, некое изящество, которого не знал ее мир.

По дороге в Белый Дом Элис заметила краем глаза монумент Вашингтону. Из окна она рассмотрела его во всех подробностях, равно как и памятник Линкольну мраморный президент в мраморном кресле, руки на подлокотниках, на украшенном бакенбардами лице то самое выражение, печаль и сочувствие, которое заставляло почтительно умолкать тысячи людей, что поднимались по лестнице, дабы взглянуть ему в глаза.

Спальня отца Элис находилась напротив через коридор. Гейла поместили в комнате Линкольна с ее массивным викторианским ложем и обтянутыми бархатом креслами. Сам Линкольн не спал там ни разу, подумала вдруг Элис.

История возрождается, мелькнула у нее мысль, воскресает из небытия. Она поистине бесценна. Такое не забывается, сколько бы лет ни прошло. Что ж, будет о чем вспомнить в миоцене. Интересно, а на что похож миоцен? Девушка невольно содрогнулась. Попадут ли они туда, помогут ли им люди того времени, в каком они очутились?

Но что бы ни случилось, теперь она может при случае сказать: «Я однажды спала в Королевской спальне».

Элис отвернулась от окна и оглядела, с прежним изумлением, обстановку комнаты: огромную кровать под балдахином, застеленную бело-розовым покрывалом, книжный шкаф-секретер красного дерева, что стоял в простенке между окнами, мягкий ворсистый ковер на полу.

Она сознавала, что с ее стороны эгоистично предаваться наслаждениям, когда другие в этот самый миг не знают, куда податься, гадают, примут ли их, накормят ли и разместят, но, как ни старалась, так и не смогла ощутить угрызений совести.

Глава 17

— Терри, — сказал президент в трубку, — это Сэм Хендерсон.

— Рад слышать, мистер президент, — отозвался на другом конце провода Терренс Робертс. — Чем могу служить?

— Ты можешь мне помочь, вот только не знаю, захочешь ли. — Президент усмехнулся. — Тебе известно, что происходит?

— Нечто странное, — ответил профсоюзный лидер. — Множество предположений, самых разных. Вы там у себя в Вашингтоне до чего-нибудь докопались?

— Кое до чего, — сказал президент. — По-видимому, эти люди действительно из будущего. Им грозила гибель, а единственная возможность спастись заключалась в уходе в прошлое. Подробностей мы пока не знаем.

— Мистер президент, путешествие во времени?..

— Разумеется, звучит крайне неправдоподобно. Я еще не разговаривал с физиками, только собираюсь; вероятнее всего, они заявят, что подобное невозможно. Но один из тех, кто вышел из туннеля, поклялся, что дело обстоит именно так. Если бы существовало иное разумное объяснение происходящему, я бы, наверное, не стал торопиться с выводами. Однако обстоятельства вынуждают меня принять эту версию, по крайней мере — в качестве рабочей гипотезы.

— И что, они все переселятся к нам? Сколько их?

— Около двух миллиардов.

— Мистер президент, мы же не сможем прокормить их!

— Вот на эту тему я и хотел поговорить с тобой, Терри. Они как будто не намерены оставаться у нас. Планируют уйти еще дальше в прошлое, примерно на двадцать миллионов лет. Однако, чтобы осуществить задуманное, необходимо построить временные туннели; кроме того, им требуется оборудование...

— Мы не умеем строить временных туннелей.

— Они нам покажут как.

— Эта затея выльется в кругленькую сумму. Известно, что обойдется дороже — рабочая сила или материалы. Они согласны заплатить?

— Не знаю. Как-то не спрашивал. Мне кажется, вряд ли. Но так или иначе мы должны помочь им. Нельзя, чтобы они оставались здесь. Нам вполне хватает своего населения.

— Сдается мне, мистер президент, — произнес Робертс, — я догадываюсь, о чем вы собираетесь попросить меня.

— Не только тебя, Терри, — проговорил президент с улыбкой. — Я обращаюсь к промышленникам и ко всем согражданам, однако для начала мне надо узнать, на чью поддержку я могу рассчитывать. Не желаешь подъехать? Мы бы обсудили все в узком кругу.

— Конечно, хотя я не уверен, что окажусь особенно полезным. Назначайте время, и я буду в срок. А пока суд да дело — переговорю с ребятами, посоветуюсь. Что у вас на уме?

— На данный момент ничего определенного. Потому-то и не мешало бы обменяться мнениями и выработать общую позицию. Разумеется, при сложившихся обстоятельствах мы не в силах выполнить то, к чему нас призывают. Правительство не может нести расходы в одиночку, поскольку тратиться придется не на одни туннели. Я даже не представляю, насколько велики будут расходы. Прикинь сам: нужно снабдить ресурсами целую цивилизацию. Налогоплательщики наверняка взбунтуются. Посему нам остается уповать на поддержку со стороны. Мы надеемся на профсоюзы, надеемся на промышленников. Ситуация чрезвычайная и требует

адекватных действий. Я не знаю, как долго мы сможем...

— Речь идет не только о США, — прервал Робертс, — но обо всем мире.

— Верно. Другим тоже придется предпринять соответствующие шаги. Если бы у нас было время, мы бы, возможно, организовали международную кампанию, но времени, к сожалению, нет. По крайней мере начинать надо самим.

— Вы не пытались связаться с другими государствами?

— Я говорил с Москвой и Лондоном, — ответил президент, — с остальными еще не успел. Но конкретных мер мы не рассматривали. Нужно сначала определиться с собственным мнением, а затем уже выслушивать иные точки зрения. Чтобы было чем обмениваться, надо сперва накопить. Но затягивать нельзя ни в коем случае. Мы должны приступить к активным действиям в ближайшие часы.

— Что касается временных туннелей... Точно ли найдутся люди, которые объяснят принципы их устройства? Объяснение должно быть достаточно простым, чтобы наши ученые и специалисты могли понять его и подготовить необходимые технические средства. Черт побери, мистер президент, это же чистое безумие! Американцы строят временные туннели! То ли сон наяву, то ли неудачная шутка.

— Боюсь, ни то ни другое, — отозвался президент. — Мы попали в переплет, Терри, и пока неизвестно, сумеем ли выбраться. Пройдет, очевидно, день или два, прежде чем мы узнаем всю правду о случившемся. Я прошу тебя подумать. Поразмысли на досуге, прикинь свои возможности. Да, приезжать не спеши. Нам необходимо предварительно решить кое-какие вопросы. Как только положение прояснится, я тебе позвоню.

— Договорились, мистер президент, — сказал Робертс. — Жду вашего звонка.

Президент повесил трубку и вызвал Ким.

— Попросите ко мне Стива, — велел он секретарше, откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и уставился в потолок.

Всего лишь пять часов тому назад он собирался вздремнуть, воспользоваться свободным от дел воск-

ресным полднем. Такие дни выдавались крайне редко, и Сэм Хендерсон стремился насладиться ими, насколько представлялось возможным. Надо же: стоило ему закрыть глаза, как мир перевернулся вверх тормашками. Господи, воскликнул он мысленно, что мне делать? Как поступить? Где она, мудрость правителя? Человеку свойственно совершать ошибки, тем более — в подобной ситуации, однако президент чувствовал, что сейчас ошибка была бы непозволительной роскошью.

В кабинет вошел Стив Уилсон. Президент выпрямился.

— Вы провели пресс-конференцию, Стив?

— Нет, сэр. Они стучат в дверь, но я пока держусь. Мне нечего им сказать. Я надеялся, что...

— Хорошо, — перебил президент. — Ваши надежды оправдались. Расскажите им все, за исключением двух вещей. Не объясняйте, почему мы размещаем перед туннелями орудия. Версия прежняя: мера предосторожности. И не упоминайте о предложении Гейла отправиться в прошлое заодно с ними.

— Значит, причину бегства из будущего открывать не следует? Ни слова об инопланетянах?

Президент утвердительно кивнул.

— Можете намекнуть, что тут нет полной ясности, а потому — никаких комментариев.

— Репортерам это не понравится, — проговорил Уилсон, — но, думаю, я с ними справлюсь. А как насчет телевидения? Я предупредил, что вы выступите вечером с обращением...

— Скажем, в десять. Или поздно?

— Мне кажется, как раз.

— Ну что ж... Скажите им, что все займет минут десять-пятнадцать.

— Я набросаю текст.

— У вас и без того достаточно забот, Стив. Я попрошу Брэда и Фрэнка.

— Корреспонденты захотят узнать, беседовали ли вы с руководителями других государств.

— Я разговаривал со Стерлингом в Лондоне и Менковым в Москве. Менков сообщил, что встречался с тамошним представителем пришельцев, который исполняет те же функции, что Гейл здесь. По словам же Стерлинга, к нему пока никто не обращался. Можете прибавить, что до конца дня я попробую связаться с некоторыми другими.

— А что с заседанием кабинета? Такой вопрос будет обязательно.

— Члены кабинета обсуждают положение дел вот уже несколько часов подряд. Кстати говоря, просто удивительно, что вы не застали у меня никого из них. Кроме того, я намереваюсь выслушать сенаторов и конгрессменов. Что-нибудь еще, Стив?

— Вопросов будет не перечесть, но все предугадать невозможно. Выкручусь. В конце концов, где наша не пропадала.

— Стив, что вы думаете о Гейле? Какое у вас сложилось мнение о нем?

— Трудно сказать, — ответил Уилсон. — Однако мне представляется, что обманывать ему ни к чему. На мой взгляд, он говорит правду — или то, что считает правдой. Так или иначе, возникла серьезная проблема, люди в беде, и мы должны им помочь. Вероятно, они что-то скрывают, вероятно, Гейл утаил кое-какие детали, но в целом, как ни парадоксально, я ему верю.

— Дай Бог, чтобы вы оказались правы, — сказал президент. — В противном случае мы сядем в глубокую лужу.

Глава 18

Автомобиль свернул к видневшемуся за деревьями величественному зданию, проехал по дорожке между цветочными клумбами и остановился у крыльца. Водитель выскочил из машины и распахнул заднюю дверцу. Из салона выбрался, опираясь на трость, тучный старик. Водитель протянул руку, чтобы помочь, но старик отпихнул ее.

— Я вполне способен обойтись без этого, — пробурчал он, пошатнулся, однако устоял на ногах. — Ждите меня здесь. Возможно, я задержусь, но вы ждите меня здесь.

— Конечно, сенатор, — отозвался водитель. — Сэр, прошу прощения, но лестница несколько крутовата.

— Ждите здесь, — повторил сенатор Эндрю Оукс. — Ваше дело — вертеть «баранку», а не заботиться обо мне. В тот день, когда я не смогу подняться по лестнице, мне придется освободить свое место. Но пока, — криво усмехнулся он, — час еще не пробил. Возможно, через годик-другой, возможно, раньше. Все зависит от того, как я буду себя чувствовать.

Сенатор подковылял к лестнице, налегая всем весом на трость, взобрался на первую ступеньку, передохнул, затем шагнул на следующую. Преодолевая ступеньку за ступенькой, он свирепо глядел по сторонам, как бы бросая вызов тем, кто, может статься, наблюдал за ним.

Однако поблизости никого не было, не считая водителя, который уселся за руль и нарочито отвернулся.

Когда сенатор достиг площадки, входная дверь отворилась.

— Рад приветствовать вас, сенатор, — проговорил Грант Веллингтон, — но, право же, вам не стоило утруждать себя. Я бы охотно приехал к вам.

— Хороший денек для прогулки, — выдохнул сенатор. — К тому же вы сказали, что будете один.

— Совершенно верно, — подтвердил Веллингтон. — Семья в Новой Англии, а у прислуги выходной. Нам никто не мешает.

— Хорошо, — одобрил сенатор. — А у меня сущий кавардак. Приходят, уходят, постоянные звонки. В общем, сумасшедший дом. — Он направился внутрь.

— Направо, — произнес Веллингтон, закрывая дверь.

Сенатор прошел в кабинет, пол которого устилал ворсистый ковер, и опустился в огромное зачехленное кресло, стоявшее у камина. Он положил трость рядом с собой и окинул оценивающим взглядом заставленные книгами шкафы, массивный письменный стол, картины на стенах и прочие предметы обстановки.

— Вы неплохо устроились, Грант, — сказал он. — Думается, даже слишком неплохо.

— То есть вы опасаетесь, что я уклонюсь от борьбы, дабы не запачкать руки?

— Что-то вроде этого. Но я помню ваши подвиги на деловом поприще. — Оукс махнул рукой. — Давняя привычка: не доверять человеку, который владеет подлинником Ренуара.

— Вам что-нибудь налить, сенатор?

— Пожалуй, самое время ополоснуть горло бурбоном, — ответил Оукс. — Отличная штука, чисто американская. Помнится, вы предпочитаете виски?

— С вами, — сказал Веллингтон, — я выпью бурбон.

— Вы знаете, что происходит?

— Так, поглядываю телевизор.

— Он может споткнуться, — заметил сенатор. — Споткнуться и полететь.

— Вы про Хендерсона?

— Про него тоже. Ситуация препаршивейшая.

Веллингтон передал сенатору стакан и вернулся к бару, чтобы приготовить свою порцию. Оукс поудобнее

устроился в кресле, повертел стакан в пальцах, пригубил и одобрительно хмыкнул.

— Для того, кто пьет виски, — буркнул он, — у вас отличный вкус.

— Я прошел вашу школу, — отозвался Веллингтон, усаживаясь на кушетку.

— Сдается мне, — продолжал сенатор, — ему сейчас приходится ох как несладко. Он вряд ли справится. Нужно принять столько решений, и каких!

— Я ему не завидую, — проговорил Веллингтон.

— Ничего более неприятного случиться просто не могло, особенно с учетом того, что выборы почти на носу. Он, разумеется, помнит, и это отнюдь не прибавляет ему уверенности. Он должен что-то предпринять, он и никто иной.

— Если вы понимаете, что мое дело — сторона, я согласен с вами целиком и полностью, — отозвался Веллингтон. — Не пытайтесь лукавить, сенатор, у вас получается не очень-то ловко.

— Что же, прикажете напрямую сообщать человеку, что ему надлежит заткнуться и не высовываться?

— Если они действительно из будущего...

— Ну конечно! Откуда же еще?

— Тогда какие-либо претензии предъявлять бесполезно. Они — наши потомки. Они ведут себя как детишки, которые попали в переделку и спешат спрятаться под родительское крылышко.

— Не знаю, не знаю, — пробормотал сенатор. — Впрочем, меня беспокоят не столько они, сколько старина Сэм в Белом Доме. Ему предстоит принимать решения и наделать кучу ошибок, что для нас весьма важно. Одни ошибки нам пригодятся, другие нет. Возможно, он сделает что-то такое, что мы поддержим, — не следует быть чересчур пристрастными. Но главное в том, чтобы не подставить себя. Вам, как и мне, прекрасно известно, что на выборах следующего года многие будут голосовать против старины Сэма, то бишь, скорее всего, за вас. Некоторые торопыги полагают, что настало время выйти на публику, привлечь к себе внимание, однако уверяю вас, Грант: избиратели запомнят не того, кто был первым, а того, кто оказался прав.

— Я тронут вашей заботой, — произнес Веллингтон, — но мне кажется, вы приехали не по адресу. Я

не собираюсь баллотироваться. Я не уверен даже, сохранится ли пост.

— Если не возражаете, — сказал сенатор, протягивая хозяину пустой стакан, — я был бы не прочь повторить.

Веллингтон исполнил его просьбу, и сенатор продолжил:

— Что касается поста президента, тут надо все хорошенько обдумать. Пока это не проявилось, но поверьте старику: время от времени непременно возникает избыток свободных должностей, к которым необходимо внимательно присмотреться, чтобы не дать маху. Ну да, пришельцы из будущего — наши потомки, и все такое прочее. Вы принадлежите к тем, кто может гордиться историей своего рода, а потому ход ваших мыслей вполне естествен. Но другие, кому нечем гордиться и кто составляет большинство населения США, плевать хотели на всяких там потомков, тем более что появление последних наверняка добавит нам проблем. Людям не до потомков из будущего, они едва справляются со своими собственными отпрысками.

На данный момент количество пришельцев равняется нескольким миллионам, и поток не ослабевает; можно, конечно, воздевать руки к небу и восклицать, как мы, мол, выдержим такое нашествие, но все это — детские игрушки. Подождите, вот начнут ощущаться экономические последствия, и тогда... Нехватка продуктов питания, рост цен, дефицит жилья и рабочих мест, недостаток потребительских товаров и тому подобное, — в скором времени взвоют не только экономисты, но и обыватели, граждане прекрасной страны, и наступит срок расплаты. Именно тогда человек вроде вас должен будет определить, к чему он стремится, и взвесить все самым тщательным образом.

— Господи Боже! — проговорил Веллингтон. — Наши потомки бегут из будущего, а мы с вами стараемся выработать план безопасных политических действий...

— Политика, — заявил сенатор, — штука весьма сложная и насквозь пропитанная практичностью. Тем, кто занимается ею, следует держать себя в узде и не поддаваться эмоциям. Запомните, Грант: ни в коем случае не поддавайтесь эмоциям. О, вы можете сколько угодно играть на публику, привлекая голоса избирателей, но обязательно просчитывайте все на три-четыре

хода вперед. Кажитесь эмоциональным, но не позволяйте эмоциям овладевать вами.

— Знаете, сенатор, от ваших рассуждений остается довольно неприятный осадок.

— Разумеется, — согласился сенатор. — Вы думаете, я не знаю? Выход простой: не забивайте себе голову ерундой. Конечно же, весьма лестно иметь образ великого государственного деятеля и гуманиста, однако государственные деятели вырастают из грязных политиканов. Пускай вас изберут, а уж потом... Но если вы будете чураться грязи, вас не изберут никогда. — Он поставил стакан на стол рядом с креслом, нашарил трость и тяжело поднялся. — Вот мой совет. Прежде чем соберетесь что-либо сказать, проконсультируйтесь у меня. Надеюсь, вы не станете отрицать, что я обладаю политическим нюхом и редко ошибаюсь? На Капитолийский холм новости стекаются со всех сторон. Я знаю все, что затевает администрация, так что времени на принятие решения нам всегда хватит.

Глава 19

Пресс-конференция прошла успешно. Уилсон договорился с телевизионщиками относительно выступления президента. Часы на стене показывали шесть пополудни. Телетайпы продолжали стрекотать.

— Ну и денек, — заметил Уилсон, обращаясь к Джуди. — Пора закрывать лавочку.

— А ты?

— Пожалуй, немного задержусь. Возьми мою машину. Я доберусь на такси. — Он сунул руку в карман, извлек ключи и передал их девушке.

— Когда освободишься, загляни на огонек. Я буду ждать.

— А если я освобожусь поздно?

— Переночуешь у меня. Кстати, в прошлый раз ты забыл свою зубную щетку.

— А пижама?

— Когда это ты спал в пижаме?

— Ладно, — устало усмехнулся Стив. — Зубная щетка есть, а без пижамы обойдусь.

— Пожалуй, — проговорила Джуди, — я все-таки исполню, что задумала.

— Что именно?

— Напряги память. Я же тебе говорила.

— Ах, это...

— То-то. Такого у меня еще не было.

— Ты потеряла всякий стыд. Ну поезжай.

— Корреспондентов поят кофе и кормят сандвичами. Будешь паинькой, и тебе достанется.

Джуди направилась к выходу. Стив смотрел ей вслед. Она шагала уверенно и в то же время словно парила над полом, как будто была бесплотным духом, пытавшимся притвориться существом из плоти и крови. Уилсон никак не мог догадаться, каким образом ей это удается.

Он сложил разбросанные по столу бумаги в стопку и сдвинул их в сторону, затем откинулся на спинку кресла и прислушался. Где-то зазвонил телефон. В отдалении прошелестели чьи-то шаги. В приемной кто-то печатал на машинке, от стены доносилось неумолчное стрекотание телетайпов.

Безумие, мысленно воскликнул Уилсон. Чужь собачья, полнейший бред! Ни один человек в здравом рассудке не поверит ни единому слову Гейла. Временные туннели и пришельцы из космоса — чем не готовый сюжет телепостановки? Может, все, что случилось, — обман чувств, массовая истерия? Может, утром, с восходом солнца, все вернется на свои места?

Уилсон поднялся. На аппарате Джуди мерцали два индикатора. Он не стал их выключать, вышел в коридор и двинулся к двери, что вела в сад. На улице было прохладно, деревья отбрасывали на лужайку длинные тени. Цветочные клумбы — розы, гелиотропы, герань, никотианы, водосбор и маргаритки — поражали богатством красок. Стив остановился, глядя на возвышавшийся за деревьями беломраморный монумент Вашингтона.

Позади послышался шорох. Он обернулся. В двух шагах от него стояла женщина в белом платье до пят.

— Мисс Гейл, — произнес Уилсон с некоторым удивлением. — Какой приятный сюрприз!

— Надеюсь, я не сделала ничего плохого, — проговорила девушка. — Меня никто не останавливал. Мне можно находиться здесь?

— Конечно. Как гостя...

— Я должна была увидеть сад! Я столько про него читала!

— Значит вы не были в нем?

— Нет, была, — ответила она с запинкой. — Но у нас все иначе, все не так.

— Естественно. Времена меняются, и природа — вместе с ними.

— Да, вы правы.

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет. — Элис вновь запнулась. — Вы не понимаете. Я вам объясню. Вряд ли это кому-то повредит.

— Объясните что? Относительно сада?

— Да. В моем времени, пятьсот лет спустя, никакого сада не существует, равно как и Белого Дома.

Уилсон ошеломленно воззрился на нее.

— Видите, — сказала она, — вы не верите. И не поверите. У нас нет разделения на государства. Не то чтобы мы живем в едином государстве, но близко к этому. Нет ни наций, ни Белого Дома. Остались лишь развалины: обломки стен, ржавые куски изгороди. Нет ни сада, ни цветочных клумб. Теперь понимаете? Понимаете, что я чувствую?

— Но почему? Каким образом?

— Не бойтесь, здание простоит еще столетие или даже больше. Вдобавок ничего подобного может и не произойти. Вы ведь ступили на иной путь развития.

Подумать только! Какая-то девушка, худенькая и стройная, в скромном платье до пят, перехваченном в талии пояском, рассуждает об ином пути развития и о будущем, в котором разрушен Белый Дом! Уилсон помотал головой.

— Что вам известно? — спросил он. — Ну, касательно пути развития? Ваш отец объяснял нам, но за хлопотами...

— Чтобы разобраться досконально, необходимо изучить математические уравнения, — ответила Элис. — По-моему, из наших знают, что к чему, лишь несколько человек. Но в принципе все просто. Теория основана на причинно-следственном методе; изменяя причину, вернее, множество причин, как поступили мы, перейдя к вам...

— Все равно не верится, — сказал Уилсон, махнув рукой. — Я не про путь развития, а про все вообще.

Сегодня утром я проснулся с мыслью, что еду на пикник. Вы знаете, что такое пикник?

- Нет, не знаю. Так что мы с вами квиты.
- Как-нибудь я приглашу вас.
- С удовольствием. Это интересно?

Глава 20

Бентли Прайс явился домой слегка озадаченный, но довольный собой: он миновал армейский кордон, вынудил автомобиль уступить ему дорогу и продрался сквозь толпу беженцев и зевак, которые по-прежнему торчали у туннеля, несмотря на все усилия полиции. Подход к дому преграждала машина, в силу чего Бентли пришлось идти кругным путем; мимоходом он сломал розовый куст.

Наступила ночь; Бентли настолько вымотался за день, что сейчас ему хотелось лишь одного — рухнуть в постель, однако прежде нужно припрятать камеры и прочее оборудование. Не годится оставлять их в автомобиле, когда вокруг так много народу. Замки на дверцах не остановят того, кто вознамерится совершить кражу. Бентли повесил на шею все три камеры и принялся вытаскивать из салона тяжелую сумку, как вдруг его взгляд упал на цветочную клумбу Эдны.

Посреди нее стояла пушка, колеса которой глубоко вдавились в землю. Рядом суетился оружейный расчет. Пушку освещал яркий прожектор, висевший на дереве. В том, что цветы пострадали, сомневаться не приходилось.

Бентли ринулся к оружию, оттолкнул ошарашенного солдата и таким бентамским петушком наскочил на молодого человека с полосками на погонах.

— Как вы посмели! — воскликнул он. — Воспользоваться отсутствием хозяина...

— Вы хозяин, сэр? — перебил командир расчета.

— Нет, мне поручено следить за домом. Я...

— Прошу прощения, сэр, — сказал офицер, — мы всего-навсего исполняли приказ.

— Вам что, приказали установить свою махину на клумбе Эдны? — взвился Бентли. — Наверно, так и было, да? Прямо посередке, ни фута ни вправо, ни влево, посреди клумбы, которой бедная женщина отда-ла едва ли не всю жизнь!

— Нет, сэр, вы ошибаетесь, — возразил офицер. — Нам приказали навести орудие на туннель, причем так, чтобы на пути снаряда не было никаких препятствий.

— Чушь какая-то! — фыркнул Бентли. — Зачем понадобилось наводить пушку на туннель, из которого появляются беженцы?

— Не знаю, — ответил офицер. — Мне никто не потрудился объяснить. Я получил приказ и должен его выполнять, клумба или не клумба, владелец или посто-ронний.

— У меня такое впечатление, — проговорил Бен-тли, — что в вас сохранилось кое-что от джентльме-на, каким вам положено быть. Ведь офицеры всегда джентльмены, не правда ли? Так вот, ни один джентль-мен не затащит пушку на цветочную клумбу, как ни один офицер не наведет ее на толпу беженцев, и...

Ночную тишину распорол пронзительный визг. Бен-тли резко обернулся и увидел, что в туннеле происхо-дит нечто странное. Люди уже не выходили из него, как прежде, по четверо и пятеро в ряд, нет, они бежали, расталкивали и топтали друг друга, а за ними мчался монстр, чудовищность которого поистине превосходила воображение. Бентли заметил громадные клыки, острые когти на концах массивных лап, слюну, что капала из пасти, ощутил неопиcуемый ужас — и по привычке схватился за камеру.

В глазок объектива стало видно, что чудищ на самом деле два: одно подобралось уже к выходу из туннеля, другое следовало по пятам. Бентли разглядел, как взме-тают в воздух, точно куклы, людские тела, взлетают и падают прямо под ноги кошмарным тварям. Кроме того, он рассмотрел извивающиеся щупальца, и у него мель-

кнула мысль, что он видит перед собой причуду эволюции, помесь животного с осьминогом.

Послышались слова команды, пушка изрыгнула пламя, которое озарило близлежащие сады и дворы домов, раздался оглушительный грохот. Бентли повалился на землю, но, падая, успел углядеть краешком глаза много любопытного. Туннель мгновенно исчез, будто испарился, со звуком, который казался продолжением раската артиллерийского залпа, однако в действительности превосходил его по всем параметрам. Лужайку устилали трупы людей, поверх которых валялось чудище, дымившееся, словно на сковородке. Вторая же тварь уцелела; она набросилась на пушку, а беженцы и зеваки с воплями кинулись в разные стороны.

Бентли кое-как поднялся на ноги и огляделся. Артиллеристы погибли, все до единого, не на что даже было смотреть, пушка оказалась перевернутой. Из ее дула тоненькой струйкой вился дымок. С улицы донесся все тот же пронзительный визг, и фотограф различил движение; нечто большое и темное стремительно скрылось за углом дома, разрушив напоследок изгородь.

Прайс рванулся к дому, вбежал на кухню, схватил телефон и набрал номер, едва ли не вслепую, молясь, чтобы линия была свободна.

— Глобал Ньюс, — произнес хрипавый голос. — Мэннинг слушает.

— Том, это Бентли.

— Да, Бентли. Что случилось? Ты где?

— Дома. Ну, у Джо. У меня есть новости.

— Ты пил?

— Так, заглянул кой-куда, пропустил пару стаканчиков. Воскресенье все-таки. Все приличные заведения закрыты. Ну вот, а когда приехал домой, обнаружил во дворе, прямо на клумбе Эдны, пушку...

— Это уже не новость, — бросил Мэннинг. — Мы узнали о приказе около двух часов назад. Мера предосторожности, так нам было сказано.

— Я знаю, для чего.

— Да что ты говоришь!

— Правда! Из туннеля выскочило чудище и...

— Чудище? Какое такое чудище?

— Мне трудно его описать, — ответил Бентли. — Я толком не разглядел. Их было два. Одного пристрелили, а второй удрал. Разодрал в клочья орудийный рас-

чет, перевернул пушку и удрал под вопли толпы. Я видел, как он проскочил сквозь изгородь...

— Ну-ка, — прервал Мэннинг, — прекрати тарахтеть. Сбавь обороты и говори членораздельно. Ты видел, что одно чудовище погибло, а другому удалось убежать...

— То-то и оно! Артиллеристы мертвы, и, верно, не только они. Туннель исчез, а на лужайке перед домом валяется дохлая тварь...

— Расскажи поподробнее, какая она из себя.

— Не могу. Зато я ее сфотографировал.

— Мертвую?

— Нет, живую. — В голосе Бентли прозвучали снисходительные нотки. — Стану я тратить пленку на мертвечину, когда рядом носится живая копия!

— Слушай меня, Бентли. Слушай внимательно. Ты в состоянии вести машину?

— Разумеется. Сюда-то я доехал, и ничего.

— Ладно. Я пошлю кого-нибудь на место происшествия. А ты лети в редакцию вместе с фотографиями. И еще, Бентли...

— Что?

— Тебе не привиделось? Чудовище было на самом деле?

— С чего ему было привидеться? — хмыкнул Бентли. — С пары-то стаканов?

Глава 21

В поисках кофе с сэндвичами Стив Уилсон добрался до собственной приемной. Там находилось с десятков репортеров.

— Что нового, Стив? — справился Карл Эндерс из АП.

— Пока все тихо, — ответил Уилсон. — Если бы происходило что-нибудь важное, думаю, мне бы сообщили.

— А вы нам?

— А я вам, — подтвердил Уилсон. — Черт возьми, вам прекрасно известно, что мы не водим вас за нос.

— Да? А как насчет пушек?

— Это всего лишь обыкновенная мера предосторожности. У вас остались сэндвичи или вы все умяли?

— Вон там, Стив, — показал Джон Гейтс из «Вашингтон пост», — в углу.

Уилсон положил на тарелку два сэндвича и налил себе чашку кофе. Гейтс, развалившийся на кушетке, подвинулся и жестом пригласил его сесть рядом. Уилсон принял приглашение; тарелку и чашку он поставил на столик перед кушеткой. Эндерс уселся в кресло. Генри Хант, корреспондент «Нью-Йорк таймс», устроился на кушетке с другого бока.

— Ваш рабочий день затянулся, Стив, — сказал он.

Уилсон впился зубами в сэндвич.

— Черствый, — бросил он.

— Что происходит сейчас? — спросил Эндерс.

— Понятия не имею. Ничего не могу сказать, поскольку сам не знаю.

— Но говорить-то вы умеете? — фыркнул Гейтс.

— Умею, — подтвердил Уилсон, — однако сказать мне нечего. Вам ведь известны правила игры. Если я случайно обмолвлюсь о чем-то представляющем интерес, то это не для публики.

— Конечно, конечно, — поспешил заверить Эндерс. — Но войдите в наше положение, Стив. Вы же знаете, каково нам.

— Знаю.

— Меня беспокоит вот что, — проговорил Хант. — Каким образом власти намереваются выходить из ситуации? Прецедента не существует. Ничего подобного раньше не случалось. Как правило, кризис нарастает постепенно, за его развитием можно наблюдать. А тут раз — и на тебе, безо всякого предупреждения.

— И правда, — присоединился к коллеге Эндерс, — как собирается действовать президент?

— Когда от проблемы никуда не денешься, приходится ее решать, — произнес Уилсон. — Приходится определять, в чем ее суть. В случаях, похожих на наш, трудно преодолеть скептицизм, который замедляет принятие решения. Нужно переговорить со множеством людей, выслушать их мнение и вынести собственное суждение. В общем, голова кругом, поневоле начнешь молиться. Я, естественно, не имею в виду...

— Вы описываете нам действия президента? — поинтересовался Эндерс.

— Я лишь отвечаю на ваш гипотетический вопрос.

— Скажите, Стив, что думаете вы, вы, а не президент? — спросил Гейтс.

— Я пока не определился, — ответил Уилсон. — Слишком много всего сразу. Некоторое время назад я спрашивал себя, не стали ли мы жертвами втушения, которое развеется к утру. Разумеется, не развеется. Но такие мысли успокаивают. Мало-помалу я убедил себя, что эти люди действительно из будущего. Впрочем, так

или нет, они пришли к нам, и от них не отмахнешься. Мне кажется, откуда они, не суть важно.

— Вы лично сомневаетесь?

— В том, что они из будущего? Нет, навряд ли. Их объяснение представляется вполне разумным. И потом — зачем им лгать? Что они выиграют?

— Тем не менее вы...

— Минуточку. Я вовсе не хочу, чтобы вы превратно истолковали мои слова. Не забывайте, мы разговариваем как друзья, просто сидим и беседуем.

Дверь в приемную распахнулась. Уилсон обернулся на звук. На пороге стоял Брэд Рейнолдс, бледный и весь какой-то поникший.

— Стив, — сказал он. — Стив, мне надо поговорить с тобой.

— Что стряслось? — полюбопытствовал Хант.

Из-за двери донесся сигнал телетайпа; пришло сообщение.

Уилсон вскочил, задев коленом стол. Чашка опрокинулась, кофе закапал на ковер.

Он быстро пересек комнату и схватил Рейнолдса за руку.

— Чудовище! — воскликнул тот. — Оно убежало. Только что Глобал Ньюс передало по радио.

— Господи Боже! — вырвалось у Уилсона. Он оглянулся на репортеров и понял, что те услышали.

— Какое такое чудовище? — крикнул Эндерс. — Вы не упоминали ни про каких чудовищ.

— Потом, — бросил Уилсон, вытолкал Рейнолдса из приемной и захлопнул дверь. — Вы же с Фрэнком работали над текстом выступления президента. Откуда...

— Радио, — объяснил Рейнолдс. — Передали по радио. Как быть с выступлением? Президент не может умолчать о случившемся, но произошло-то все буквально час назад.

— Разберемся, — проговорил Уилсон. — Хендерсон знает?

— Фрэнк пошел к нему.

— Что конкретно случилось? И где?

— В Вирджинии. Два чудовища выскочили из туннеля. Одно застрелили, а второе сбежало, прикончив орудийный расчет...

— Ты хочешь сказать, что оно скрылось в неизвестном направлении?

Рейнолдс мрачно кивнул.

Глава 22

Том Мэннинг вставил в пишущую машинку чистый лист бумаги и стал печатать:

«Чудовище на воле.

Вашингтон, округ Колумбия (Глобал). Сегодня на Земле появилось инопланетное чудовище. Никто не знает, где оно находится. Оно вырвалось из временного туннеля в Вирджинии и сбежало, разорвав на кусочки расчет орудия, установленного перед входом в туннель для предотвращения подобного поворота событий. Второе чудовище погибло, когда в него угодил единственный выпущенный из пушки снаряд.

По неподтвержденным сведениям, кроме артиллеристов, погибло еще несколько человек.

Свидетели утверждают, что чудовище огромное и движется необычайно быстро. Наружности его никто не рассмотрел. «Оно промчалось мимо на сумасшедшей скорости, где уж тут что разглядеть», — заявил один свидетель. Чудовище исчезло через какие-то секунды после того, как покинуло туннель. Трудно даже предположить, где оно сейчас».

— Мистер Мэннинг, — произнес чей-то голос.

Мэннинг поднял голову. У стола стоял посыльный.

— Фотографии мистера Прайса, — сообщил юноша.

Мэннинг взял снимки, бросил взгляд на верхний, и у него перехватило дыхание.

— Господи Иисусе! — воскликнул он. — Вы только посмотрите!

Такую фотографию оторвал бы с руками пресс-агент какой-нибудь киностудии, выпускающей фильмы ужасов. Правда, изображение было начисто лишено той неправдоподобности, которой грешат рекламы подобных фильмов. Существо на снимке готовилось, по-видимому, напасть на орудийный расчет; чувствовалось, что движется оно поистине стремительно. Бентли удалось запечатлеть тварь во всей ее красе — оскаленная пасть, сверкающие когти занесенной для удара лапы, извивающиеся щупальца вокруг толстой шеи, ненависть во взгляде, вздыбленная шерсть на загривке. Существо буквально источало злобу. Это был зверь, но не обыкновенный зверь. В нем было что-то такое, от чего бросало в дрожь; оно внушало не трепет, а чужеродный, беспричинный, панический ужас.

Мэннинг разложил фотографии на столе, словно колоду карт. Все они способны были испугать кого угодно. Две из них зафиксировали — в меньшей, нежели хотелось Мэннингу, степени — гору трупов на месте выхода из туннеля и тушу чудовища поверх раздавленных человеческих тел.

— Чертов Прайс, — пробормотал Мэннинг — Не удосужился, видите ли, снять, как это чучело нападает на пушку!

Глава 23

— Мы не можем отменить ваше выступление, — сказал Уилсон, обращаясь к президенту. — Ситуация и без того напряженная. Но если вы откажетесь выступить, она станет гораздо хуже. Нужно лишь прибавить параграф или два, в самом начале. Например, что события в Вирджинии произошли совсем недавно, поэтому вы пока воздерживаетесь от комментариев. Заодно уверите граждан, что тварь будет найдена, отловлена и уничтожена, что мы уже выследили ее...

— Увы, — вздохнул президент. — Мы не имеем ни малейшего представления, где она может быть. Никаких сообщений, хотя прошло достаточно времени. Вы помните слова Гейла относительно того, что они передвигаются очень быстро? За ночь это существо вполне способно добраться до гор Западной Вирджинии, где его ни за что не отыщешь.

— Тем более вам надо выступить, — заявил Фрэнк Говард, коллега Брэда Рейнолдса по работе над текстом. — Страна вот-вот начнет сходить с ума от страха, и мы должны успокоить население.

— Знаете, Фрэнк, — отозвался президент, — я не испытываю большого желания успокаивать страну. Поймите же наконец, вопрос вовсе не политический, а куда более серьезный! Я не ведаю, насколько велика опасность, но то, что она существует, неоспоримо. Я попро-

сил Гейла поделиться с нами своими соображениями. Так или иначе, ему известно больше нашего.

— Сэр, вы почему-то отказываетесь понять вот что: страна хочет услышать вас, — сказал Уилсон. — Люди хотят, чтобы их ободрили, по крайней мере уверили, что власть не бездействует. Ваше появление на телеэкране послужит доказательством того, что еще не все потеряно. Народу нужно подтверждение, что правительство работает...

Селектор на столе президента издал звуковой сигнал.

— Да? — проговорил Хендерсон.

— Срочное сообщение для мистера Уилсона, сэр. Вы позволите?

Президент снял трубку и протянул ее Уилсону.

— Это Генри, — сообщил голос Ханта. — Прошу прощения за назойливость, но мне показалось, вам нужно знать. АП утверждает, что в Висконсине пропал еще один туннель.

— Просто пропал? Не как в Вирджинии? Никто не пропался?

— По всей видимости, нет. В сообщении сказано «пропал». Исчез без следа.

— Спасибо, Генри, спасибо, что позвонил.

Уилсон вернул трубку президенту и сказал:

— Исчез второй туннель. Я полагаю, его уничтожил заградительный отряд. Помните, Гейл упоминал, что они оставили заслоны на крайний случай?

— Да, помню, — отозвался президент. — Вероятно, инопланетяне наступают. Неприятно, черт возьми. Какое требуется мужество, чтобы совершить подобное! Должно быть, у тех, кто защищал туннель в Вирджинии, не было возможности взорвать его.

— Выступление, сэр, — произнес Рейнолдс. — Времени осталось в обрез.

— Ну что ж, вы меня убедили. Только никаких фраз насчет того, что мы почти поймали чудовище.

— Вам придется объяснить людям, что оно такое, — сказал Уилсон. — Наверное, следует признать, что гости из будущего бегут от таких вот тварей.

— Начнется шум, — заметил Рейнолдс, — дескать, надо закрыть туннели.

— Пускай шумят, — ответил президент. — Иного способа кроме стрельбы прямой наводкой мы не знаем.

А стрелять без причины в беженцев — наших собственных потомков — я не позволю.

— Артиллерия вряд ли понадобится, — проговорил Говард. — Раз пропал один туннель, значит, будут пропадать и другие. Возможно, они все исчезнут через несколько часов.

— Надеюсь, что нет, — возразил президент. — Что бы ни случилось в дальнейшем, какие бы трудности нас ни ожидали, я уповаю на то, что спасутся все — или почти все.

— Пришел мистер Гейл, — сказала, выглядывая из-за двери, Ким.

— Пригласите его.

Гейл вошел торопливым шагом, споткнулся, однако устоял на ногах. Он остановился у президентского стола. Лицо его выдавало душевные муки.

— Мне очень жаль, сэр, — начал он. — От имени моих товарищей и от своего собственного приношу вам искренние соболезнования. Мы полагали, что приняли все меры...

— Садитесь, мистер Гейл, — предложил президент. — Вы можете нам помочь. Мы рассчитываем на вашу помощь.

— Очевидно, вы имеете в виду инопланетянина, — проговорил Гейл, усаживаясь на краешек кресла. — Вы хотите побольше узнать о нем. Я бы рассказал вам днем, если бы не все остальное, и потом, мне...

— Мистер Гейл, я верю тому, что вы сделали все от вас зависящее, чтобы обеспечить защиту туннелей. Нам необходима ваша помощь. Мы должны знать особенности этого существа, его образ жизни. Иначе нам его не поймать.

— По счастью, оно одно, — заметил Рейнолдс. — Когда мы...

— К сожалению, — прервал Гейл, — я вынужден огорчить вас. Инопланетяне бисексуальны.

— Что означает...

— Самое худшее, — dokonчил Гейл. — Молодняк вылупляется из яиц. Любой взрослый откладывает оплодотворенные яйца, причем в громадных количествах. Вылупившись, молодняк не требует заботы, вернее, не получает ее, и...

— Значит, — подытожил президент, — надо поймать его, пока оно не отложило яйца.

— Боюсь, что вы опоздали, — сказал Гейл. — Из того, что нам известно об инопланетянах, я делаю вывод, что вырвавшееся на волю существо примется откладывать яйца уже через несколько часов после того, как покинуло туннель. Оно почувствует серьезность положения. Вы должны свыкнуться с мыслью, что инопланетяне — не просто звери. Если бы они были только зверями! Они разумны; да, они проявляют ритуальную — так нам кажется — жестокость, но отсюда вовсе не следует, что эти твари глупы. Тот, о ком мы говорим, знает, что кроме него здесь нет никого, следовательно, будущее вида зависит от него и ни от кого другого. И проблема заключается в том, что упомянутое существо сознает этот факт как на духовном, так и на телесном уровне. Оно мобилизует резервы организма и примется откладывать яйца — столько, сколько сможет. Вдобавок, понимая, что вскоре на него начнут охотиться, а следовательно, в опасности окажутся и кладки, оно постарается отложить яйца в разных местах, весьма удаленных друг от друга. Оно станет искать укромные уголки, в которых и спрячет яйца, и добраться до последних будет крайне трудно. Оно сражается не за себя, но за вид как таковой.

— Иными словами, — нарушил установившееся напряженное молчание президент, — вы считаете, что нам его не перехватить.

— Полагаю, да, — ответил Гейл. — Возможно, оно уже отложило яйца и наверняка отложит еще. Вероятно, мне надо было обнадежить вас, хотя бы для того, чтобы извиниться таким образом за наше преступное небрежение. Однако я счел за лучшее сказать правду. Мне очень жаль, сэр.

— Должно быть, оно направляется к горам, — заметил президент. — Насколько я помню, горы находятся именно к западу оттуда.

— Оно прекрасно ориентируется на местности, — подтвердил Гейл. — География ведь ничуть не изменилась за пятьсот лет.

— Что ж, тогда нужно преградить ему путь, а если не удастся — эвакуировать население прилегающих районов, — произнес президент.

— Сэр, я знаю, что у вас на уме, — подал голос Уилсон. — Вы хотите применить ядерное оружие. Умо-

ляю вас, сэр, подумайте еще раз! Ситуация далеко не безвыходная! Чем обернется взрыв атомной бомбы...

— Стив, вы торопитесь с выводами. Я согласен с вами — ситуация далеко не безвыходная.

— Господа, — вмешался Гейл, — позвольте мне предостеречь вас. Не стоит недооценивать врага. Он разумен и жесток, он привык убивать и будет бороться до конца. Сейчас, при сложившихся обстоятельствах, он скорее всего попытается уклониться от схватки, предпочтет сражению бегство, дабы обеспечить выживание вида. Но загоните его в угол — и он нападет первым. Он не боится смерти.

— Мы поняли, — проговорил президент. — Но вот что меня заботит...

— Я вас слушаю, сэр, — отозвался Гейл.

— Вы сказали, что готовы предоставить нам спецификации и чертежи для строительства туннелей.

— Да.

— Я имею в виду следующее, — продолжал президент. — Если мы собираемся что-либо предпринять, нам надлежит действовать быстро. В случае промедления может возникнуть социально-экономический кризис, а уж о политическом я и не говорю. Надеюсь, вы понимаете, мистер Гейл. Появление же чудовища сократило отпущенное нам на размышление время до минимума. Поэтому мне представляется, что необходимо немедленно передать документы и организовать встречу ученых.

— Мистер президент, — проговорил Рейнолдс, — до вашего выступления осталось меньше двух часов.

— Да-да, — откликнулся президент. — Прошу прощения, что задержал вас, Брэд. Стив, подождите минутку.

— Спасибо, сэр, — сказал Говард и последовал за Рейнолдсом к выходу.

— О чем бишь мы? — спросил президент. — Ах да, я говорил, что нужно разобраться с туннелями. Я распоряджусь, чтобы наши специалисты вошли в контакт с вашими...

— Значит ли это, сэр, что вы поможете нам?

— Очевидно, да, мистер Гейл, хотя в настоящий момент я не могу ничего утверждать с полной ответственностью. Но мне кажется, что выбора у нас нет. Оставить вас у себя мы не в состоянии, поскольку мир и без того изнемогает от перенаселенности и подобный

шаг приведет к развалу экономики. Для начала мы переговорим с нашими физиками и выясним суть вопроса — какие понадобятся материалы и средства производства, сколько потребуется рабочих рук, и так далее. Не зная всего этого, мы не сможем приступить к выработке плана. И потом, нужно подобрать места для строительства.

— Тут можно не беспокоиться, сэр, — сказал Гейл. — Наши геологи провели теоретическое исследование поверхности планеты в эпоху миоцена. Ведь, отправляясь наугад, запросто можно было бы выйти из туннеля прямо в океан или в жерло вулкана. Нет, мы составили карты подходящих участков, на которые следует опираться в работе. Конечно, ошибки не исключаются, но их вероятность достаточно мала.

— Хорошо, — ответил президент, — вы меня убедили. Теперь же...

— Люди, с которыми вы хотите побеседовать, — прервал Гейл, — были в числе первых, кто вышел из туннелей. Что касается нашего туннеля, ученые, по всей видимости, находятся там, куда свозят беженцев из Вирджинии.

— То есть в Форт-Майере, — проговорил президент, — либо в одном из палаточных городков.

— Я могу перечислить вам имена, — продолжал Гейл, — но мне все равно придется сопровождать того, кто поедет разыскивать их, потому что без меня они откажутся сотрудничать. Поймите нас правильно, сэр. Мы не можем допустить, чтобы информация попала в руки людей, которые не являются законной властью.

— Мне не хотелось бы вас отпускать, — президент нахмурился, — даже на короткий срок. Нет, вы ни в коем случае не пленник и вольны приходить и уходить по собственному желанию. Но может случиться, что нам срочно понадобится ваш совет. Сведения, которыми мы располагаем, крайне скудны. Вы по мере возможности просвещаете нас, однако возможно всякое...

— Понимаю, — сказал Гейл. — Тогда, если не возражаете, поедет Элис. Нужно будет только дать ей записку от меня на официальном бланке Белого Дома.

— Чудесно, — согласился президент. — Стив, вы не откажетесь прогуляться?

— Нет, сэр. Но мою машину забрала Джуди.

— Возьмите государственную, вместе с водителем. Пожалуй, вам не помешает сопровождающий из ЦРУ. Достаточно глупая мера предосторожности, но кто знает... — Президент провел ладонью по лицу. — Будем уповать на Бога, мистер Гейл, чтобы Он не обошел нас Своей милостью. Нам предстоит выдержать много такого, что способно разрушить и проверенную временем дружбу. Надеюсь, у вас крепкая спина и толстая шкура.

— Думаю, да, — отозвался Гейл.

Глава 24

Генеральный прокурор принимал своего старого друга. В Гарварде они были соседями по комнате и с тех пор не теряли один другого из вида. Рейли Дуглас знал, что назначением на столь высокий пост и всем, что с этим связано, обязан Клинтону Чепмену, человеку, который руководил крупнейшим промышленным комплексом и постоянно вносил в партийную кассу весьма кругленькие суммы.

— Извини, что отвлекаю, — сказал Чепмен, — но много времени я у тебя не отниму.

— Я рад, что ты зашел, — ответил Дуглас. — Признаюсь сразу: я отказался сходить с ума заодно со всеми. Не то чтобы я не верю, тут деваться некуда; просто к чему такая спешка? Президент проглотил историю о путешествии во времени и даже не поморщился, тогда как, на мой взгляд, ему следовало все хорошенько взвесить.

— Я согласен с тобой, — проговорил Чепмен, — целиком и полностью. Я созвонился утром кое с кем из физиков. Тебе, должно быть, известно, что на нас работает немало выдающихся ученых. Так вот, я созвонился с некоторыми из них, мы провели нечто вроде экспресс-анализа вероятности существования временных туннелей...

— И тебе сказали, что подобного не может быть.

— Ты ошибаешься, — возразил Чепмен. — Никто из физиков не сумел объяснить суть процесса, но они сообщили — я, откровенно говоря, удивился, — что, оказывается, изучение направленности движения времени и того, почему оно движется именно так, а не иначе, ведется уже добрый десяток лет. Они запутали меня своими терминами, которых я никогда раньше не слышал; например, все твердили про векторы времени и пограничные условия. Насколько я разобрался, векторы времени можно рассматривать с различных точек зрения — статистической, биологической, термодинамической и прочих, чьи названия вылетели у меня из головы. Физики рассуждали о принципе запаздывания волны и роли случайности, потом затеяли спор об уравнениях симметричного поля, и мне пришлось вернуть их на землю. Короче, вывод таков; с позиций современной науки путешествия во времени невозможны, однако природа материи никоим образом им не препятствует. Ворота, так сказать, приотворены, нужно лишь надавить на них плечом, и тогда невозможное станет возможным.

— То есть через сто или двести лет...

— Совершенно верно, — кивнул Чепмен. — Физики попробовали было посвятить меня в подробности, но я не выдержал, поскольку мне не хватает базовых знаний. Они говорят на своем собственном языке, который для людей вроде нас с тобой непонятнее иностранного.

— Значит, возможно, — произнес Дуглас. — Выходит, беженцы не обманывали. Никакое иное объяснение не годится. Тем не менее я лично верю с трудом.

— Скажи мне, пожалуйста, — попросил Клинтон Чепмен, — что конкретно намерено предпринять правительство? Да, я знаю, что собираются построить новые туннели, чтобы отправить пришельцев дальше в прошлое. Но они представляют, во что это обойдется? Сколько займет времени? Или...

— Ничего они не представляют, — перебил Дуглас, — ничегошеньки. У них нет ни единой цифры, ни единого параметра для расчетов. Но так или иначе нужно что-то делать. Людям из будущего здесь не место. Мы не вынесем такого бремени, а потому должны каким-то образом избавиться от них.

— Сдается мне, — проговорил Чепмен, — денег потребуется море. А уж какой поднимется шум! Налогоплательщики сегодня цепляются за каждый цент, а налоги неминуемо возрастут.

— На что ты намекаешь, Клинт?

— Я? Да так, хочу предложить сделку.

— Очередную? — усмехнулся Дуглас. — Ты взятый игрок, Клинт.

— Как я уже сказал, денег потребуется море.

— Проект будет финансироваться из бюджета.

— Разумеется. Из чего следует, что на выборах в будущем году мы наверняка потерпим поражение. Тебе известно, что я не скупился на пожертвования и крайне редко делал их ради сиюминутной выгоды. Пойми, я не прошу вознаграждения. Нет, мой план, в случае успеха, обещает обернуться громадной прибылью — не только для партии, но и для всей страны.

— Очень благородно с твоей стороны, — отозвался Дуглас, не совсем довольный оборотом, который начал принимать разговор.

— Мне, конечно же, потребуются расчеты, — продолжал Чепмен, — но в целом я готов взяться за постройку туннелей, если их будут строить и если стоимость строительства не превысит мои возможности.

— В обмен на?..

— В обмен на эксклюзивную лицензию на постройку и использование туннелей.

— Не знаю, не знаю. — Дуглас нахмурился. — Не уверен, что это законно. К тому же следует учитывать международный аспект...

— Если ты пораскинешь мозгами, — прервал Чепмен, — то точно что-нибудь придумаешь. Ты же знаток законов, Рейли!

— Вероятно, я прослушал. Зачем тебе лицензия? К чему Клинтону Чепмену туннели?

— Пришельцы уйдут, а туннели останутся. Найдется немало людей, которых заинтересует идея путешествия во времени. Новый вид туризма, Рейли! Попадешь туда, куда раньше забирался разве что во сне!

— Бред!

— Не такой уж и бред. Вообрази себя на месте охотника, который получил возможность отправиться на охоту в доисторическую эпоху. Университеты начнут посылать экспедиции для изучения обитания динозав-

ров. Историки продадут черту душу, только бы узнать, что произошло на самом деле под стенами Трои...

— А церковь, — закончил Дуглас язвительно, — потребует билеты в партер на спектакль под названием «Распятие Христа».

— Почему бы нет? — хмыкнул Чепмен. — Разумеется, такое дело нельзя пускать на самотек. Необходимы правила пользования, нужна система безопасности, предохраняющая историю от вмешательства...

— У тебя ничего не получится, — заявил Дуглас. — Нам сказали, что путешествия во времени возможны в одном-единственном направлении, в прошлое. Попав туда, ты уже не вернешься. Путь будет закрыт.

— Не согласен, — возразил Чепмен. — Похоже, наши с тобой источники сведений сильно расходятся во мнениях. Мои физики утверждают, что, обретя способность перемещаться во времени, можно двигаться по нему в обоих направлениях. Они полагают, что иначе не может быть, поскольку трудно представить, чтобы движение осуществлялось лишь в одну сторону. Если ты очутился в прошлом, ничто не мешает тебе перепрыгнуть в будущее, все зависит от твоего желания. Так что, по-моему, твои доводы не выдерживают критики.

— Клинт, я не...

— Поразмысли на досуге, Рейли. Посмотри, как развивается ситуация, прикинь свои возможности. Разумеется, если дело выгорит, то можешь рассчитывать на мою благодарность.

Глава 25

— Объясните мне, пожалуйста, что же такое пикник, — попросила Элис Гейл. — Помните, вы сказали...

— Стив приглашал вас на пикник? — перебил агент ЦРУ. — Смотрите не попадитесь на удочку.

— Но я даже не знаю, что такое пикник, мистер Блэк, — ответила девушка.

— Все очень просто, — сказал Уилсон. — Отправляетесь в парк или в лес и обедаете на природе.

— Ой, мы тоже так делаем, — воскликнула Элис, — только не называем такую прогулку пикником. Кажется, мы ее вообще никак не называем. Во всяком случае я не слышала, чтобы ее как-то называли.

Машина медленно продвигалась к воротам. Водитель сидел за рулем неестественно прямо, словно ему было не по себе. У ворот пришлось остановиться: к машине подошел человек в военной форме.

— Что происходит? — удивился Уилсон. — Меня никто не предупредил.

— Вояки, — хмыкнул Блэк, пожимая плечами. — Белый Дом оцеплен со всех сторон. В парке поставили минометов и прочей дребедени. Куда ни сунься, везде армия.

— Президент знает?

— Вряд ли. Скорее всего, ему не позаботились сообщить.

Солдат шагнул назад, ворота распахнулись, машина выехала на улицу и покатила к мосту.

— Где народ? — спросил Уилсон, глядя в окошко. — Вечер воскресенья, туристический сезон в самом разгаре, а на улицах ни единой живой души.

— Вы слышали новости? — справился Блэк.

— Разумеется.

— Все попрятались. Закрылись в домах. Опасаются, что на них нападет чудовище.

— У нас очень много мест для пикников, — сказала Элис Гейл. — Парки, дикая природа, — гораздо больше, чем у вас. Тут всюду люди. Но мне даже нравится: я каждую минуту узнаю что-то новое.

— Вы наслаждаетесь новизной, — заметил Уилсон.

— Вы правы, наслаждаюсь. Впрочем, меня преследует чувство вины. Нам с отцом следовало бы быть с нашими сородичами. Но... Да, я рассказывала о том, как мы жили. Нам досталось хорошее время, конечно, если не считать инопланетян, вернее, того периода, когда они стали нападать на нас. Это началось лишь в последние годы. Мы не то чтобы не обращали на них внимания, нет; мы говорили про них, никогда не забывали о том, что они существуют. Что касается меня, они вошли в мою жизнь буквально с первых дней. Порой они изводили нас настолько, что мы принимались оглядываться через плечо; они следовали за нами по пятам. Мы говорили о них, изучали...

— Изучали? — переспросил Уилсон. — Каким образом? Кто именно?

— Биологи, — ответила девушка. — Время от времени в руки ученых попадало тело инопланетянина. Да, биологи, а также психологи и психиатры, равно как и эволюционисты...

— Эволюционисты?

— Ну да, эволюционисты. Ведь инопланетяне, такие, какими мы их знаем, возникли в результате весьма любопытной эволюции. Они как будто могут контролировать процесс собственного развития, даже управлять им. Мне кажется, мой отец говорил вам об этом. За всю свою долгую историю они не утратили ни единого физического признака, который появлялся у них на той или иной стадии эволюции и обещал оказаться полезным для выживания вида. Они не шли на компромиссы с природой, не приобретали одно взамен другого, а

сохраняли то, что им было нужно, и одновременно вносили в организм необходимые «усовершенствования». Их можно назвать приспособленцами, в смысле — существами с высокой степенью адаптации к природным условиям. На любое изменение окружающей среды они реагируют практически мгновенно...

— Такое впечатление, — проговорил Блэк, — что вы — не лично вы, а ваш народ — восхищаетесь этими тварями.

— Мы ненавидим и боимся их, — произнесла Элис, покачав головой. — Иначе с какой стати нам было убежать? Однако я согласна с вами: мы испытываем перед ними нечто вроде благоговения, которое стараемся скрыть всеми правдами и неправдами.

— Вон Линкольн, — подал голос Уилсон. — Вы, разумеется, знаете, кто он такой?

— Конечно. Моего отца поселили в спальне Линкольна.

Впереди показался мемориал — мраморный старик в мраморном кресле на фоне ночного неба. Автомобиль проехал мимо, и вскоре памятник исчез из виду.

— Будь у нас время, — сказал Уилсон, — мы могли бы на досуге осмотреть его. Или вы уже видели... Ах да, в ваше время Белый Дом...

— Мемориал тоже, — отозвалась девушка. — Осталась только часть, меньше половины. Камни все рассыпались.

— Что такое? — не понял Блэк.

— В том времени, из которого пришли наши гости, — пояснил Уилсон, — Вашингтона не существует. Белый Дом разрушен.

— Не может быть! Почему? Война?

— Нет, не война, — ответила Элис. — Мне трудно объяснить, потому что я плохо понимаю сама. Пожалуй, наиболее точным определением будет «экономический коллапс». Кстати, заодно с экономикой, на мой взгляд, погибла и этика. Галопирующая инфляция достигла немыслимых высот, в обществе распространился цинизм, вера в правительство была подорвана, что привело к его падению, нехватка природных ресурсов стала ощущаться все острее, а пропасть между богатыми и бедными расширилась настолько, что вышла за пределы разумного. В один прекрасный день все рухнуло. Я имею в виду не только это государство, но и остальные мировые

державы. Экономика была уничтожена, правительства пали, улицы заполнили беснующиеся толпы, которые принялись крушить все подряд. Извините, я не умею рассказывать так, чтобы меня было интересно слушать.

— Значит, вот что нас ждет? — проговорил Блэк.

— Не думаю, — отозвался Уилсон. — Вполне возможно, нам удастся избежать подобной участи. Мы теперь на ином пути развития.

— Вы что, сговорились? — буркнул Блэк. — Нечете оба какую-то ерунду...

— Простите, пожалуйста, мистер Блэк, — сказала девушка.

— Не обращайтесь внимания, — фыркнул Блэк. — Просто высокие материи не для меня. Я всего-навсего образованный полицейский. Стив вам подтвердит.

Глава 26

Преподобный доктор Энгус Виндзор был хорошим человеком, отличался милосердием и склонностью творить добро. Он являлся пастором церкви, которая основывалась на благополучии прихожан, имела длительную историю и была отмечена некоторым изяществом, что, впрочем, не мешало ему отправляться туда, где процветала нужда, то бишь за пределы прихода. Преподобного Виндзора видели в гетто и на демонстрациях, рядом с теми, кто падал под ударами полицейских дубинок. Узнав, что та или иная семья страдает от недостатка пищи, он однажды появлялся на пороге с сумкой продуктов, а перед тем, как уйти, ухитрялся обнаружить в своих карманах несколько долларов, без которых вполне мог обойтись. Он регулярно навещал заключенных в тюрьмах и стариков в домах призрения, где хорошо знали его величественную походку, покатые плечи, длинные седые волосы и смиренное выражение лица. Отдельные влиятельные члены интеграции упрекали преподобного доктора в том, что он не избегает славы, наоборот, стремится к ней, что недостойно служителя церкви, однако Энгус Виндзор, похоже, игнорировал замечания подобного рода; по слухам, он как-то сказал своему закадычному другу, что это — до смешного малая цена за привилегию творить добро. Хотя что он имел в виду — славу или критику — осталось неясным.

Поэтому журналисты ничуть не удивились, встретив доктора Виндзора поблизости от того места, где находился выход из туннеля, уничтоженного орудийным залпом. Они тут же окружили старика.

— Что вы здесь делаете, доктор Виндзор? — спросил один.

— Я пришел, — ответил преподобный Энгус, — чтобы предложить страждущим утешение и оделить их толикой благодати, которая дарована мне. Военные не хотели меня пускать, но я убедил их. А как сюда попали вы?

— Некоторым удалось уговорить охрану, другие вынуждены были бросить машины и идти пешком.

— А за меня заступился Господь, — произнес доктор.

— Как это?

— Он внушил солдатам уважение к сану, и они пропустили меня. Но прошу прощения — меня ждут страждущие. — Он указал на многочисленную толпу беженцев.

Мертвое чудище валялось посреди лужайки брюхом вверх, выставив на всеобщее обозрение свои когтистые лапы; щупальца, подобно змеям, стлались по земле. Большую часть трупов уже убрали, а тех, кто остался, накрыли одеялами. Чуть в стороне лежала на боку пушка.

— Скоро прибудет команда, которая заберет эту тварь, — сказал кто-то из репортеров. — Армейские спецы желают как следует рассмотреть ее.

Прожектора, укрепленные на деревьях, заливали оцепленный участок призрачным светом. В темноте заходился в кашле переносной двигатель. Грузовики подкатывали один за другим, забирали часть людей и исчезали в ночи. Время от времени слышались усиленные мегафоном команды.

Доктор Виндзор, ведомый чутьем, что выработалось у него за годы службы на благо общества, направился к группе беженцев, в которой было больше всего народу, на перекресток, освещенный тусклым уличным фонарем. Беженцы в массе своей толпились на мостовой; лишь кое-кто предпочел усесться на бордюр или расположиться на лужайке. Доктор подступил к стайке женщин: он всегда начинал именно с женщин, поскольку

ку они, как правило, оказывались восприимчивее к его проповедям, нежели мужчины.

— Я пришел, — заговорил священник, стараясь, чтобы его слова прозвучали не слишком напыщенно, — предложить вам утешение Господа. В такое время всем нам надлежит обратиться к Нему.

Женщины недоуменно уставились на доктора Энгуса, некоторые сделали шаг назад.

— Вы видите перед собой преподобного Виндзора, — продолжал доктор. — Я прибыл из Вашингтона. Я иду туда, где нужен. Я откликаюсь на зов. Прошу вас, присоединитесь ко мне в молитве.

— Пожалуйста, уходите, — произнесла, выступив вперед, высокая и статная пожилая женщина.

— То есть как? — всплеснул руками Виндзор. — Я лишь...

— Мы знаем, чего вы хотели, — прервала женщина, — и благодарим вас за заботу. Мы знаем, что вас вела доброта.

— Вы не можете прогнать меня, — преподобный Энгус оправился от неожиданности, — не можете отвечать за всех, отнимать у них...

— Друг мой, — сказал на ухо священнику какой-то мужчина, стискивая его локоть, — умерьте свой пыл.

— Но эта женщина...

— Знаю. Я слышал ваши слова. Она говорит за всех нас.

— Не понимаю.

— Вам и не нужно понимать. Пожалуйста, уходите.

— Вы отвергаете мою помощь?

— Нет, сэр, дело не в вас. Мы отвергаем догмы, которых придерживаетесь вы.

— То есть христианство?

— Не только христианство. Логическая революция, которая произошла около ста лет тому назад, покончила со всеми религиями. Наше неверие не уступает крепостью вашей вере, однако мы не навязываем вам своих убеждений. Будьте любезны, поступите по-добрососедски.

— Немыслимо, — пробормотал преподобный доктор. — Не верю собственным ушам! Никогда не поверю! Тут какая-то ошибка! Я лишь намеревался присоединиться к вашим молитвам.

— Священник, мы давно не молимся.

Доктор Виндзор развернулся и побрел, как слепой, туда, где его поджидали газетчики. Пребывая в расстроенных чувствах, он то и дело ошеломленно качал головой. Невероятно! Нет, не может быть! Недопустимо! Кошунственно! После стольких лет борьбы и поисков истины, после того, как мир приобрел множество свя-
тых, — нет, нет, об этом не может быть и речи!

Глава 27

Генерал Дэниел Фут, командир военной базы Форт-Майер, ожидал их в своем кабинете, где кроме него находилось еще трое.

— Вам не следовало приезжать одним, — сказал он Уилсону. — Я так и заявил президенту, но он меня не послушал. Я предложил выслать конвой, однако он отказался; мол, не стоит привлекать лишнего внимания.

— Мы добрались живыми и здоровыми, — проговорил Уилсон.

— Времена нынче беспокойные, — заметил генерал.

— Генерал Фут, позвольте представить вам мисс Элис Гейл. Ее отец — тот человек, который сообщил нам все, что мы знаем.

— Рад познакомиться, мисс Гейл, — сказал генерал. — Эти трое джентльменов кое-что рассказали мне о вашем отце. А, мистер Блэк, хорошо, что хоть вы сопровождаете их.

— Спасибо на добром слове, сэр.

— Теперь моя очередь, — заявила Элис. — Доктор Хардвик, точнее, доктор Николас Хардвик. Мистер Уилсон, мистер Блэк. Доктор Хардвик — Альберт Эйнштейн нашего времени.

— Не перехвали меня, милая, — улыбнулся крупный, нескладный, похожий на медведя мужчина. — Иначе вполне может случиться, что я сяду в лужу.

Господа, мне очень приятно приветствовать вас. Вы были вправе повернуться к нам спиной, однако предпочли протянуть руку помощи, за что вам огромное спасибо. Должно быть, ваш президент — необыкновенный человек.

— Мы тоже так считаем, — сказал Уилсон.

— Доктор Уильям Каммингс, — продолжала Элис. — Доктор Хардвик живет с нами в одном городе, а доктор Каммингс прибыл из района Денвера. Наши руководители, в том числе мой отец, сочли, что им обоим необходимо присутствовать на встрече с вашими учеными.

— Рад, очень рад, — проговорил Каммингс, лысый карлик с морщинистым личиком. — Поверьте, мы искренне сожалеем о том, что произошло в туннеле.

— И наконец, — закончила Элис, — доктор Эбнер Осборн, старинный друг нашей семьи.

— Мои коллеги — физики, — сообщил Осборн, обнимая девушку за плечи, — я же принадлежу к менее выдающейся разновидности ученых, то бишь к геологам. Элис, как поживает твой отец? Я искал его у туннеля, но так и не нашел.

Генерал потянул Уилсона за рукав. Пресс-секретарь подчинился.

— Что вам известно о чудовище? — справился Фут.

— Ничего нового. Мы предположили, что оно направляется к горам.

— Полагаю, вы правы. Мы получили ряд сообщений. Так, скорее слухи, а не сообщения. Все с запада: Харперс-Ферри, Страсбург, Люрей. Навряд ли им можно верить. Кто способен перемещаться с такой скоростью? Вы уверены, что на волю вырвалось лишь одно чудовище?

— Кому быть уверенным, как не вам? — ответил вопросом на вопрос Уилсон. — Там были ваши люди. В сообщении утверждалось, что чудищ было двое: одно погибло, а другому удалось бежать.

— Да-да, я знаю, — пробормотал Фут. — Мы перевезли мертвую тварь на базу.

Интересно, подумалось Уилсону, что беспокоит генерала? Он прямо места себе не находит. Может, он знает то, что еще не дошло до Белого Дома?

— К чему вы клоните, генерал?

— Ни к чему, ровным счетом ни к чему.

Сукин сын, мысленно выругался Уилсон. Пытается вызнать, что творится в Белом Доме, чтобы потом было о чем рассказывать в офицерском клубе!

— Мне кажется, — заметил Уилсон, — пора ехать.

В машине все разместились следующим образом: Блэк сел впереди, рядом с водителем, Элис и двое физиков — сзади, а Уилсон и Осборн устроились на откидных сиденьях.

— Вам, вероятно, нелегко понять, зачем на встречу пригласили геолога? — спросил Осборн.

— Да, — признался Уилсон, — но отсюда не следует, что мы вам не рады.

— Дело в том, — пояснил Осборн, — что в ходе разговора могут возникнуть вопросы относительно миоцена.

— То есть относительно нашего переселения туда. Относительно ухода в прошлое вслед за вами.

— Это единственный способ разрешения проблемы.

— Иными словами, вы убеждены, что за первым чудовищем прорвутся и другие? Что в конце концов их окажется столько, что мы вынуждены будем спасаться бегством?

— Разумеется, нет, — отозвался геолог. — Мы надеялись, что не прорвется вообще никто, приняли, как нам казалось, все меры предосторожности. Не могу представить, что случилось. Я не думаю, что это чудовище...

— Всего лишь не думаете?

— Увы... Они чертовски умны. Кто знает, на что их хватит. Пожалуй, вам нужно побеседовать с нашими биологами.

— Тогда зачем нам уходить в прошлое?

— Вы приближаетесь к опасной точке, — ответил Осборн. — Все признаки налицо. Да, я знаю, что вы перешли на иной путь развития и пойдете другой дорогой. Однако вполне возможно, что переход совершился слишком поздно. Наверно, вам следует обратиться к нашим историкам...

— Вы говорите об экономическом коллапсе. Элис упоминала, что в вашем времени Вашингтона не существует, равно как и, очевидно, Нью-Йорка, Чикаго и всех прочих городов.

— Понимаете, — сказал Осборн, — у вас нарушено равновесие. Боюсь, его уже не восстановить. Ваша

экономика в кризисе, а социальные противоречия с каждым днем становятся все острее.

— Так что же, бегство в миоцен исправит положение?

— Вы все начнете заново.

— Не уверен, — произнес Уилсон.

— Президент уже должен выступать, — вмешался в разговор Блэк. — Не возражаете, если я включу радио? — Не дожидаясь ответа, он повернул рукоятку приемника.

— ...мало что могу вам сказать, поэтому мое выступление будет коротким, — раздался из динамика голос президента. — Мы по-прежнему занимаемся изучением поступающих сведений, поэтому мне представляется преждевременным говорить о каких-то выводах. Я сообщу вам только факты, ничего не скрывая. Все, что знаем мы, сейчас станет известно вам. Итак, факты таковы.

В будущем, которое наступит через пятьсот лет, на наших потомков напали пришельцы из космоса. Борьба продолжалась около двадцати лет, однако инопланетяне явно одерживали верх. Наши потомки решили отступить, пока еще существует самая возможность отступления. По счастью, они открыли способ путешествовать во времени, а потому смогли отступить в прошлое. Вот как они попали к нам. Они не намерены оставаться здесь и планируют уйти глубже в прошлое — так скоро, как только сумеют. Однако им требуется наша помощь. Они просят нас помочь с постройкой временных туннелей и, кроме того, снабдить их всем необходимым для того, чтобы обосноваться на новом месте. По причинам экономического характера, что, надеюсь, понимает каждый из вас, мы, а также другие государства, не можем отказать им. Я думаю, мы не отказали бы в любом случае, ведь они — дети наших детей, наша собственная плоть и кровь. В данный момент правительство рассматривает методы оказания помощи. Мы столкнулись со множеством проблем, которые нужно разрешить. Мы их разрешим и приложим все усилия, чтобы помочь попавшим в беду. Всем нам придется чем-то пожертвовать. Я не сомневаюсь, что у вас возник целый ряд вопросов. Обещаю вам, вы получите на них ответы, но позднее, ибо обстоятельства вынуждают нас к незамедлительным действиям. Трудно поверить, что все

началось каких-нибудь несколько часов назад. Воскресенье выдалось хлопотным, не правда ли?

Президент говорил ровно, размеренно, как и подобает руководителю страны; однако, подумалось Уилсону, он наверняка испытывает нечто вроде отчаяния. Тем не менее Хендерсон — опытный, сведущий политик. Он все еще способен завладеть вниманием аудитории и убедить ее в собственной правоте. Уилсон ощутил прилив гордости за президента.

— Всем вам известно, — продолжал Хендерсон, — что из туннеля в Вирджинии вырвались двое инопланетян. Один погиб на месте, другому удалось бежать. Скажу вам честно: мы не знаем, где он скрывается, но всячески стараемся выяснить это, а когда найдем его, обязательно уничтожим. Мы обнаружим его — возможно, не сразу, но обнаружим. Я настоятельно прошу вас не придавать чрезмерного значения тому, что по планете разгуливает инопланетянин. Его поиски — одна из многих проблем, с которыми мы столкнулись, и далеко не самая важная. С вашей поддержкой, на которую, я знаю, мы вправе рассчитывать, нам не страшны никакие трудности.

Хендерсон сделал паузу. «Неужели все?» — подумал Уилсон и тут же упрекнул себя за поспешность; ведь президент не пожелал согражданам доброй ночи.

— Мне остается сказать вам следующее. По всей вероятности, вы примете мои слова в штыки, но я надеюсь, что по зрелом размышлении вы поймете: иначе было нельзя, того требовала ситуация. Только что я подписал указ о введении на территории страны чрезвычайного положения. Согласно этому указу, объявляется запрет на банковские и торговые операции, что означает, что деятельность банков и других финансовых организаций приостанавливается вплоть до дальнейших распоряжений. Цены и заработная плата будут заморожены. Разумеется, подобное положение дел ненормально и долго не просуществует. ЧП будет отменено, когда конгресс и прочие ветви власти выработают свод правил для той ситуации, в которой мы оказались. Надеюсь, вы потерпите те несколько дней, в течение которых будет действовать ЧП. Поверьте мне: это решение принято не сгоряча и далось нелегко.

Уилсон медленно выдохнул, лишь теперь сообразив, что затаил дыхание. Да, мелькнула у него мысль, хоро-

шенькая заварится каша! Корреспонденты изведут своими приставами: «Черт побери, Стив, почему вы нам не сказали? Зачем вам понадобилось водить нас за нос?» И ведь никто из них не поверит, что пресс-секретарь Белого Дома сам ни о чем не подозревал. В конце концов, могли бы и догадаться: подобный шаг вытекал из логики развития событий. Да и он тоже хорош — упустить из виду такую возможность. Интересно, президент с кем-нибудь советовался? Вряд ли, подумал Уилсон. Слишком мало прошло времени, и потом, надо было разбираться с другими проблемами.

Президент пожелал гражданам США спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер президент, — откликнулся Уилсон и удивился выражению лиц спутников.

Глава 28

В комнате для пресс-конференций было темно, лишь тускло светились лампочки притулившихся у стены телетайпов. Уилсон прошел в свой кабинет и уселся за стол. Он потянулся было к выключателю настольной лампы, но вдруг передумал. В свете не было необходимости, а темнота исцеляла. Он откинулся на спинку кресла; впервые за весь день делать было нечего, однако он ощущал внутри себя грызущее беспокойство — именно от того, что срочных дел не предвиделось.

Президент, должно быть, давно уже в постели. Он обычно ложится спать довольно рано, а сейчас почти полночь; к тому же ему не удалось подремать днем. Сэмюэл Хендерсон стареет, подумал Уилсон, и такие встряски не для него. Стив вспомнил, каким усталым выглядел президент, когда приветствовал троих ученых из будущего.

— Вы слышали мое выступление, Стив? — спросил президент, когда ученые ушли.

— Да, в машине.

— И что вы думаете? Как отреагирует население?

— Поначалу плохо. Но затем, пораскинув мозгами, люди поймут, что к чему. Правда, Уолл-Стрит ударится в панику.

— Ничего, разберемся, — отмахнулся Хендерсон.

— Мистер президент, вы ложились бы спать. Денек выдался еще тот. Да, звонил Сэндберг, спрашивал, можно ли ему подjechať.

Интересно, во сколько он лег на самом деле?

Где-то, в одном из тайных помещений Белого Дома, беседовали ученые, снаружи продолжали выходить из своих туннелей люди из будущего, в горах к западу от Вашингтона рыскал во мраке инопланетный монстр. Все-таки верится с трудом. Все произошло настолько быстро, что рассудок отказывается принять случившееся как данность. Несколько часов спустя над миром взойдет заря нового дня, который будет во многих отношениях выдающимся, уникальным в истории человечества.

Из-под двери, что вела в приемную, пробивался свет. Должно быть, кто-то из корреспондентов дожидается новостей. Стука машинок не слышно — впрочем, какая работа среди ночи? Уилсон внезапно вспомнил, что так и не успел съесть свои сандвичи. Он как раз откусил кусочек, когда прибежал Брэд Рейнолдс. При мысли о сандвичах Стив почувствовал, что проголодался. Интересно, репортеры умяли все до последнего или хоть что-то оставили? Голод голодом, однако Уилсону не хотелось выходить на свет, тем более — с кем-либо заговаривать.

Так или иначе, подумалось ему, надо посмотреть, что там на телетайпах. Он выждал какое-то мгновение, поднялся, пересек кабинет и подошел к аппаратам. Начнем с АП, старого доброго АП, которое никогда не гонится за сенсациями и которому можно доверять.

Сзади аппарата громоздились целые ярды рулонной бумаги с текстами сообщений. А вот, похоже, начало нового.

«Вашингтон (АП). Правительство намерено организовать поиски чудовища, из-за которого был уничтожен временной туннель в Вирджинии. Находятся свидетели, которые якобы видели инопланетянина, однако их показания не подтверждаются. Скорее всего мы имеем дело с игрой чересчур разгулявшегося воображения. В район предполагаемого местонахождения чудовища перебрасываются армейские подразделения, отряды федеральной и местной полиции, но вряд ли они приступят к поискам до утра...»

Уилсон принялся бегло просматривать предыдущие сообщения.

«Лондон, Великобритания (АП). Заседание кабинета на Даунинг-Стрит продолжалось всю ночь и не закончилось с наступлением рассвета...

Нью-Дели, Индия (АП). В течение последних десяти часов поток людей и пшеницы из туннелей не ослабевал ни на секунду. Обе проблемы...

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк (АП). По поступающим сведениям, к утру можно ожидать демонстраций протеста не только в Гарлеме, но и в других кварталах. Горожане опасаются, что нашествие из будущего приведет к уменьшению продуктовых пособий и сокращению прочих социальных благ. В полиции отменены все отпуска, полицейские готовятся к переходу на 24-часовой рабочий день...

Вашингтон, округ Колумбия (АП). Президентское решение о запрете на банковские операции и замораживании заработной платы и цен вызвало неоднозначную реакцию...

Москва, Мадрид, Сингапур, Брисбен, Богота, Каир, Киев... Ба, а это что?

«Нэшвилл, штат Теннесси (АП). Преподобный Джейк Биллингс, известный евангелист, призвал к крестовому походу с целью "возвращения людей из будущего в объятия Христа".

Он выступил со своим обращением после того, как узнал, что группа беженцев из недавно закрывшегося туннеля в Фоллз-Черче, штат Вирджиния, отвергла благословение преподобного доктора Энгуса Виндзора, знаменитого вашингтонского проповедника, заявив, что они отрицают не только христианство, но и остальные религии».

«Они пришли к нам за помощью, — сказал преподобный Биллингс, — но помощь, которую они ищут, не та, какую им следует оказать. Вместо того чтобы помочь им углубиться в прошлое, мы должны вернуть их к вере в Христа. Они бегут из будущего, спасая свои жизни, но уже утратили то, что неизмеримо важнее. Я не знаю, что побудило их отвернуться от Христа, зато знаю, что наша обязанность — вернуть их на дорогу, которой следуют души праведников. Я призываю всех христиан присоединиться к моим молитвам».

Уилсон дочитал до конца, вновь уселся за стол, включил свет, поднял телефонную трубку и набрал номер коммутатора.

— Джейн? Да, я узнал ваш голос. Это Стив Уилсон. Пожалуйста, соедините меня с преподобным Джейком Биллингсом. Он живет в Нэшвилле. Да, Джейн, мне известно, который час. Я знаю, что Биллингс спит. Значит, нам придется разбудить его. Спасибо, Джейн. Большое спасибо.

Он откинулся на спинку кресла и мысленно выругался. Обещал ведь президенту связаться с Биллингсом, обещал и забыл! Но кто мог предполагать, что произойдет что-либо в таком роде?

Виндзор, подумалось ему, старый дурак, остолоп несчастный. Какого черта его туда понесло? Вляпался по самые уши, а потом пошел трезвонить направо и налево... Господи Боже, этого нам и не хватало. Теперь виндзоры и биллингсы по всей стране примутся заламывать руки в благочестивом ужасе и призывать к крестовому походу. Да уж, без крестового похода нам никак не обойтись. Будто и без того мало неприятностей!

Телефон тихонько тренькнул. Уилсон снял трубку.

— Преподобный мистер Биллингс на связи, сэр, — сказала Джейн.

— Алло, — проговорил Уилсон. — Это преподобный Биллингс?

— Да, благослови вас Господь, — ответил низкий, исполненный важности голос. — Чем могу служить?

— Джейк, это Стив Уилсон.

— Уилсон? Ах да, пресс-секретарь. Как я не догадался сразу... Мне не сообщили, кто именно звонит, просто предупредили, что звонок из Белого Дома.

Вот жулик, воскликнул про себя Уилсон. Наверняка ожидал, что с ним захочет поговорить президент!

— Давненько мы с тобой не виделись, Джейк.

— Да, — согласился Биллингс. — Сколько лет прошло? Десять?

— Почти пятнадцать.

— Неужели? — удивился священник. — Как летят годы...

— Я звоню по поводу объявленного тобой крестового похода.

— Похода? А, ты про мой замысел вернуть людей из будущего на стезю Господа нашего, Иисуса Христа! Я рад, что ты позвонил. Нам необходима поддержка. Какое счастье, что они пришли к нам! Стоит мне представить, что через какие-то пятьсот лет человечество

отринет веру отцов и дедов, веру, которая вдохновляла людей на протяжении столетий, как я прихожу в отчаяние. Я искренне рад, что ты с нами, очень, очень рад...

— Я не с тобой, Джейк.

— Не со мной? Что ты хочешь сказать?

— То, что сказал; я не с тобой. Пожалуйста, откажись от своей дурацкой затеи.

— Но я не могу...

— Можешь. Нам хватает хлопот и без твоего идиотского похода. Ты, если будешь настаивать на своем, окажешь стране медвежью услугу. Нам бы разобраться с теми проблемами, что уже существуют, а новые и вовсе ни к чему. Сейчас не та ситуация, чтобы позволить преподобному Джейку Биллингсу демонстрировать, какой он благочестивый. Речь идет о выборе между жизнью и смертью, не только для беженцев, но и для всех нас.

— Мне кажется, Стив, ты несколько утрируешь положение дел.

— Возможно, — отозвался Уилсон, — просто меня сильно беспокоят твои планы. Пойми, Джейк, налицо серьезный кризис. Мы должны отправить беженцев в прошлое, прежде чем рухнет наша экономика. Пораскинь мозгами: нам примутся вставлять палки в колеса все подряд — промышленники, профсоюзы, борцы за социальную справедливость, политики, которые воспользуются случаем, чтобы упрочить свои позиции. Так что твоя палка будет явно лишней. Кстати, какая тебе, собственно, разница? Ты столкнулся не с настоящим, а с будущим, которое в обычных условиях находилось бы вне пределов твоей досягаемости. Да, беженцы очутились в настоящем, однако отказ от веры, который они исповедуют, произошел через много лет после нашей с тобой смерти.

— Неисповедимы пути Господни, — провозгласил Биллингс.

— Послушай, Джейк, — сказал Уилсон, — ты же не на кафедре! Прибереги свои высокопарные речи для кого-нибудь другого. Со мной бесполезно и пытаться. Разве ты забыл?

— Стив, ты звонишь от президента?

— Если ты разумеешь, просил ли он меня позвонить тебе, ответ отрицательный. Вполне возможно, он еще не знает, что ты учудил. Но учти: когда его поставят в

известность, тебе несдобровать. Мы с ним разговаривали насчет тебя сегодня днем. Он опасался, что ты так или иначе во что-то ввяжешься, однако такого исхода, по-моему, не предвидел. Я вызвался позвонить тебе, но на меня навалилось столько дел, что не было ни единой свободной минуты.

— Я вижу, куда ты клонишь, — проговорил Биллингс, — и даже как будто понимаю, что тревожит тебя. Но мы смотрим на вещи с разных точек зрения. Для меня мысль о том, что человечество отринет Господа, равносильна мученической смерти. Она противоречит всему, чему меня учили, всему, чем я жил и во что верил.

— Не переживай, Джейк, — посоветовал Уилсон. — Зараза не распространится, ведь будущее заканчивается через пятьсот лет.

— Но они уходят в прошлое...

— Надеюсь, — с горечью в голосе произнес Уилсон. — Они уйдут, если им не помешают такие люди, как ты.

— Если они уйдут, — возразил Биллингс, — то начнут все заново. Мы дадим им то, без чего невозможно начать. Они понесут в новое время, на новые земли, свою лишенную Божественной благодати культуру, выйдут когда-нибудь в космос, передадут свое неверие жителям других планет... Нет, Стив, этого не должно случиться.

— Ты волен считать, как тебе нравится, но не навязывай своего мнения окружающим. Мне, откровенно говоря, наплевать на то, что заботит тебя, и я не одинок. Неужели ты не замечаешь истоков безверия в настоящем? Скорее всего, замечаешь и потому затеял весь этот сыр-бор. Ты, верно, спрашиваешь себя, что тебе нужно сделать, чтобы предотвратить эпидемию атеизма.

— Наверное, ты прав, — ответил Биллингс. — Я как-то не задумывался. Тем не менее мои убеждения запрещают мне оставаться сторонним наблюдателем.

— Иными словами, ты намерен продолжать? И тебя не смущают последствия? Значит, расшевелишь народ, оседлаешь белого коня — и вперед?

— Я должен, Стив. Моя совесть...

— Ты не передумаешь? Может, я позвоню попозже? Доказывать не имело смысла. Благочестивый безумец отказывался внять голосу разума. Да, подумалось

Уилсону, Биллингс ничуть не изменился со студенческой поры. Уже тогда можно было смело биться об заклад, что он, что бы ему ни говорили, не услышит никого, кроме себя.

— Позвони, если хочешь, — отозвался Биллингс. — Но я не передумаю. Я знаю, что мне делать. Ты не переубедишь меня.

— Спокойной ночи, Джейк. Извини, что разбудил.

— Ты меня не разбудил. Я не собирался сегодня ложиться спать. Рад был побеседовать с тобой, Стив.

Уилсон повесил трубку. Возможно, если бы он действовал иначе, не давил бы на Биллингса, ему удалось бы чего-то добиться. Нет, поправил он себя, любая попытка была заранее обречена на провал. Биллингс никогда не отличался рассудительностью. Пожалуй, свяжись он с преподобным отцом днем, сразу после разговора с президентом, он сумел бы умерить пыл Биллингса. Впрочем, нет, не сумел бы. Биллингс безнадежен.

Он посмотрел на часы. Почти два. Уилсон снова снял трубку и набрал номер Джуди. На другом конце послышался сонный голос девушки.

— Я разбудил тебя?

— Нет, я дожидалась, когда ты приедешь. Почему ты задержался, Стив?

— Пришлось ехать в Форт-Майер, за учеными, и везти их сюда. Они сейчас в лапах наших академиков. У меня ничего не получится, Джуди.

— То есть ты не приедешь?

— Мне велено оставаться поблизости. Ситуация меняется каждые пять минут.

— Ты же к утру будешь валиться с ног.

— Прикорну на кушетке в приемной.

— Давай я приеду, посторожу, чтобы тебя никто не украл.

— Не надо, мало ли что. Ложись. Если хочешь, можешь слегка опоздать. Я разрешаю.

— Стив...

— Да?

— Все идет наперекосяк?

— Пока трудно сказать.

— Я видела выступление президента. Ну и передрыга! Такого еще не бывало.

— Все когда-то случается впервые.

— Я боюсь, Стив.

— Я тоже, — ответил Уилсон. — Утром все станет иначе, все и вся, и мы в том числе.

— У меня такое ощущение, — проговорила Джуди, — будто земля уходит из-под ног. Я беспокоюсь за мать и сестру в Огайо. Мы с мамой так давно не виделись.

— Позвони ей. Возможно, почувствуешь себя лучше.

— Я пыталась, несколько раз, но линия постоянно занята. Все словно с ума посходили, звонят и звонят. Как в выходной. Люди обезумели.

— Я только что говорил с другим городом.

— Естественно, ты же в Белом Доме. Для тебя освободят любую линию.

— Ничего, позвонишь завтра. Я думаю, завтра все придет в норму.

— Стив, ты точно не сможешь приехать? Ты мне нужен.

— Извини, Джуди, никак. Не знаю почему, но я чувствую, что вот-вот понадобится.

— Тогда до завтра.

— Постарайся заснуть.

— И ты. Перестань ломать голову и ложись спать, иначе завтра ты будешь хорош.

Уилсон пожелал Джуди доброй ночи и повесил трубку. Интересно, подумалось ему, и чего я здесь торчу? Ведь сейчас в том нет ни малейшей необходимости. Вот именно, сейчас. А в следующий миг может начаться черт-те что.

«Поспать, что ли?» — спросил он себя, но обнаружил, что этого ему совершенно не хочется. Слишком велико напряжение; какой уж тут сон. В сон будет клонить потом, когда исчезнет всякая возможность сомкнуть глаза. Усталость наверняка потребует свое. Но теперь он чересчур взбудоражен, чтобы спать.

Уилсон вышел из кабинета и направился на улицу, на лужайку перед зданием. Тихая ночь предвещала суматоху наступающего дня. Город отдыхал. Вдалеке зафырчал автомобильный двигатель, но поблизости не было видно ни единой машины. Колонны парадного входа тускло мерцали в ночной темноте, посеребренные лучами усыпавших небо звезд. Неожиданно безоблачный небосвод прочертил красный огонек. Откуда-то донесся рокот двигателей. Из мрака под деревьями выступила черная фигура.

— Все в порядке, сэр? — спросил голос.

— Да, — сказал Уилсон. — Просто решил подышать свежим воздухом.

Он разглядел, что говорит с солдатом из оцепления. На шее у того висел карабин.

— Вы особенно не разгуливайте, — посоветовал солдат. — Нас здесь много, неровен час, кого-то нервишки подведут.

— Не буду, — пообещал Уилсон. — Пойду прямо к себе.

Он прислушался к тишине, ощутил спокойствие ночи, однако ему почудилось, что он улавливает, вдобавок, нарастающее исподволь напряжение.

Глава 29

Элмера Эллиса разбудил непонятный звук. Фермер уселся на постели, стараясь собраться с мыслями. На столике рядом с кроватью громко тикал будильник. Жена Эллиса, Мэри, приподнялась на локте и сонно спросила:

— Что случилось, Элмер?

— Кто-то забрался в курятник, — ответил Элмер, сопоставив наконец все возможности.

Звук повторился: да, сомневаться не приходилось — в курятнике испуганно верещали цыплята. Элмер откинул одеяло и вскочил так быстро, что ушиб пятки о холодный пол. Он нащупал брюки, натянул их на себя, влез в башмаки и рванулся к двери, забыв завязать шнурки. Переполох в курятнике продолжался.

— Где Тайг? — справилась Мэри.

— Чертова псина, — прорычал Элмер. — Верно, гоняется за опоссумом!

Он ринулся в кухню, сорвал со стены ружье, сунул в карман пригоршню патронов из ягдташа, что висел под колышками для ружья, нашарил еще два и заложил их в патронник. Сзади послышалось шлепанье босых ног.

— Возьми фонарь, Элмер. Без него ты ничего не увидишь.

Он выхватил у жены фонарь и устремился во двор. Снаружи было темно, хоть глаз выколи, и Эллис осветил фонарем ступеньки крыльца, чтобы ненароком не споткнуться. Судя по шуму, в курятнике по-прежнему царил кавардак; Тайг не показывался.

Странно, очень странно. В запале он обвинил собаку в том, что она гоняется за опоссумом, но в глубине души признавал, что погорячился. Тайг не таков, чтобы самовольно удрать на охоту. Он слишком стар и без ума от своего места под крыльцом.

— Тайг, — позвал Элмер вполголоса.

Пес заскулил: оказывается, он прятался под крыльцом.

— Что за черт? — пробормотал Эллис. — Ты чего, приятель?

Внезапно ему стало страшно, как никогда раньше. Даже в тот раз, когда угодил в переделку во Вьетнаме, он испугался не так сильно. Нет, то был иной страх: он словно ощутил прикосновение чьей-то холодной руки, которая вцепилась в него и не желала отпускать. Собака заскулила вновь.

— Вылезай, приятель, — сказал Элмер. — Ну, вылезай.

Тайг не послушался.

— Ну ладно, обойдусь без тебя.

Светя фонарем, Эллис пересек двор и подошел к двери курятника. Он прислушался: цыплята будто спятили. Фермер вырутался сквозь зубы. Давно надо было починить его, заложить все дыры, — нет, дождался, пока заберется лиса. Однако что же это за лиса, которая не боится ни света, ни звука человеческого голоса? Наверно, ласка или норка, а может, енот.

Элмер в нерешительности топтался у двери. Так или иначе отступать поздно. Какой же он мужчина, если повернется и уйдет? И чего он так перепутался? А, из-за Тайга. Пес не захотел вылезти из-под крыльца, скулил от страха и заразил своей трусостью хозяина.

— Чертова псина, — повторил Эллис.

Он откинул защелку, распахнул дверь настежь, взял ружье в правую руку, а левой поднял фонарь на уровень груди и посветил в темноту. Сначала ему в глаза

бросились перья, что кружились в воздухе. Потом он увидел мечущихся цыплят, а среди них...

Элмер Эллис уронил фонарь, закричал дурным голосом и выпалил из ружья, разрядил сперва один ствол, а затем другой, почти одновременно, так что грохот выстрелов слился воедино.

И тут твари накинулись на него, десятками, сотнями, слабо различимые в свете упавшего на землю фонаря — крохотные чудища, какие могут привидеться разве что в кошмарном сне. Едва сознавая, что делает, он перехватил ружье за дуло и принялся орудовать им как дубиной, круша все и вся вокруг себя.

В лодыжку ему впились острые зубы, что-то тяжелое ударило в грудь, когти расплосковали левую ногу от бедра до колена. Элмер понял, что падает, сообразил, что приближается последний час. Он опустился на колени. Один звереныш укусил его за руку. Он попытался оторвать мерзавца, но второй в этот миг вонзил когти ему в спину, и он рухнул навзничь, кое-как прикрыл голову рукой и подтянул колени, чтобы уберечь живот.

Неожиданно все закончилось. Никто больше не кусал Элмера, не старался разорвать его на кусочки. Твари сгнули во мраке.

Приподняв голову, Элмер заметил в луче света того, который двигался позади, и лишь теперь рассмотрел как следует, кто побывал у него в курятнике. Зрелище исторгло из груди фермера истошный вопль. Немного оправившись, он огляделся по сторонам, затем попробовал встать, но не устоял на ногах. Тогда он пополз к дому, цепляясь пальцами за землю. Рука и нога были мокрыми от крови, спина болела все сильнее. В кухне горел свет. Тайг выбрался из-под крыльца и, поскуливая, подковылял к хозяину. Мэри сбежала по ступенькам вниз.

— Звони шерифу! — крикнул Элмер, превозмогая боль. — Звони!

Жена хотела было помочь ему подняться, но он оттолкнул ее.

— Звони шерифу! Он должен знать!

— Ты же весь в крови!

— Со мной все в порядке, — отрезал Элис. — Они удрали. Мы должны предупредить соседей. Ты не видела их... и слава Богу...

— Я не могу бросить тебя здесь. Тебе нужен врач.

— Сначала шериф, доктор подождет.

Мэри побежала обратно в дом. Элмер преодолел ползком несколько футов и замер. Тайг осторожно подобрался к нему и начал облизывать лицо.

Глава 30

Когда все расселись, доктор Сэмьюэл Айвз объявил заседание открытым.

— Наша встреча, — произнес он, — знаменует собой величайшее событие в истории человечества. Многие годы мы в большинстве своем размышляли над проблемой необратимости времени. Двое, доктор Эсбери Брукс и ваш покорный слуга, посвятили исследованиям не один десяток лет. Думаю, доктор Брукс не обидится на меня, если я скажу, что мы с ним не добились, несмотря на все наши старания, сколько-нибудь значительных успехов. Профаны могут оспорить ценность исследований природы времени, поскольку время для них — категория скорее философская, нежели физическая, однако всем присутствующим здесь известно, что под термином «время» понимается некоторая совокупность законов физики. Если мы на самом деле стремимся постичь суть понятий, которыми пользуемся как в повседневной жизни, так и в научной работе, нам следует спросить себя, каковы физические предпосылки расширения Вселенной, теории информации, а также термодинамического, электромагнитного, биологического и статистического векторов времени. При описании любого физического феномена мы прибегаем к переменной времени, параметру первого, самого элементарного уровня. Нас всех интересовал и интересует вопрос, существует ли нечто, что можно

определить как универсальное время, или же протяженность времени ограничена. Кое-кто полагает, что в последней гипотезе содержится по крайней мере крупица истины, что фактор времени во Вселенной возник едва ли не по чистой случайности в момент зарождения мироздания и проявляет себя именно с тех пор. Все мы, как мне кажется, сознаем, что наши рассуждения о природе времени упираются в проблему направления временного потока, и, вполне возможно, потому-то нам так трудно сформулировать основанную на явлениях действительности теорию того, что мы характеризуем словом «время». — Он взглянул на ученых из будущего. — Прошу прощения за столь длинное предисловие. Вы знаете намного больше нашего, а потому оно могло произвести на вас впечатление детского лепета. Однако я счел необходимым обрисовать вам то положение, в котором находится наша наука. Теперь ваша очередь, господа. Мы все внимание. Кто из вас начнет?

Хардвик и Каммингс переглянулись, затем первый откашлялся и проговорил:

— Пожалуй, я. Позвольте поблагодарить вас за ту готовность, с которой вы согласились встретиться с нами в столь поздний час. Боюсь, мы разочаруем вас, ибо о фундаментальных законах природы вообще и времени в частности нам известно сравнительно мало. Мы задавали себе отдельные вопросы из числа тех, о которых упоминалось выше, но так и не нашли ответов...

— Но вы перемещаетесь во времени, — перебил Брукс. — Значит, вы должны что-то знать о нем. По меньшей мере основополагающие принципы...

— Мы установили, что наша Вселенная — не единственная, — пустился в объяснения Хардвик. — По нашим расчетам, в одном и том же пространстве сосуществуют как минимум две вселенные, причем они настолько отличаются друг от друга, что при обычных условиях «перегородка» между ними непроницаема. Я не стану сейчас вдаваться в подробности того, каким образом мы обнаружили другую вселенную и что мы о ней знаем. Скажу только, что это, судя по всему, не антиматерия, поэтому опасаться взрыва не приходится. Кстати, предположить возможность существования параллельной вселенной нас вынудило изучение некоторых достаточно странных частиц. Не то чтобы они

принадлежали к иному миру, нет, просто порой они подчинялись действию физических законов, противоречивших нашим. Итак, две несхожие между собой вселенные, разделенные почти непреодолимой преградой, через которую проникают разве что частицы, причем чтобы заметить их, требуется не усидчивость, а слепая случайность, благоприятное стечение обстоятельств. Нам повезло: случай открыл для нас параллельную вселенную и позволил кое-что узнать о ее строении. Я частенько спрашиваю себя, не стоит ли подвергнуть тщательному изучению удачу, или случай, называйте как хотите, с тем, дабы точнее определить ее параметры. Так вот, мы кое-что узнали о параллельном мире, кое-что удивительное и одновременно обескураживающее. Нам стало известно, что время там движется в направлении, противоположном нашему. То есть развитие все равно идет от прошлого к будущему, но при сопоставлении с нашим миром как бы переворачивается с ног на голову, и для нас время там течет из будущего в прошлое.

— Я что-то не пойму, — вмешался Айвз. — Проблема, по всей видимости, необычайно сложная, однако вы за двадцать лет...

— Вы преувеличиваете наши заслуги, — заметил Каммингс. — Да, мы разработали теорию перемещений во времени, но сведения, которые только что изложил доктор Хардвик, попали в наше распоряжение задолго до начала работы над проектом. На вашем прежнем пути вы бы узнали о существовании параллельной вселенной менее чем через сто лет. Обратный вектор времени исследовался нами на протяжении едва ли не четырех веков. Насущнее всего была задача использования обратного хода времени для перемещений в нем. Лично мы всего-навсего довершили то, что начали предки. На мой взгляд, теория, если бы в ней возникла необходимость, могла быть создана еще до вторжения инопланетян. Однако нас ничто к этому не побуждало, если не считать, разумеется, научного любопытства. К тому же в нормальных условиях такой способ путешествий во времени, когда ты можешь уйти лишь в прошлое без всякой надежды на возвращение, не слишком привлекателен.

— Когда было принято решение о бегстве в прошлое, — продолжал Хардвик, — мы взялись за работу.

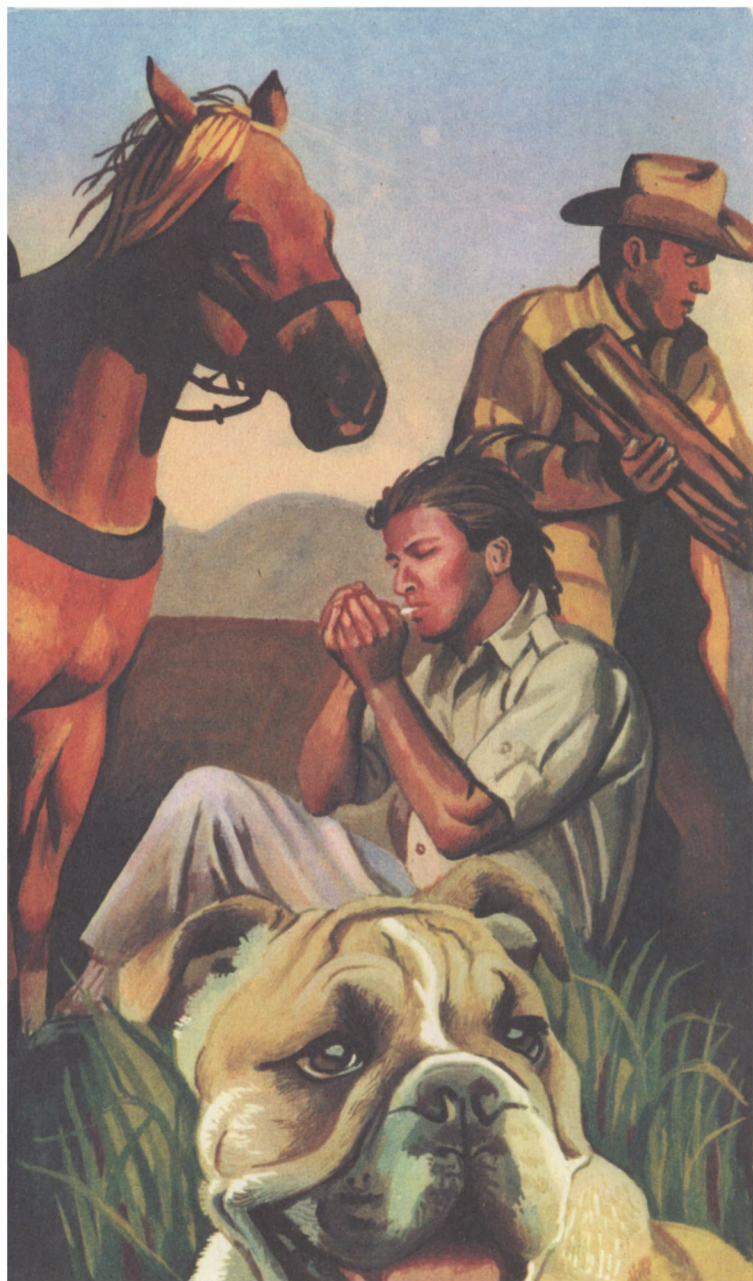
История науки знает немало примеров, когда непосвященные пытались обвинить ученых-теоретиков в пустой трате средств. Зачем нам теория? — спрашивали они. Какой от нее толк? Что мы с ней будем делать? Мне кажется, наша ситуация может послужить превосходной иллюстрацией практической ценности теоретических исследований. Вы понимаете, изучение параллельной вселенной с ее обратным ходом времени было чисто теоретическим, никто и не предполагал, что средства и усилия когда-либо окупятся. Тем не менее они окупились. Человечеству, благодаря теории, представился шанс спастись от смертельной угрозы.

— Насколько мне удалось разобраться, — сказал Брукс, — вы попали к нам благодаря тому, что воспользовались обратным вектором времени параллельной вселенной. Ваши туннели — нечто вроде ловушек, правильно? Вы входите в обратный поток у себя, а выходите у нас. Однако, чтобы достичь этого, вам нужно было ускорить течение времени и, вдобавок, добиться над ним контроля.

— Да, нам пришлось изрядно помучиться, — признал Хардвик. — Теорию разработать было несложно, а вот применить! Правда, как потом выяснилось, все было очень просто.

— То есть вы полагаете, что мы справимся?

— Мы уверены, — ответил Хардвик. — Вот почему мы выбрали именно ваше время. Мы искали период, обитатели которого способны воспринять и понять нашу теорию, а также изготовить необходимое оборудование. Кроме того, естественно, учитывались и другие факторы, например, наличие в обществе такого интеллектуального и морального климата, при котором нам не откажут в помощи, равно как и достаточно развитая экономика: ведь откуда иначе возьмутся те инструменты и приспособления, какие наверняка понадобятся нам в миоцене? Вероятно, наши рассуждения кажутся вам несколько эгоистичными. У нас есть лишь одно оправдание. Если бы мы не ушли в прошлое, к вам или в иное время, история человечества как вида оборвалась бы пятьсот лет спустя от вашего сегодня. Теперь же вы перешли на иной путь развития — этот феномен мы, с вашего разрешения, обсудим позднее, — и вполне возможно, хотя и нельзя утверждать с полной уверенностью, что нам удастся избежать вторжения из космоса.

— Доктор Осборн до сих пор не принимал участия в разговоре, — заметил Айвз. — Вы не хотите что-либо добавить?

— Увы, господа, вы обсуждаете то, что находится вне пределов моей компетенции, — отозвался Осборн, покачав головой. — Я не физик, а геолог, причем со склонностью к палеонтологии. Меня взяли, так сказать, за компанию. Может статься, я присоединюсь к вам позднее, в случае, если кто-то пожелает подробнее узнать про место нашего назначения, миоцен.

— Что касается меня, — заявил Брукс, — я бы хотел послушать вас прямо сейчас. До меня доходили слухи, что якобы нам предложили отправиться в прошлое вместе с вами. Очевидно, это привлечет романтиков, которых среди нас немало. Многие люди переживают из-за того, что им выпало родиться не в эпоху географических открытий. Тем более, в прошлом сами собой исчезнут, в значительной мере, существующие ныне ограничения. Пожалуйста, расскажите нам, что вы рассчитываете найти в миоцене.

— Что ж, если никто не против, — сказал Осборн, — я охотно удовлетворю ваше любопытство. Вы, конечно, отдаете себе отчет, что мы вынуждены исходить из ряда гипотетических допущений, хотя в достоверности отдельных фактов ничуть не сомневаемся. Основная причина, по которой мы выбрали миоцен, состоит в следующем: в ту эпоху на Земле появилась трава. На том, почему мы так считаем, я, пожалуй, останавливаться не буду. Или все же стоит? Ну, во-первых, именно тогда травоядные приобрели зубы, пригодные для поедания травы. Их численность стала быстро возрастать. Климат сделался немного более засушливым, однако наши выкладки показывают, что на развитие сельского хозяйства дождевой влаги хватит. Во-вторых, лесные чащобы в известной степени потеснились, уступили место травянистым равнинам, на которых стали пастись огромные стада животных. Некоторых из этих животных мы знаем, но я уверен, что нам попадутся и те, о ком мы даже не подозревали. К примеру, нас встретят стада ореодонтов, возможно, дальних родственников современных верблюдов, размерами с овцу. Верблюды, кстати, в миоцене будут тоже, впрочем, поменьше тех, что живут сегодня. Еще мы можем рассчитывать на встречу с табунами маленьких, вроде

пони, лошадек, с носорогами и даже со слонами, которые на заре миоцена переселились в Северную Америку из Азии, перейдя по перешейку, что составляет ныне дно Берингова пролива. Одно из самых опасных животных той эпохи — гигантская свинья, ростом с быка и с бивнями длиной в четыре фута каждый. Помимо травоядных в миоцене хватает и плотоядных, как псовых, так и кошачьих. Например, весьма вероятно встреча с предками саблезубых тигров. Разумеется, мой отчет далеко не полон. Я намеренно опускаю многие факты. Суть же в том, что миоцен является, с нашей точки зрения, периодом ускоренной эволюции, когда, скажем, та же фауна приобрела новые виды и подвиды, причем отчетливо просматривается тенденция к увеличению размеров животных. Может быть, мы столкнемся с ходячими пережитками олигоцена и даже эоцена, я не знаю. Может быть, нам будут угрожать некоторые млекопитающие, ядовитые змеи и насекомые. Тут у нас слишком мало сведений, на которые можно опереться.

— Однако вы полагаете, — подытожил Брукс, — что миоцен годится для заселения и человек выживет.

— Совершенно верно, — согласился Осборн. — Леса прошлых эпох сменяются прериями, то есть появляются пространства под пашни. Деревьев же, несмотря на сокращение площадей лесных массивов, остается в избытке. Появляется, опять-таки, трава для домашнего скота. Интенсивность проливных дождей, характерных для ранних геологических периодов, заметно снижается. Иными словами, человек сможет жить, что называется, с земли. Изобилие дичи, орехов, ягод, плодов, кореньев, отличная рыбалка! Климат вызывает у нас определенные сомнения, однако мы предполагаем, что он будет ровнее вашего нынешнего. По нашим расчетам, летом будет жарко, но зимой менее холодно. Правда, гарантировать такое нельзя.

— Короче говоря, — сказал Брукс, — вы твердо намерены уйти.

— А что нам остается? — тихо спросил Осборн.

Глава 31

Стив Уилсон вошел в свой кабинет. Настольная лампа, которую он оставил включенной, отбрасывала на потолок круг света. У стены стрекотали телетайпы. Почти три, подумал он, надо ложиться и постараться заснуть. В конце концов, у него четыре часа или около того свободного времени. Когда Уилсон приблизился к столу, из кресла ему навстречу поднялась Элис Гейл. На ней было все то же белое платье. Интересно, подумалось Уилсону, ей что, больше нечего надеть? Скорее всего, ответил он сам себе. Люди из будущего, похоже, решили не обременять себя багажом.

— Мистер Уилсон, — проговорила девушка, — мы ждали вас, надеялись, что вы вернетесь. Папа хочет поговорить с вами.

— К вашим услугам, — отозвался Уилсон. — Доброе утро, мистер Гейл, — прибавил он.

— Мне, признаться, не по себе, — сказал Гейл, выступая из мрака и кладя на стол свой портфель. — Я не знаю, как поступить. Возможно, вы подскажете мне, что следует предпринять. На мой взгляд, вы разбираетесь в таких вещах.

Уилсон внутренне напрягся. Он почувствовал, что Гейл пришел к нему с чем-то серьезным, и понял, что наверняка окажется в затруднительном положении.

— Мы сознаем, — продолжал Гейл, — что наше появление привело к почти катастрофическим последствиям, а потому постарались хоть как-то поправить положение. Туда, где, как нам было известно, станет

ощущаться нехватка продовольствия, мы направили пшеницу и другие продукты. Мы готовы на любую работу, ибо у нас множество незанятых рабочих рук. Однако строительство туннелей, а также изготовление инструментов, необходимых нам для переселения в миоцен, требует огромных расходов. — Он пододвинул портфель ближе к лампе и раскрыл его. Уилсон увидел маленькие кожаные мешочки. Гейл взял один из них, развязал и высыпал на стол груду ограненных камней, засверкавших на свету. — Вот. Это бриллианты.

— Почему? — выдавил Уилсон, судорожно сглотнув. — Почему бриллианты? И почему я?

— Они обладают достаточной ценностью и удобны для транспортировки, — объяснил Гейл. — Мы знаем, что, если их выбросить на рынок все сразу, цена резко упадет. Но если продавать постепенно, небольшими партиями, они обернутся значительной прибылью, в особенности при условии, что вы скроете источник их происхождения. Мы проявили при отборе сугубую осторожность, всячески стремились к тому, чтобы избежать парадоксов. Нам не составило бы труда забрать из будущего знаменитые самоцветы, которые существуют и в вашем настоящем. Однако мы поступили иначе: все камни, которые вы видите перед собой, найдены и обработаны в будущем. Все они неизвестны вам.

— Уберите их, — пробормотал Уилсон. — Господи Боже, да вы представляете, что случится, если кто-нибудь вдруг узнает, каково содержание вашего портфеля? Миллиарды долларов...

— Вы правы, — совершенно спокойно подтвердил Гейл. — Здесь камней на общую сумму, по вашим ценам, около триллиона долларов. В наше время они стоили гораздо дешевле. Мы не так ценим подобные предметы, в отличие от вас. — Он неторопливо собрал бриллианты, сложил их в мешочек, сунул в портфель и защелкнул замок.

— Мне жаль себя, — произнес Уилсон. — Как было хорошо, когда я ничего не знал.

— Но мы должны были открыться вам, — возразила Элис. — Неужели вы не понимаете? Вы единственный, с кем мы достаточно близко знакомы, единственный, кому мы можем доверять. Подскажите же, как нам поступить.

— Давайте для начала сядем, — предложил Уилсон, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Громко говорить не следует, мало ли кто может зайти ко мне.

Все трое уселись в кресла, которые составили в ряд.

— Объясните мне толком, что к чему, — сказал Уилсон.

— Мы полагали, — проговорил Гейл, — что доходы от продажи этих камней в какой-то мере компенсируют затраты, связанные с нашим пребыванием здесь. Камни предназначаются не какому-то отдельному народу или государству, а всем народам и государствам Земли. Возможно, следует создать специальный фонд, а когда все камни будут проданы, распределить вырученные средства в зависимости от расходов, понесенных той или иной страной.

— В таком случае...

— Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Почему мы не разделили бриллианты по количеству государств? По двум причинам. Во-первых, чем больше людей вовлечено в осуществление замысла, тем вероятнее, что новость просочится в газеты. Успех возможен, лишь если мы сократим количество посвященных до минимума. С нашей стороны о плане знают всего шесть человек. С вашей — пока только вы. Во-вторых, дело в том, кому можно доверять. Из истории нам известно, что доверия заслуживают два правительства — американское и английское. Мы тщательно все взвесили и остановили свой выбор на Соединенных Штатах. Кстати, первоначально предлагалось обратиться в ООН. Но, скажу откровенно, эта организация кажется нам ненадежной. Мне поручили передать бриллианты президенту США. Однако, увидев, сколько проблем придется ему решать, как он волей-неволей зависит от мнений других, я отказался от намеченного плана.

— Я знаю лишь одно, — буркнул Уилсон. — Вы не можете постоянно таскать с собой свой портфель. Пока он при вас, вам необходима охрана. Вообще же его нужно поместить в безопасное место, например, в Форт-Нокс *, если правительство согласится.

* Военная база в штате Кентукки, где хранится золотой запас США.

— Вы понимаете, мистер Уилсон, что ко мне приставят охрану? По совести говоря, я не в восторге от такого предложения.

— Боже мой! — воскликнул Уилсон. — Прямо голова крутом идет. — Он снял телефонную трубку, набрал номер. — Джейн, вы все еще на дежурстве? Не знаете, президент лег?

— Да, примерно час назад.

— Хорошо, — одобрил Уилсон. — Давно пора.

— Что-нибудь срочное, Стив? Он распорядился, если что-нибудь срочное, разбудить его.

— Нет, нет, не настолько. Джейн, вы можете найти Джерри Блэка?

— Попробую. Кажется, он где-то здесь.

В комнате установилась тишина, которую нарушало только стрекотание телетайпов. Гейл и Элис сидели неподвижно. Из-под двери, что вела в приемную, по-прежнему пробивался свет.

— Простите, что доставили вам столько хлопот, — сказала девушка Уилсону. — Но мы были в полной растерянности...

— Все в порядке, — успокаивающе отозвался Уилсон.

— Для нас это очень важно, — продолжала Элис. — Важно знать, что мы пришли не как нищие, не за подаванием. Мы заплатили за причиненные вам неудобства.

В коридоре послышались шаги, дверь распахнулась, и в кабинет вошел Джерри Блэк.

— Что стряслось, Стив? — справился он.

— Мне нужны двое крепких парней.

— Один есть, другого найдем.

— Я хочу попросить тебя об одолжении, от собственного имени, а утром ты получишь бумагу за подписью президента.

— О'кей, Стив, для президента я сделаю все.

— Да, это для него.

— Ну, выкладывай.

— У мистера Гейла есть портфель. Что внутри, я тебе не скажу, да ты и сам не захочешь знать. Твоя задача — проследить, чтобы к этому портфелю никто не прикасался до тех пор, пока мы не решим, как с ним быть.

— Договорились. Ты уверен, что нужны двое?

— Думаю, так будет надежнее.

— Ладно, — сказал Блэк. — Разрешите, я позвоню.

Глава 32

Когда Инек Рейвен уселся за машинку, в небе занимался серый рассвет. За окном виднелись зеленые вирджинские холмы, из листвы деревьев и кустарников доносилось щебетанье просыпавшихся птиц. Пальцы Инека на мгновение застыли в воздухе над машинкой, а потом опустились на клавиши и запорхали по ним, не останавливаясь ни на миг. Инек не тратил времени на раздумья, ибо поставил себе за правило, которого придерживался много лет, обдумывать все перед тем, как приниматься за работу. Он составлял в уме набросок статьи, оттачивал формулировки, чтобы читателям впоследствии не пришлось доискиваться до смысла, мысленно воздвигал стройные, логически безупречные конструкции, нанизывал фразы одну на другую. Сейчас он печатал следующее:

«Сегодня произошло событие, которое грозит обернуться величайшим в истории кризисом. Необычность ситуации подчеркивается тем, что кризис, если его не удастся избежать, возникнет не по тем причинам, к которым мы привыкли. Впрочем, по зрелом размышлении нетрудно прийти к выводу, что он проистекает из обстоятельств, о которых уже давно рассуждают на всех углах, а именно — из перенаселенности и связанных с нею экономических проблем. Однако еще вчера утром никто не мог предположить, что кризис надвигается, что все произойдет за один-единственный день.

Ситуация, в которой оказался мир, настоятельно требует разрешения, причем не после продолжительного изучения, а в течение максимум нескольких недель. Грубая реальность такова, что тех, кто обратился к нам за помощью, мы сможем прокормить на протяжении крайне ограниченного периода. Они признают, что предвидели трудности, которые вызовет их прибытие, а потому готовы поделиться с нами своими знаниями, чтобы хоть как-то сгладить нежелательные последствия. Мы также можем воспользоваться их инструментами. Положение дел, таким образом, требует добровольного содействия каждого из нас. Это не пустые слова, не политическая риторика; нет, они продиктованы здравым смыслом.

В первую очередь от нас требуется терпение, желание принести известные жертвы и готовность вытерпеть определенные неудобства. Возможно, в мире станет меньше продовольствия, да и качество его ухудшится. Возможно, кому-то придется отложить покупку новой машины. Возможно, мы вынуждены будем отказаться от мысли обменять старую газонокосилку на новую, хотя старая вот-вот сломается окончательно. Экономическая энергия и ресурсы управления, которые при нормальных условиях были бы направлены на производство и распределение товаров и услуг, пойдут на то, чтобы отправить наших потомков дальше в прошлое, снабдив их предварительно инструментами и приспособлениями, без которых они не выживут. Может статься, Детройту поручат прекратить выпуск автомобилей и заняться плутами и прочим сельскохозяйственным оборудованием. Может статься, мы с вами — добровольно или по распоряжению правительства — ограничим собственные потребности. Президент Хендерсон поступил мудро, объявив о запрете на банковские и торговые операции и о замораживании цен и заработной платы, однако он не сделал пока следующего шага — не издал указа против накопления. Сейчас не то время, чтобы соблюдать бюрократические проволочки, поэтому необходимо срочно лимитировать потребление продовольственных и других жизненно важных товаров. Вполне понятно, почему мистер Хендерсон медлит — он исходит из политических соображений. Тем не менее именно от столь непопулярных действий администрации зависит, выстоим мы или нет.

Едва ли нужно указывать, что примеру нашего президента должны последовать руководители других стран. Очевидно, Великобритания, Россия, Франция, Германия, Япония, Китай и, вероятно, прочие государства предпримут те или иные меры до того, как эта статья будет напечатана. Но ситуация предполагает согласованные действия всего мирового сообщества, а не только крупнейших держав. Проблема, с которой мы столкнулись, имеет общемировое значение, поэтому временные ограничения экономического характера должны распространяться на весь мир.

Появление людей из будущего неминуемо приведет к разбросу мнений в интеллектуальной среде, причем некоторые из них наверняка будут покоиться на весьма шатких основаниях. Отличная иллюстрация сему — публичная истерика преподобного Джейка Биллингса, одного из наиболее ярких представителей наших евангелистов, которого потрясло открытие, что люди из будущего отвергают религию, считают ненужной, не признают ее ценности. Разумеется, для церковников это — катастрофа, но в настоящий момент отношение наших потомков к религии не является предметом первостепенной важности. Мы вправе предположить, что подобных недоразумений будет еще немало, однако следует сказать сразу: они могут и должны подождать. Привлечение к ним внимания будет лишь содействовать расслоению общества, процессу, которого и так не миновать в связи с решением насущных задач.

Чтобы правильно оценить сложившуюся ситуацию, нам не хватает ни времени, ни достоверных фактов. Кое-что мы знаем, но гораздо больше остается за пределами наших знаний и станет доступно нам только через какой-то более или менее протяженный срок. Вероятно, отдельные сведения окажутся, мягко говоря, сомнительными — не по чьему-то злому умыслу, а просто в силу того что не было возможности разобраться в них и определить, какие сильнее похожи на истину.

Разумеется, изучать положение дел, вникая в малейшие подробности, некогда; мир должен действовать, и незамедлительно. Тот факт, что ставка неизмеримо велика, требует от общества всяческой поддержки правительства. Буря критики, отказ соглашаться с позицией властей приведут к тому, что принятие срочных мер задержится, то есть поставят человечество на грань

кризиса, о котором говорилось выше. Возможно, люди, находящиеся в Белом Доме, Уайтхолле или Кремле, во многом ошибаются, но не стоит думать, будто они злонамеренны или глупы. Нет, они всего-навсего делают то, что искренне полагают нужным.

Меня могут спросить: а как же демократическая форма правления? Ведь демократия подразумевает участие народа в управлении государством, вынесение спорных вопросов на суд общества, принятие решений, не идущих вразрез с волей населения той или иной страны. Но сегодня мы не в состоянии позволить себе такую роскошь. Да, на месте руководителей государства мы поступили бы иначе, вот так и так, не стали бы наступать кое-кому на любимые мозоли, обошлись бы без нарушений понятий справедливости и частной собственности. Однако терпение означает, в том числе, если не молчаливое согласие с действиями властей, то хотя бы не чрезмерно громкие возражения.

Катастрофа угрожает не отдельной стране, отдельной политической партии или деятелю, не одному народу или региону, но всему миру. Я не рискну даже предположить, что может произойти. Я понимаю, что ряд мер мне лично не понравится, что многое, на мой взгляд, будет претворено в жизнь совсем не так, как следовало бы. В прошлом я неоднократно высказывал мнение, не соответствовавшее точке зрения администрации президента, да и теперь, возможно, когда все кончится, не удержусь от того, чтобы не указать на вопиющие просчеты, которые, вне всякого сомнения, будут иметь место. Но, начиная с сегодняшнего дня, я, в качестве моей жертвы на алтарь терпения, ввожу наисуровейшую цензуру на собственные если не мысли, то печатные материалы. Я вступаю в партию тех, кто обязуется держать рот на замке, и призываю всех вас присоединиться ко мне».

Глава 33

Он кое-как взобрался на дерево, примостился на ветке, затем повис на ней, непонятно, с какой стати, и тут подул ветер, и он отчаянно вцепился в сук, сознавая, что в любой момент силы могут покинуть его и тогда он упадет на землю. Он посмотрел вниз и ужаснулся: земли не было. Откуда-то донесся голос, взывавший к нему, однако он целиком сосредоточился на том, чтобы удержаться, а потому никак не мог разобрать слов. Ветер задувал резкими порывами. «Стив, — твердил голос, — Стив, просыпайтесь». Он приоткрыл глаза и обнаружил, что никакого дерева нет и в помине. Над ним склонилось чье-то причудливо искаженное лицо.

— Просыпайтесь, Стив, — повторил голос Генри Ханта. — Президент спрашивал о вас.

Уилсон потер кулаком глаза. Неведомое лицо приобрело человеческое выражение и оказалось лицом Ханта. Корреспондент «Таймс» выпрямился. Уилсон спустил ноги на пол и сел. В окна приемной струился солнечный свет.

— Который час? — справился он.

— Почти восемь.

— А вы-то спали? — спросил Уилсон, искоса поглядев на Ханта.

— Нет. Я провел пару часиков дома, но так и не смог заснуть. В голове сплошной кавардак. Поэтому вернулся сюда. — Хант поднял с пола пиджак. — Ваш?

— Надо бы умыться, — проговорил Уилсон, утвердительно кивнув. — И причесаться. — Он поднялся, взял у репортера пиджак и сунул его под мышку. — Какие новости?

— Ничего неожиданного, — отозвался Хант. — Стенания по поводу запрета на банковские операции. Как же вы умолчали, Стив?

— Я знать не знал. Президент ни словом не обмолвился.

— Да, — протянул Хант, — мы могли бы догадаться сами. Представляете, что бы началось, если бы биржи не закрылись?

— Что там с чудовищем?

— Только слухи. Если верить им, второй инопланетянин прорвался из туннеля в Африке, где-то в Конго. Не думаю, что там его можно отловить.

— В Конго не одни джунгли, Генри.

— Там, где был туннель, одни.

Уилсон направился в ванную. Когда он возвратился, Хант вручил ему чашечку кофе.

— Спасибо, — поблагодарил пресс-секретарь, пригубил горячий напиток и невольно содрогнулся. — Не знаю, хватит ли у меня сил на весь день. Как по-вашему, что планирует президент?

Хант молча покачал головой.

— Джуди не приехала?

— Еще нет, Стив.

— Спасибо, что разбудили меня, — сказал Уилсон, ставя полупустую чашку на кофейный столик. — До встречи, Генри.

Он прошел в свой кабинет. Лампа, которую он забыл выключить, по-прежнему тускло освещала стол. Из коридора доносился топот. Уилсон поправил пиджак и двинулся дальше. В кабинете президента, помимо него самого, находилось еще двое: генерал Дэниел Фут и один из беженцев, облаченный в комбинезон.

— Доброе утро, мистер президент, — поздоровался Уилсон.

— Доброе утро, Стив. Вам удалось поспать?

— Так, серединка на половинку.

— С генералом Футом вы знакомы, — продолжал президент. — А это Айзек Вулф. Доктор Вулф биолог. Он сообщил мне достаточно тревожные сведения. Пожалуй, вам следует их знать.

Вулф отличался внушительным телосложением: широкие плечи, массивный торс, крепкие короткие ноги. Необычайно крупную голову венчала шапка густых, с проседью, волос. Он шагнул вперед и пожал руку Уилсона.

— Мне очень жаль, что я выступаю в роли недоброго вестника, — сказал он.

— Прошлой ночью, — проговорил президент, — ближе к утру, фермера, который живет неподалеку от Харперс-Ферри, разбудил шум из курятника. Он поспешил туда узнать, в чем дело, и натолкнулся на целый выводок диких зверей размерами примерно с полугодовалого кабана. Он выстрелил в них из ружья, и они удрали, все, кроме одного, которого пуля разорвала почти надвое. Фермеру здорово досталось, сейчас он в больнице. Утверждают, что он изрядно пострадал, но жить будет. Из его рассказа явствует, что в курятнике нашли приют детеныши нашего инопланетянина.

— Но это невозможно! — воскликнул Уилсон. — Прошло лишь несколько...

— Доктор Вулф прибыл ко мне вчера вечером, — перебил Фут, — вскоре после того, как чудовищу удалось бежать. Откровенно говоря, я не поверил ему, но, когда получил рапорт офицера, возглавлявшего поисковую партию в Западной Вирджинии, рапорт, в котором упоминался эпизод в курятнике, велел разыскать доктора и предложил отправиться вместе со мной в Белый Дом. Извините, доктор, что не поверил вам сразу.

— Невозможно, — повторил Уилсон.

— Увы, — возразил Вулф, — к сожалению, возможно. Вам еще не доводилось иметь дело с подобными существами. Их процесс эволюции разительно не соответствует тому, к которому вы привыкли. Они реагируют на изменение среды с умопомрачительной скоростью. Кое-что нам было известно раньше, остальное мы домыслили и сделали следующий вывод: в условиях опасности метаболизм чудовища убыстряется до невероятности. Потратив около часа на откладывание яиц, инопланетянин тут же может устремиться на охоту. Что хуже всего, подобная реакция передается молодняку, ибо и родитель, и детеныши находятся в кризисной ситуации. Родитель, естественно, сознает угрозу, его отпрыски — вряд ли, однако зародыш в яйце каким-то образом, суть которого я, например, не постигаю, вос-

принимает ощущение срочности действий. Он словно получает приказ: быстро вылупиться, быстро вырасти, спрятаться в укромном месте и быстро достичь половой зрелости. Я бы охарактеризовал это как генетическую реакцию на угрозу выживанию вида. Сила, побуждающая инопланетян к ускоренному развитию, неведома земным формам жизни. Они обладают врожденной способностью подстраиваться под среду.

Уилсон тяжело опустился в кресло и посмотрел на президента.

— Журналисты пронюхали? — спросил он после паузы.

— Нет, — ответил президент, — пока нет. Жена фермера позвонила шерифу, а тот как раз беседовал с армейской поисковой партией. Офицер, который командовал ею, немедленно объявил все, что относится к происшедшему, совершенно секретным. Вот почему я пригласил вас, Стив. Мы не можем держать репортеров на голодном пайке, рано или поздно они все узнают. В горах, может статься, рыскают сотни маленьких чудовищ. Их в конце концов заметят, и сообщения пойдут одно за другим, а все их под сукно не положишь, да и вряд ли это нужно.

— Проблема в том, — сказал Уилсон, — как открыть правду и не напугать население до полусмерти.

— Если мы постараемся сохранить все в тайне, — заметил президент, — нам перестанут доверять, начнут подозревать нас в двуличии. И потом, речь ведь идет об общественной безопасности.

— Через несколько дней, — вмешался Фут, — чудовищ в горах будет полным-полно, хоть пруд пруди. Возможно, они рассеются. Мы отловим кого-то, но наверняка далеко не всех. Единственный способ справиться с ними — привлечь к поискам население.

— Да, они рассеются, — подтвердил Вулф, — обеспечивая таким образом выживание вида. Кроме того, они передвигаются чрезвычайно быстро. День спустя они могут очутиться в Новой Англии или в Джорджии. Поначалу они будут держаться гористых местностей, поскольку там есть где спрятаться, но постепенно выйдут на равнину.

— Как по-вашему, — поинтересовался Уилсон, — сколько пройдет времени, прежде чем они примутся откладывать яйца?

— Кто знает? — развел руками Вулф.
— Ну хотя бы приблизительно.
— Неделя, две — не знаю.
— Сколько яиц в кладке?
— Около двух десятков. Точнее сказать трудно, поскольку мы редко находили кладки.

— А когда они начнут убивать?

— Сразу же, в том-то и беда. Чтобы расти, они должны есть. Они будут убивать всех подряд: диких животных, домашних, людей. На первых порах человеческих жертв будет немного, ибо они понимают, что, убивая людей, привлекают к себе внимание. Воинственность не помешает им сообразить, что для войны на уничтожение их слишком мало. Они вовсе не глупы.

— Что ж, — произнес президент, — придется направить в горы дополнительные воинские подразделения, заодно использовать для разведки с воздуха самолеты и вертолеты. Я недавно говорил с Сэндбергом, он скоро подъедет. Ему и карты в руки. Возможно, понадобится отозвать ряд частей из-за границы. Ведь нужно не только ловить чудовищ, но и разбивать лагеря для беженцев.

— Мы не хотели бы оставаться в стороне, — сказал Вулф. — Нас десятки тысяч. Дайте нам оружие, и мы присоединимся к вашим войскам. Мы знаем, что это за твари, к тому же они проникли сюда по нашей вине. Мы обязаны...

— Вы пригодитесь нам позднее, — возразил президент. — Сейчас же мы должны полагаться исключительно на собственные силы, поскольку воспользоваться вашим предложением не представляется пока возможным.

— Как быть с теми, кто живет в горах? — справился Уилсон. — Эвакуировать?

— Не думаю, Стив, — покачал головой президент. — Нам и без того хватает хлопот с беженцами. Вдобавок я склонен считать, что молодняк какое-то время воздержится от чрезмерно агрессивных действий. Скорее всего, они постараются не показываться на глаза. Конечно, возможно всякое, но тут уж ничего не поделаешь.

— Полагаю, вы правы, сэр, — сказал Вулф. — Они сознают, что значительно уступают в численности людям. На мой взгляд, в настоящий момент они не пред-

ставляют серьезной опасности. Им надо вырасти и набрать вес. Мне кажется, они догадываются, что против них готовятся применить оружие куда более смертоносное, чем то, которое было у нас. Мы так долго жили в мире, что почти полностью утратили воинские навыки.

— Вам предстоит нелегкий день, мистер президент, — проговорил Фут. — С вашего разрешения...

Президент вышел из-за стола и попрощался за руку с генералом и доктором Вулфом.

— Спасибо, что приехали, — сказал он. — Ваше сообщение, доктор, пришлось весьма кстати.

— Провести пресс-конференцию сейчас? — спросил Уилсон, вставая. — Или подождать конца вашего разговора с министром обороны?

— Пожалуй, сейчас, — отозвался президент после минутного раздумья. — Пускай они узнают от нас первых. Военная секретность долго не продержится. У меня назначена встреча с сенаторами и конгрессменами. Будет лучше, если им станет известно загодя.

— Еще одно, мистер президент, — сказал Уилсон. — Вы спали, и я решил не будить вас. Мне принесли портфель с бриллиантами...

— Бриллиантами? При чем здесь бриллианты?

— Дело довольно щекотливое, сэр. Помните портфель Гейла?

— А, значит бриллианты в нем?

— Он набит ими! Гейл развязал один мешочек и высыпал на стол целую кучу камней. Он утверждает, что в других мешочках то же самое, и я ему верю. Беженцы предлагают бриллианты нам в уплату за помощь в отправлении в миоцен.

— Хотел бы я посмотреть на ваше лицо, когда вы увидели камни, — проговорил президент. — Как вы поступили?

— Приставил к Гейлу Джерри Блэка, чтобы тот охранял его и портфель.

— Разумно, — одобрил президент. — Пожалуй, я свяжусь с министром финансов относительно помещения камней на временное хранение, а также побеседую с Рейли Дугласом, насколько законна такая сделка. Вы не пытались уточнить стоимость бриллиантов?

— Гейл сказал, что по нашим ценам они стоят приблизительно триллион долларов. Разумеется, если вы-

брасывать их на рынок постепенно, не сбивая цену. Вообще-то эти камни предназначены не конкретно нам, а всему миру. Гейл хочет, чтобы они только хранились у нас. Мол, мы — единственная страна, которой можно доверять.

— Представляете, какой поднимется шум, если кто-то обмолвится хоть словечком?

— По-моему, — ответил Уилсон, — главное для нас — понять, что беженцы стремятся отплатить нам за гостеприимство.

— Конечно, конечно, — пробормотал президент, — но послушаем, что скажет Рейли.

Глава 34

С раннего утра в парке Лафайетта, напротив Белого Дома, собралась многочисленная толпа. Как и накануне, в воскресенье, она хранила настороженное молчание и лишь внимательно наблюдала. Однако кое-где над головами виднелись самодельные лозунги с надписями вроде: «Назад, в миоцен!», «Давайте ваших саблезубых!», «К черту из этого вшивого мира!». Газетчик, пробравшись сквозь толпу, остановился перед молодым человеком с кустистыми бакенбардами, который держал плакат: «Назад, в миоцен!».

— Будьте любезны, — попросил он, — объясните, что происходит.

— Приятель, — откликнулся юноша, — вы что, читать не умеете?

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь, — продолжал репортер. — Вы ведь чего-то добиваетесь, правда?

— Хватит, надобивались, — отрезал юноша. — Сколько раз пытались, и все одно и то же. — Он ткнул пальцем в направлении Белого Дома. — Президент не слышит. Никто не слышит.

— Мы ничего не добиваемся, — вступила в разговор соседка юноши. — Мы просто изъявляем свое желание: уйти в миоцен.

— Или в эоцен, — прибавила другая девушка. — Или в палеоцен. Мы хотим уйти отсюда, покинуть наш насквозь прогнивший мир и начать все заново, хотим

вернуться в прошлое и создать общество, которое устраивало бы нас. Много лет подряд мы старались хоть что-то изменить и не достигли ровным счетом ничего. А раз изменить не получается, значит, нужно уходить. Но общество не соглашается отпустить нас, держит мертвой хваткой, вцепилось и не отпускает.

— Короче, — заявил юноша, — мы нашли способ избавиться от него. Если люди из будущего могут путешествовать во времени, почему нельзя нам? Мало кто расстроится, если мы уйдем. Наоборот, все обрадуются, что нас больше нет под боком.

— Полагаю, — заметил репортер, — что вы представляете собой некое движение. По крайней мере, так вас называли раньше. Не могли бы вы сказать, сколько человек...

— Пожалуйста, — ответила первая девушка. — Нас сейчас пятнадцать или двадцать. Но напишите о нас, дайте выступить по телевидению — и к нам примкнут тысячи! Люди поспешат сюда из Чикаго и Нью-Йорка, Бостона и Лос-Анджелеса. Нас станет так много, что этот город лопнет с натути. Поймите, наконец-то нам представилась реальная возможность уйти!

— Да, я понимаю, — проговорил журналист. — Но что вы собираетесь предпринять? Взять штурмом Белый Дом?

— Если вы имеете в виду, что никто не обращает на нас внимания, — сказал юноша, — то с вами трудно спорить. Однако через двадцать четыре часа все переменится, а через сорок восемь уже не будет отбою от интервьюеров.

— Но временные туннели пока только проектируются! Возможно, их так никогда и не построят. Ведь потребуется столько материалов и рабочих рук...

— А наши руки не рабочие, мистер? Если нас попросят помочь, мы не откажемся. Пускай дают нам лопаты или гаечные ключи и говорят, что делать. Мы будем работать до упаду. Мы готовы на все, лишь бы убраться отсюда. Нам не нужны ни деньги, ни выходные, — только отпустите.

— Так и напишите, — сказала вторая девушка. — Мол, вот что они хотят.

— Мы не намерены учинять беспорядков, — гнул свое юноша. — Нам и без того плохо. Наша цель —

сообщить всем о своем желании, а другого способа у нас нет.

— Мы охотно уйдем и с пустыми руками, — добавила первая девушка. — Да, нам пригодились бы мотыги и топоры, горшки и кастрюли, но мы вполне можем обойтись и без них.

— Доисторические люди пользовались каменными орудиями, — проговорил юноша, — а чем мы хуже их?

— Чего их слушать? — буркнул коренастый индидуум с сигарой во рту. — Только и знают, что трепать языками. Видел я таких! Никакой миоцен им не нужен, был бы повод побазарить!

— Вы ошибаетесь, — заявил юноша с плакатом. — Мы действительно хотим уйти. Чего ради нам оставаться с олухами вроде вас?

Коренастый мужчина протянул руку к плакату, но тут одна из девушек пихнула его под ребра, и он промахнулся. Юноша огрел его плакатом по голове. Стоявший рядом человек ударил юношу в челюсть. Началась драка, в которую не замедлила вмешаться полиция.

Глава 35

Джуди сидела за столом, то и дело черкая что-то в блокноте для записей. На ее аппарате весело мерцали огоньки индикаторов.

— Ты спала? — спросил Уилсон.

— Так, чуть-чуть, — ответила она, взглянув на него. — Мне было страшно. Все очень плохо, Стив?

— Не очень, но плохо, — признался он. — Мы не справляемся. Если бы у нас было в запасе хоть какое-то время!

— Но им ты этого не скажешь, верно? — Джуди махнула рукой в сторону двери в приемную.

— Нет, им не скажу, — усмехнулся Уилсон.

— Они спрашивали, когда ты к ним выйдешь.

— Скоро.

— Стив, я хочу... Ну... В общем, я возвращаюсь домой, в Огайо.

— Но ты нужна мне здесь.

— Возьмешь девицу из секретариата. Пройдет пара дней, и ты перестанешь замечать разницу.

— Я не о том.

— Знаю. Я нужна тебе как сожигательница. Сколько мы так прожили, полгода? Чертов город, он способен загрязнить и опошлить что угодно! Где-нибудь в другом месте у нас, глядишь, и получилось бы, но не тут.

— Джуди, — воскликнул он, — какой бес в тебя вселился? Из-за того, что я не смог приехать вчера...

— Отчасти да, но не только. Я понимаю, что ты должен был оставаться в Белом Доме. Но столько всего произошло, навалилось разом, что я испугалась, а утешить меня оказалось некому. Я попыталась позвонить маме; естественно, линия была занята. Бедненькая перепуганная девчушка спешит спрятаться под мамочкино крылышко! Но все вдруг изменилось, Стив. Я превратилась из вашингтонской красотки в провинциалку из Огайо, а причиной всему страх. И ты не посмеешь утверждать, что бояться было нечего.

— Не посмею, — согласился он. — Я и сам испугался, да и все остальные — тоже.

— Что с нами будет, Стив?

— Будь я проклят, если знаю! Но мы говорим о другом.

— Чудовища рыскают по горам, — проговорила Джуди, — прибавились тысячи голодных ртов, люди вот-вот вцепятся друг другу в глотки...

— Мы говорили о твоём отъезде в Огайо. Я не собираюсь спрашивать, всерьез ты или нет; знаю, что всерьез. Тебе повезло, что ты нашла место, где укрыться. Большинство из нас в гораздо худшем положении. Я бы попросил тебя остаться, но это будет нечестно, где-то даже эгоистично. Но если бы ты передумала, я был бы очень рад.

— Я заказала билет на самолет. Как ни удивительно, дозвонилась с первого раза. Страна в панике, Стив. Поневоле начнешь ощущать себя беспомощной.

— Тебе не понравится в Огайо, вот увидишь. Если уж в Вашингтоне страшно, то в Огайо и подавно.

— Я все равно уеду, Стив. Самолет в шесть пятнадцать сегодня вечером.

— Что бы я ни сказал?

— Что бы ты ни сказал.

— Тогда зови журналистов. У меня есть для них новости.

Глава 36

Сенатор Эндрю Оукс слегка приподнялся из кресла, в котором словно утонул.

— Я не уверен, мистер президент, что разумно отзывать домой все войска, — заявил он. — Кто же будет поддерживать порядок на базах? Кроме того, мне представляется, что мы действуем с излишней поспешностью. Стоило каким-то там чудовищам забраться в вирджинский курятник, как мы тут же отзываем войска. Куда вы так торопитесь? И потом, надо ли было рассказывать об этом событии газетчикам? Они же переполошат всю страну.

— Сенатор, — заметил конгрессмен Нельсон Эйбл, — мне кажется, вы что-то путаете. Нас пригласили сюда не за тем, чтобы обсуждать, необходимо ли отзывать войска, но чтобы сообщить, что они отозваны по такой-то причине.

— Тем не менее, — возразил сенатор, — я убежден, что президенту Хендерсону следует знать наше мнение. Он вправе не согласиться с ним, но должен, я думаю, его знать.

— Не горячись, Энди, — посоветовал президент. — Вам известно, как часто я прислушивался к вам и находил в ваших выступлениях что-либо полезное для себя, хотя соглашался далеко не всегда. Вернее, почти никогда.

— Разумеется, мне это известно, — буркнул Оукс, — но я все равно хочу высказать свою точку зрения на происходящее. Какая глупость — отзываться войска! Собрать всю армию воедино для охоты на выводок зверенышей-куродавов!

— Помнится, — проговорил сенатор Брайан Диксон, — нам дали понять, что детеныши быстро вырастут. Нужно покончить с ними, пока их не развелось столько, что некуда станет деваться.

— Откуда мы знаем, что они и впрямь вырастут и расплодятся? — упорствовал Оукс. — Вы предлагаете верить на слово людям из будущего, которые сбежали к нам, поскольку не справились с ними. А не справились они потому, что отвыкли воевать. У них нет ни армии, ни оружия, ни...

— Минуточку, сенатор, — перебил конгрессмен Эйбл. — Не забудьте, что вы не на Капитолийском холме, где публика с таким восторгом встречает ваши воинственные речи, а читатели газет от них просто млеют. Мы-то свои, и вы нас не проймете.

— Господа, — сказал президент, — на мой взгляд, мы несколько отвлеклись. Несмотря на возражения сенатора, к которому я отношусь с большим уважением, войска все-таки будут отозваны. Я распорядился об этом потому, что министр обороны и председатель комитета начальников штабов заявили в один голос: необходимы подкрепления. Разговор с ними состоялся утром. Мы сошлись на том, что не можем позволить, чтобы что-то пошло наперекосяк. Возможно, мы собираемся палить из пушки по воробьям, но лучше так, нежели наблюдать за развитием событий со стороны. Некоторые из вас, вероятно, считают, что беженцы из будущего сообщили нам весьма скудные сведения, однако я склонен полагать, что они предупредили нас обо всем, известном им самим. Они изучали чудовищ на протяжении двадцати лет. Члены нашей Академии наук уверили меня, что способности, приписываемые инопланетянам, конечно, необычны, но ничуть не противоречат законам биологии. Так что, смею надеяться, вы не станете упрекать нас в безответственности решений. В силу обстоятельств мы действовали быстрее, чем принято, однако на более взвешенные действия у нас просто не было времени.

Оукс откинулся на спинку кресла и что-то пробормотал себе под нос.

— Сэр, вы не получали новой информации об инопланетянине, сбежавшем из туннеля в Конго? — спросил конгрессмен Уэйн Смит.

— Нет, — ответил президент. — Откровенно говоря, мы сомневаемся в достоверности этого сообщения.

— С просьбой о помощи они не обращались?

— Нет. По официальным каналам таких просьб не поступало.

— А как обстоит дело с туннелями, сэр? Газеты и радио противоречат друг другу. Я знаю, некоторые закрылись — но что именно там случилось?

— Нам известно немногим больше вашего, Уэйн. Закрылся вирджинский туннель, закрылись два других, один в Висконсине, второй в Техасе, оба — без нашего участия. Мне представляется, их уничтожили те, кого оставили на страже; по-видимому, на них наседали чудовища или же произошла какая-то поломка. Все остальные туннели на территории Соединенных Штатов в исправности.

— Вам не кажется, что те два туннеля, о которых вы упомянули, закрылись из-за того, что по ним прошли все, кто мог? Ведь должен же когда-то наступить конец этому потоку беженцев!

— Мы знаем, что висконсинский туннель закрылся по причине нападения инопланетян. Во всяком случае, так утверждали последние, кто вышел из него. Что касается Техаса, предполагать можно что угодно. Но относительно вашего вопроса... Да, я рассчитываю, что скоро туннели начнут закрываться, поскольку выполняют свою функцию.

— Мистер президент, какова практическая сторона постройки туннелей? — поинтересовался сенатор Диксон. — Сможем ли мы построить их?

— Мне сказали, что да, — ответил президент. — Наши физики и технические специалисты сейчас совещаются с учеными беженцев. Люди из будущего определили места строительства, то бишь строительные площадки. Хорошо уже то, что нам не придется строить столько туннелей, сколько понадобилось им, чтобы попасть сюда. С уходом в миоцен не существует никакой спешки. Многочисленность туннелей из будущего в

наше настоящее объясняется тем, что беженцам, если они не хотели погибнуть, требовалось свое время покинуть как можно скорее. Кроме того, насколько я понял, нет ни малейшей необходимости строить туннели в малых странах. Один туннель будет обслуживать территорию в несколько сотен миль вокруг. Ведь доставка людей к туннелям обойдется гораздо дешевле, чем строительство. Единственная серьезная трудность заключается в том, что мы должны построить туннели и отправить беженцев в прошлое раньше, нежели они лишат нас продовольствия и крыши над головой.

— Значит, строительство туннелей не превосходит наши возможности? Нужны лишь время, деньги и рабочая сила?

— Верно, Брайан. С рабочей силой проблем, я думаю, не возникнет. Беженцы, а их десятки тысяч, готовы трудиться там, где им укажут, а около часа назад Терри Робертс известил меня, что профсоюзы не будут возражать против привлечения их к осуществлению, как он выразился, «федерального проекта». Терри заверил меня в поддержке профсоюзов, причем до такой степени, что они согласны даже нарушить собственные правила. Так что с рабочей силой мы разберемся. С деньгами сложнее. Промышленность не изъявляет особого желания сотрудничать; кроме того, чтобы начать производство элементов конструкции туннелей, нужно перепрофилировать заводские линии. Перепрофилирование же и в обычных условиях процесс затяжной и дорогой. Тот факт, что мы должны произвести его в чрезвычайно сжатые сроки, увеличивает стоимость операции настолько, что она выходит за все мыслимые пределы. Вдобавок элементы конструкции тоже недешевы. Плюс ко всему, мы действуем не в одиночку, а заодно с целым миром. На нас, равно как и на Германию, Россию, Великобританию, Францию, Японию и Китай, то есть на промышленно развитые государства, ляжет основное бремя; нам придется изготавливать детали туннелей не только для себя, но и для других. Между тем их общее количество, хоть и уступает прежнему, все равно достаточно велико. Численность населения в будущем уменьшилась по сравнению с нашей, однако не в таких масштабах, чтобы все беженцы поместились в два или три туннеля. Если мы сосредоточим в одном районе слишком много людей, новая цивилизация в

прошлом, возможно, так и не будет создана. К сожалению, изготовлением элементов конструкции проблема промышленности не исчерпывается, поскольку мы должны еще снабдить переселенцев различными инструментами, а также скотом и семенами, что позволит им как следует обосноваться в миоцене. Производство же упомянутых инструментов неминуемо отвлечет на себя значительную часть мощностей.

— Вы говорили с кем-либо из промышленников?

— Пока не успел. Но министерство торговли по моей просьбе пытается установить, какой реакции можно ожидать. Я полагаю, все будет в порядке. Скорее всего, промышленники уже разобрались в ситуации.

— Мистер президент, — вновь вынырнул из своего кресла Оукс, — в какую, по-вашему, сумму обойдется весь проект? Хотя бы приблизительно.

— Не знаю, — ответил Хендерсон.

— Так или иначе, сумма будет кругленькой, не правда ли?

— Очевидно.

— Возможно, она превысит расходы на оборону, из-за которых все прямо с ума сходят.

— Вы ждете от меня утвердительного ответа, — проговорил президент. — Что ж, эта сумма и в самом деле, вероятнее всего, намного превысит расходы на оборону. Может статься, мы потратим на строительство туннелей больше, чем на войну. Может статься, экономика не выдержит такого напряжения. Но что еще нам остается? Перестрелять всех беженцев? Чем не решение проблемы? Вам оно нравится?

Оукс пробурчал что-то неразборчивое.

— Мне вот что пришло в голову, — произнес Эйбл. — Несмотря на все затраты, мы, кажется, получим кое-какую прибыль. Технология будущего, несомненно, опережает нашу, например в отношении источников энергии. На то, чтобы овладеть тем же ядерным синтезом, у нас уйдут десятилетия. Если они поделятся с нами своими достижениями, мы существенно продвинемся вперед. Я считаю, что в знак благодарности...

— Эта затея обречена на провал! — прошипел Оукс. — Господа, вы ведете страну к пропасти! Ядерный синтез! Да понимаете ли вы, что его применение в промышленности в мгновение ока уничтожит такие отрасли, как газовая, нефтяная и угольная?

— Та же участь уготована медицине, — невозмутимо заметил Эйбл. — Врачи будущего научились излечивать рак.

— Конгрессмен Эйбл прав, — сказал сенатор Диксон. — Переняв научные и технологические, а также, возможно, социально-политические достижения людей будущего, все то, чего человечество добилось — или добьется — в течение ближайших пятисот лет, мы окажемся в значительно лучшем положении. Однако кому будут принадлежать новые знания? Человеку, способному поглощать информацию неважно какими средствами? Или правительствам? Или всему миру? Если последнее, то как ими станут распоряжаться? Да, господа, проблем не перечесть.

— Мне кажется, — проговорил Смит, — что все они не насущны, за исключением двух. Во-первых, нам надо каким-то образом избавиться от инопланетных чудовищ, а во-вторых, предпринять все усилия для отправки беженцев в миоцен. Вы согласны со мной, мистер президент?

— Целиком и полностью.

— Ничего, — пробурчал Оукс, — русский посол задаст вам жару.

— Откуда вы знаете о том, что я жду посла, Энди?

— Все очень просто, мистер президент. Чем дольше человек сидит на Холме *, тем больше он знает, в том числе — и то, что ему не положено знать.

— Понятия не имею, что ему нужно, — сказал президент. — Мы поддерживаем контакт с руководителями всех государств. Я говорил по телефону с некоторыми из них, в частности, с Менковым. Очевидно, послу поручили передать то, о чем не скажешь по телефону.

— Может быть, может быть, — хмыкнул Оукс. — Однако когда русские проявляют к чему-либо повышенный интерес, мне всегда становится не по себе.

* Т. е. в Капитолии.

Глава 37

Что-то затаилось в зарослях лещины на краю кукурузного поля — нечто живое и неуловимое, не желавшее покидать своего убежища. Сержант Гордон Кларк был уверен, что глаза его не обманывают, почему — он и сам не знал, однако пребывал в полной, или почти полной, уверенности, что так оно и есть. Возможно, в нем говорило чутье старого вояки, сотни раз проникавшего на вражескую территорию и сумевшего остаться в живых, несмотря на все опасности. Так или иначе он знал, что в орешнике кто-то прячется.

Сержант лежал на небольшом буторке, что возвышался над полем; он не шевелился и, казалось, даже не дышал. Дуло гранатомета, установленного на трухлявом бревне, было нацелено на заросли. Должно быть, собака, сказал себе Кларк, точно, собака или ребенок; но беспокойство не ослабевало.

Чтобы остаться незамеченным, сержант соорудил себе укрытие из веток сумаха. Он слышал журчание горного ручья, что протекал сразу за полем; оттуда, где располагалась ферма, доносилось бестолковое квохтанье курицы. Других членов поисковой партии поблизости не наблюдалось. Они должны были находиться рядом, однако ничто не выдавало их присутствия. Все они были солдатами регулярной армии и знали свое дело. Они скользили по лесам как тени, не производя шума, не задевая ненароком ни куста, ни дерева.

Сержант угрюмо усмехнулся. У него отличные ребята. Он сам их обучал. Правда, капитан считает иначе, ну и пусть его. Не кто иной, как сержант Гордон Фэрфилд Кларк, вбивал в тупые солдатские головы основы воинских навыков. Солдаты, разумеется, отвечали ему ненавистью, но другого он и не ждал. Ведь из ненависти зачастую возникает уважение. А страх или уважение — какая разница? В прошлом попадались такие умники, которые носились с фантазией прострелить сержанту голову. Возможностей у них было предостаточно, тем не менее дальше разговоров дело не шло. Они в конце концов соображали, что пропадут без него — конечно, не без сержанта Кларка собственной персоной, а без ненависти к нему. Для мужчины нет ничего лучше здоровой ненависти.

Интересно, что привиделось фермеру, подумал сержант. Он весь дрожал, когда рассказывал, что углядел в орешнике какую-то тварь. По его словам, она будто явилась из кошмарного сна. Да, помнится, он и впрямь весь дрожал...

Существо, которое пряталось в орешнике, вдруг выскочило наружу, так быстро, что Кларк едва успел проследить его движение, выскочило — и замерло на лужайке между зарослями лещины и кукурузным полем.

Сержант стиснул зубы, кое-как совладал с приступом тошноты, повел дулом гранатомета, прицелился и хотел нажать курок. Внезапно чудовище пропало. В перекрестье прицела остались лишь кусты на краю поля. Кларк не шелохнулся, только убрал палец со спускового крючка.

Тварь не трогалась с места, это он готов был подтвердить под присягой. Она просто взяла и исчезла. Не могла же она в самом деле переместиться куда-то за долю секунды? Когда она выскользнула из зарослей, ее движения слились в серое пятно, а сейчас не было и пятна. Сержант Кларк поднял голову, затем встал на колени, вытер ладонью лицо и с изумлением обнаружил на руке влагу: то был холодный пот.

Глава 38

Федор Морозов был хорошим дипломатом и порядочным человеком — ведь одно вовсе не исключает другое, — а потому готовился исполнить порученное ему дело с тяжелым сердцем. Вдобавок он неплохо знал американцев и был убежден, что у него ничего не выйдет. Да, они попадут в неловкое положение, ибо грешки, которые за ними водятся, станут очевидны всему миру; при не столь драматичных обстоятельствах он и сам ничуть не возражал бы щелкнуть Америку по носу. Но теперь ни американцам, ни кому другому не до дипломатических игр, и кто может предугадать, чем обернется его миссия?

Президент ожидал Морозова; рядом с ним, что было вполне естественно, стоял государственный секретарь. Президент был сама доброжелательность, однако, как заметил Морозов, Торнтон Уильямс выглядел озадаченным, хоть и старался этого не показать. После обмена рукопожатиями все уселись, и президент сказал:

— Мы всегда рады вам, господин посол, будь то по причине или без причины. Итак, чем мы можем служить?

— Мое правительство, — ответил Морозов, — поручило мне вступить в переговоры с вами относительно проблемы безопасности, которая затрагивает на деле всех и каждого. Разумеется, переговоры будут настолько неофициальными, насколько позволяют занимаемые

нами должности. — Он сделал паузу. Американцы молчали, явно желая выслушать все до конца. — Я имею в виду инопланетянина, который сбежал из временного туннеля в Конго. Вопрос о том, нужно ли его ловить или нет, как мне кажется, не стоит. Поскольку Конго не имеет армейских или полицейских сил надлежащей численности, мое правительство предлагает направить туда экспедиционный корпус. Оно намерено также связаться по этому поводу с Великобританией и Францией, а также, вероятно, с некоторыми другими государствами.

— Господин посол, — отозвался Уильямс, — вряд ли ваше правительство чувствует себя обязанным испрашивать нашего согласия на осуществление столь своевременной, добрососедской акции. Я полагаю, вы можете гарантировать, что ваши солдаты покинут Конго сразу же после поимки чудовища?

— Конечно.

— Тогда мне непонятен смысл вашего визита.

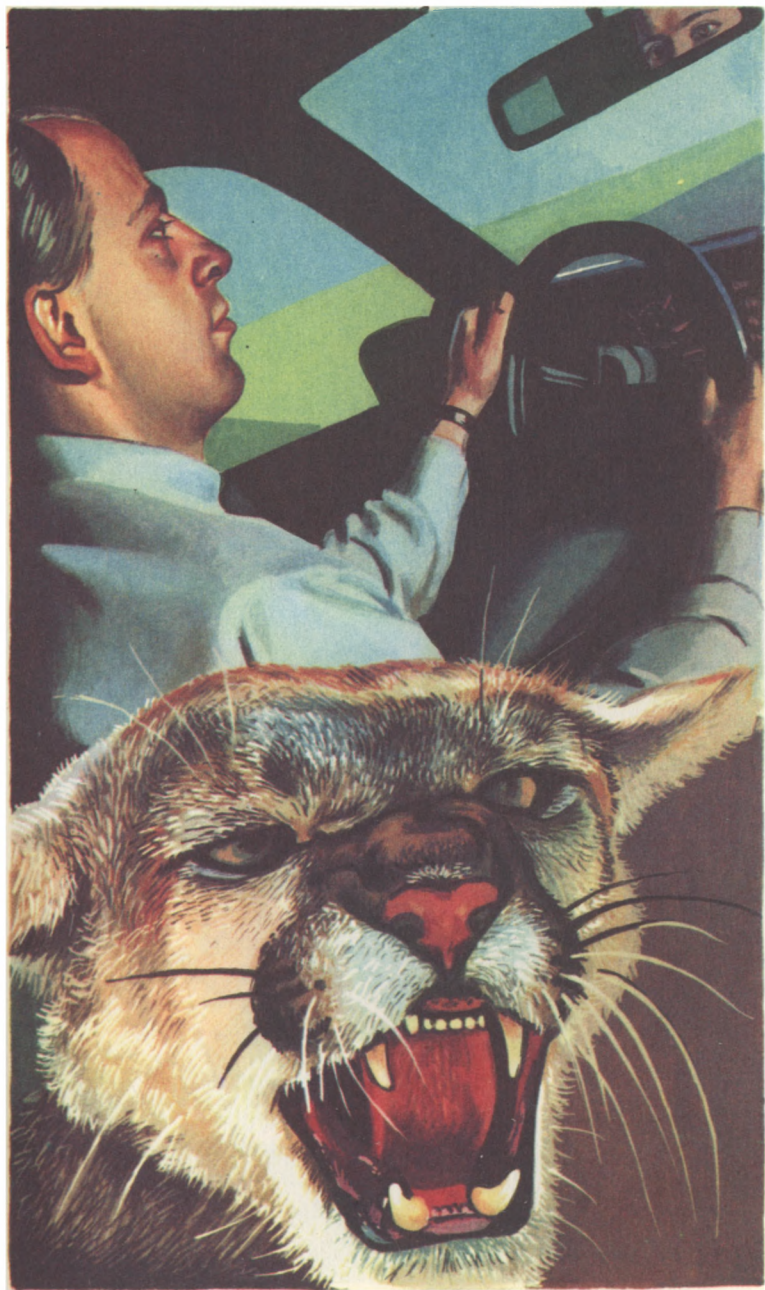
— Нам известно о наличии чудовища — вернее, чудовищ — и на территории Соединенных Штатов. Поэтому мы предлагаем вам то же самое, что предложили Конго.

— Вы хотите сказать, — проговорил президент с улыбкой, — что готовы предоставить в наше распоряжение свои воинские подразделения для охоты на инопланетянина?

— Мне представляется, что слово, которое вы использовали — «готовы», — не совсем точно отражает ситуацию, — заметил Морозов. — До тех пор, пока вы не сможете гарантировать, что справитесь собственными силами, мы будем настаивать на своем предложении. Это бедствие не внутринациональное, а международного масштаба. Чудовищ необходимо уничтожить. Если вы не способны на такое, значит, вам следует принять любую предложенную помощь.

— Вам наверняка известно, что мы отзываем части из-за рубежей США, — сказал Уильямс.

— Известно, господин секретарь, — подтвердил Морозов, — однако как скоро они возвратятся? По оценкам наших военных специалистов, переброска войск займет у вас минимум тридцать дней. Кроме того, даже с учетом ожидаемого пополнения, неясно, сумеете ли вы охватить «зараженную» территорию.

— Мы благодарим вас за заботу, господин посол, — проговорил президент.

— Позиция моего правительства следующая, — заявил Морозов. — Ваше стремление полагаться на собственные силы может привести к губительной задержке. Если же вы примете наше предложение, мы обещаем провести операцию в самые сжатые сроки и привлечь к ней достаточное количество людей, тем более что и другие страны не откажут вам в помощи, если вы согласитесь...

— Господин посол, — перебил президент, — я думаю, вы отдаете себе отчет, что подобное предложение для нас неприемлемо. Для вас не будет откровением, если я скажу, что ваше правительство, желая в действительности помочь нам, избрало бы иной подход. Я не сомневаюсь, что цель, которую вы преследуете, — запугать нас. Могу вас уверить: вы просчитались. Нам не страшно.

— Я искренне рад, — отозвался Морозов с непоколебимым спокойствием в голосе. — Мы просто сочли необходимым соблюсти правила приличия.

— То есть, — сказал Уильямс, — теперь вы обратитесь в ООН и попытаетесь запугать нас на публике.

— Господа, — возразил посол, — вы почему-то неверно истолковываете все мои слова. Да, в прошлом между нашими государствами существовали определенные разногласия, а порой возникали серьезные трения. Но сегодня мир должен действовать как единое целое. Только поэтому мы предлагаем вам свою помощь. Мы сознаем, что скорейшее уничтожение инопланетян — в интересах всего мирового сообщества, и потому вы обязаны принять помощь. Нам не хотелось бы ставить ООН в известность о том, что вы пренебрегли своим долгом.

— Можно представить, что вы там наговорите, — язвительно бросил Уильямс.

— Если вы примете наше предложение, мы вполне удовлетворимся этим. Возможно, вы сочтете целесообразным привлечь, помимо российских, войска, скажем, Канады, Великобритании и Франции. В таком случае содержание нашей беседы останется в тайне. Разумеется, журналисты знают о моем визите и примутся расспрашивать меня, но я скажу им, что мы всего-навсего продолжаем обсуждать ситуацию с беженцами. По-

добный ответ будет, как мне представляется, логичным и должен успокоить репортеров.

— Вы ждете нашего решения немедленно? — спросил президент.

— Ни в коем случае, — откликнулся посол. — Мы понимаем, что вам нужно все тщательно взвесить. К тому же, Совет Безопасности ООН соберется лишь завтра днем.

— Если мы обратимся с просьбой о направлении войск к дружественным нам государствам и обойдем при этом вашу страну, вы, я полагаю, ощутите себя оскорбленными в лучших чувствах?

— Не могу утверждать наверняка, но скорее всего — да.

— Мне кажется, — заметил государственный секретарь, — мы имеем дело с низкими интригами на правительственном уровне. Господин посол, мы знакомы с вами на протяжении ряда лет, и, признаюсь откровенно, я всегда относился к вам с большим уважением. Вы пробыли у нас три, вернее почти четыре года, и должны были бы хоть немного разбираться в характере американцев. Возможно, вы не одобряете действий своего руководства.

— Я передал вам то, что мне поручили передать, — проговорил, вставая, Федор Морозов. — Благодарю вас. Разрешите откланяться.

Глава 39

В Нью-Йорке, Чикаго и Атланте произошли столкновения демонстрантов с полицией. Люди несли плакаты с надписями: «Их никто не звал», «Нам и так мало», «Мы отказываемся голодать». Митингующие вооружались, кто чем: камнями, палками, расплюснутыми консервными банками, которые использовались в качестве метательных снарядов, пластиковыми пакетами с человеческими экскрементами. В гетто стоял сплошной крик и торжествовало насилие. Были жертвы, раненые и убитые; пламя костров перекидывалось на жилые дома, а пожарные машины не могли добраться до места из-за преграждавших улицы баррикад. Повсюду шли грабежи.

В маленьких городках по всей стране тоже было беспокойно. Мужчины с угрюмыми лицами собирались в кучки на перекрестках, в кафе и парикмахерских, перед магазинами и говорили, говорили... Они повторяли друг другу: «Нет, сосед, что-то тут не так. Уж больно смахивает на небывальщину. Вот раньше, когда каждый знал, что происходит, такого не случалось. А сегодня разве кто скажет? Все перепуталось, сосед, порядочному человеку не за что держаться...» Они обменивались язвительными замечаниями: «Ну конечно, как всегда, опять нам отдаваться за них. Вы слышали, что сказал президент? Дети наших детей! Ну да, так и сказал. Интересно, мы что, должны из кожи вылезти? Налоги и без того подскочили, куда уж выше-то? А эти тунне-

ли? Бешеные деньги, сосед, просто бешеные. Налоги на все, что покупается, на все, что человек делает и чем владеет. Нет, тут как ни пыжься, все равно без штанов останешься...» Они рассуждали как заправские святоши: «Тот священник из Нэшвилла попал в самую точку. Раз ты потерял веру, значит, потерял все ценное, что у тебя было. Для чего тебе тогда жить? Какая это жизнь, без Библии? Неужто и вправду через пятьсот лет люди отвернутся от Бога? Правда, правда, а во всем виновато зло, которое разъедает исподволь наш мир. В больших городах живут одни греховодники. Тут, у нас, от Бога не отвернешься. Верно, сосед? Он все время с тобой, ты чувствуешь его в дуновении ветра, видишь его в предрассветном небе, ощущаешь в тишине вечера. Знаете, сосед, а мне жаль тех людей из будущего. Честное слово, жаль. Они не понимают, что потеряли...»

Митинги и демонстрации сурово осуждались: «Надо было перестрелять их! Чего с ними цацкаться? Подумаешь, люди! Да они в жизни палец о палец не ударили! Попрошайничают с утра до вечера. Где это видано, чтобы человек, который на деле ищет работу, не нашел ее? Мы тут надрываемся, горбатимся, понимаешь, не зашиш, но не бунтуем, не поджигаем дома и не тянем руки за подаванием...» Молодежь из парка Лафайетта удостаивалась, как правило, одобрения: «Если они хотят уйти в свой миоцен, с какой стати нам их держать? Пускай себе идут, скучать не будем. Обойдемся, эка невидаль...» Местный банкир заявил с подкупающей прямоотой: «Помяните мое слово, нам здорово повезет, если эти пришельцы не погубят всю страну. Да, да, всю страну, а может, и весь мир. Доллар превратится в ничто, цены подскочат...» Постепенно люди начали высказывать то, что тревожило их сильнее всего: «Вы подождите, скоро выяснится, что тут не обошлось без комми. Не отмахивайтесь, сосед, я грязных комми за милю чую. Не знаю, как они ухитрились, но готов побиться об заклад, что кашу заварили русские...»

Был организован марш на Вашингтон. В нем участвовали те, кого презрительно именовали «отбросами общества» — представители контркультуры. Они добирались до города на попутках, автобусами, пешком. Некоторые умудрились проникнуть в Вашингтон еще до темноты и присоединились к тем, кто митинговал под плакатами «Назад, в миоцен!» и «Давайте ваших сабле-

зубых!». Другие достигли цели уже под покровом ночи или заночевали на дороге, чтобы продолжить путь с первыми лучами солнца; кто устроился в стоге сена, кто — на парковой скамейке; юнцы пожирали гамбургеры, выискивали знакомых, вели оживленные дискуссии у костров.

На улицах Вашингтона появились группы молодых людей, окружавшие юношей, что изнемогали под тяжестью громадных крестов, то и дело спотыкались, падали, но всякий раз вставали и плелись дальше. Нашлись такие, кто водрузил себе на голову терновые венцы, и теперь по их лицам стекали струйки крови. В середине дня произошло столкновение в парке Лафайетта: негодующая толпа, среди которой изобиловали сторонники ухода в миоцен, вмешалась в ритуал распинания добровольцев. Полиции удалось очистить парк примерно через пятнадцать минут усиленной работы дубинками, после чего были подобраны и погружены в грузовик четыре грубых деревянных креста. «Ребята спятели, — проговорил один офицер. — Провалились они пропадом вместе со своими заморочками!»

Сенатор Эндрю Оукс позвонил Гранту Веллингтону — Время настало, — проговорил он заговорщическим тоном. — Ложитесь на дно. Не произносите ни слова. Постарайтесь изобразить, будто вам все равно. Ситуация крайне неопределенная. Никто не знает, что случится в следующий миг. Русский посол поутру появился в Белый Дом, а это что-нибудь да значит В общем, творится какая-то чертовщина!

— Ты что-либо выяснил, Рейли? — спросил, поздоровавшись, Клинтон Чепмен.

— Ничего, за исключением того, что путешествия во времени возможны и что существуют чертежи туннелей, — ответил Дуглас.

— Ты видел их?

— Нет. Все совершенно секретно. Ученые, которые говорили с беженцами, как в рот воды набрали.

— Но тебе...

— Что мне, Клинт? Да, я генеральный прокурор, но сейчас мой пышный титул не производит никакого впечатления. Говорю тебе, все совершенно секретно. Чертежи видели только академики, даже военных к ним не подпустили. Сомневаюсь, чтобы...

— Однако они не могут молчать до бесконечности! Что можно построить без чертежей?

— Пожалуйста, строй, но принципов действия тебе никто не объяснит. Понимаешь?

— Какая, черт побери, разница?

— На мой взгляд, немалая, — отозвался Дуглас. — Лично я не стал бы строить то, в чем не разбираюсь.

— Ты же сам сказал: речь идет о путешествиях во времени!

— Да, — подтвердил Дуглас.

— Так чего ты морочишь мне голову? — рассердился Чепмен.

— Перемещение возможно только в одном направлении...

— А должно быть в обоих, — возразил Чепмен. — Я верю своим физикам.

— На строительство уйдет уйма денег, — проговорил Дуглас.

— Я связался кое с кем из тех, кому могу доверять, — отозвался Чепмен. — Они заинтересовались моим предложением, потому что понимают, какие могут быть последствия. Выполни то, о чем я тебя прошу, а средства найдутся.

Джуди Грей поднялась на борт самолета и отыскала свое кресло. Она взглянула в иллюминатор на тягачи и заправщики, глаза ее наполнились слезами, и она быстро провела ладонью по лицу. «Сукин сын! — прошептала она, стискивая зубы. — Чертов сукин сын!»

Глава 40

— Стив, — проговорил в телефонную трубку Том Мэннинг, — до меня дошли кое-какие слухи.

— Растрезвонь о них, Том, — ответил Уилсон. — Растрезвонь о них по всему свету во славу Глобал Ньюс!

— Надеюсь, ты исчерпал запас своих плоских шуточек и мы можем перейти к делу?

— Если ты хочешь добиться от меня подтверждения этих слухов, то я вынужден буду тебя разочаровать.

— Стив, ты что, не знаешь меня?

— То-то и оно, что знаю.

— Ну ладно, — буркнул Мэннинг, — начнем сначала. Президент пригласил к себе утром русского посла...

— Президент его не приглашал. Он явился по собственной инициативе. Насколько мне известно, посол уже сделал заявление для прессы.

— Да, мы знаем, что сказал посол и что добавил ты на сегодняшнем брифинге, который, между прочим, ради такой ерунды не стоило и собирать. Однако ни один человек в здравом уме не купится на твои уловки.

— Извини, Том, но я сообщил все, что знаю.

— О'кей, — произнес Мэннинг. — Поверю тебе на слово, так и быть. Вполне возможно, тебя ни о чем не предупредили. Тогда слушай: по зданию ООН распространяются всякие сплетни. Наш человек в Нью-

Йорке решил позвонить мне, а я велел ему подождать, пока не переговорю с тобой.

— Том, я не имею ни малейшего представления, куда ты клонишь. Посол, по-моему, рассказал все, что, очевидно, можно было рассказать. В свете того, что с Москвой вчера и сегодня велись переговоры, его заявление кажется вполне правдоподобным. Президент в разговоре со мной тоже ни о чем таком не упоминал. Так что...

— Слушай, — повторил Мэннинг. — Вот что мне сообщили: в беседе с Уильямсом и президентом Морозов предложил использовать русскую армию для поисков чудовищ; его предложение было отвергнуто...

— Том, твоему источнику можно доверять? Ты уверен?

— Лично я — нет. Я передаю тебе то, что узнал наш человек в Нью-Йорке.

— Кто там у тебя, Макс Хейл?

— Один из лучших репортеров, — заявил Мэннинг. — На него можно положиться.

— Согласен. Я помню его по Чикаго.

— Далее собеседник Хейла сказал, что о нашем отказе будет объявлено на заседании Совета Безопасности. Скорее всего от нас потребуют, чтобы мы приняли помощь русских — ну и, наверно, других.

— Старая история, — пробормотал Уилсон.

— Это еще не все. Если мы откажемся принять предложение, а впоследствии выяснится, что чудовищ не удалось уничтожить, тогда Россия призовет к ядерной бомбардировке районов, где скрываются инопланетяне, под видом того, что мир не может допустить...

— Подожди минуточку, — перебил Уилсон. — Ты сказал, что придержал эту информацию?

— Да. Надеюсь, мне не придется распространять ее. Вот почему я звоню. Хейл ведь там не один, мало ли кто мог услышать. Если она попадет на телетайпы, нам конец.

— Я уверен, что это ложь, — проговорил Уилсон. — В такой момент... Нет, невозможно! Все понимают, что теперь не время играть в политические игры. Вернее, должны понимать. Том, я просто не могу поверить.

— Ты вправду ничего не знаешь? Ни вот столечко?

— Честное слово.

— Не хотел бы я оказаться на твоём месте, Стив, — сказал Мэннинг. — Даже за миллион долларов.

— Том, ты потерпишь, пока мы проверим?

— Разумеется. Однако за других не ручаюсь. Если что, я дам тебе знать.

— Спасибо, Том. Как-нибудь...

— Как-нибудь, когда все закончится, — прервал Мэннинг, — мы с тобой заберемся в такой бар, где нас никто не найдет, и посидим от души.

— Выпивка моя, — ответил Уилсон, — до последнего стакана.

Повесив трубку, он ссутулился в кресле. Надо же! Ну почему что-то обязательно должно случиться на ночь глядя? Впрочем, бывают такие дни, которые, кажется, никогда не кончаются, все тянутся и тянутся, ползут улитками. Вчера и сегодня слились в одни кошмарные сутки, утратили, похоже, всякое подобие реальности. Джуди улетела, по улицам маршируют чокнутые подростки, бизнесмены жалуются, что им не дают делать деньги, свихнувшиеся проповедники призывают к крестовому походу, в горах шныряют инопланетяне, а будущее по-прежнему избавляется от своих обитателей.

Веки Уилсона сами собой сомкнулись, он вздрогнул и открыл глаза. Надо будет поспать, да, не забыть бы... Возможно, Джуди была права. Отойти в сторону, сунуть голову под крыло. Хотя, если по-честному, еще неизвестно, от чего она сбежала. Он скучал по ней, скучал чуть ли не весь день, с того мгновения, когда узнал, что она собралась улетать. Может, следовало быть понастойчивее, и тогда она бы осталась? Но, во-первых, у него не было времени, а потом, он не знал, как подступить к ней, чтобы вышло изящно, поскольку иначе и не стоило что-либо затевать. Ну да ладно, она все равно вряд ли стала бы его слушать.

Уилсон вновь снял трубку.

— Ким, ты до сих пор на месте? Мне необходимо видеть президента. Дело весьма срочное.

— Наверное, придется подождать, Стив. Он на заседании кабинета.

Глава 41

— Оно было у меня на прицеле, сэр, и вдруг словно испарилось, — докладывал сержант Гордон Фэрфилд Кларк полковнику Юджину Доусону. — Исчезло, и все. Пропало. Я уверен, что оно не сдвинулось с места, потому что за секунду до этого видел, как оно выскочило из кустов. Такое серое пятно, сэр, знаете, как рисуют в мультфильмах, только живое. А потом оно взяло и сгнуло.

— Оно заметило вас, сержант, — сказал полковник.

— Не думаю, сэр. Я хорошо замаскировался и не шевелился, пока оно было на виду, только передвинул на пару дюймов дуло гранатомета.

— Не вас, так кого-нибудь из солдат.

— Сэр, они все прошли мою выучку. Их никто не увидит и не услышит.

— Тем не менее оно что-то увидело или услышало, что-то такое, что спугнуло его. Вы уверены, что оно исчезло, сержант?

— На все сто, сэр.

Полковник сидел на стволе поваленного дерева. Он нагнулся, подобрал с земли тоненькую веточку и принялся ломать ее. Сержант примостился на корточках рядом с гранатометом, который использовал сейчас как подпорку.

— Сержант, — проговорил Доусон, — я не знаю, какого черта мы тут делаем, не знаю, каких можно

ожидать приказов. Вы нашли одно чудовище, но оно растаяло в воздухе у вас на глазах. Мы можем справиться с ними, тут у меня нет никаких сомнений. Пускай они вырастают и звереют, мы все равно с ними справимся. У нас есть огнестрельное оружие и, кроме того, неплохие мозги. Если мы столкнемся с ними нос к носу, то живо покажем где раки зимуют. Наше вооружение намного лучше того, каким обладали люди из будущего, так что победа наверняка будет за нами. Однако здесь, в этой местности, мы практически беспомощны. Мы можем нанести бомбовый удар по площади в десять тысяч акров и накрыть лишь одного из них, да и то с Божьей помощью. Зато сколько погибнет других существ, в том числе — и людей! Времени на эвакуацию не будет, поэтому люди неминуемо погибнут. Следовательно, мы должны отлавливать их поодиночке...

— Но даже если так, сэр...

— Знаю, знаю. Предположим, нам повезет — раз, другой, третий. А этих тварей сотни, и они беспрестанно размножаются! Те, что вылупились первыми, день ото дня становятся все больше и свирепее. Пока мы будем охотиться за ними, они, быть может, уничтожат пару деревень, армейский лагерь или...

— Сэр, — проговорил сержант Кларк, — тут хуже, чем во Вьетнаме, а уж там было достаточно паршиво.

— Мы еще не проиграли, — провозгласил полковник, поднимаясь с бревна. — И не проиграем, если сообразим, как нам быть. Самое мощное в мире оружие никуда не годится, если его не на что навести, самые лучшие солдаты бесполезны против невидимого противника.

— Что ж, — сказал сержант, вставая и беря гранатомет под мышку, — пора за работу.

— Вы не видели фотографа?

— Какого такого фотографа? — удивился сержант. — Никого я не видел.

— Он назвался Прайсом из какого-то там агентства. Должно быть, шастает по окрестностям.

— Пусть он только мне попадется, я из него всю душу вытрясу, — пообещал сержант.

Глава 42

Преподобный Джейк Биллингс совещался с Рэем Макдоналдом, своим бывшим помощником по связям с общественностью, которого двенадцать часов назад возвел в ранг ответственного за организацию крестового похода.

— На мой взгляд, Рэй, — говорил преподобный Биллингс, — эти распинания не принесут нам пользы. Скорее они на руку тем, кто порицает нас. Как сказал один свидетель из Вашингтона, чьи слова приводятся в заметке...

— Что, про нас уже пишут в газетах? Я не ожидал столь быстрой реакции.

— Реакция, да не та, — воскликнул проповедник с неожиданной горячностью. — Полнейшая дешевка, — так написано в статье! Руки юноши, который якобы вызвался пожертвовать собой, были не прибиты к кресту, а привязаны веревками. Вообще, тон статьи, я считаю, недопустимый, тем не менее...

— Они ошибаются, — сказал Макдоналд.

— То есть вы использовали гвозди?

— Нет, нет. Дело в том, что римляне обычно не применяли гвоздей.

— По-вашему, Евангелия лгут?

— Ни в коем случае. Я просто хочу сказать, что обычно — обычно, но не всегда, — жертву привязывали к кресту, а не прибивали. Мы провели историческое исследование, и...

— Ваши исследования меня не интересуют, — заявил Биллингс. — Важно то, что, благодаря вашему чрезмерному рвению, газетный писакa нашел повод

посмеяться над нами! Между прочим, почему вы не посоветовались со мной? Я не одобрил бы вашей затеи.

— Вы были заняты, Джейк, и велели мне разбираться самому. Мол, выдавать идеи мне положено по должности; ну, я и выдал.

— Мне звонил Стив Уилсон, — проговорил Биллингс, — он требовал отменить поход. Не приходится сомневаться, что официальный Вашингтон — по крайней мере Белый Дом — против нас. А вы сделали Уилсону такой подарок! Еще утром, то есть до того, как вас осенило, он на пресс-конференции вылил на нас целый ушат грязи. Теперь же он смешает нас с ней!

— Но люди поддерживают поход. Посмотрите — вся провинция, города и деревни...

— Поддерживают? Кто поддерживает? Деревенщина? С каких это пор мы стали опираться на провинциальных оболтусов? А как насчет влиятельных священников в крупных городах? Что, по-вашему, скажет своей пастве и через газеты всему миру преподобный доктор Энгус Виндзор? Начал-то не кто иной, как он, однако разве он снизойдет до того, чтобы присоединиться к юнцам, которые шляются по улицам с крестами на спинах и устраивают распятия на городских площадях? Сколько лет ушло на то, чтобы придать нам в глазах публики достойный облик, и все коту под хвост! Спасибо, Рэй, огромное...

— Но ведь мы прибегали к подобным трюкам и раньше, — возразил Макдоналд. — Цирковые фокусы, эстрадные штучки... Вам всегда нравилось.

— Всему есть предел.

— Ну, не скажите. Письмена в небе, парады, лозунги...

— Реклама дозволена законом, — перебил Биллингс, — честная реклама. Это великая американская традиция. Ваша ошибка, Рэй, в том, что вы вышли на улицу. Что вы знаете об улице? Вы столкнулись с профессионалами. Те ребята с плакатами родились и выросли на улице. А вы сунулись к ним, не спросив ниьего совета. С чего вы взяли, что у вас получится?

— Хорошо, но что же нам делать? С улиц мы уйдем, раз они не для нас. Но как нам тогда привлечь к себе внимание?

— Понятия не имею, — проговорил преподобный Джейк Биллингс, уставившись перед собой невидящим взором. — Ни малейшего понятия. Мне кажется, что после вашего представления с крестами на походе тоже можно поставить крест.

Глава 43

Вся заслуга принадлежала собаке.

Бентли Прайс был трезв как стеклышко. Горная дорога оказалась, как ей положено быть, узкой и извилистой, но Бентли, раздраженный всем случившимся, гнал с сумасшедшей скоростью. После многочасовых блужданий он наконец обнаружил армейский лагерь — скорее временную стоянку, начисто лишенную каких бы то ни было признаков присущей военным аккуратности, так, скопище палаток посреди леса, на берегу бежавшего по склону ручья. Преисполнившись сознанием выполненного долга, Бентли вылез из машины, навьючил на себя камеры и двинулся к самой большой из палаток. Он почти уже достиг цели, когда ему преградил путь неизвестно откуда взявшийся полковник. Офицер справился, кто он, черт возьми, такой и какого рожна ему тут надо. Бентли заявил, что он из Глобал Ньюс, приехал сфотографировать процесс поисков чудовища. Дескать, он говорил редактору, что с этим можно подождать, но тот не согласился и велел крутить педали, так что если господин полковник не возражает, он хотел бы запечатлеть для истории, как охотятся на инопланетянина. Полковник в ответ сообщил, что Бентли забрался в запретную зону, и поинтересовался, не пытались ли его остановить. Ну да, пытались, отозвался Бентли, двое солдатиков, только он не обратил на них внимания, поскольку у него такое пра-

вило — плевать на тех, кто пробует остановить его; сами понимаете, работа есть работа, нужно уметь пролезать везде и всюду. Однако полковник отказался войти в положение Бентли и велел ему убираться, да, сэр, именно убираться, своим командирским голосом, и вдобавок наградил его испепеляющим взглядом. У них и без того хватает забот, сказал полковник, чтобы еще возиться со всякими идиотами, которые лезут, куда их не просят, и пригрозил, что, если фотограф не уйдет по доброй воле, его выведут из зоны под конвоем. Пока офицер метал громы и молнии, Бентли снял с плеча одну из камер и щелкнул разгневанного полковника, после чего тот совсем уж взбеленился, и Бентли, отличавшийся изрядной сообразительностью, счел за лучшее отступить. Когда он проезжал мимо солдат, которые недавно порывались остановить его, те дружно заулюлюкали. Бентли притормозил было, но решил не связываться с сосунками.

А потом объявилась собака.

Она выскочила из придорожных кустов — уши прижаты, хвост поджат, из пасти вырывается не то лай, не то визг, — так близко от машины, которая, к тому же, мчалась, что называется, на всех парах, что у Бентли совершенно не оставалось времени на раздумья. Он резко крутанул руль, машина рыскнула в сторону и въехала в заросли кустарника; фотограф изо всех сил надавил на тормоз, машина уткнулась носом в громадное дерево и застыла. Левая дверца от удара распахнулась, и Бентли, презиравшего такую белиберду, как ремни безопасности, вышвырнуло наружу. Камера, висевшая у него на шее, описала в воздухе короткую дугу и с размаху хлопнула Прайса по уху, да так, что у бедняги зазвенело в голове. Он плюхнулся на спину, перекатился на живот, встал на четвереньки, кое-как выпрямился и обнаружил, что приземлился на обочину.

Посреди дороги стояло чудовище. Бентли узнал его с первого взгляда, поскольку видел уже двоих таких красавчиков. Но это было маленьким, размерами с шетлендского пони, что, впрочем, не мешало ему выглядеть таким чудом-юдом из страшной сказки.

Бентли Прайс, в отличие от других людей, не зашелся в истошном вопле и сохранил здравый рассудок. Он прикинул на глазок расстояние, поднес к лицу фото-

аппарат, поймал чудовище в видеоискатель и нажал на кнопку. Раздался щелчок, и чудовище исчезло.

Бентли медленно опустил камеру. Голова у него по-прежнему гудела, одежда зияла прорехами, сквозь дыру на штанине виднелось ободранное колено, ладонь правой руки была вся в крови — должно быть, порезался о гравий, которым предупредительно посыпали обочину. За спиной слышался негромкий скрежет: то принимал подобие былой формы покореженный металл автомобиля. Вода из разбитого радиатора капала на горячий двигатель и с шипением испарялась. Где-то вдалеке таякала та самая собака. Белка, что восседала на дереве поблизости от дороги, стрекотала со скоростью пулемета. Дорога была пуста. Чудовище исчезло. С того места, где он стоял, Бентли видел отпечатавшиеся в пыли следы когтистых лап. Вот так, подумал он, следы есть, а чудовища нет.

Бентли подковылял к следам и внимательно огляделся по сторонам. Оно же было тут, было! Я наблюдал его в видеоискатель, сказал он себе, значит, мне не приснилось. Оно пропало, когда щелкнула задвижка. Внезапно его одолели сомнения. Может, все-таки привиделось? Интересно, успел ли он что-нибудь снять? А если успел, что получится на фотографии?

Пожалуй, все будет в порядке. По крайней мере, хочется в это верить. Бентли повернулся и, припадая на одну ногу, двинулся в сторону армейского лагеря. Ему нужен телефон, да, телефон и машина. Надо срочно попасть в Вашингтон.

Глава 44

— У нас имеются сообщения о трех встречах с инопланетянами, — проговорил Сэндберг. — Результаты пока нулевые. Никто из солдат не успел даже выстрелить. Они сразу исчезают.

— Вы хотите сказать, что они уворачиваются? — справился Торнтон Уильямс.

— Если бы, — буркнул министр обороны. — Нет, они в самом деле исчезают. Те, кто видел их, клянутся, что перед тем, как пропасть, они и не шелохнулись. Представляете: раз — и нету? Все солдаты, опрошенные по отдельности, говорят одно и то же. Один человек может ошибиться, да и двое не застрахованы от подобного, но трое — это, извините, уже перебор.

— Вы, то бишь военные, не нашли никакого объяснения?

— Нет, — покачал головой Сэндберг. — По всей вероятности, чудовища подстраиваются под изменение среды. Понимаете, они постоянно настороже, ибо помнят, что должны выжить. Они столь озабочены выживанием вида, что предпочитают не рисковать даже в мелочах. Я полагаю, что, если загнать их в угол, они будут сражаться, но — только в этом случае. Очевидно, они приспособляются к ситуации. Мы беседовали с доктором Айзеком Вулфом, биологом из числа беженцев, он, похоже, знает о чудовищах больше, чем кто-либо другой. Так вот, о привычке тварей исчезать в

решающий момент он никогда не слышал. Правда, он предположил, что такой способностью обладает исключительно молодняк. Нечто вроде защитного механизма для особи, которая еще не полностью созрела. У себя в будущем беженцы могли просто-напросто не заметить чего-либо подобного, поскольку им было не до молодняка.

— Как обстоят дела с размещением подразделений? — спросил президент.

— Цифр у меня под рукой нет, — ответил Сэндберг, — но, кажется, все идет по плану. Беженцы образовали собственные комитеты управления, которым поручено, в частности, следить за порядком, в результате чего появилась возможность перебросить в горы те части, что обеспечивали охрану лагерей. Гражданские водители постепенно заменяют солдат на машинах, которые доставляют в лагеря продовольствие и прочее, что опять-таки высвобождает подкрепления. Первые транспортные самолеты начнут, по нашим расчетам, садиться сегодня вечером, так что скоро вся армия будет в сборе.

— Морозов утром предложил от имени своего правительства помочь нам людьми, — сказал Уильямс. — Точнее, он настаивал, но мы, разумеется, отвергли предложение русских. Однако он в какой-то степени прав. Не стоит ли обратиться за помощью к Канаде, Мексике, Великобритании, Франции, Германии — словом, к нашим друзьям?

— Может быть, и стоит, — согласился Сэндберг, — однако я хотел бы выслушать сначала мнение комитета начальников штабов. Признаться, нам не хватает людей на севере и на юге, в Джорджии и штате Нью-Йорк. Так или иначе надо попытаться согнать чудовищ в одно место, не дать им разбежаться, к чему они, по-моему, как раз и стремятся. Если получится, значит, мы справимся с ними.

— Если они не исчезнут, — прибавил президент.

— Совершенно верно, — откликнулся министр обороны.

— Пожалуй, пора переходить к другим делам, — заметил президент. — Рейли, помнится, вы хотели выступить.

— Не знаю, как вы воспримете, — проговорил Рейли Дуглас, — однако мне представляется, что это необ-

ходимо обсудить. По совести говоря, у меня такое впечатление, что здесь не обошлось без некоего юридического казуса, но выяснить, так или не так, я не сумел из-за дефицита времени. Вчера вечером ко мне приехал Клинтон Чепмен. Многим из вас он, вероятно, знаком. — Генеральный прокурор огляделся: большинство присутствующих утвердительно кивнули. — Да, он был у меня вчера, а с тех пор звонил уже трижды или четырежды; кроме того, сегодня мы вместе обедали. Полагаю, вам известно, что в Гарварде мы с ним были соседями по комнате и тогда и подружались. Наверное, поэтому он связался сейчас именно со мной. Вчера он предложил взяться за строительство временных туннелей и покрыть все затраты из собственных средств, без финансирования из федерального бюджета. Взамен он просит разрешения на эксплуатацию туннелей после того, как люди из будущего уйдут по ним в миоцен, то есть хочет получить эксклюзивную лицензию. Он...

— Рейли, — прервал Уильямс, — я не совсем понимаю, зачем ему понадобились туннели? Какой от них прок? Насколько я разобрался, время в них движется лишь в одном направлении, из настоящего или будущего в прошлое.

— Клинт уверяет, что это не так. Он советовался со своими учеными — а его лаборатории одни из лучших в мире, — и те сказали ему, что, мол, если путешествия во времени возможны вообще, то в оба конца, как в прошлое, так и в будущее. И прибавили, кстати, что в будущее перемещаться легче, нежели в прошлое, поскольку такое перемещение совпадает с нормальным течением времени.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул Уильямс. — Честно сказать, я не в восторге. Имеем ли мы право передавать туннели, при условии, что гипотеза специалистов Чепмена подтвердится, в исключительную собственность одному человеку или даже группе людей? Ведь их можно использовать как угодно...

— Я так и заявил Клинту за обедом, — откликнулся Дуглас, — объяснил ему, что тут необходим строжайший контроль. Потребуется разработать свод правил эксплуатации туннелей, провести его через конгресс, а затем добиться заключения международного соглашения, чтобы правила были приняты повсеместно. Клинт

согласился с моими доводами, но он буквально одержим своей идеей. Я попытался, на правах старого друга, отговорить его, но ничего не достиг. Он по-прежнему твердо стоит на своем. Правда, сообразил, как видно, что полное покрытие финансовых затрат ему не по карману. Мне кажется, сейчас он пытается организовать нечто вроде консорциума для осуществления проекта.

— Я бы отказал, — хмуро заметил Сэндберг, — во всяком случае пока. Принцип путешествий во времени следует тщательнейшим образом изучить. Нам нужны точные данные, а не фантастические гипотезы.

— Могут ли туннели получить военное применение? — подумал вслух Уильямс. — Если да, то какое именно?

— При заключении международного соглашения надо будет особо оговорить, что использование в военных целях запрещается, — произнес президент. — Поскольку же это соглашение рано или поздно будет нарушено — какая разница, кому достанется лицензия? Национальные интересы обязательно возобладают над общемировыми. Раз путешествия во времени оказались реальностью, мы должны извлечь из них все, что можно.

— Мистер президент, вы поддерживаете Клинта? — удивился Дуглас. — Когда мы с вами разговаривали...

— Я бы не сказал, что поддерживаю Чепмена, — возразил президент. — Однако мне представляется, что в нынешних условиях не следует пренебрегать никакими предложениями. Нужно где-то находить деньги для строительства туннелей, и не только у нас в США, но и во всем мире. Мы-то, скорее всего, найдем, а вот остальные страны...

— Кстати, — вмешался Уильямс, — я полагаю, Чепмен со своим консорциумом намерен строить туннели лишь на территории Соединенных Штатов?

— Не знаю, — ответил Дуглас. — Должно быть, в консорциуме Клинта будут и иностранцы, так что он вполне может заключить договор с другими государствами. Лично я не думаю, что такие страны, как Конго, Португалия или Индонезия, повернутся спиной к тому, кто предложит построить им временные туннели. Некоторые, очевидно, станут колебаться, но если мы заодно, скажем, с Германией и Францией подадим им пример,

они ему, вероятно, последуют. В итоге, если все пройдет, как намечено, ни одна страна не останется без собственного туннеля, хотя бы одного-единственного.

— Деньги потекут рекой, — заметил Манфред Франклин, министр финансов. — Строительство туннелей для всего мира обойдется в миллиарды долларов.

— Среди финансистов хватает тех, кто любит рисковать, — сказал министр сельского хозяйства Бен Каннингэм. — Но вслепую они, как правило, не играют. Может быть, Чепмену известно то, чего не знаем мы?

— Вряд ли, — покачал головой Дуглас. — Разве что он первым узнал о том, что перемещения во времени возможны в обоих направлениях. Подумать только — нечто по-настоящему новое, нечто обладающее реальным технологическим потенциалом, впервые за пятьдесят с лишним лет! Клинт со своей бандой, как вы понимаете, претендует на полную свободу действий.

— Вопрос в том, — сказал Уильямс, — позволим ли мы ему.

— К моему глубокому сожалению, — проговорил президент, — боюсь, нам придется это сделать, иначе предложение Чепмена станет достоянием общественности, а какова будет реакция населения, предугадать, думается, несложно. Отдельные голоса «против» затеряются в криках «за», ибо тех, кто обрадуется возможности избежать повышения налогов, будет гораздо больше. Откровенно говоря, господа, может случиться так, что отказ от предложения консорциума будет равносильен политическому самоубийству.

— Вы рассуждаете так, словно не слишком огорчены, — довольно-таки ядовито заметил Уильямс.

— Позанимайся вы, Торнтон, политикой с мое, вы бы тоже научились примиряться с обстоятельствами, научились бы практичности и умению выбирать меньшее из двух зол. Я с готовностью признаю, что предложение Чепмена мне не нравится, однако практичность заставляет меня отступить, поскольку схватка почти наверняка обернется нашим поражением. В конце концов, нельзя же швыряться подарками в Санта-Клауса.

— Я все равно против, — заявил Уильямс.

— И я, — присоединился к нему Сэндберг.

— Мне представляется, что выход существует, — сказал Франклин. — Профсоюзы готовы сотрудничать с нами. Если вдобавок к нам примкнут и финансисты,

что неминуемо произойдет при удовлетворении просьбы Чепмена, то главная проблема будет решена. Мы до сих пор вынуждены кормить людей из будущего, но, что весьма приятно, припасов хватит на более длительное время, чем предполагалось вначале. Кроме того, нам предстоит снабдить беженцев инструментами и приспособлениями, но это не займет много времени и не потребует значительных средств. Нужно только поскорее прикинуть, сколько понадобится производственных мощностей и ресурсов для изготовления необходимого количества тачек, топоров, мотыг, плугов и всего прочего, но тут никаких сложностей, одна математика. Пожалуй, в течение нескольких ближайших лет будет ощущаться недостаток мясных и молочных продуктов, из-за того, что значительное поголовье домашнего скота отправится в миоцен, но подобное, по моему, вполне можно пережить. Главное — туннели, и если Чепмен рвется строить их, пускай строит.

— А как быть с этими юнцами, которые хотят сбежать в прошлое? — спросил Каннингэм. — Я бы отпустил их. На улицах сразу стало бы меньше толчеи, да и вопли о перенаселенности чуть-чуть поутихли бы. Может, так и поступим?

— Вы, конечно, шутите, — отозвался президент, — однако...

— Уверяю вас, сэр, я ни капельки не шучу, говорю совершенно серьезно.

— Я согласен с вами, Бен, — сказал президент. — Мы, по всей видимости, преследуем разные цели, но я согласен с вами в том, что насильно никого удерживать не стоит. Пусть уходят — но не в ту эпоху, которую выбрали для себя люди из будущего, а, скажем, на миллион лет раньше или позже. Однако прежде чем мы их отпустим, следует постараться привить им чувство экологической ответственности. Мы не можем отправить в прошлое людей, которые уничтожат ресурсы, что предназначены ходом истории нам. Иначе возникнет парадокс, сути которого я, признаться, не понимаю, но который может оказаться роковым для нашей цивилизации.

— Кто же будет прививать им чувство экологической ответственности? — полюбопытствовал Уильямс.

— Люди из будущего. Они станут уходить в прошлое постепенно, не все сразу, некоторые наверняка

согласятся задержаться, если мы их попросим. Точнее, они сами предложили оставить группу специалистов, которые обучили бы нас тому, что стало — то бишь станет — известным за пятьсот разделяющих наши времена лет. На мой взгляд, это предложение можно принимать без колебаний.

— Разумеется, — произнес Уильямс. — Кое-что из того, чему они научат нас, приведет к ломке ряда экономических и социальных стереотипов, однако в общем итоге мы, несомненно, выиграем. Ведь за какие-то двадцать или около того лет мы преодолеем в своем развитии пятисотлетний промежуток, причем не совершая тех ошибок, которые натворили наши прямые потомки.

— Право, не знаю, — проговорил Дуглас. — Тут слишком много всего... Мне надо подумать.

— Мы все забыли об одном, — подал голос Сэндберг. — Конечно, планировать нам никто не мешает, тем более что без плана действий не обойтись. Мне кажется, у нас на раскачку где-то с месяц, потом мы окажемся в цейтноте. А забыли мы вот о чем: все планы никуда не годятся, если мы не сумеем справиться с инопланетянами.

Глава 45

Возможно, сказал себе Уилсон, демонстранты в чем-то и правы. И впрямь, идея о новом начале завораживает, подкупает своей простотой: стереть все записи, разбить таблички, которые не желают стираться, — и вперед. Однако человечество просто не способно развиваться, не делая новых ошибок или не повторяя старых. Впрочем, уход в прошлое позволит взглянуть на себя со стороны, и, возможно, люди сумеют воздержаться от повторения слишком уж вопиющих ошибок.

Элис Гейл утверждает, что в будущем на месте Белого Дома раскинулся пустырь; доктор Осборн по дороге из Форта-Майера в Вашингтон выразил сомнение, что историю, которая приведет к возникновению пустыря, можно изменить. Он заявил, что мы находимся в состоянии нарушенного равновесия. Очевидно, он не преувеличивал. В самом деле, чаша весов клонится лишь в одну сторону: правительства становятся все многочисленнее, большой бизнес укрупняется на глазах, налоги растут и падать не собираются, бедняки, несмотря на хлопоты тех, кого заботит социальная справедливость, день ото дня все беднее, а пропасть между богатыми и бедными, правительством и общественностью — все шире. И разве может быть иначе? В таком мире, как этот, ожидать иного было бы до смешного нелепо. Уилсон покачал головой. Нет, не то, все не то. Вероятно, найдутся люди, которые могут заглянуть в прошлое,

зафиксировать все стадии экономического и социально-политического развития, указать на совершенные человечеством ошибки — «в такое-то время в таком-то месте произошло то-то». Но кто они? Теоретики, теории которых не выдерживают проверки практикой!

Зазвонил телефон. Уилсон снял трубку.

— Мистер Уилсон?

— Да.

— Говорит охранник от юго-западных ворот. Тут у меня один джентльмен, который утверждает, что должен срочно увидеться с вами. Мистер Томас Мэннинг. С ним еще мистер Бентли Прайс. Вы знаете этих людей, сэр?

— Да. Пожалуйста, пропустите их.

— Я пошлю с ними сопровождающего. Вы будете у себя, сэр?

— Да.

Уилсон опустил трубку на рычаг. Что привело сюда Мэннинга? Он что, не мог позвонить? «Срочно увидеться»! Хорошо гусь, да вдобавок притащил с собой Бентли! Тому-то что здесь делать? Может, Том раскопал что-нибудь новенькое насчет предложения русских? Уилсон посмотрел на часы. Заседание кабинета продолжается дольше, чем предполагалось. Однако оно могло и закончиться, просто президент занялся другими делами. Хотя странно — Ким наверняка выкроила бы для него пару-тройку минут.

На пороге показались Мэннинг и Бентли. Уилсон кивнул охраннику, который остановился у двери.

— Все в порядке. Подождите снаружи. — Он приблизился к журналистам и пожал им руки. — Какой приятный сюрприз! Том, с тобой мы в последнее время общаемся исключительно по телефону, а Бентли я не видел целую вечность.

— Я все бегаю, — объяснил Бентли, — скоро ноги отвалятся.

— На сей раз он прибежал из Западной Вирджинии, — сказал Мэннинг.

— Ну да, на дорогу выскочила собака, а потом в меня врезалось дерево, — заявил Бентли.

— Бентли сфотографировал чудовище, которое стояло посреди дороги, — продолжал Мэннинг, — перед тем, как оно исчезло.

— Я теперь вник, — сообщил Бентли. — Оно за-
секло камеру и услышало щелчок. Они, ну, чудовища,
не любят, когда на них что-нибудь наводят.

— Мы получили несколько сообщений о подобных
исчезновениях, — сказал Уилсон. — Возможно, это
своего рода защитная реакция, из-за которой солдатам
не удастся чего-либо достичь.

— Не скажи, — возразил Мэннинг. — Может, и
не стоит их отлавливать? — Он расстегнул «молнию»
на папке и достал пачку фотоснимков. — Взгляни-ка.

Он пододвинул Уилсону верхнее фото. Пресс-секре-
тарь послушно взглянул, а затем сурово уставился на
Бентли.

— Кого ты пытаешься надуть?

— Никого, — отозвался Прайс. — Камера не врет.
Она всегда говорит правду, показывает, что есть на
самом деле. Теперь ты знаешь, куда исчезают чудови-
ща. Я снимал на высокочувствительную пленку...

— Но динозавры! — воскликнул Уилсон.

Бентли сунул руку в карман, извлек оттуда некий
предмет и протянул его Уилсону.

— Вот стекло, — сказал он. — Увеличительное.
Посмотри через него. Там их сотни. Где я, по-твоему,
мог их щелкнуть?

Изображение чудовища было нечетким, слегка раз-
мытым, но в том, что на снимке запечатлен инопланетя-
нин, сомневаться не приходилось. На заднем плане
маячили три динозавра.

— Милые крошки, правда? — спросил Мэннинг. —
Покажи их палеонтологу, он скажет точно, кто они
такие.

Уилсон поднес к глазу увеличительное стекло и
нагнулся над фотографией. Диковинные растения, одни
похожие на пальмы, другие — на гигантские папорот-
ники; диковинные существа — поодиночке, вдвоем,
стадами. Какое-то небольшое млекопитающее притаи-
лось под раскидистым кустом.

— Мы увеличили фон, — проговорил Мэннинг. —
Показать?

— Нет, с меня достаточно.

— Мы порылись в справочниках по геологии, —
прибавил Бентли, — и решили, что я заснял ландшафт
мелового периода.

— Да, я знаю, — пробормотал Уилсон. Он снял трубку телефона. — Ким? Мистер Гейл у себя? Спасибо. Попроси его зайти ко мне.

— Они твои, — сказал Мэннинг, раскладывая на столе остальные снимки. — Мы, разумеется, опубликуем их, но сочли за лучшее сперва показать тебе. Ты думаешь о том же, о чем и я?

— Пожалуй, — Уилсон задумчиво кивнул, — только никаких ссылок.

— Зачем нам на кого-то ссылаться? — фыркнул Мэннинг. — Фотографии говорят сами за себя. Чудовище — назовем его, для удобства, родителем — подверглось при попадании в туннель воздействию принципа перемещения во времени. Этот принцип запечатлелся у него в сознании, или чем оно там наделено, а потом передался по наследству детенышам.

— Однако людям понадобились временные туннели и механические приспособления, — заметил Уилсон, — технологические достижения и...

— Черт побери, Стив, — перебил Мэннинг, пожимая плечами, — я не знаю и не притворяюсь, будто знаю, как они исхитрились это сделать. Но из снимка следует, что чудовища убегают в другое время. Возможно, все они укроются в одной и той же эпохе, возможно, в разных. И потом, разве нельзя предположить, что способность перемещаться во времени была заложена в них изначально? Может статься, они решили, что у нас им оказали нелюбезный прием, а в меловом периоде примут с распростертыми объятиями.

— Слушайте, — проговорил Уилсон, — динозавры вымерли...

— Чем не гипотеза, правда? — хмыкнул Мэннинг и застегнул папку. — Нам пора. Поблагодари Стива, Бентли.

— Нет, — возразил Уилсон, — благодарить надо не меня, а вас. Если бы не вы, мы бы промучились Бог знает сколько дней, скорее всего, без толку. — Он проводил гостей, затем снова уселся за стол.

Невероятно, подумалось ему. Невероятно — и вполне правдоподобно. Человек склонен, что естественно, мыслить человеческими категориями, но бессмысленно требовать того же от инопланетян. Люди из будущего раз за разом подчеркивали, что инопланетяне не просто кровожадные звери, но высокоразумные существа. Не-

сомненно, на свой, инопланетный лад. Их мышление и физические способности никак не соответствуют человеческим. С этим трудно свыкнуться, однако они, похоже, способны, повинаясь инстинкту, совершить то, для чего человеку необходимо изобрести машину.

Мейнард Гейл и его дочь вошли в кабинет так тихо, что Уилсон заметил их присутствие лишь тогда, когда случайно поднял голову.

— Вы просили нас зайти, — сказал Гейл.

— Взгляните, — предложил Уилсон, — сначала вот на эту. Остальные — увеличенные изображения. Взгляните и скажите, что вы думаете.

— Меловой период, мистер Уилсон, — произнес Гейл, тщательно изучив снимки. — Где была сделана фотография? И откуда взялось чудовище?

— Фотограф снимал инопланетянина. В решающий момент тот исчез.

— Чудовище исчезло?

— Да. Это второй известный мне случай. Возможно, были еще, но я знаю только о двух.

— Что ж, — проговорил Гейл, — вполне возможно. Они настолько отличаются от нас... Те, которые вырвались из туннеля, переместились во времени, причем переход должен был занять не более доли секунды. Наверно, им хватило. — Он содрогнулся. — Но если так, если они обрели способность свободно путешествовать во времени, смогли так быстро освоить то, на что у нас ушли десятилетия, значит, поистине чудо, что мы сумели противостоять им на протяжении двадцати лет. Они, должно быть, играли с нами, развлекались, забавлялись, как кошка с мышью. Они оставляли нас про запас.

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете.

— Не знаю, может быть. Так или иначе вам следует побеседовать с доктором Вулфом. Он, вероятно, даст квалифицированное объяснение.

— Но у вас сомнений нет?

— Нет, — подтвердил Гейл. — Это не розыгрыш?

— Тому Мэннингу можно доверять, — сказал Уилсон. — Мы вместе работали в «Вашингтон пост», часто сидели за одним столиком в баре, словом, были как братья, пока меня не назначили сюда. У него не столь извращенное чувство юмора. Да и Бентли я заподозрить не могу. Он молится на свои камеры, и у него не

поднимется рука использовать их ради недостойной цели. Он и вправду молится им, каждый вечер, перед тем, как лечь спать.

— Таким образом, мы имеем неоспоримое доказательство того, что чудовища убегают в прошлое, предвосхищая наши намерения.

— Думаю, да, — согласился Уилсон. — Мне требовалось услышать ваше мнение, поскольку вы знаете инопланетян куда лучше нашего.

— Но от разговора с Вулфом вы не отказываетесь?

— Нет, конечно, нет.

— Мистер Уилсон, мы, собственно, хотели бы кое-что с вами обсудить. Говоря «мы», я подразумеваю себя и свою дочь.

— Что именно?

— Мы вас приглашаем, — сказал Гейл. — Возможно, вы отвергнете наше приглашение, возможно, даже оскорбитесь. Однако многие другие, как мне кажется, приняли бы его с радостью. На мой взгляд, оно чрезвычайно привлекательно. Простите мою неуклюжесть, я очень волнуюсь. Мы приглашаем вас с собой в миоцен. Присоединяйтесь к нашей группе. Мы будем искренне рады.

Уилсон не шелохнулся. Он пытался найти нужные слова, но они не шли на язык.

— Вы наш первый и, быть может, единственный друг, — прибавила Элис. — Вы помогли нам с бриллиантами и вообще столько для нас сделали! — Она быстро подошла к столу, наклонилась и поцеловала Уилсона.

— Не торопитесь отвечать, — сказал Гейл. — Вам, наверное, необходимо подумать. Если вы откажетесь, мы больше не станем об этом заговаривать. Помимо всего прочего мы исходили из тех соображений, что вы, люди настоящего, все-таки последуете за нами через временные туннели. Я надеюсь на лучшее, однако, по-моему, вам не суждено избежать того кризиса, который сокрушил общество наших предков, то есть опять-таки вас.

— Не знаю, — выдавил наконец Уилсон. — Честное слово, не знаю. Дайте мне собраться с мыслями.

— Конечно, конечно, — отозвался Гейл.

— Я рассчитываю на ваше согласие, — прошептала Элис на ухо Уилсону.

И они ушли — так же тихо, незаметно, как и появились. В кабинет исподволь проникали сумерки. В приемной раздавался стук пишущей машинки; иногда он прекращался — видимо, тот, кто печатал, искал подходящее слово. У стены приглушенно стрекотали телетайпы. На аппарате Джуди посверкивал один световой индикатор. Нет, не Джуди, поправил себя Уилсон. Джуди улетела в Огайо, и теперь аппарат будет принадлежать кому-то другому. Джуди, воскликнул он мысленно, Джуди! Господи Боже, что на тебя нашло? Зачем ты улетела?!

Без нее было так одиноко. До сих пор он просто-напросто не подозревал, что она для него значит. Джуди оберегала его от одиночества, которое он ощущал даже в компании тех, кого числил среди своих друзей. А рядом с ней всякое одиночество казалось пустой выдумкой; самая мысль о том, что она где-то поблизости, веселила сердце. Однако Огайо не столь уж далеко. В наши дни понятие расстояния сократилось до пределов от силы полутора десятка часов в самолете. К тому же существуют почта и телеграф, да и телефоны пока работают. Уилсон попробовал вообразить себе текст письма к Джуди, но скоро сообразил, что писать все равно не станет.

Зазвонил телефон.

— Заседание кончилось, — раздался в трубке голос Ким. — Президент ждет.

— Спасибо, Ким, — сказал Уилсон.

За делами он совсем было запамятовал о том, что просил о встрече с Хендерсоном. Прошло не так уж много времени, но столько всего случилось, что забыть было ничуть не мудрено.

— Извините, что заставил вас ждать, Стив, — проговорил президент, когда Уилсон вошел в кабинет. — Министры буквально забросали меня вопросами. Что у вас?

— Пятнадцать минут назад я бы огорошил вас неприятными вестями, сэр, — усмехнулся Уилсон, — но сейчас положение слегка улучшилось. Но начну с неприятного. Ходят разные слухи про ООН...

— А, предложение русских.

— Да. Мне звонил Том Мэннинг. Его корреспондент в Нью-Йорке, Макс Хейл — вы, наверно, его знаете...

— Лично не знаком, но статьи читал. Здравомыслящий журналист.

— Хейлу сообщили, что русские будут настаивать на ядерной бомбардировке районов, где предположительно могут находиться чудовища.

— Я ожидал чего-то подобного, — сказал президент. — Но им не удастся провести такую резолюцию.

— Мне представляется, теперь это уже неважно, — заметил Уилсон. — Важно вот что. — Он положил на президентский стол фотографии. — Работа Бентли Прайса.

— Прайс, Прайс, — протянул президент. — Тот, который...

— Он самый. Пьет как сапожник, зато фотограф первоклассный, я бы сказал — лучший из всех.

— Стив, — президент взглянул на верхний снимок и нахмурился, — я не уверен, что понимаю.

— Сейчас объясню, сэр. Собственно...

Хендерсон внимательно, ни разу не перебив, выслушал пресс-секретаря и спросил:

— По-вашему, так оно и есть?

— Полагаю, что да, сэр. Гейл согласен со мной. Он предложил на всякий случай побеседовать с Вулфом, но сам, похоже, не сомневается. Тогда наша задача — выпихнуть туда всех, по крайней мере большую часть, а остальные потянутся следом. Если бы они были многочисленнее, а мы не превосходили вооружением людей из будущего, инопланетяне, вероятно, постарались бы закрепиться здесь. В конце концов, мы — достойные противники, с нами приятно сражаться. Однако они, я думаю, понимают, что обречены. В меловом же периоде им будет где развернуться. Никакого тебе огнестрельного оружия, зато противники как на подбор: тиранозавры и все их милые родственнички, трицератопсы, плезиозавры и прочие. Ни намек на стрельбу, сплошь рукопашные. Мне кажется, это придется им по нраву. Какая победа — свалить такого колосса!

— Насколько я помню, — произнес президент после непродолжительного молчания, — ученые так и не установили наверняка, отчего вымерли динозавры. Выходит, мы знаем ответ?

— Может быть, сэр, — откликнулся Уилсон.

Президент взялся было за телефон, но потом убрал руку.

— Нет, — сказал он, — Федор Морозов порядочный человек. Он только выполнял поручение своего правительства. Пожалуй, не стоит звонить ему. Пускай узнает обо всем из газет, равно как и Совет Безопасности. Посмотрим, посмотрим.

— Сэр, я не стану больше отнимать у вас время...

— Задержитесь на минутку, Стив. Я хочу кое-что сообщить вам, чтобы, если вас спросят, вы знали, как отвечать. Об этом известно лишь нескольким нашим людям и некоторым беженцам; вряд ли кто из них проболтается. Пока все совершенно секретно. Не знают даже ни государственный секретарь, ни министр обороны.

— Сэр, стоит ли...

— Я хочу, чтобы вы знали, — прервал президент. — Разумеется, вы должны до поры до времени сохранить все в тайне. Вы слышали о предложении Клинтона Чепмена?

— Да. Мне не нравится его затея. Утром меня спрашивали, но я воздержался от комментариев. Мол, достоверных сведений еще не поступало.

— Мне тоже не нравится, — проговорил президент, — однако я предприму все меры, чтобы подбодрить его. Он считает, что может купить путешествия во времени. Что ж, вольному воля. Мне как-то не доводилось раньше сталкиваться со столь откровенной жаждой наживы. Интересно, не разделяет ли страсть Чепмена его закадычный друг Рейли Дуглас?

— Но если...

— Он очень жаден, — продолжал президент. — Но я знаю то, что не известно ему и чего, если мне повезет, он никогда не узнает, а если и узнает, то когда будет уже поздно. Мы слегка поторопились объявить то, что совершили люди из будущего, путешествиями во времени. Да, они достигли своей цели, но какими средствами? Оказывается, существует параллельная нашей вселенная. Люди из будущего, которые открыли ее, обнаружили вот что: время в ней движется в направлении, обратном нашему. Наверно, я вас запутал, Стив? В общем, наше прошлое для той вселенной — будущее. Беженцы проникли к нам именно через параллельный мир.

— Но это означает...

— То-то и оно, — усмехнулся президент. — Это означает, что в прошлое уйти можно, но вернуться оттуда — нет. Дорога в будущее закрыта.

— Если Чепмен узнает, он расторгнет соглашение.

— Очевидно, да. Его предложение продиктовано отнюдь не патриотическими чувствами. Что вы думаете, Стив, о моей маленькой лжи?

— Сэр, вы бы упали в моих глазах в том случае, если бы не попытались остановить Чепмена, имея он хоть малейший шанс осуществить то, что замыслил. А так — пострадают лишь те, кто переоценил свои возможности. По заслугам и расплата.

— Однажды все откроется, — проговорил президент, — и моя репутация окажется безнадежно запятнанной.

— Когда все откроется, сэр, вас начнут превозносить до небес и воздвигать вам памятники, — поправил Уилсон.

— Надеюсь, вы правы, Стив, — сказал президент с улыбкой. — Однако мне немного не по себе.

— Сэр, — спросил Уилсон, — кому известна ваша тайна?

— Тем троим, которых вы привезли из Форта-Майера, нашим академикам, которые беседовали с ними, мне и теперь вам. К моменту встречи с учеными я уже прослышал о поползновениях Чепмена, а потому сразу попросил никому ничего не говорить. Что касается беженцев, то среди них в сути перемещений во времени разбирается лишь горстка специалистов, и, по счастливой случайности, все они у нас. Мы бережем их как зеницу ока, наравне с бриллиантами. Здесь же они оказались потому, что, говоря их словами, мы — единственная страна, которой они могут доверять. Похоже, тайна останется тайной.

— Похоже, — кивнул Уилсон. — Вы упомянули бриллианты. Что с ними случилось?

— Мы приняли их на временное хранение. Потом, когда все более или менее успокоится, решим, как с ними поступить. Полагаю, начнем потихоньку продавать, заодно придумаем какую-нибудь правдоподобную историю. А деньги будем перечислять в фонд для последующего использования всеми государствами.

Уилсон поднялся и направился к двери, но в двух шагах от нее остановился и повернулся к Хендерсону.

— По-моему, мистер президент, все идет неплохо.

— Да, — согласился президент. — Начало было никудышное, но вроде бы положение исправляется, хотя работы еще непочатый край.

Возвратясь к себе, Уилсон увидел, что за столом Джуди сидит какой-то человек. В кабинете было темно, лишь мерцали лампочки вызова на селекторе.

— Джуди? — произнес с запинкой Уилсон. — Джуди, это ты?

Да нет, не может быть, она наверняка давно в Огайо.

— Я вернулась, — проговорила Джуди. — Сошла с самолета, просидела полдня в аэропорту, не зная, что делать. Ты сукин сын, Стив Уилсон, и не вздумай этого отрицать. И почему я не улетила? Зачем пришла сюда?

— Но, Джуди... — воскликнул он, в мгновение ока очутившись подле нее.

— Ты же не просил меня остаться. Тебе и в голову не пришло!

— Разве я не просил?

— Ты играл в благородство. Вот в чем твоя беда. Ты слишком благороден. Нет чтобы встать на колени и заломить руки! А теперь мой багаж летит в Огайо, а я...

Он наклонился, взял девушку на руки и крепко прижал к себе.

— Нам обоим здорово досталось, — сказал он мягко. — Как ты думаешь, не пора ли домой?

БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

Глава 1

На протяжении двух дней пути местность выглядела так, словно по ней прошли огнем и мечом. Царившее окрест запустение казалось невероятным и вселяло в сердце ужас. До той поры, пока путники не заметили поместье, неизвестно как уцелевшее среди всеобщей разрухи, им не встретилось ни души, если не считать животных — те попадались во множестве: волки наблюдали с пригорков за продвижением людей, лисы то выскакивали из зарослей, то ныряли обратно в подлесок, канюки, восседавшие на мертвых деревьях или на почерневших от бушевавшего здесь некогда пламени развалинах, взирали на путников с неподдельным интересом. Временами взгляд натывался на человеческие кости, что белели на земле под сенью деревьев.

Погода, на которую поначалу грех было жаловаться, к середине второго дня испортилась — небо затянули тучи, с севера задул резкий, порывистый ветер, принесший с собой холодный дождь, который вдобавок то и дело переходил в мокрый снег.

Уже под вечер, взобравшись на гребень очередного холма, Данкен Стэндиш увидел поместье — несколько строений, обнесенных палисадом, вокруг которого тянулся ров. Преодолев его по подъемному мосту и миновав ворота, можно было попасть во внутренний двор, по которому, как разглядел с вершины Данкен, бродили коровы, овцы и свиньи; рядом виднелся загон

для лошадей. Иногда среди животных мелькали человеческие фигуры; из нескольких труб поднимался в осеннее небо дым. Снаружи палисада располагались другие строения, некоторые из них явно пострадали от пожара. В целом поместье производило впечатление заброшенности и полного упадка.

Дэниел, огромный боевой конь Данкена, следовавший за ним повсюду с поистине собачьей преданностью, неторопливо поднялся на холм и приблизился к хозяину. За Дэниелом появилась Красотка, маленькая ослица, навьюченная припасами и разнообразным снаряжением. Дэниел ткнулся носом в плечо Стэндишу.

— Все в порядке, Дэниел, — проговорил тот. — Мы нашли себе приют на ночь.

Жеребец тихо заржал.

Последним к Данкену присоединился Конрад. Широкоплечий, ростом без малого семь футов, он выглядел весьма внушительно. Наброшенный на плечи плащ из овечьих шкур ниспадал почти до колен. В правой руке Конрад сжимал увесистую дубинку, вырезанную из древесины дуба. Остановившись рядом со Стэндишем, он молча уставился на поместье.

— Что скажешь? — спросил Данкен.

— Они заметили нас, — проронил Конрад. — Вон сколько голов торчит над палисадом.

— Твои глаза острее моих, — сказал Данкен. — Ты уверен?

— Уверен, милорд.

— Не называй меня так. Лорд не я, а мой отец.

— Когда он умрет, — возразил Конрад, — вы унаследуете его титул.

— Злыдней не видно?

— Нет, только люди.

— Странно, — пробормотал Данкен. — Вряд ли они могли обойти это место стороной.

— Может, их отогнали или им было некогда.

— Такое случается редко. И потом, кто тогда спалил дома перед палисадом?

— А вот и Крошка! — воскликнул Конрад. — Он бежал вниз узнать, что к чему.

Мастиф, о котором шла речь, буквально взлетел по склону и подбежал к Конраду. Тот погладил его по голове, и громадный пес завилял хвостом. Глядя на эту парочку, Данкен в который уже раз подивился про себя

схожести человека и собаки. Голова мастифа, великолепного образчика своей породы, находилась на уровне талии Конрада. Кожаный ошейник пса украшали металлические заклепки. Чуть поводя ушами, пес смотрел на поместье и глухо рычал.

— Крошке оно тоже не нравится, — заметил Конрад.

— Зато у нас будет крыша над головой, — сказал Данкен. — Ночь обещает быть сырой и холодной.

— А как насчет клопов и вшей?

Красотка прижалась к Дэниелу, норовя укрыться от пронизывающего ветра.

— Уверю тебя, Конрад, — произнес Данкен, поправляя перевязь, — я разделяю ваши с Крошкой опасения, однако мне как-то не хочется проводить в такую погоду ночь на открытом воздухе.

— В любом случае надо держаться вместе, — заявил Конрад. — Нельзя, чтобы нас разлучили.

— Верно, — согласился Данкен. — Ну что, идем?

Спускаясь по склону холма, Данкен нащупал под плащом висевший на поясе кошелек, объемистую матерчатую сумку, в которой лежал манускрипт. Он словно услышал, как захрустел под пальцами пергамент. Внезапно рассердился на себя. В самом деле, сколько можно проверять, на месте ли манускрипт, потворствовать собственной глупости?! Ни дать ни взять, деревенский паренек, что направляется на ярмарку с пенни в кармане и раз за разом проверяет, не потерялась ли монетка. Данкену вспомнились слова его милости: «От этих листочков зависит, возможно, будущее человечества». Впрочем, его милость склонен все преувеличивать, так что, пожалуй, не стоит принимать фразу всерьез. Хотя, мысленно поправился Данкен, вполне возможно, что престарелый церковник прав. Все выяснится, когда они прибудут в Оксенфорд. Так или иначе, именно манускрипт — несколько плотно исписанных страниц — заставил его двинуться в путь, покинуть суливший уют и безопасность Стэндиш-Хаус и искать сейчас приюта в поместье, где, как справедливо подметил Конрад, постели наверняка кишат клопами.

— Меня тревожит одна вещь, — проговорил Конрад, шагавший бок о бок с Данкеном.

— Да? Мне казалось, что тебя ничто на свете не тревожит.

— Кроме Малого Народца, — отозвался Конрад. — Куда они все подевались? Ведь кому, как не им, было улизнуть от Злыдней. Или, по-вашему, гномы, гоблины и прочие на такое не способны?

— Вероятно, они испугались и попрятались, — предположил Данкен. — Насколько я знаю, прятаться они умеют.

— И как я не сообразил?! — воскликнул Конрад, светлея лицом.

Чем ближе они подходили к поместью, тем все больше убеждались в том, что его никак нельзя отнести к процветающим. Наиболее подходящим словом было «обветшавшее». Тут и там над палисадом торчали головы любопытных, однако никто не потрудился опустить мост, а без него нечего было и думать о том, чтобы перебраться через ров. От зеленоватой воды во рву, в которой плавали некие бесформенные куски, напоминавшие разложившиеся человеческие тела, исходила отвратительная вонь.

— Открывайте! — рявкнул Конрад. — Путники требуют приюта!

Его призыву, похоже, не вняли, и он вынужден был повторить свои слова. Наконец, под скрип дерева и лязг цепей, мост начал опускаться. Очутившись перед воротами, путешественники увидели во дворе большую толпу людей. Те выглядели бродягами, сущими оборванцами, однако были вооружены копьями, а некоторые — даже самодельными мечами.

— Назад! — прорычал Конрад, замахиваясь дубинкой. — Прочь с дороги!

Оборванцы отступили, но копий не опустили, да и мечи оставались пока обнаженными. Из толпы, привлекая ногу, выбрался низенький человек.

— Мой господин приветствует вас, — проговорил он визгливым голосом, — и приглашает к столу.

— А наши животные? — буркнул Конрад.

— У стены есть крытый загон, — отозвался колченогий коротышка. — Там найдется сено для лошади и осла, а собаке я принесу косточку.

— Никаких косточек, — возразил Конрад. — Мяса, и побольше, столько, сколько съест.

— Хорошо, я пойшу мяса.

— Дай ему пенни, — велел Данкен своему напарнику.

Конрад достал из кошелька монету и швырнул коротышке. Тот поймал ее на лету и в знак благодарности прикоснулся пальцами ко лбу — в его движениях сквозила насмешка.

Загон представлял собой обыкновенный навес; тем не менее он худо-бедно защищал от ветра и дождя. Данкен расседлал Дэниела и положил седло у стены. Конрад снял с Красотки поклажу и взгромоздил выюки поверх седла.

— Может, вам лучше взять вещи с собой? — предложил коротышка — Так будет безопаснее.

— С ними ничего не случится, — уверил его Конрад. — Если кто попробует поживиться ими, ему переломают ребра или, может статься, свернут шею.

Толпа оборванцев незаметно рассеялась. Перекидной мост с протестующим скрипом пошел вверх.

— Пожалуйте за мной, — сказал коротышка. — Хозяин ожидает вас.

В огромном зале царил полумрак, насыщенный непередаваемым зловонием. На стенах висели факелы, которые не столько светили, сколько чадили и коптили потолок. Тростник на полу, судя по всему, не меняли на протяжении месяцев, если не лет; повсюду валялись кости — подачки собакам или просто отброшенные за ненадобностью, после того как были обглоданы. Кроме того, пол усеивали кучки собачьего кала. В зале пахло мочой — собачьей и, по всей вероятности, человеческой. В дальнем конце помещения виднелся очаг, в котором жарко пылало пламя. Дымоход, по-видимому, был засорен, поэтому дым частично выходил наружу, а частично стелился по залу. Посреди зала располагался длинный деревянный стол, за которым сидели весьма подозрительные на вид люди. Им прислуживали подростки, разносившие тарелки и кружки с элем.

При появлении гостей разговор за столом стих, и бражки принялись с откровенным любопытством разглядывать путешественников. Собаки повскакивали со своих мест и оскалили зубы.

— Милости просим, друзья, — приветствовал путников человек, сидевший спиной к очагу. — Добро пожаловать к столу Гарольда Потрошителя. — Он встал и крикнул прислужникам: — Ну-ка, выгоните отсюда этих поганых псов! Не хватало еще, чтобы они покусали наших гостей!

Подростки бросились выполнять распоряжение, усердно раздавая пинки. Собаки с визгом разбежались кто куда.

Данкен шагнул вперед. Конрад следовал за ним по пятам.

— Благодарю вас за ваше хлебосольство, сэр, — сказал Данкен.

Гарольд Потрошитель был скуласт и космат. Его волосы и борода производили такое впечатление, будто в них обитали крысы. Он носил плащ, об истинном цвете которого можно было только догадываться — настолько материя пропиталась жиром. Воротник и рукава плаща были оторочены побитым молю мехом.

— Присаживайтесь, сэр, — пригласил Потрошитель, указав взмахом руки на место рядом с собой.

— Меня зовут Данкен Стэндиш, — произнес юноша, — а моего спутника — Конрад.

— Он ваш слуга?

— Нет, не слуга, товарищ.

— В таком случае, — проговорил Потрошитель, поразмыслив над услышанным, — он сядет с вами. Эйнер, брысь отсюда! Подыщи себе другое местечко.

Эйнер неуклюже поднялся и, захватив тарелку с кружкой, молча присел поодаль.

— Теперь, когда все улажено, — продолжал Потрошитель, вновь обращаясь к Данкену, — почему бы вам не сесть? Пища у нас небогатая, мясо да хлеб, зато мы угостим вас превосходным элем; вдобавок могу предложить мед. Клянусь, такого меда вы в жизни не пробовали! Когда на нас напали Злыдни, старый Седрик, наш пасечник, готов был погибнуть, лишь бы спасти ульи.

— Они давно были здесь? — спросил Данкен. — Я разумею Злыдней.

— В конце весны. Сперва они явились малым числом, Орда пришла потом, так что у нас было время схоронить скот и пчел. Нам повезло, что мы успели подготовиться. Скажите, сэр, вам доводилось видеть Злыдней?

— Нет, я только слышал о них.

— Гнусные, доложу я вам, твари, — проговорил Потрошитель. — Всех форм и размеров. Бесы, демоны, дьяволы — они способны любого напугать так, что душа уйдет в пятки, а желудок вывернет наизнанку, и

притом одни хуже других. Страшнее всего безволосые. Они похожи на людей, но на самом деле — нелюди, этакie идиоты, здоровые, как быки, ничего не боятся и убивают без разбора своих и чужих. На теле ни единого волоска, жирные, как слизняки, что кишат под гнилушками, и такие же белые. Насчет жирных я, пожалуй, погорячился. Не жирные — мускулистые, сплошные мышцы. Перед ними никому не устоять. Так вот, эти безволосые и остальные, они уничтожают все подряд: убивают, жгут, разоряют. Они не ведают жалости. Дикie звери, умеющие, к тому же, колдовать. Скажу прямо: нам пришлось туго. Но мы разрушили чары и отразили натиск, хотя одного вида Злыдней достаточно, чтобы напугать человека до смерти.

— Выходит, вы не испугались?

— Точно, — подтвердил Потрошитель. — Мы парни крепкие и отвечали ударом на удар. Еще неизвестно, кому больше досталось. Мы вовсе не собирались отдавать им свою добычу.

— Добычу?

— Ну да. Вы же небось не ожидали встретить тут таких, как мы, верно? Меня кличут Потрошителем; это шутка, так сказать, дружеское прозвище. Мы — честные люди, которые не могут найти работу. Вы наверняка встречали по пути наших товарищей по несчастью. Все безработные нынче тем и занимаются, что ищут укромный уголок, где можно было бы поселиться и прокормить себя и семью. До тех пор, пока мы не забрели сюда, ничего подходящего нам не попадалось.

— Вы разумеете, что поместье было покинуто? Здесь никто не жил?

— Мы не обнаружили ни души, — торжественно заявил Потрошитель. — Вот почему на совете было решено, что мы можем обосноваться тут — до тех пор, пока не появятся законные владельцы, если они, конечно, появятся.

— И тогда вы уйдете?

— Разумеется, — заверил Потрошитель. — Мы вернем поместье хозяевам, а сами снова отправимся искать укромный уголок.

— Весьма благородно с вашей стороны, — сказал Данкен.

— Спасибо на добром слове, сэр. Но хватит о наших делах, расскажите лучше о себе. Вы назвались путника-

ми, так? В здешних краях путники — редкость, сейчас не те времена, чтоб путешествовать в свое удовольствие.

— Мы направляемся на юг, — ответил Данкен, — в Оксенфорда, а если придется, то и в Лондон.

— И вам не страшно?

— Естественно, страшно. Однако мы хорошо вооружены и всегда настороже.

— Это правильно, — одобрил Потрошитель. — Насколько я понимаю, ваша дорога ведет напрямик через Пустошь, а там опасностей хоть пруд пруди, да и провизии не достать. Я же говорю, все кругом разорено. Птице и той надо запастись перед полетом, коли она вздумает перелететь через Пустошь.

— Тем не менее вы не бедствуете.

— Нам посчастливилось уберечь скот. И потом, после ухода Злыдней мы посадили зерно. Правда, было уже поздно, так что урожай вышел почти никудышный: чуток пшеницы, а ржи и овса и того меньше. Ячменя кот наплакал, а уж про гречиху вообще говорить нечего. Да и с сеном нелады, хватает в обрез. Вдобавок, начался падеж, а тут еще напасть: волки, разрази их гром, повадились задираť овец.

Прислужник поставил перед гостями по кувшину с элем, затем принес громадное блюдо, на котором лежали кусок говядины и седло барашка. Другой подросток оделил путников хлебом и тарелкой сотового меда.

Утоляя голод, Данкен исподтишка оглядывал сотрапезников. Нет, что бы ни говорил Потрошитель, до честных работников им далеко. Больше всего своими повадками они напоминали стаю волков. Возможно, то была шайка мародеров, застигнутая врасплох Злыднями. Вполне естественно, что они, отразив нападение Злыдней, решили остаться здесь — ибо никакой законник не отважится на поездку в те края, по которым недавно пронеслась Орда.

— А где Злыдни сейчас? — спросил Данкен.

— Никто не знает, — ответил Потрошитель. — Они могут быть где угодно.

— По слухам, они пересекли границу Пустоши и углубились в Северную Британию.

— Может быть, может быть. До нас слухи не доходят, их попросту некому доносить. Вы единственные, кто заглянул к нам. Какая же необходимость завела вас сюда?

— Мы везем послания.
— В Оксенфорд и Лондон?
— Да.
— Но в Оксенфорде хоть шаром покати.
— Не стану спорить, — ответил Данкен. — Я никогда там не был.

Он отметил про себя, что за столом нет ни единой женщины, несмотря на то что их присутствия требовали правила хорошего тона. Впрочем, Потрошитель, вероятно, придерживался иных взглядов.

Юнец принес кувшин с элем и наполнил кружки путников. Данкен пригубил напиток и убедился, что питье отменного качества. Он сказал об этом Потрошителю.

— Старые запасы, — объяснил гостеприимный хозяин. — Как я уже говорил, в нынешнем году урожай выдался скудный. А что касается сена, честное слово, не знаю, как скот переживет зиму — корма-то почитай что и нет.

Бражники один за другим прекращали есть, некоторые из них отодвигали тарелки и роняли головы на сложенные на столе руки, словно на подушки. Наверное, они так спят, подумалось Данкену, устраиваются не лучше своих собак, по отношению к которым не скупятся на колотушки. Потрошитель откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Мало-помалу в зале установилась тишина.

Данкен отрезал от буханки два ломтя хлеба и протянул один Конраду, а свой намазал медом. Потрошитель не преувеличивал. мед и в самом деле был превосходен — чистый, прозрачный, ароматный, ничуть не похожий на тот, который изготавливают в северных краях: темный и малопривлекательный на вкус.

К вытяжному отверстию очага взметнулись искры: прогорело и распалось на угольки очередное полено. Факелы на стенах постепенно гасли, однако чадили по-прежнему изрядно. Двое псов не поделили кость и теперь рычали друг на друга. Царившее в зале зловоние с каждой минутой становилось все отвратительнее.

Некий приглушенный расстоянием звук заставил Данкена вскочить с места. Он прислушался; звук повторился — боевой клич, в котором смешались ярость и боль.

— Это Дэниел! — воскликнул Конрад.

Путники бросились к выходу. Им было преградила дорогу один из бражников, но Данкен, не тратя времени на разговоры, откинул его в сторону, а Конрад угрожающе замахнулся дубинкой. Послышались разъяренные вопли, раздался собачий лай. Данкен выхватил из ножен меч; клинок со свистом распорол воздух. Конрад могучим усилием распахнул дверь, и они выбежали на двор. Посреди двора пылал громадный костер, освещавший навес, под которым остались животные, и толпу людей, круживших около него, причем эта толпа редела на глазах.

Дэниел, взвившись на дыбы, ударил передними копытами. Кто-то без чувств повалился на землю, кто-то пополз прочь. Вот подкованное копыто угодило кому-то в лицо, и человек рухнул наземь как подкошенный. В нескольких футах от Дэниела терзал своего обидчика Крошка. К Красотке было не подступиться, она лягала всеми четырьмя копытами сразу.

Завидев мужчин, что спешили на подмогу животным, челядь Потрошителя кинулась врассыпную.

— Все в порядке, — проговорил Данкен, приблизившись к Дэниелу. — Мы с вами.

Жеребец фыркнул.

— Отпусти его, — велел Конрад Крошке. — Он мертв.

Мастиф повиновался и облизал окровавленную морду. У человека, которого он отпустил, на месте горла зияла кровавая рана. Двое лежавших на земле перед Дэниелом не шевелились; похоже, они оба отправились к праотцам. Третий пострадавший, со сломанным позвоночником, оглашал двор жалобными воплями. Между тем из дверей усадьбы выбежали те, кто пировал за столом, выбежали — и застыли в изумлении. Протокнувшись сквозь них, к Данкену с Конрадом подошел Потрошитель.

— Что это значит? — рявкнул он. — Я приютил вас, а вы убиваете моих людей!

— Они пытались украсть наши вещи, — ответил Данкен, — должно быть, заодно с животными. Как видите, нашим животным не понравилось...

— Не может быть! — воскликнул Потрошитель с хорошо разыгранным недоумением. — Мои люди не способны на такие проделки.

— Ваши люди, — заявил Данкен, — обыкновенные бандиты с большой дороги.

— Очень жаль, — произнес Потрошитель. — Я обычно не ссорюсь с гостями.

— Никто и не собирается ссориться, — отрезал Данкен. — Опустите мост, мы уезжаем.

— Понятно? — прорычал Конрад, подступаясь к Потрошителю и перехватывая поудобнее дубинку. — Милорд требует опустить мост.

Потрошитель, судя по всему, не прочь был улизнуть, однако Конрад не дал ему такой возможности: он стиснул руку мародера и развернул его лицом к себе.

— Дубинка проголодалась, — сообщил он. — Давненько ей не приходилось разбивать черепов.

— Мост, — повторил Данкен тихо.

— Ладно, — пробормотал Потрошитель. — Не задирайтесь! Пропустите их! Нам не нужна лишняя кровь!

— Если кровь и прольется, то перво-наперво твоя, — бросил Конрад и проговорил, обращаясь к Данкену: — Седлайте коня, навьючивайте Красотку. Я справлюсь с ними в одиночку.

Мост медленно пошел вниз. Когда его дальний конец ударился о противоположную сторону рва, маленький отряд был готов продолжить путь.

— Пока мы не окажемся в безопасности, я его не отпущу, — буркнул Конрад, разумея Потрошителя, и подтолкнул того в спину: мол, давай шагай. Бандиты в молчании взирали на происходящее, не делая попыток выручить своего главаря.

Очутившись на мосту, Данкен запрокинул голову и взглянул на небо. Тучи исчезли без следа, небосклон усыпали звезды, сияние которых затмевала своим светом почти полная луна.

Когда отряд пересек мост, Конрад ослабил хватку, и Потрошитель обрел долгожданную свободу.

— Как только вернетесь к своим, прикажите поднять мост, — сказал Данкен предводителю бандитов. — Гнаться за нами не советую, если вы, конечно, не хотите возобновить знакомство с моим конем и Крошкой. Как вы могли убедиться, они обучены драться и разорвут ваших голодранцев в клочья.

Потрошитель молча заковылял обратно. Едва миновав ворота, он гаркнул на своих приспешников, послы-

шался лязг цепей и скрип древесины, и мост начал мало-помалу подниматься.

— Пошли, — сказал Данкен, когда мост поднялся достаточно высоко. Пустив вперед мастифа, они направились вперед по склону холма, доверившись слабо различимой тропе.

— Куда мы идем? — спросил Конрад.

— Не знаю, — отозвался Данкен. — Мне все равно, лишь бы уйти отсюда.

Крошка предостерегающе зарычал — на тропу неожиданно выступил человек. Сопровождаемый псом, Данкен приблизился к незнакомцу. Тот проговорил дрожащим голосом:

— Не беспокойтесь, сэр. Я Седрик, местный пасечник.

— Что тебе нужно?

— Я пришел указать вам дорогу, сэр, и принес немного еды, — Седрик нагнулся и поднял мешок, который лежал у его ног. — Кусок грудинки, окорок, сыр, — принялся перечислять он, — буханка хлеба и мед. Что касается дороги, я могу показать самую короткую и безопасную. Я прожил тут всю жизнь и потому знаю окрестности как свои пять пальцев.

— С какой стати тебе вздумалось помочь нам? Ты же человек Потрошителя; он упоминал про тебя — дескать, ты спас пчел, уберег их от Злыдней.

— Я вовсе не его человек, — возразил пасечник. — Он явился совсем недавно, а мой род обитает в здешних краях, почитай, испокон веку. Наш хозяин был добрым и справедливым, мы жили счастливо, пока, пару лет назад — ну да, в Михайлов день будет ровно два года, — не пришел Потрошитель со своими ублюдками и...

— Тем не менее ты остался с ним.

— Он пощадил меня, сэр, потому что я единственный умею обращаться с пчелами, а Потрошитель любит мед.

— Выходит, я был прав, — пробормотал Данкен. — Потрошитель захватил поместье силой, поубивав прежних обитателей.

— Точно, — подтвердил Седрик. — Ох и тяжелая настала пора! Сперва Потрошитель, потом — Злыдни, друг за дружкой, как сговорились.

— Значит, тебе известно, как нам поскорее очутиться вне досягаемости Потрошителя?

— Верно, сэр, известно. Я не заплутаю даже в темноте. Когда я сообразил, что происходит, то прошмыгнул на кухню, собрал чего поесть, перелез через палисад и стал дожидаться вас.

— А ты не боишься, что Потрошитель узнает о твоём поступке?

— Нет, — покачал головой Седрик. — Моего отсутствия никто не заметит. Я провожу все время с пчелами, сплю на пасеке, а сегодня пришел в дом из-за холода и дождя. Они решат, что я отправился обратно к пчелам. А что до меня, сэр, то, по правде сказать, я сочту за честь служить человеку, который одолел Потрошителя.

— Он тебе не нравится?

— Я его ненавижу, но в открытую мне с ним не тягаться, так что я действую исподтишка, врежу, где получится.

— Пока давай мне, — проговорил Конрад, забирая у старика мешок. — На привале навьючим на Красотку.

— По-твоему, Потрошитель кинется в погоню? — справился Данкен.

— Не знаю, все может быть.

— Ты сказал, что ненавидишь его. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Ведь тебя здесь ничто не держит.

— Я бы с радостью, сэр, но вот пчелы...

— Пчелы?

— Сэр, вы знаете что-нибудь о них?

— Крайне мало.

— Это удивительнейшие создания! — воскликнул Седрик. — Невозможно сосчитать, сколько их умещается в одном только улье. Но им требуется помощь человека. Каждый год матка должна откладывать яйца — одна-единственная, иначе улей ослабеет, пчелы начнут роиться и разлетятся в разные стороны. Ну вот, чтобы такого не случилось, нужен пасечник, который станет приглядывать за порядком. Он будет проверять соты. Выискивать лишних маток и уничтожать их; он убьет и старую матку, если чувствует, что сможет вырастить крепкую молодую...

— И потому-то ты останешься с Потрошителем?

— Я люблю своих пчел, — заявил старик, гордо расправляя плечи. — Я им нужен.

— Пчелы, пчелы, — проворчал Конрад. — Сколько можно болтать об одном и том же?

— Извините, — сказал пасечник. — Следуйте за мной и не отставайте.

Он двига^лся на удивление легко и свободно, как бы парил над землей таким призраком, шел то медленно, словно на ощупь, то вприпрыжку, то почти бежал. Следом за ним путники миновали неглубокую ложину, поднялись на холм, опустились в распадок, взобрались на гребень следующего холма. В небе над ними сверкали звезды, клонилась к западу луна. С севера по-прежнему задувал холодный ветер, однако дождь прекратился.

Данкен ощущал нарастающую усталость. Тело не желало мириться с той резвостью, на которой настаивал без слов старый Седрик. Несколько раз он спотыкался, но на предложение сесть на коня ответил отказом:

— Дэниел устал не меньше моего.

С Данкеном произошла странная вещь: рассудок будто отделился от тела. Ноги несли его вперед, через мрак и бледный лунный свет, сквозь лес, по холмам и долинам, а мысли перемещались сами по себе, неизменно возвращаясь, впрочем, к тому дню, с которого все началось.

Глава 2

Предчувствие того, что его избрали для выполнения некоего поручения, впервые посетило Данкена в тот миг, когда он спустился по винтовой лестнице и направился в библиотеку, где ожидали отец и его светлость архиепископ. Он твердил себе, что в желании отца увидеться с ним нет ничего необычного. Может быть. Однако, что привело в замок архиепископа? Пожилой прелат сильно раздобрел за последние годы от обилия пищи и недостатка занятий, а потому редко покидал свой монастырь. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы он взобрался на старенького серого мула и приехал сюда. Кстати говоря, этот мул, с его нелюбовью к быстрому бегу, как нельзя лучше подходил для человека, отнюдь не склонного к физической активности.

Данкен вошел в библиотеку, просторное помещение, вдоль стен которого, от пола до потолка, выстроились книжные полки; в окне — витражное стекло; над очагом, где жарко пылало пламя, голова оленя с ветвистыми рогами. Отец и архиепископ сидели в креслах, вполоборота к огню, и оба встали ему навстречу, причем даже столь незначительное усилие далось церковнику с немалым трудом.

— Данкен, — сказал отец, — у нас гость, которого ты должен помнить.

— Ваша милость, — проговорил Данкен, торопливо подходя поближе, чтобы получить благословение. — Я рад вновь встретиться с вами. — Он опустил на колени. Архиепископ перекрестил юношу и сделал рукой символический жест, как бы помогая Данкену подняться.

— Еще бы ему меня не помнить, — заметил он, обращаясь к отцу юноши. — Мы с ним испортили друг другу достаточно крови. Сколько сил пришлось положить наставникам, чтобы втолковать разным неслухам хотя бы начатки латыни, греческого и прочих предметов!

— Ваша милость, — осмелился возразить Данкен, — учиться — такая скука! Какая мне польза от латинских глаголов...

— Рассуждает как дворянин, — сказал архиепископ. — Все они, когда приезжают к нам, принимают жаловаться на латынь. Однако, надо признать, что ты, невзирая на свое нежелание, оказался способнее многих.

— Я согласен с вами, — буркнул отец Данкена. — Мы прекрасно обходимся безо всякой латыни. Вы там, в монастыре, просто морочите ребятам головы.

— Возможно, — проговорил архиепископ, — возможно, однако ничему иному мы научить не можем — ни как правильно сидеть на лошади, ни умению владеть клинком или обхаживать девиц.

— Забудем, Ваша Светлость. Чем подначивать друг друга, давайте лучше займемся делом. Слушай внимательно, сынок. Это напрямую касается тебя.

— Понимаю, сэр, — отозвался Данкен. Он дождался, пока сядут старшие, и лишь тогда сел сам.

— Кто скажет ему, Дуглас? — спросил прелат, поглядев на лорда Стэндиша.

— Вы, Ваша Светлость. Вам известно больше моего. К тому же, у вас и язык подвешен что надо.

Архиепископ откинулся на спинку кресла и скрестил пухлые пальцы рук на своем округлом животике.

— Два года тому назад или около того, — начал он, — твой отец принес мне манускрипт, который обнаружил, разбираясь в семейных бумагах.

— Там накопилось столько хлама, — подал голос отец Данкена, — что я не выдержал. Ценные документы лежали вперемешку с теми, которые давным-давно следовало выкинуть. Старые письма, записи, дарственные, акты были как попало понапишаны в коробки и

завалены совершенно посторонними предметами. Разборка продолжается до сих пор. Временами попадает такое, что приводит меня в полнейшее замешательство.

— Он принес манускрипт мне, — пояснил архиепископ, — поскольку тот был написан на неведомом языке. Твой отец не знал этого языка, что ничуть не удивительно, ибо таковым знанием могут похвастаться лишь немногие.

— Выяснилось, что язык манускрипта — арамейский, — прибавил лорд Стэндиш, — тот самый, на котором, как меня уверяли, говорил Иисус.

Данкен пребывал в растерянности. «Что происходит? — спрашивал он себя. — К чему они клонят? И при чем здесь я?»

— Ты гадаешь, зачем мы позвали тебя, — произнес архиепископ.

— Да, ваша милость.

— Подожди, скоро узнаешь.

— Может, не стоит? — пробормотал Данкен.

— Нашей монастырской братии, — продолжал старец, — манускрипт доставил немало хлопот. Арамейский оказался знакомым только двоим, да и то один, как мне кажется, больше похвалялся, нежели и вправду знал. Так или иначе, мы сумели прочесть документ, однако вся беда в том, что нам неизвестно, настоящий он или поддельный. По форме он напоминает дневник, посвященный пасторству Иисуса. Не то чтобы события излагались в нем день за днем, нет; он изобилует пропусками, хотя при последующем изложении всегда упоминается, что с момента окончания предыдущей записи случилось то-то и то-то. Судя по стилю, можно предположить, что автор жил в те времена и являлся очевидцем событий. Он не обязательно входил в число приближенных Иисуса, но сопровождал его. В тексте не содержится ни намека на то, кем он был в действительности. Он тщательно избегает упоминать об этом. — Архиепископ сделал паузу и пристально посмотрел на Данкена. — Ты, должно быть, понимаешь, каково значение манускрипта, если только он не поддельный?

— Конечно, — откликнулся Данкен. — Ведь благодаря ему мы узнаем, как проходило пасторство Господа нашего Иисуса Христа.

— Все не так просто, сынок, — вмешался Стэндиш-старший. — Это первое свидетельство очевидца, пер-

вое доказательство того, что когда-то на свете и впрямь существовал человек по имени Иисус.

— Но я не... не...

— Уста твоего отца изрекли истину, — провозгласил церковник. — Если не принимать в расчет манускрипта, у нас нет никаких доказательств того, что Иисус — лицо историческое. Имеется, правда, ряд отрывочных сведений, все они вызывают сомнение, наводя на мысль, что здесь либо откровенный подлог, либо позднейшие вставки, — возможно, дело рук монахов-переписчиков, которые позволили рвению возобладать над честностью. Мы, те, кто верует, не нуждаемся в доказательствах; Святая Церковь не сомневается в личности Иисуса. Однако наше убеждение зиждется на вере, а никак не на доказательствах. Мы не рассуждаем об этом во всеуслышание, ибо нас со всех сторон окружают неверующие и язычники; делиться с ними своими соображениями означало бы утратить мудрость. Лично нам свидетельство манускрипта, если ему, конечно, можно доверять, ни к чему, но Церковь сможет использовать его для привлечения к себе тех, кто еще не уверовал в Господа.

— Кроме того, — заметил Дуглас Стэндиш, — окажись документ подлинным, это положит, в известной мере, конец разброду внутри самой Церкви.

— Но вы сказали, что он, скорее всего, поддельный.

— Таких слов я не произносил, — возразил архиепископ. — Мы склонны полагать, что манускрипт — подлинный. Однако отец Джонатан, знаток арамейского из нашего монастыря, не настолько силен в этом языке, чтобы утверждать наверняка что-либо, относящееся к документу. Нам необходим человек, сведущий в арамейском языке, посвятивший его изучению многие годы, знакомый с изменениями, которые произошли в нем на протяжении развития, и способный отождествить перемены с той или иной эпохой. На арамейском говорили пятнадцать с лишним веков, он имел множество диалектов, один из которых сохранился до наших дней на окраине восточного мира. Однако его современная форма разительно отличается от той, что была в обиходе во времена Иисуса; а, насколько я могу судить по известным мне фактам, диалекты уже в ту пору различались так сильно, что люди, расстояние между домами

которых составляло всего лишь сотню миль, совершенно не понимали друг друга.

— Очень интересно, — проговорил Данкен. — Подумать только, в нашем доме нашлось нечто столь важное! Но все же я никак не соображу, чего вы...

— Определить подлинность манускрипта, — перебил архиепископ, — может один-единственный человек на свете. Он живет в Оксенфорде.

— В Оксенфорде? На юге?

— Именно так. Он проживает в одной общине ученых, которая около столетия назад...

— Между нашим замком и Оксенфордом, — прервал лорд Стэндиш, — лежит Пустошь.

— Мы пришли к выводу, — сказал прелат, — что у маленького отряда, составленного из отважных и преданных людей, есть возможность благополучно добраться до Оксенфорда. Первоначально мы с твоим отцом собирались переслать манускрипт по морю, но вынуждены были отказаться от своего намерения: пираты распоясались настолько, что ни один честный шкипер не решается покинуть гавань.

— Насколько маленьким должен быть отряд?

— Насколько удастся, — отозвался отец Данкена. — Мы не можем послать полк регулярной армии. Ведь преодолеть предстоит чуть ли не половину Британии, поэтому привлекать к себе внимание нельзя ни в коем случае. Вот почему у маленького отряда гораздо больше шансов на успех. Беда в том, что такому отряду придется идти напрямик через Пустошь, поскольку обойти ее невозможно; по слухам, она протянулась поперек страны от моря до моря. Было бы несколько проще, если бы мы знали, где сейчас Злыдни; молва утверждает, что север буквально кишит ими, а по последним сведениям они как будто двинулись в северо-восточном направлении.

— В нашу сторону, — присовокупил архиепископ, сопроводив свои слова кивком головы.

— Вы хотите сказать, что Стэндиш-Хаус...

— Нам нечего бояться, сынок. — Лорд Стэндиш рассмеялся коротким, отрывистым смешком, в котором не было и следа веселья. — Наш замок стоит без малого тысячу лет и повидал всякого. Еще никто не смог им овладеть. Что же касается попытки достичь Оксенфорда, чем раньше отряд отправится в путь, тем лучше.

— Выходит, я...

— Да, — подтвердил отец, — мы остановили свой выбор на тебе.

— Я не знаю более подходящего человека, — прибавил церковник, — но окончательное решение, разумеется, за тобой. В таком деле не стоит действовать сгоряча.

— На мой взгляд, обстоятельства складываются в твою пользу, — сказал сыну Стэндиш-старший. — Иначе я вообще не стал бы заводить этого разговора.

— Он хорошо владеет оружием, — заметил архиепископ, обращаясь к лорду. — Мне говорили, что ваш сын, Дуглас, принадлежит к числу лучших мечников севера, что он весьма начитан в истории военных кампаний и...

— Но я никогда не обнажал клинок во гневе, — запротестовал Данкен. — Какой из меня мечник? Так, фехтовальщик. Мы забыли, что такое война, ведь мир сохраняется уже столько лет подряд...

— Тебя посылают не сражаться, — прервал отец. — Более того, постарайся, по возможности, избегать стычек. Твоя задача — пробраться незамеченным через Пустошь.

— Однако нам при всем желании вряд ли удастся избежать столкновения со Злыднями... Что ж, думаю, я справлюсь, хотя, по совести говоря, никогда не представлял, что окажусь в подобном положении. Меня, как и тебя, отец, интересовал замок, люди, земля вокруг...

— Ты не одинок в своей привязанности, — проговорил лорд Дуглас. — Стэндиши жили на этой земле из поколения в поколение, чаще всего — в мире, однако, когда звучал призыв, они без страха отправлялись в битву, и пока еще никто не осрамил своего рода. Так что тут ты можешь быть спокоен, твои предки были славными воинами.

— Кровь возьмет свое, — провозгласил архиепископ. — Так бывает всегда. Древние роды, наподобие Стэндишей, являются оплотом Британии и Господа.

— Раз уж вы выбрали меня, — сказал Данкен, — раз мне суждено попытаться счастья на юге, расскажите, что вам известно о Пустоши.

— Это периодическое явление, — отозвался церковник, — которое повторяется в разных местах примерно через пятьсот лет. Мы знаем, что примерно пять

столетий тому назад Пустошь возникла в Иберии; до того она пересекала Македонию и, вполне возможно, Сирию. Все начинается с того, что в ту или иную местность вторгаются демоны и прочие злые духи. Они уничтожают на своем пути все, что им только попадается, убивают жителей, сжигают дома. В местности воцаряется запустение. Такое положение сохраняется достаточно долго, до десяти лет и дольше. В конце концов нечисть отступает, люди понемногу возвращаются в родные края; обычно на восстановление уходит не меньше столетия. Этих демонов называют различными именами. Последнее из них — Зльдни; кроме того, их нередко именуют Ордой. Ты понимаешь, рассказывать можно бесконечно, но суть я тебе изложил. Отдельные ученые пробовали вывести хотя бы какую-нибудь закономерность появления Орды, но их теории не подкреплены практикой, ибо они, разумеется, не отваживались изучать Пустошь, так сказать, воочию, за что я их ничуть не виню...

— Тем не менее вы предлагаете моему сыну...

— Никто не требует от него научных изысканий. Ему надлежит всего лишь добраться до Оксенфорда. Если бы не преклонный возраст епископа Уайза, я бы не стал торопиться. Однако мне сообщили, что он дряхлеет буквально на глазах, стоит, да простится мне такое выражение, одной ногой в могиле. Промедлив, мы рискуем утратить нашу единственную возможность установить подлинность манускрипта.

— А если манускрипт потеряется по дороге в Оксенфорд, что тогда? — спросил Данкен.

— Чему быть, того не миновать. Но я уверен, что ты будешь беречь его как зеницу ока.

— Ну разумеется, — откликнулся Данкен.

— Это великая драгоценность, — продолжил архиепископ, — возможно, величайшая святыня христианского мира. От этих листочков зависит, может быть, будущее человечества.

— Пошлите копию.

— Нет, — сказал прелат. — Если посылать, то только оригинал. Сколь тщательно ни копируй, — а у нас в монастыре есть необычайно искусные копиисты, — можно упустить, даже не заметив того, какую-нибудь мелочь, которая необходима для определения подлинности документа. Мы, между прочим, все-таки сделали

копию, вернее, две; обе они будут храниться в монастыре под замком. Так что, если оригинал потеряется, текст останется при нас. Но на деле потеря оригинала — катастрофа с непредсказуемыми последствиями.

— Что, если епископ Уайз установит подлинность манускрипта, но засомневается в пергаменте или чернилах? Или он разбирается не только в арамейских текстах?

— Мне кажется, — ответил старец, — вопросов такого рода не последует. С ученостью, которой обладает наш брат во Христе, ему не составит труда определить подделку всего лишь по стилю письма. Но если твои опасения подтвердятся, нам придется искать другого ученого, специалиста по пергаменту и чернилам.

— Ваша Светлость, — проговорил лорд Стэндиш, — вы упомянули о теориях по поводу Пустоши. Вы сами отдаете предпочтение какой-либо из них?

— Трудно сказать, — пробормотал архиепископ. — Все они весьма изобретательны, некоторые же грешат почти полным отсутствием логики. Меня привлекает предположение, что Пустошь используется для возрождения: силы Зла нуждаются в отдыхе, чтобы пересмотреть цели и укрепить свои ряды — этакое вывернутое наизнанку отшельничество. Вот почему они опустошают ту или иную местность, наводят на нее своего рода порчу, устанавливают вокруг барьер, который не подпускает любопытных и позволяет сколько угодно готовиться к следующим пятистам годам дурных дел. Человек, выдвинувший эту теорию, стремился показать, что за несколько лет до возникновения очередной Пустоши Зло как таковое ослабевает, а затем, наоборот, становится все более жестоким. Однако он, по-моему, не преуспел в своих исследованиях. Ему вряд ли хватило фактов, на которые можно было бы опереться.

— Если он прав, — сказал Данкен, — тогда наш отряд, при условии, что мы будем соблюдать всяческую осторожность, имеет шансы проскользнуть через Пустошь незамеченным. Силы Зла, уверенные в собственной безопасности, наверняка утратили хотя бы толику бдительности, и потом, им будет недосуг отвлекаться от своих дел.

— Здравая мысль, — одобрил отец.

Архиепископ молча прислушивался к словам, которыми обменивались Стэндиши. Он сидел, сложив руки

на животе и прищурив глаза, будто над чем-то размышляя. Наконец он пошевелился и произнес:

— Мне представляется, что силы Зла, терзающие наш мир на протяжении несчетных столетий, заслуживают тщательного изучения. Нам страшно, мы испытываем ужас, норовим объяснить все глупыми суевериями. Разумеется, было бы неразумно утверждать, что все истории о Злыднях — сплошные небылицы. Отдельные случаи вполне достоверны и даже задокументированы. Но многие рассказы подобного рода — сущий бред, выдумки невежественных крестьян, из разряда тех, что слушают вечерами у очага. Зачастую они никуда не годятся, особенно если отбросить грубые шутки и непристойности. Короче говоря, нас завалили бредовыми рассказами, которые ни капельки не помогают разобраться в сути происходящего. Нам необходимо уяснить себе природу Зла. Да, существуют заклинания для изгнания бесов; да, по свету ходят слухи о людях, превратившихся в собак или иных тварей; да, мы верим, что через жерла вулканов можно спуститься в ад. Не так давно молва уверяла, что компания придурковатых монахов выкопала яму, на дне которой обнаружилось чистилище. Все это ерунда, предрассудки, недостойные просвещенных умов. Необходимо постичь природу Зла, ибо только тогда мы сможем что-либо противопоставить ему.

Мы должны сражаться со Злом не только ради собственного спокойствия и безопасности, но и ради грядущей цивилизации. Представьте на миг, что наше общество перестало развиваться, что в нем воцарился застой; в вашем поместье и во всем мире происходит ровным счетом то же самое, что происходило тысячу лет назад. Урожай убирается и обмолачивается так, как убирался и обмолачивался испокон веку, поля пахутся примитивными плугами, крестьяне голодают, как голодали с незапамятных времен...

— В нашем замке никто не голодает, — прервал лорд Стэндиш. — Мы заботимся о своих людях, а они заботятся о нас. Мы запасаем продовольствие на случай неурожая, который хоть и редко, но случается, и потому...

— Милорд, — проговорил архиепископ, — прошу прощения. Я говорил в общем, а не конкретно о вашем хозяйстве.

— Наш род, — заявил Стэндиш-старший, — владеет этими землями без малого десять веков, и мы, как держатели надела, приняли на себя соответствующие обязательства...

— Прошу прощения, — проговорил прелат, — я не имел в виду лично вас. Вы разрешите мне продолжить?

— Извините, что перебил, — буркнул лорд, — но я чувствовал себя обязанным доказать, что в Стэндиш-Хаусе голодающих не найти.

— Целиком и полностью с вами согласен, — заверил церковник. — Однако мы слегка уклонились от интересующей нас темы. По моему мнению, бремя Зла, навалившееся нам на плечи, препятствует поистине любому развитию. Так было не всегда. В прошлом люди изобрели колесо, научились делать посуду из глины, приручили животных, окультурили растения, стали использовать железо. То было время великих свершений; с той поры мы добились весьма скромных, если не сказать ничтожных, успехов. Допустим, что история не обманывает нас. Тогда из нее следует, что иногда человек обретал надежду. Искорка надежды затеплилась в Греции, затеплилась... и потухла. Рим предвещал нечто великое, но обратился в прах. Кажется, что уж теперь-то, в двадцатом столетии, должен появиться тот или иной признак прогресса: лучшие средства передвижения, лучшие дороги, более совершенные плуги и знания по возделыванию земли, новые способы строительства домов, красивых и просторных, а не тех, в которых ютятся крестьяне, новые корабли, чтобы бороздить моря. Но где все это? Временами я воображаю себе альтернативную историю, альтернативу нашему миру — мир, где не существует Зла, где века прогресса открыли перед человечеством возможности, о которых мы даже не догадываемся. Представляете: наш мир, наше столетие?... Впрочем, от мечты до яви ужасно далеко.

Тем не менее мы знаем, что на западе, за Атлантическим океаном, лежат бескрайние, неизведанные земли. Моряки с южной оконечности Британии и западного побережья Галлии заплывают туда в поисках косяков трески; остальным же дорога пока заказана, ибо надежных кораблей, к сожалению, раз-два и обчелся. Может, оно и к лучшему, ибо мы не слишком стремимся побывать там. Мы топчемся на месте, зачарованные Злом, и,

пока его чары не разрушены, наше топтание будет продолжаться.

Наше общество больно, оно страдает недостатком развития и многими другими болезнями. Я часто думаю о том, что Зло питается нашими несчастьями, становится тем сильнее, чем нам хуже, и потому намеренно держит нас, если можно так выразиться, в черном теле. Мне кажется, оно не всегда было с нами. В прошлом люди совершали те или иные деяния, чего-то добивались и создали в конце концов нынешнее общество в его первоначальном виде. Было время, когда люди трудились, чтобы сделать жизнь безопаснее и удобнее, и потому я полагаю, что они не ведали того Зла, которое одолевает нас, а если и ведали, то каким-то образом справлялись с ним. И тогда возникает вопрос: откуда взялось Зло? Ответа на него, разумеется, не существует. Но в одном я уверен — Зло остановило наше развитие. То малое, что имеем, мы унаследовали от предков — чуточку от греков, крупицу от римлян и так далее.

Когда я изучал историю, у меня сложилось впечатление, что Зло вполне сознательно обрекает нас на застой. В конце одиннадцатого столетия святой отец Урбан объявил крестовый поход против язычников-турок, которые угнетали христиан и оскверняли святыни Иерусалима. Под стяг креста собралось множество рыцарей, они наверняка пробились бы в Святую Землю и отвоевали Иерусалим. Но тут вмешалось Зло: оно ударило в Македонии и быстро распространилось по всей Центральной Европе, опустошив ее подобно той местности, что находится к югу от нас. Рыцарей охватила паника, и поход не состоялся. Иных походов, естественно, не предпринималось, ибо на то, чтобы оправиться от нашествия Зла, потребовались столетия. И посему Святая Земля, принадлежащая по праву нам, до сих пор томится под игом язычества. — Архиепископ провел ладонью по щекам, стирая хлынувшие из глаз слезы, судорожно сглотнул, а когда заговорил снова, то по его голосу можно было догадаться, что старец едва удерживается от рыданий. — Неудача Крестового похода, пускай даже ее никоим образом нельзя вменить в вину нам, ознаменовала собой крушение последней надежды на то, что однажды мы отыщем истинного Иисуса, то бишь достоверные свидетельства о его жиз-

ни. В ту пору они еще могли встретиться, но теперь в большинстве случаев оказались вне досягаемости смертных. Вот почему мы придаем такое значение манускрипту, найденному в стенах этого замка.

— Время от времени принимаются поговаривать о новых походах, — заметил лорд Стэндиш.

— Одни только разговоры, — вздохнул архиепископ. — Нашествие Зла, равного которому по масштабам не случалось за всю историю, лишило нас мужества. Люди цепляются за свои наделы, снедаемые, должно быть, тайным страхом, что повторение затеи с походом приведет к поистине ужасающим последствиям. Зло превратило нас в трусов, заставило позабыть о том, что на свете возможна иная, лучшая доля.

В пятнадцатом веке, когда лузитанцы предприняли попытку выйти из застоя, вознамерились отправиться за море на поиски неоткрытых земель, Зло объявилось снова — на Иберийском полуострове. Все планы и намерения пошли насмарку, полуостров обезлюдел, а соседи преисполнились ужаса. Другими словами, мы имеем два неоспоримых свидетельства того, что Зло стремится удержать нас в бедности и невежестве, поскольку наши несчастья, как я уже говорил, придают ему сил. Нас низвели до положения скота: выгоняют на пастбища, где травы едва хватает на прокорм, и наслаждаются нашими мучениями. — Старец вновь провел ладонью по лицу. — Я раздумываю обо всем этом вечерами, перед тем как заснуть, и потому сплю просто отвратительно. Мне кажется, если подобное будет продолжаться, рано или поздно наступит конец всему. Свет гаснет, гаснет по всей Европе. По-моему, мы снова погружаемся в первобытную тьму.

— Вы с кем-то делились своими мыслями? — спросил лорд Дуглас.

— Кое с кем, — отозвался прелат. — Все предпочли притвориться, будто не понимают меня, пренебрегли моими опасениями.

Внезапно в дверь библиотеки постучали.

— Да, — откликнулся Стэндиш-старший. — Кто там?

— Это я, сэр, — сообщил голос Уэллса. — Я решил, что вы не откажетесь от рюмочки бренди.

— О, — сразу оживился архиепископ, — бренди — это хорошо, тем более что у вас оно просто замечательное, гораздо лучше, нежели в монастыре.

— Завтра утром, — пообещал отец Данкена, — я отправлю вам целый бочонок.

— Буду вам весьма признателен, — ответил елейным голоском прелат.

— Входи! — крикнул лорд Уэллсу.

Дверь распахнулась. Пожилой слуга, держа в руках поднос, на котором стояли бутылка бренди и три стакана, приблизился к очагу, разлил напиток и вручил стаканы сидевшим у огня. Когда он удалился, ступая почти неслышно в своих кожаных туфлях, архиепископ откинулся на спинку кресла и, прищурясь, поглядел сквозь стакан на пламя.

— Великолепно, — пробормотал он. — Какой нежный цвет!

— Сколько, по-твоему, человек должно быть в отряде? — спросил Данкен отца.

— То есть ты согласен?

— Я прикидываю, что к чему.

— Тебе предстоит совершить подвиг, достойный героической традиции твоего рода, — заметил церковник.

— Традиции тут ни при чем, — отрубил Стэндиш-старший. — Мне кажется, — прибавил он, обращаясь к сыну, — десятка человек вполне хватит.

— Слишком много, — возразил Данкен.

— Может быть. А сколько предлагаешь ты?

— Двоих, себя и Конрада.

— Двоих? — архиепископ от неожиданности даже поперхнулся бренди. — Кто такой Конрад?

— Наш скотник, — объяснил лорд Дуглас. — Знает толк в свиньях.

— Ничего не понимаю, — признался прелат.

— Мой сын дружит с Конрадом еще с мальчишеских лет. Собираясь на охоту или на рыбалку, Данкен обязательно берет с собой приятеля.

— Он в лесу как дома, — сказал Данкен, — потому что вырос там. Когда ему нечем занять себя, а такое случается, он обычно идет в лес.

— На мой взгляд, — буркнул архиепископ, — умение ориентироваться в лесу никоим образом...

— Ну почему же? — перебил Данкен. — Ведь нам придется путешествовать нехоженными тропами, верно?

— Кроме того, — сказал лорд Стэндиш, — Конрад отличается громадной физической силой. Около семи футов росту, приблизительно двадцать стоунов * мышц; ловок как кошка, наполовину животное, и, что самое главное, беспрекословно повинуетя Данкену. Я уверен, он, если надо, умрет за моего сына. Из оружия он предпочитает дубинку...

— Дубинку! — простонал архиепископ.

— Видели бы вы, как он с ней обращается! — воскликнул Данкен. — Случись ему сойтись в схватке с десятком мечников, я бы не задумываясь поставил на Конрада.

— Предложение Данкена не лишено смысла, — проговорил лорд. — Вдвоем они будут двигаться быстро и скрытно, а при случае вполне смогут защитить себя.

— Мы возьмем Дэниела и Крошку, — прибавил Данкен.

— Дэниел — боевой конь, — пояснил владелец Стэндиш-Хауса, заметив недоуменное выражение на лице своего гостя. — Он стоит троих людей. Что касается Крошки, это кличка нашего мастифа, который натаскан в два счета расправляться с врагами.

* Примерно 62 кг. (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 3

Седрик покинул путников задолго до рассвета. Расставание произошло в лесной чаще, где Данкен с напарником решили провести остаток ночи. Вскоре после того как взошло солнце, Конрад разбудил Данкена; они позавтракали хлебом с сыром — костер разводить не стали, чтобы не привлекать к себе внимания, а затем двинулись дальше.

Погода улучшилась. Ветер сначала сменил направление, а потом и совсем утих. С безоблачного неба светило яркое солнце.

Путь пролегал в лесистой местности, пересеченной глубокими лощинами и оврагами. Порой попадались заброшенные фермы: сожженные строения, неубранный урожай на полях. Если не считать воронья, кружившего в воздухе и словно зачарованного раскинувшимся окрест запустением, да мелькавших в подлеске зайцев, живых существ не встречалось. Как ни странно — ведь вокруг простиралась Пустошь — над этой местностью витал дух покоя и благополучия.

Несколько часов спустя перед путниками возник крутой склон холма. Лес мало-помалу становился все реже и наконец сошел на нет. Впереди возвышался голый скалистый гребень.

— Оставляйтесь тут, — велел Данкenu Конрад, — а я посмотрю, куда нас занесло.

Стоя рядом с Дэниелом, Данкен наблюдал за тем, как Конрад взбирается на вершину, направляясь, по всей видимости, к венчавшему ее огромному валуну. Конь ткнулся носом в плечо хозяину и тихонечко заржал.

— Замолчи, Дэниел, — прикрикнул на него Данкен.

Пес сидел поблизости, настороженно поводя ушами. Красотка переместилась так, чтобы оказаться возле Данкена. Тот протянул руку и потрепал ее по холке.

Тишина, казалось, вот-вот нарушится, но ничего подобного не случилось. Ни движения, ни звука, ни даже шелеста листвы. Конрад исчез из виду. Дэниел, на сей раз молча, вновь ткнулся в плечо Данкену. Внезапно из-за камней появился Конрад: он не шел, а полз, извиваясь всем телом. Очутившись на достаточном удалении от вершины, он поднялся и в мгновение ока скатился вниз по склону.

— Я видел две вещи, — проговорил он. (Данкен промолчал, ожидая продолжения.) — Под холмом расположена деревня, — сообщил Конрад после паузы. — Все дома сгорели, кроме церкви, она ведь каменная, а камень не горит. Людей никого... Что-то мне не нравится. По-моему, нам лучше обойти деревню стороной.

— А вторая вещь?

— По долине движется конный отряд.

— Люди?

— Мне показалось, я узнал Потрошителя. Человек тридцать или около того. Они еще довольно далеко, но вряд ли я ошибся — нашего приятеля трудно с кем-то перепутать.

— Ты думаешь, они гонятся за нами?

— Разумеется. Не на прогулку же они выехали.

— Что ж, — произнес Данкен, — нам известно, где они, зато им неизвестно, где мы. Однако они опередили нас. Я, честно говоря, не предполагал, что они отважатся на преследование. Выходит, жажда мести сильнее страха.

— Им нужна не месть, — возразил Конрад, — а Дэниел и Крошка.

— С чего ты взял?

— Кто откажется от боевого коня и сторожевой собаки?

— Пожалуй, ты прав. Я им не завидую. Наши животные не согласятся поменять хозяина за здорово живешь.

— Что будем делать?

— Разрази меня гром, если я знаю. Они направляют-ся к югу?

— Почти. Долина немного уклоняется к западу.

— Значит, мы повернем на восток. Обогнем деревню и постараемся оторваться от бандитов.

— Чем дальше, тем лучше.

Крошка вскочил, повернулся влево и издал низкий горловой рык.

— Пес что-то почуял, — заметил Данкен.

— Человека, — отозвался Конрад. — Он всегда так рычит, когда чует человека.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю все его повадки.

Данкен посмотрел в ту сторону, куда уставился Крошка. На первый взгляд там никого не было.

— Друг мой, — проговорил юноша, — на вашем месте я бы вышел сам. Мне не очень хочется натравли-вать на вас собаку.

Какое-то мгновение все оставалось по-прежнему, затем кусты зашевелились, и из них показался человек. Крошка кинулся вперед.

— Ко мне! — крикнул Конрад.

Незнакомец был высок ростом и бледен, как смерть. Его облачение составляла потрепанная ряса темно-ко-ричневого цвета, ниспадавшая до лодыжек; на плечах топорщился капюшон. В правой руке человек сжимал длинную, сучковатую палку, а левой стискивал пучок травы. Кожа столь туго обтягивала его череп, что поне-воле чудилось, будто из-под нее выпирают кости. Лицо обрамляла жидкая борода.

— Я Эндрю, отшельник Эндрю, — произнес незна-комец. — Увидев вас, я испугался и поспешил спря-таться. Понимаете, я собирал травы, чтобы было из чего приготовить ужин. У вас, случайно, не найдется сыру?

— Случайно найдется, — буркнул Конрад.

— Я грежу о сыре, — объяснил отшельник. — Про-сыпаюсь ночами и вдруг сознаю, что думаю о нем. Я так давно не пробовал сыра!

— В таком случае, — сказал Данкен, — мы рады будем угостить вас. Конрад, сними-ка с Красотки мешок с припасами.

— Подождите, подождите, — воскликнул Эндрю. — Не надо торопиться. Вы ведь путники, правильно?

— А то по нам не видно, — пробормотал Конрад.

— Переночуйте у меня, — предложил отшельник. — Знаете, я стосковался по человеческим лицам и голосам. Правда, у меня есть Призрак, но говорить с ним — вовсе не одно и то же, что беседовать с человеком из плоти и крови.

— Призрак? — переспросил Данкен.

— Да, самый обыкновенный и весьма порядочный. Не бряцает цепями, не стонет по ночам. Он поселился со мной с того дня, как его повесили. Дело рук Злыдней...

— Понятно, — протянул Данкен. — А вы каким образом ускользнули от них?

— Я спрятался в своей пещере, — ответил Эндрю. — Я называю ее кельей, однако она не такая маленькая и убогая, какой следует быть настоящей келье. Мне кажется, меня можно и нужно упрекнуть в отступлении от правил. Я не умерщвляю плоть, как то положено истинным отшельникам. Поначалу моя пещера была крохотной, но с годами я расширил ее, и она стала просторной и удобной. Там вполне хватит места для всех. К тому же, она надежно укроет вас от посторонних глаз, что, по-моему, немаловажно для тех, кто путешествует по Пустоши. Скоро вечер, вам так или иначе придется выбирать, где остановиться на ночлег, а лучшего прибежища, нежели моя келейка, клянусь, не найти.

— Что скажешь? — справился Данкен, посмотрев на Конрада.

— Прошлой ночью вы совсем не спали, — отозвался тот. — Сдается мне, отказываться не стоит.

— А Призрак?

— Призраков я не боюсь, — ответил Конрад, пожимая плечами.

— Ладно, — решил Данкен. — Отец Эндрю, показывайте дорогу.

Пещера располагалась примерно в миле от уничтоженной пожаром деревни; чтобы добраться до нее, пришлось миновать кладбище, которое, судя по многочисленности и состоянию надгробий, некогда использо-

валось весьма широко. Посреди него возвышалась гробница, сооруженная из местного камня. На ней возлежал развесистый дуб, поваленный, должно быть, особенно яростным порывом ветра; падая, он разбил установленную на крыше гробницы статую и слегка сдвинул плиту, что перекрывала доступ внутрь. Почти сразу за кладбищем высился холм, в крутом склоне которого и находилась пещера отшельника. Склон зарос деревьями и кустарником, так что, сколько ни смотри, заметить пещеру было невозможно; перед ней струился ручеек, сбегавший далее в глубокий овраг.

— Вы идите, — сказал Конрад Данкену, — а я расседлаю Дэниела и сниму поклажу с Красотки.

В пещере было темно, однако даже во мраке чувствовалось, что ее размеры довольно внушительны. В очаге теплился огонек. Отшельник пошарил у стены, отыскал свечу, зажег ее от пламени и поставил на стол. Свеча осветила толстый слой тростника на полу, грубый стол со скамьями, кособокий стул, множество корзин, соломенный тюфяк в одном углу и шкаф со свитками манускриптов — в другом.

Поймав взгляд Данкена, отшельник сказал:

— Да, я почитаваю. Так, по чуть-чуть. Когда выдается время, я зажигаю свечу и сижу, разбирая слово за словом, пытаюсь постичь смысл речений древних отцов Церкви. Впрочем, вряд ли я постигаю его; не с моим скудным умишком стремиться к этому. Вдобавок, славные отцы, как мне порой мнится, придавали гораздо больше значения словам, чем смыслу. Я уже говорил, отшельник из меня никудышный, но я стараюсь, хотя иногда спрашиваю себя: каков на деле истинный отшельник? Бывает, мне чудится, что он — глупец из глупцов, самый никчемный человек на свете.

— Однако вы же не станете отрицать, что для отшельничества необходимо призвание? — полюбопытствовал Данкен.

— Когда я погружался в размышления, мне приходило в голову, что люди становятся отшельниками, чтобы избежать тягот жизни, — ответил Эндрю. — И впрямь, ведь удалиться от мира проще, нежели добывать пропитание собственным горбом. Я задавался вопросом, не это ли побудило меня отринуть мирские радости, и вынужден был признать, что не знаю.

— Вы сказали, что спрятались здесь от Злыдней. На мой взгляд, концы с концами здесь как-то не вяжутся. Неужели они не обнаружили вас? Мы не встретили никого, кому удалось спастись, за исключением шайки бандитов, захватившей поместье и сумевшей, благодаря то ли своей многочисленности, то ли простому везению, отстоять его.

— Вы разумеете Гарольда Потрошителя?

— Да. Откуда вы знаете его?

— Пустошь полнится слухами, тем более что есть кому их разносить.

— Что-то не понимаю.

— Малый Народец. Эльфы, гномы, тролли, феи, брауни...

— Но они же...

— Они местные, живут здесь с незапамятных времен. Возможно, соседи из них беспокойные и надоедливые; вдобавок, попадаются отдельные личности, которым ни в коем случае нельзя доверять. Тем не менее, несмотря на всю свою проказливость, они редко таят злобу на людей. Они не примыкают к Злыдням, наоборот, стараются улизнуть от них, а заодно предостерегают всех прочих.

— Выходит, они предостерегли вас?

— Ко мне пришел гном. Я не считал его другом, ибо он множество раз разыгрывал со мной жестокие шутки. Однако оказалось, что у меня был друг, о существовании которого я и не подозревал. Он вовремя предупредил меня, и я успел затушить огонь в очаге, чтобы дым не выдал моего местонахождения. Правда, как вы видите, дымок такой хилый, что вряд ли способен привлечь чье-то внимание. Кроме того, он наверняка бы затерялся в дыме учиненного Злыднями пожара. Сгорело все — дома, сеновалы, амбары, сарай и даже уборные. Представляете, они сожгли уборные!

— Не представляю, — проговорил Данкен.

В пещеру вошел Конрад. Развернувшись, он сбросил с плеч поклажу — седло и мешки.

— Ну и где ваш Призрак? — проворчал он. — Что-то я никого не вижу.

— Он боится, — объяснил отшельник. — Понимаете, ему кажется, что никто не хочет его видеть. Он не любит пугать моих гостей, хотя, по совести говоря, не способен кого-либо напугать. В общем, таких порядоч-

ных призраков еще поискать. Эй, Призрак! — возвысил голос Эндрю. — Выходи! Ну-ка, покажись!

Из-за шкафа с манускриптами медленно выплыла струйка белого дыма.

— Давай, давай, — прикрикнул отшельник. — Можешь показаться. Эти джентльмены не боятся тебя, так что прояви радушие и поприветствуй их. Беда мне с ним, сэр. Вбил себе в голову, что быть призраком недостойно, если здесь уместны такие слова, живого существа.

Призрак неторопливо материализовался над шкафом, затем величаво спустился на пол. Укутанный в белый саван, он выглядел в полном соответствии с классическими образцами. На шее у него болталась веревка, конец которой, в пару футов длиной, свешивался на грудь.

— Я Призрак, — заявил сосед отшельника низким, утробным голосом, — но мне негде являться. Обычно призраки являются в местах своей гибели, однако как быть, если меня повесили на дубе? Злыдни вытащили мое бедное тело из кустов и прицепили к ветке. Они могли бы уважить меня, повесив на одном из тех могучих деревьев, которых в нашем лесу просто не перечесать, — на высоком, неохватном, настоящем патриархе среди деревьев, но предпочли какого-то невзрачного коротышку. Даже моя смерть послужила поводом к развлечению. При жизни я просил милостыню на паперти; мне подавали, но скудно, ибо кто-то распустил слух, что я здоров и полон сил. Дескать, не верьте ему, он притворяется.

— Он был отъявленным мошенником, — вмешался Эндрю. — Отлынивал от работы, хотя здоровье имел богатырское.

— Слышите? — горестно спросил Призрак. — Слышите? И после смерти меня попрекают мошенничеством, изображают бездельником и глупцом.

— Вообще-то мы с ним неплохо уживаемся, — признал отшельник. — Он ничуть не склонен к тем штучкам, которые выкидывают другие привидения.

— Я стараюсь не причинять вреда, — сказал Призрак. — Я изгнанник, иначе меня бы тут не было. Мне негде являться.

— Ладно, знакомство состоялось, — проговорил Эндрю, — теперь можно заняться другими делами. — Он повернулся к Конраду. — Вы упоминали сыр.

— Еще у нас есть грудинка и окорок, хлеб и мед, — заметил Данкен.

— И вы согласны разделить их со мной?

— Разумеется. Не можем же мы утолять голод в одиночку у вас на глазах.

— Тогда я разведу огонь, — воскликнул Эндрю, — и мы устроим пир. Долой траву! Или оставить ее как приправу к грудинке?

— Лично я траву не ем, — буркнул Конрад.

Глава 4

Данкен проснулся посреди ночи и на какой-то миг испугался, ибо не сразу сообразил, где находится. Его окружала тьма, в которой что-то мерцало, как будто он очутился вдруг в преддверии ада. Но затем он различил вход в пещеру, через который сочился внутрь лунный свет, и разглядел лежащего у входа Крошку. Тот вытянул лапы и положил на них голову. Повернувшись, Данкен увидел, что мерцание исходит от тлеющих в очаге угольев. Рядом, в нескольких футах, раскинулся на спине Конрад; он крепко спал. Его могучая грудь то вздымалась, то опадала в такт дыханию. Дышал он через рот, с характерным присвистом.

Отшельник куда-то подевался — должно быть, приютился в уголке на своем тюфяке. В воздухе плавал едва уловимый запах древесного дыма; напрягая зрение, Данкен рассмотрел у себя над головой пучки трав, вывешенные отшельником на просушку. Время от времени снаружи доносился приглушенный топот: очевидно, Дэниел пасся поблизости от пещеры. Данкен натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза. Рассветет, вероятно, еще не скоро, так что вполне можно поспать.

Однако сон не шел. Как Данкен ни старался, у него не получалось освободиться от мыслей последних дней. Эти же мысли волей-неволей вынуждали задумываться над тем, сколь труден и опасен избранный путь. В пещере отшельника было тепло и уютно, а за ее преде-

лами простиралась Пустошь, на просторах которой бесчинствовало Зло. Да что там говорить — в какой-нибудь миле отсюда лежит сожженная деревня, из всех строений которой уцелела только церковь. Вдобавок, неподалеку шастает Гарольд Потрошитель со своими головорезами в поисках тех, кто его якобы обидел. Впрочем, о Потрошителе пока можно забыть: сам того не подозревая, он умчался вперед, снедаемый жаждой то ли мести, то ли наживы.

Неожиданно Данкену вспомнился разговор с отцом, состоявшийся накануне отъезда из Стэндиш-Хауса в той же самой библиотеке, в которой его милость архиепископ рассказывал об арамейском тексте.

Тогда Данкен задал отцу вопрос, который вертелся у него на языке с той поры, когда он впервые услышал о манускрипте:

— Почему мы? Почему манускрипт оказался именно у нас?

— Откуда нам знать? — отозвался отец. — История нашего рода длинна и полна неясностей. Что-то стерлось из памяти, что-то уже невозможно восстановить. Разумеется, существуют записи, но они в большинстве своем представляют собой легенды, повествования о временах столь давних, что сегодня бесполезно и пытаться отделить правду от вымысла. Нынче мы превратились в помещиков, однако в прошлом, если верить преданиям, среди Стэндишей встречались и отважные первопроходцы, и бессовестные искатели приключений. Возможно, кто-то из них, возвратясь из дальних странствий, и привез в замок манускрипт как часть добычи, полученной при взятии чужеземного города; может статься, он выкрал ее из монастыря или, что менее вероятно, купил за пару медяков как заморскую диковинку. Так или иначе, на рукопись давно не обращали внимания, что ничуть не удивительно; ведь установить, насколько она важна, смогли только монахи. Я обнаружил ее в старом, наполовину стнившем деревянном ящике в куче других свитков, покрытых плесенью и совершенно не интересных по содержанию.

— Однако этот манускрипт почему-то показался тебе заслуживающим того, чтобы отвезти его в монастырь.

— Ни о чем подобном я не думал, — ответил лорд Дуглас. — Он всего-навсего возбудил мое любопытство.

Как ты знаешь, я читаю по-гречески и понимаю несколько других языков, пускай с пятого на десятое, но тут не смог разобрать ни одного словечка. Мне стало интересно, и я решил, что, пожалуй, стоит немного расшевелить святых отцов, пока они окончательно не заплыли жиром. В конце концов, мы должны, я считаю, время от времени напоминать им, чей хлеб они едят. Когда у них прохудится крыша, к кому они обращаются? Правильно, к нам. Когда им нужно сено, а самим собрать лень, куда они идут? Опять-таки к нам.

— Надо отдать им должное, — проговорил Данкен, — они как следует потрудились над манускриптом.

— В кои-то веки сделали хоть что-то полезное, — буркнул лорд Дуглас. — А то корпят целыми днями надо всякими затейливыми завитушками, гадают, как бы выписать их еще позатейливее. Во всех скрипториумах, а уж в здешнем — в особенности, полным-полно глупцов, которые воображают себя великими художниками. Стэндиши владеют этой землей без малого тысячу лет и помогают монастырю с первого дня его существования; а монахи, видно, считают, что так и должно быть, и год от года требуют все больше. Взять хотя бы этот бочонок бренди, — Его Светлость впрямую вроде бы не просил, однако, если судить беспристрастно, откровенно выпрашивал.

— Бренди для тебя большое место, отец, — заметил Данкен.

— На протяжении столетий наш замок славился отличным бренди, — заявил лорд Дуглас, фыркнув в усы. — Мы гордились этим, поскольку добиться качества со здешними скудными урожаями было отнюдь не просто. Мы трудились не покладая рук и в итоге получили вино, равного которому по букету не сыскать и в Галлии. Вот почему, сынок, мне жалко даже одного бочонка. Его Светлости лучше побережь бренди — ведь следующий бочонок ему достанется ох как нескоро!

На некоторое время разговор прервался. Тишину нарушало лишь потрескивание дров в очаге.

— Мы заботились и заботимся обо всем, не только о вине, — произнес наконец лорд Дуглас. — Наши коровы и быки будут потяжелее большинства британских. Мы разводим чистокровных лошадей. Такой шерсти, как наша, еще поискать. Мы выращиваем пшеницу;

пускай ее мало, но это все-таки пшеница, а не овес, как у соседей. То же самое можно сказать и про людей. Из тех крестьян и сервов, что трудятся на нашей земле, многие вправе утверждать, что обосновались здесь в незапамятные времена, разумеется, не сами, но их предки. Стэндиш-Хаус — тогда он, правда, так не назывался — возник в пору междоусобиц, когда человеческая жизнь не стоила ни гроша. Поначалу он представлял собой деревянный форт на вершине холма, окруженный палисадом и крепостным рвом, то есть выглядел точь-в-точь как значительная часть нынешних поместий.

Крепостной ров сохранился до сего дня, однако постепенно превратился из оборонительного сооружения в некое подобие места для отдыха. В нем цветут водяные лилии и прочие растения, откосы засажены кустарником, в воде резвится рыба, которую волен ловить любой, кому не лень забросить крючок с наживкой. Мост через ров поднимается всего лишь раз в год только для того, чтобы убедиться, что механизм в исправности. Междоусобицы со временем поутихли, и жить стало чуточку спокойнее, хотя головорезов, готовых на все ради наживы, по-прежнему хватает. Однако они избегают приближаться к нашему замку, ибо наслышаны о крепости его стен и мужестве защитников. За последние триста с лишним лет ни один бандит не отважился на попытку взять замок приступом. Единственное, на что они осмеливаются, — это на короткие набеги, когда похищают пару коров или несколько овец. Мне кажется, их отпугивает то, что наши крестьяне и сервы умеют обращаться с оружием; недаром Стэндиши отказались содержать кучу бездельников, громко именуемых дружиной. Случись беда, нам не придется даже бросать клич: наши люди сами возьмутся за оружие, потому что считают эту землю своей. Иными словами, нам удалось создать островок мира и спокойствия.

— Я люблю наш дом, — проговорил Данкен. — Мне не хочется покидать его.

— А мне не хочется отпускать тебя, сынок. Ты отправляешься навстречу неведомым опасностям... Впрочем, я не очень тревожусь. Что-то подсказывает мне, что ты справишься. И потом, с тобой будет Конрад.

— А еще Дэниел и Крошка, — прибавил Данкен.

— Его Светлость вчера вечером рассуждал о том, что мы перестали развиваться, назвал наше общество застойным. Возможно, он прав, однако подобное положение имеет свои преимущества. Прогресс в одном неизбежно влечет за собой прогресс в остальном, в том числе и в вооружении, что означает непрерывную войну, ибо стоит какому-нибудь вождю или князьку приобрести новое оружие, как он тут же пожелает испытать его на соседе.

— Все наше оружие, — сказал Данкен, — можно охарактеризовать как личное. Чтобы воспользоваться им как следует, человек зачастую должен сойтись с противником в рукопашной. Разумеется, я не имею в виду копья и дротики; правда, они неудобны в обращении и применить их можно, как правило, один лишь раз. Кроме них, к оружию, что поражает на расстоянии, относится праща, но с ней больше мороки, нежели проку.

— Я согласен с тобой, — произнес лорд Дуглас. — Пускай Его Светлость и иже с ним сокрушаются о плачевной участи человечества. Мы создали общество, которое отвечает нашим целям, и всякая попытка изменить его может нарушить равновесие и обернуться неисчислимыми бедами, да такими, каких мы, боюсь, и вообразить не в силах.

Размышления Данкена были прерваны самым неожиданным образом. Он вдруг ощутил, что на него повеяло холодом, открыл глаза и увидел над собой, если можно так выразиться, лицо Призрака: расплывчатый овал клубящейся серой дымки, обрамленный белизной капюшона. Никаких черт, только дымка; тем не менее Данкену казалось, он смотрит именно в лицо.

— Сэр Призрак, — справился он, — зачем тебе понадобилось столь бесцеремонно будить меня?

Приглядевшись, Данкен различил, что Призрак сидит рядом с ним на корточках, и мельком подивился подобной позе.

— Мне надо было кое о чем спросить Вашу милость, — отозвался Призрак. — Я уже спрашивал отшельника; он рассердился на меня за то, что я задаю вопросы, на которые у него нет ответа, хотя, по-моему, святой человек должен знать все. Я спрашивал и вашего спутника, но он всего-навсего обворчал меня. Сдается мне, ему не понравилось, что привидение пытается

вызвать его на разговор. Будь во мне малая толика плоти, он наверняка задушил бы меня своими ручищами. По счастью, это невозможно. Никто не сможет теперь ни задушить меня, ни свернуть мне шею; я избавлен от унижений такого рода.

Данкен откинул одеяло и сел.

— Судя по столь длинному вступлению, — сказал он, — твои вопросы вряд ли окажутся пустяковыми.

— Для меня они необычайно важны, — заявил Призрак.

— А если я тоже не смогу на них ответить?

— Значит, вы ничем не отличаетесь от остальных.

— Ладно, — проговорил Данкен, — давай выкладывай.

— Как по-вашему, милорд, за какие грехи я удостоился подобного облачения? Мне известно, что призракам полагается как раз такой наряд, что его носят все настоящие привидения, кроме разве что некоторых замковых духов, которые предпочитают черный цвет. Но ведь меня повесили вовсе не в этом балахоне! Я был тогда в грязных обносках и, помнится, от страха испачкал их еще сильнее.

— Я не знаю ответа, — покачал головой Данкен.

— По крайней мере, милорд, — произнес Призрак, — вы оказали мне честь тем, что не стали увиливать и браниться, как наши общие знакомые.

— Возможно, тебе следует обратиться к тому, кто изучал одежду призраков. Скорее всего, к кому-нибудь из церковников.

— Они, вероятно, не пожелают выслушать меня, так что, пожалуй, можно об этом забыть. Понимаете, мне просто интересно, почему так, а не иначе.

— Мне очень жаль, но увы, — развел руками Данкен.

— Можно второй вопрос?

— Давай, но ответа я не обещаю.

— Вопрос такой, — сказал Призрак. — Почему я? Ведь привидениями становятся не все, кто умирает, даже не все, кто кончил жизнь не по своей воле, кто погиб от руки убийцы или палача. В противном случае духи заполнили бы весь мир, наступали бы друг другу на саваны, и куда было бы деваться живым?

— Я снова не могу ответить.

— Честно говоря, — продолжал Призрак, — не такой уж я и грешник. Скорее, я вызывал при жизни презрение, а какой тут грех? Ну да, у меня были, как и у всех, маленькие грешки, но, если я правильно понимаю суть греха, они вполне простительны.

— Право, я тебе сочувствую. Помнится, при знакомстве ты жаловался на то, что тебе негде являться.

— Так и есть, — вздохнул Призрак. — Было бы где, я бы, пожалуй, стал чуточку счастливее. Впрочем, привидениям не положено быть счастливыми, поэтому лучше сказать — довольнее. Довольство нам, по-моему, не запрещается, да его и не запретишь. Будь у меня место, где являться, я бы занимался делом, а не валял дурака. Хотя, если бы потребовалось греметь цепями и стонать, я бы делал это без особой охоты. По правде сказать, я бы удовлетворился тем, что бродил бы туда-сюда и порой позволял бы людям заметить меня. Ваша милость, может, то, что у меня нет места, где являться, нет работы, — что-то вроде наказания за жизнь, которую я вел? Поверьте мне — только, прошу, никому не говорите, — если бы пожелал, я без труда заработал бы себе на хлеб честным путем, а не выпрашиванием милостыни. Хотя тяжелая работа мне противопоказана, я с детства отличался слабым здоровьем. Мои родители все удивлялись, что им удалось вырастить меня.

— Ты задаешь чересчур много философских вопросов, — заметил Данкен. — Я не в состоянии ответить на них.

— Вы направляетесь в Оксенфорд, верно? — спросил Призрак. — Чтобы увидаться с каким-то знаменитым ученым? Иначе с какой стати вам туда идти? Я слышал, там проживает множество величайших умов Церкви и они ведут между собой высокоумные беседы.

— Когда прибудем в Оксенфорд, — откликнулся Данкен, — мы наверняка увидим кого-либо из ученых докторов.

— Может, они знают ответ на мои вопросы?

— Не уверен.

— Не будет ли с моей стороны чрезмерной смелостью просить разрешения присоединиться к вам?

— Послушай, — Данкен начал злиться, — если тебе хочется попасть в Оксенфорд, ты вполне можешь добраться туда сам. Ты же вольный дух, тем более —

без места, где надо было бы являться, притом никто не в силах причинить тебе вреда.

— В одиночку, — проговорил Призрак, вздрагивая, — я испугаюсь до смерти.

— Ты уже мертв, а дважды не умирают.

— Вы правы, — отозвался Призрак, — я совсем забыл. Но все равно, мне будет страшно и одиноко, если я отправлюсь в путь сам по себе.

— Если ты хочешь присоединиться к нам, то я не вижу, каким образом мог бы тебе помешать. Но учти: я тебя не приглашал.

— Значит, я иду с вами, — подытожил Призрак.

Глава 5

Они позавтракали грудинкой, овсяными лепешками и медом. Конрад вышел из пещеры проведать животных, а когда вернулся, сообщил, что Дэниел и Красотка пасутся на близлежащем сенокосе, Крошка же уплетает пойманного зайца.

— Что ж, — сказал Данкен, — желудки полны, можно и трогаться.

— Если вы не очень торопитесь, — проговорил отшельник Эндрю, — я бы просил вас оказать мне одну услугу.

— Мы не против, если это не отнимет у нас слишком много времени, — ответил Данкен. — Вы приютили нас на ночь, так что мы ваши должники.

— Какой там долг, — отмахнулся Эндрю. — Понимаете, просто мне одному несподручно, а все вместе, да еще с осликом, мы справимся быстро. Помогите мне, пожалуйста, убрать капусту.

— Капусту? — изумился Конрад.

— Да. Кто-то посадил ее перед приходом Злыдней. Разумеется, потом огород остался без присмотра. Я набрел на него совершенно случайно. Он недалеко от церкви, буквально в двух шагах. Правда, тут есть одна загвоздка...

— С капустой? — полюбопытствовал Данкен.

— Нет, не с ней, вернее, и с ней тоже. Там растут и другие овощи — морковь, брюква, горох, бобы. Так вот, кто-то ворует их.

— Но не вы? — уточнил Данкен.

— Огород мой, — заявил Эндрю, — ибо я нашел его. Я пытался разыскать воришку, но не слишком решительно, потому что, как вы видите, воин из меня никудышный, и в случае чего — еще неизвестно, кто из нас двоих пострадал бы сильнее. Порой я даже говорил себе, что, не будь он вором, мы могли бы с ним коротать вечера за беседами. В общем, на огороде выросла отличная капуста, и будет жалко, если она сгниет на корню или достанется воришке. Без вашей помощи мне придется убирать ее не день и не два.

— Пожалуй, мы задержимся, — решил Данкен. — Ведь Господь велит нам сострадать ближнему.

— Милорд, — возразил Конрад, — путь предстоит неблизкий.

— Перестань называть меня милордом, — велел Данкен. — Если мы окажем услугу нашему радушному хозяину, у нас станет легче на сердце.

— Ладно, — буркнул Конрад. — Пойду приведу Красотку.

Огород, находившийся на расстоянии полета камня от церкви, представлял собой диковинное зрелище: многочисленные овощи едва выступали из-под сорняков, среди которых попадались экземпляры ростом по пояс взрослому человеку.

— Да, — заметил Данкен, обращаясь к Эндрю, — вы явно избегали надрываться.

— Я отыскал его чересчур поздно, — запротестовал тот. — Сорняки уже успели набрать силу.

Капусты оказалось три грядки. Кочаны были как на подбор — крупные и крепкие. Конрад расстелил на земле мешковину, и все взялись за работу: выдергивали кочаны, стряхивали с них комья земли и кидали в мешок.

— Джентльмены, — произнес женский голос, в котором отчетливо слышалось неодобрение.

Мужчины резко обернулись. Крошка глухо зарычал. Данкену сначала бросился в глаза грифон, а уж потом он разглядел всадницу... и застыл, пораженный и сбитый с толку. Женщина была одета в кожаный костюм из брюк и куртки; шею облегал белый шарф. В правой

руке она сжимала боевой топор, лезвие которого угрожающе посверкивало на солнце.

— Несколько недель подряд, — продолжала женщина ровным голосом, — я следила за этим презренным отшельником и не препятствовала ему воровать овощи, полагая, что иначе он умрет с голоду. Однако я никак не думала, что встречу здесь за этим занятием благородного дворянина.

— Миледи, — ответил Данкен с поклоном, — мы всего лишь помогаем нашему другу собрать урожай капусты. Мы не знали, что огород принадлежит вам.

— Я намеренно старалась не показываться, — сказала женщина, — ибо в здешних местах открывать свое присутствие небезопасно.

— Однако, миледи, вы открыли его.

— Только для того, чтобы уберечь свои скудные припасы. Пара-тройка морковок, кочан-другой капусты — такое я могу допустить, однако решительно возражаю против бессовестного ограбления.

Грифон наклонил голову, скосил на Данкена свой мерцающий, с золотистым отливом, глаз. Его передние лапы заканчивались орлиными когтями; орлиная же голова венчала львиное тело, а хвост вместо кисточки оканчивался зловещим жалом. Огромные крылья были сложены таким образом, что между ними как раз мог усесться человек. Существо прищелкнуло клювом и шевельнуло хвостом.

— Не бойтесь, — заметила женщина, обращаясь к Данкену. — Вид у него грозный, а на деле он и мышки не обидит, если я, конечно, ему не прикажу. Он очень старый и потому добрый.

— Мадам, — произнес Данкен, — признаться, мне несколько не по себе. Меня зовут Данкен Стэндиш. Мы с моим спутником, вон тем верзилой, направляемся на юг Британии. С отшельником же Эндрю случай свел нас лишь накануне вечером.

— Данкен Стэндиш из Стэндиш-Хауса?

— Он самый, однако откуда...

— Ваш род известен по всей Британии. Не считите за дерзость, но, мне кажется, вы выбрали неподходящее время для прогулок по здешним местам.

— А разве пристало путешествовать по ним благородной даме?

— Меня зовут Дианой, — сказала женщина, — и я вовсе не благородная дама, скорее даже наоборот.

— Прошу прощения, господа, — вмешался Эндрю, — но мне представляются весьма сомнительными права леди Дианы на этот огород. Овощи были посажены еще до нашествия Злыдней, которые предали деревню огню и мечу, так что леди Диана никак не может считаться владелицей огорода. Что касается меня, я никогда не утверждал, что сам возделывал землю.

— Сдается мне, мы ведем себя недостойно, — проговорил Данкен.

— Вообще-то он прав, — сказала Диана. — Земля не принадлежит ни мне, ни ему. Мы оба пользуемся ее плодами, только и всего. Меня просто-напросто возмутило то, что нашлись люди, пожелавшие безраздельно завладеть ею.

— Я согласен поделиться, — заявил Эндрю. — Половина мне, половина ей.

— Что ж, — проговорил Данкен, — по крайней мере, честно, хотя и не по-рыцарски.

— Я не рыцарь, — отрезал Эндрю.

— Если отшельник сообщит мне кое-какие сведения, — сказала Диана, — я не стану притязать на капustu, поскольку тогда она уже не понадобится.

Спрыгнув с грифона, Диана приблизилась к мужчинам.

— Какие такие сведения? — буркнул Эндрю. — С чего вы взяли, что я смогу их сообщить?

— Ты местный?

— Ну да, мои предки жили здесь испокон веку.

— Тогда ты должен знать. По слухам, в деревне жил когда-то человек по имени Вульферт. Меня привела сюда молва о нем. Я поселилась в церкви, поскольку она единственная уцелела при пожаре, учиненном Злыднями, и перерыла все приходские книги, но не нашла ничего сколько-нибудь существенного. Похоже, ваши священники, сэр отшельник, пренебрегали своими обязанностями.

— Вульферт? — повторил отшельник. — Вульферт, Вульферт. Когда он умер?

— Лет сто назад, если я не ошибаюсь.

— Святой человек? Мудрец?

— Вполне возможно. На деле он был колдуном.

— Колдуном! — взвыл отшельник и схватился за голову. — Вы уверены?

— Разумеется. В свое время он прославился на всю страну.

— Выходит, он не принадлежал к Святой Церкви?

— Никоим образом.

— Что случилось? — спросил Данкен. — Из-за чего вы так расстроились?

— В святой земле, — пробормотал Эндрю. — Господи Боже! Его похоронили в святой земле! Нечестивца, языческого колдуна! Раз колдун, значит язычник, верно? Ему даже воздвигли гробницу!

— Что-то я не пойму, — вмешался Конрад. — О чем это он?

— Ну конечно! — воскликнул Эндрю. — Вот почему на нее обрушился дуб!

— Минутку, — проговорил Данкен. — Вы разумеете, что дуб упал на гробницу? Там, на кладбище?

— Пожалуйста, расскажите мне, — попросила Диана.

— Приблизительно в миле отсюда находится кладбище, — объяснил Данкен. — Мы проходили через него вчера вечером. На нем есть гробница, на которую, судя по всему, достаточно давно рухнуло дерево. Оно до сих пор лежит там. Верхняя плита от удара сдвинулась с места. Помнится, я еще удивился, почему никто не потрудился поправить ее.

— Это старое кладбище, — произнес Эндрю. — Им не пользуются уже много лет. Вдобавок, люди вряд ли знали, кто там похоронен.

— По-вашему, в гробнице покоится прах Вульфберта? — спросила Диана.

— Господи Боже! — с отчаянием в голосе повторил отшельник. — И такого человека положили в святую землю! Хотя откуда им было знать? Я слышал про Вульфберта. Говорили, что он — святой, решивший удалиться от мира и обрести покой в здешнем уединении.

— Вы рассчитывали...

Данкен не закончил фразы, обращенной к Диане. Внезапно у него возникло ощущение, что местность вокруг неуловимо изменилась. Долю секунды спустя он сообразил, что произошло. Над огородом нависла тишина — сплошное безмолвие, которое не нарушали ни жужжание насекомых, ни щебет птиц; все те звуки, которые раздаются почти постоянно и потому воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, вдруг

стихли. Неожиданную тишину отягощало присутствие чего-то, что должно было вот-вот произойти, чего-то неведомого и потому опасного. Остальные как будто почувствовали то же самое: они замерли, настороженно прислушиваясь и поглядывая по сторонам.

Данкен медленно поднял руку, его пальцы сомкнулись на рукояти меча, однако он не стал обнажать клинок, ибо пока непосредственной угрозы не возникало. Впрочем, воздух, казалось, насквозь пронизан опасностью. Диана крепче стиснула свой топор. Грифон переминался с лапы на лапу, поворачивая голову то направо, то налево.

Кусты на дальнем конце огорода зашевелились, и из них показалось диковинное существо: круглая голова — грубая пародия на человеческую, короткая шея, массивный торс. Существо было начисто лишено волос как на голове, так и на теле; по всей видимости, они у него никогда не вырастали.

Безволосые, подумал Данкен, те твари, о которых упоминал Гарольд Потрошитель. Огромные безволосые слизняки, уродливые копии людей.

Меч со свистом вылетел из ножен. Данкен взмахнул клинком, рассек воздух, и лезвие засияло на солнце ослепительным светом.

— Посмотрим, — пробормотал он, словно отвечая Потрошителю, предостерегавшему его насчет этих существ.

Безволосая тварь выбралась из кустов и выпрямилась во весь рост. Она была немного выше взрослого человека, но отнюдь не столь высокой, как можно было представить со слов Потрошителя; двигалась неуверенно, причем ноги постоянно оставались согнутыми в коленях. Полное отсутствие одежды на мускулистом теле лишний раз подчеркивало мертвенную белизну кожи. В руке тварь держала увесистую дубинку, которая мнилась, скорее, продолжением руки — такая же толстая и шишковатая.

За первым чудовищем появились и другие. Они выступали из-за деревьев, выходили из зарослей кустарника, выстраивались в слабое подобие шеренги. Во взглядах крошечных глазок из-под выдававшихся вперед надбровных дуг читались легкий интерес и открытое презрение. Шаг, второй, третий, — внезапно, безо всякого сигнала, чудища устремились на людей,

перепрыгивая через сорняки. Они размахивали дубинками, но не издавали ни звука, и впечатление создавалось поистине жуткое: ни криков, ни визга, ни улюлюканья, что, безусловно, должно было оказывать и оказывало необходимое воздействие на противника.

Инстинктивно, не сознавая, что делает, Данкен рванулся навстречу. Он был уверен, что Злыднями предводительствует та самая тварь, которая показалась первой, хотя откуда взялась его уверенность, вряд ли сумел бы объяснить: монстры походили друг на друга как две капли воды. Так или иначе, тварь надвигалась на Данкена, словно заранее избрала его своей жертвой. Дубинка чудища начала опускаться, Данкен уклонился от удара и в то же мгновение сделал выпад. Клинок вонзился в горло твари. Та споткнулась и рухнула навзничь, точно срубленное дерево. Данкен выдернул меч, оставивший в горле врага зияющую рану, и отскочил в сторону, но все-таки немного замешкался, и безволосый мертвец, падая, задел его так, что он чуть было не покатился кубарем. Едва устояв на ногах, Данкен краем глаза заметил, что на него мчится новый противник; он мигом развернулся и успел ударить, прежде чем чудовище сообразило, что к чему. Клинок прошел наискось между плечом и шеей, и голова твари, отделенная от тела, поскакала по земле. Из туловища потоком хлынула кровь.

Данкен огляделся. Диана ерзала на траве, отчаянно стараясь выбраться из-под туши безволосого слизняка. Топор валялся рядом, на лезвии его дымилась кровь, и потому не приходилось сомневаться, что слизняк мертв. Поблизости от хозяйки стоял, поднявшись на дыбы, грифон. Он держал передней лапой еще одного безволосого, который извивался всем телом и быстро перебирал ногами, как будто бежал по воздуху.

— Берегитесь, милорд! — крикнул Конрад.

Предостережение поступило как нельзя кстати. Данкен еле увернулся от удара; тем не менее тот был настолько сильным, что юноша, когда дубинка скользнула по его плечу, утратил равновесие и упал. Очугившись на земле, он тут же перекатился на спину и вскочил. Чудовище, вероятно, то же самое, что зацепило его, замахнулось для нового удара. Данкен выставил перед собой меч, и в этот миг на безволосого налетел Крошка. Могучие челюсти мастифа стиснули руку напа-

давшего; безволосый рухнул на колени, и пес, отпустив руку, вцепился ему в горло.

Данкен облегченно вздохнул. Раз Крошка добрался до горла врага, о том можно забыть. Он окинул взглядом поле битвы. Диана наконец выбралась из-под туши слизняка и бросилась на помощь грифону, который сражался сразу с тремя тварями, действуя одновременно когтями и клювом. Под лапой грифона распластался четвертый слизняк, уже нашедший свою погибель; троица же медленно, но верно пятилась.

Позади грифона дрались на дубинках Конрад и двое безволосых. Удар следовал за ударом, только трещала древесина да разлетались во все стороны щепки. Поодаль, бросив свое оружие, улепетывал во все лопатки от Дэниела последний из Злыдней. На глазах у Данкена Дэниел настиг беглеца, впился зубами ему в плечо и на бегу подкинул высоко в воздух.

Отшельника нигде не было видно.

Издав ликующий возглас, Данкен кинулся на подмогу Конраду, однако неожиданно споткнулся обо что-то и упал; глаза ему застала алая пелена, внутри головы словно вспыхнуло пламя. Затем боль на мгновение спала, но тут же возвратилась. Он не помнил, как ударился о землю, не ощутил никакого столкновения. Какое-то время спустя — неизвестно, сколько — он сообразил, что ползет на животе, цепляется пальцами рук за траву и подтягивает тело. Забавнее всего было ощущение, как будто он лишился головы, которую заменило нечто неспособное ни видеть, ни слышать. Еще позже — опять-таки неизвестно когда — кто-то плеснул ему в лицо воды, приговаривая: «Все в порядке, милорд». Потом Данкена подняли, перекинули через плечо; он хотел было запротестовать против подобного обращения с собой, но оказалось, что ему не по силам произнести что-либо вразумительное или шевельнуть хотя бы пальцем. Единственное, что он мог, — беспомощно висеть на плече.

Глава 6

Наконец существование стало осознанным, но и только. Оно по-прежнему не имело смысла: бесцельное существование в месте, лишенном каких бы то ни было отличительных черт. Пустота, перетекающая в ничто. Однако в пустоте было уютно, и покидать ее или проникать за ее пределы вовсе не хотелось. Вдруг пустоту пронзил слабый звук, приглушенное расстоянием щебетание, и пустота существования попыталась заглушить его, сделать неразличимым. Ибо всякий звук обладал разрушительным воздействием, пускай даже он был настолько слаб и тих. Однако щебет, несмотря на все усилия пустоты, то ли приближался, то ли просто становился громче, и теперь шел как бы с разных сторон. Рассудок обрел власть над пустотой, извлек из глубины памяти образы и, вместе с ними, слово «птицы». Это щебечут птицы. Птицы — существа, которые щебечут. Рассудок неохотно удерживал слово на поверхности сознания; оно казалось загадкой, нелепицей, бессмыслицей, но вдруг, совершенно неожиданно, у него обнаружилось значение, и все сразу стало на свои места.

Я Данкен Стэндиш, промелькнуло в пустоте; я лежу и слушаю щебет птиц. Этого было вполне достаточно, более чем достаточно. Пустота скукожилась, норовя улизнуть от грядущих откровений, но не смогла и осталась мучиться до конца. Данкен Стэндиш вырвался из

небытия и превратился в нечто. В человека, мысленно поправил он себя. А что такое человек? Медленно пришло осознание. Он Данкен Стэндиш, у него есть голова, которая жутко болит. Блаженство, каковым он наслаждался минуту назад, безвозвратно исчезло.

Человек Данкен Стэндиш лежал на ограниченном пространстве и остро ощущал эту ограниченность. Он лежал не шевелясь, чтобы не распутать мысли и воспоминания о том, что когда-то знал, а сейчас узнавал заново. Мысли постепенно упорядочивались, однако Данкен упорно не желал открывать глаз, ибо не хотел видеть. Ему чудилось, что если он продержится с закрытыми глазами известный срок, то сумеет вернуться в пустоту, где было так хорошо. Но мало-помалу он убедил себя, что прятаться от действительности не имеет смысла, и открыл глаза. В небе над ним, ясно различимое даже сквозь завесу листьев, ярко сияло полдневное солнце. Он поднял руку — и оцарапал ее о камень. Тогда Данкен огляделся по сторонам и увидел, что лежит под каменной плитой, которая укрывает его чуть ли не до плеч. На плиту взгромоздился ствол огромного дуба; с него свисали лохмотья коры, словно дерево страдало некоей губительной болезнью.

Гробница Вульфберта, подумал Данкен. Гробница чародея, на которую когда-то обрушилось дерево! Кто засунул его сюда? Наверное, Конрад. Как раз в его духе. Непогрешимый Конрад, вечно мнящий, что поступает так, как только и следовало поступить! Ну конечно, кому еще, кроме Конрада, могла прийти на ум столь бредовая идея? Помнится, кто-то говорил с ним, называл «милорд», плескал в лицо водой. То наверняка был Конрад. А потом — да, потом его взвалили на плечо, так легко, будто он весил ничуть не больше мешка с зерном, и куда-то понесли. На такое способен один лишь Конрад. Но если то и впрямь был Конрад, чего ради он засунул его в гробницу?

Первым побуждением Данкена было как можно скорее выбраться наружу, освободиться из гробницы, однако что-то словно подсказало ему, что торопиться не стоит. Возможно, опасность еще не миновала. Господи, как болит голова! Его, должно быть, ударили дубинкой. Все остальное вроде в целости, но вот голова...

Не считая птичьего щебета, окрест не раздавалось ни звука. Данкен настороженно прислушивался, ожидая

услышать шелест листвы или хруст веток, которые означали бы, что поблизости кто-то ходит. Но вокруг было тихо, лишь щебетали беззаботные птицы. Он пошевелился, проверяя насколько тесно внутри гробницы. Под ним что-то зашуршало. Листья, подумал Данкен, сухие листья, падавшие на дно на протяжении многих лет, листья... и кое-что еще. Вероятно, кости чародея Вульфберга. Данкен пошарил рукой в гробнице: пальцы наткнулись на листву, а затем на крошащиеся осколки, похожие на ощупь на остатки костей. Внезапно он сообразил, что ему в левый бок упирается некий предмет. Неужели череп? Интересно, получается, что прочие кости рассыпались в прах, а череп сохранился?

Данкен невольно содрогнулся. На него волной накатил суеверный страх, однако он быстро совладал с собой. Не хватало только потерять голову и выскочить из гробницы, оглашая воздух истошными воплями. Нет, он не может допустить такого ради собственной безопасности, а потому должен терпеливо сносить соседство с мертвецом.

Он поерзал из стороны в сторону, чтобы отодвинуть подальше череп или то, что воспринималось как череп, однако тот не шелохнулся. Может, сказал себе Данкен, это вовсе и не череп, а камень, закинутый в гробницу каким-то сорванцом, который затем, устранившись своего поступка, побежал без оглядки прочь, как будто за ним гнался сам дьявол?

Данкен вновь напряг слух. Птицы, перепархивая с ветки на ветку, продолжали беспечно щебетать, но иных звуков не доносилось. Ветра не было, а потому листья на дереве пребывали в полнейшей неподвижности. Он нащупал ножны и убедился, что меч находится на месте. Еще один пример дотошности Конрада: нашел ведь время позаботиться о том, чтобы сын хозяина не остался безоружным.

Данкен осторожно приподнял голову и осмотрелся. На залитом солнцем кладбище никого не было. Тогда он выскользнул из гробницы, спрыгнул вниз и затаился за цоколем. При ближайшем рассмотрении оказалось, что камень гробницы покрыт во многих местах пятнами лишайника.

Вдалеке, на противоположном конце кладбища, хрустнула ветка, потом послышался шорох разгребаемой ногами листвы. Данкен обнажил клинок и, скорчившись

в три погибели, двинулся вдоль цоколя навстречу неведомому. Шорох становился все отчетливее. Данкен приготовился к нападению, но в следующий миг издал вздох облегчения и опустил меч, с удивлением отметив про себя, что, как выясняется, затаил дыхание.

Он выпрямился и помахал Конраду. Тот поспешно бросился к нему.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Теперь я вижу, что вы и впрямь в порядке.

— А ты? Как ты себя чувствуешь?

— Превосходно, — ответил Конрад. — Мне, правда, понаставили синяков и шишек, но это ерунда. Безволосые удрали. Я нарочно ходил удостовериться. — Он положил свою ручищу на плечо Данкену, потом легонько подпихнул юношу. — Признавайтесь, все в порядке? Когда я тащил вас сюда, вы были труп трупом. Мне пришлось пораскинуть мозгами, куда бы вас спрятать от греха подальше.

— Я все понимаю, — проговорил Данкен, — но с какой стати ты запихнул меня в гробницу?

— А кто бы стал вас там искать? — вопросом на вопрос ответил Конрад.

— Гм, верно. Ты молодец, Конрад. Спасибо тебе.

— Лорд велел мне заботиться о вас.

— Ну разумеется, — пробормотал Данкен. — А как остальные?

— Дэниел и Крошка живы и здоровы. Они сторожат нас с вами. Красотка было сбежала, но Крошка отыскал ее. Дэниел немного пострадал — заработал синяк, но, я думаю, все обойдется. Мы победили Злыдней, милорд, показали им, где раки зимуют.

— Что с Дианой? С женщиной, которая нам встрети-лась?

— Она улетела на своем драконе.

— Не на драконе, Конрад, а на грифоне.

— Какая разница? Главное, что улетела.

— Ее не ранили?

— Она была с головы до ног в крови, по-моему, не своей, а того безволосого, которого прикончила. Отшельник удрал. Сгинул без следа.

— Можешь не беспокоиться, — усмехнулся Данкен. — Он не преминет вернуться за своей капустой.

— Что будем делать?

— Не знаю. Надо обсудить.

— Теперь Злыдни знают, где мы. Они не спустят с нас глаз.

— Пожалуй, мы зря предполагали, что сумеем проскользнуть незамеченными, — сказал Данкен.

Впрочем, во время разговоров в Стэндиш-Хаусе подобный исход представлялся вполне возможным. Пустошь занимала огромную территорию, и казалось маловероятным, что Злыдни следят или пытаются следить за всем, что происходит на ней. Однако те, похоже, создали своего рода стражу, охранявшую рубежи Пустоши. Очевидно, эта стража состояла целиком из безволосых, вот почему в схватке на огороде участвовали только они.

— Мы вернемся в пещеру отшельника? — справился Конрад. — Может, заодно и переночуем?

— Думаю, да. Надеюсь, отшельник скоро объявится. Мне нужно кое-что у него выяснить.

Конрад повернулся, чтобы идти.

— Подожди, — остановил его Данкен. — Давай заглянем в одно место. — Он взобрался на цоколь и сверху пояснил: — Мне показалось, внутри лежит камень. Однако я не уверен. Может, это и не камень.

Находившийся в гробнице предмет сверкал на солнце так, как не мог сверкать никакой камень.

— Побрякушка, — фыркнул Конрад.

— Да, — согласился Данкен, — побрякушка. Интересно, что она тут делает?

Предмет был размером с кулак взрослого человека и имел грушевидную форму. Сердцевину его составляло серебристое, тяжелое на вид яйцо, которое обрамляла паутина золотых нитей, украшенных крохотными искрящимися самоцветами в местах, где одна нить пересекалась с другой. К хвостику «груши» крепилась массивная цепь, по всей видимости, также золотая, но не столь изысканная, как кружево нитей.

Данкен передал находку Конраду и вновь наклонился над гробницей. Из дальнего угла ему ухмыльнулся череп.

— Упокой Господи душу твою, — проговорил Данкен, спрыгнул вниз и, сопровождаемый Конрадом, направился к пещере отшельника.

Глава 7

— Сдается мне, — проговорил отшельник Эндрю, — вы до сих пор не знали, что я не только служитель Божий, но и отъявленный трус. Сердце призывало меня помочь вам, однако ноги несли прочь. В конце концов они одержали верх, и я позорно бежал.

— Мы справились без тебя, — буркнул Конрад.

— Да, но получается, что я вас предал. Ведь вы не станете отрицать, что мой посох мог бы прийти в схватке весьма кстати?

— Вы не боец, — сказал Данкен, — а потому никто вас ни в чем не винит. Правда, вы и впрямь можете нам помочь...

Отшельник прикончил свой кусок грудинки и потянулся за сыром.

— Разумеется, если это окажется мне по силам, — отозвался он. — А так — я всей душой.

— Мы нашли в гробнице Вульфберта некое украшение, — произнес Данкен. — Вы можете объяснить, что оно такое? Не его ли искала та женщина с грифоном?

— Эта Диана?! — воскликнул отшельник. — Ради всего святого, поверьте мне, я не знал, что она там прячется. Надо же, я добывал себе скудное пропитание, а она исподтишка следила за мной! Наверняка она таилась от меня не просто так!

— Конечно, — подтвердил Данкен. — И нам необходимо выяснить, какая у нее была причина.

— Она пряталась в церкви, — пробормотал Эндрю. — Кошунство, самое настоящее кошунство. Церкви воздвигают не для того, чтобы в них жили. Истинному христианину никогда не придет в голову обосноваться в церкви.

— А где еще ей было обосновываться? — возразил Данкен. — Все дома вокруг сгорели дотла. По крайней мере, церковь укрывала ее от непогоды.

— Но с какой стати она вообще явилась сюда? Что ей было нужно?

— Она же говорила при вас, что ищет сведения о Вульферте, просмотрела приходские книги и установила, что чародей на деле когда-то жил здесь. Возможно, она полагала, что потом этот Вульферт куда-то ушел, куда именно — неизвестно. Откуда ей было знать, что он тут и умер?

— Ну да, ну да, — откликнулся отшельник, — однако зачем ей понадобился Вульферт?

Данкен извлек из кармана украшение. Эндрю словно узрел перед собой беса — он шарахнулся от юноши, во взгляде его читался ужас.

— Мне кажется, — сказал Данкен, — она искала не человека, а сей предмет. Вам, случайно, неведомо, что он из себя представляет? Может, в деревне ходили про него какие-нибудь слухи?

— Его называли святыней, — проговорил отшельник, — неизвестно чьей, но святыней. Понимаете, Вульферт считался у деревенских святым. Насколько я знаю, он вовсе не стремился убедить народ в обратном. Если бы люди узнали, что он колдун, ему пришлось бы несладко. Боже мой, подумать только!..

— Ладно, ладно, — перебил Данкен. — Что минуло, того не вернешь.

— Похоронили в святой земле, — продолжал Эндрю, будто не слыша, — возвели гробницу! Сами довольствовались камнем в изголовье, а ради него соорудили целый склеп! Вдобавок, сколько ушло вина!

— Вина? При чем тут вино?

— Как при чем? Чтобы сохранить тело. Если верить преданиям, Вульферт умер в самый разгар лета, и потому...

— Понятно. Однако зачем было переводить вино? Ведь вполне сгодился бы обыкновенный рассол.

— Вероятно, вы правы. Помнится, говорили, что когда Вульфберта клали в гробницу, от него порядком пахивало. Но что касается рассола — по-моему, люди просто-напросто сочли, что вино гораздо менее вульгарно.

— Значит, они устроили чародею пышные похороны в полной уверенности, что погребают святого человека, и положили вместе с ним в могилу его святыню, возможно, не положили, а повесили ему на шею.

— Сдается мне, милорд, все так и было, — печально вздохнул Эндрю.

— Не называйте меня милордом. Я уже говорил — лорд не я, а мой отец.

— Хорошо, милорд, не буду.

— Интересно, почему Вульфберта помнят до сего дня? С его кончины прошло добрых сто лет, если не больше. Когда он умер?

— Понятия не имею, — сказал Эндрю. — Дата была вырезана на постаменте статуи, что разбилась, когда на гробницу упало дерево. Но что до того, почему колдуна не забыли, в этом нет ничего удивительного. Жизнь в деревне однообразна и скучна, поэтому, когда происходит нечто необычное, оно производит громадное впечатление, вызывает множество пересудов и помнится на протяжении поколений. Кроме того, для местных он был святым; какие еще окрестные села могли похвастаться тем, что приютили святого?

— Ясно, — проговорил Данкен. — Так что насчет святыни?

Эндрю отодвинулся к стене пещеры, будто норовя вжаться в нее.

— Это не святыня, — пробормотал он. — Это бесовская штука.

— Чем она тебя так напугала? — хмыкнул Конрад.

— Другими словами, нечто вроде талисмана, — произнес вполголоса Данкен, — причем неизвестно, как он действует.

— Послушайтесь моего совета, — воскликнул Эндрю, — закопайте его в землю или киньте в проточную воду. Добра он все равно не принесет, а вокруг и без того достаточно опасностей, чтобы еще испытывать судьбу. Зачем он вам? Вы сказали, что направляетесь в Оксенфорд. Я не понимаю, что вами движет. То вы торопитесь в путь, чтобы поскорее добраться до Оксен-

форда, то забываете обо всем, чтобы изучить дьявольское изобретение из могилы колдуна. Как хотите, но я вас не понимаю!

— Мы направляемся в Оксенфорд по важному делу, — заявил Конрад.

— Вас послал ваш господин?

— Нет, не он, а Тот, Кто повелевает всем сущим.

— Конрад! — в голосе Данкена прозвучал укор.

— Это правда? — прошептал Эндрю. — На вас указал Господень перст?

— Можно сказать и так. Но давайте сменим тему.

— Господень перст, — повторил Эндрю. — Знаете, мне сразу показалось, что вы не простые путешественники. Однако дорога длинная, и опасностей на ней не перечесть.

— Теперь нам придется тяжело, — признался Данкен. — Мы рассчитывали проскользнуть незамеченными, потому-то и отправились в путь малым числом. Но, увы, обстоятельства обернулись против нас. Мы столкнулись с дозором Злыдней, и все наши надежды пошли прахом. Они наверняка станут следить за нами. Да, мы справились с безволосыми, но ведь будут и другие. По совести говоря, мне слегка не по себе. Если на рубежах Пустоши выставлены дозоры, выходит, Орде есть что скрывать, нечто такое, что ни в коем случае не должно попасться кому-либо на глаза.

— Ну и как же нам быть? — осведомился Конрад.

— Пойдем напрямик, — отозвался Данкен. — Можно, конечно, уклониться дальше к востоку, однако я боюсь, мы ничего тем самым не выиграем, разве что удлиним себе дорогу. Так что пойдем напрямик как можно быстрее и будем держаться настороже.

Призрак, ютившийся до сих пор в углу пещеры, подплыл к собеседникам.

— Возьмите меня разведчиком, — умоляюще произнес он. — Я стану разведывать замыслы врага. Мне будет страшно, моя душа, если она у меня сохранилась, уйдет в пятки, но ради вас, ради того, кто был добр ко мне, ради святого дела, я преодолею страх.

— Я тебя не приглашал, — отрезал Данкен. — Если мне не изменяет память, я сказал, что не вижу, каким образом мог бы тебе помешать.

— Вы не принимаете меня всерьез! — оскорбился Призрак. — Для вас я не человек! Вы...

— Для нас ты — призрак, что бы это ни означало. Между прочим, сэр, что такое призрак?

— Не знаю, — проговорил Призрак. — Честное слово, не знаю, хоть и превратился в духа. Сэр, позвольте, я тоже спрошу вас кое о чем. Что такое человек?

— Я не могу ответить.

— Скажу вам прямо, — продолжал Призрак, — нет горшей участи, нежели быть духом. Духу неизвестно, кто он такой и как ему надлежит себя вести, особенно если у него нет места, где являться.

— Займи церковь, — предложил Эндрю. — При жизни ты частенько околачивался рядом с ней.

— Но никогда — внутри, — возразил Призрак. — Я всего лишь сидел на паперти и просил милостыню. И такой жизни, друг отшельник, я не пожелаю и врагу. Попробуй проживи на те гроши, которые мне подавали!

— Чего же ты хотел от бедняков? — хмыкнул Эндрю.

— Бедняки, как же! Скопидомы, скареды, скряги! Паршивого медяка и то им было жалко!

— Не мни себя единственным страдальцем на свете, — заметил Эндрю без малейшего сочувствия в голосе. — Страдать — таков наш общий удел.

— Меня радует только одно, — сказал Призрак. — Быть духом все-таки лучше, чем мертвецом, тем более мертвецом в аду. Среди живущих есть немало тех, кто знает, что после смерти окажется прямехонько в аду.

— Поведай же нам, как тебе удалось избежать столь великой чести.

— Не знаю, — повторил Призрак. — Может, меня помиловали потому, что лень — не такой уж страшный грех.

— Тем не менее твоя лень не мешает тебе собираться в Оксенфорд.

— Мне было сказано, что меня берут только потому, что не в силах остановить. По правде говоря, я обижен таким отношением, однако Оксенфорд важнее обид.

— Я тоже присоединюсь к ним, — сказал Эндрю, — если они, конечно, не возражают. Всю свою жизнь я стремился стать Божьим ратником. Мне казалось, что я утолю свое желание, удалившись от мира, но, к сожалению, ничего не вышло. В моей душе горит пламень веры — пускай не слишком жарко, но горит. Если бы

вы знали, сколькими способами я пытался доказать истинность своего рвения! Я глядел годами на огонек свечи, отрываясь лишь затем, чтобы удовлетворить потребности тела. Я ложился спать только тогда, когда не мог больше бодрствовать. Порой дело доходило до того, что я засыпал за столом и пламя обжигало мне волосы и брови. К тому же, свечи вводили меня в расход, а итог оказался плачевным. Я ровным счетом ничего не достиг. Понимаете, я смотрел на огонек для того, чтобы слиться воедино, ощутить внутри себя и падение листвы, и песню птицы, и великолепие красок заката, и хрупкую прелесть паутины, то есть стать одним целым со Вселенной. Но время шло, а шорох листьев оставался для меня бессмысленным звуком, птичьи трели не будили в моей душе ни единого отклика. То ли мне чего-то не хватало, то ли я неправильно подошел к этому, то ли те, кто похвалялся своими успехами, были бессовестными лжецами. Так или иначе, со временем я сообразил, что занимаюсь ерундой. Но теперь мне предоставляется возможность уверить себя и других в чистоте моих помыслов. Пускай я трус, пускай силы во мне не больше, чем в колеблемом ветром тростнике, все же посох в моих руках может при случае послужить оружием. Я постараюсь не убегать от опасности. Поверьте, мне стыдно за то, как я вел себя сегодня днем.

— Вы с леди Дианой стоите друг друга, — язвительно заметил Данкен. — Она тоже удрала, а уж до чего была грозна на словах!

— Вы ошибаетесь, милорд, — возразил Конрад.

— Что? Ты же сам сказал мне...

— Вы неверно истолковали мои слова. Поначалу она дралась пешей, а потом взобралась на грифона, и они стали отбиваться вдвоем: леди Диана топором, а грифон когтями и клювом. Она улетела только тогда, когда безволосые кинулись прочь.

— Что ж, тем лучше, — проговорил Данкен. — Значит, первое впечатление от нее было правильным. Выходит, единственный, кто не участвовал в битве, я сам.

— Вас ударили дубинкой по голове, — сказал Конрад. — Я бросился вам на помощь, так что, по-хорошему, победу одержали не мы, а леди Диана со своим драконом.

— Грифоном, — поправил Данкен.

— Ну да, милорд, грифоном. Я их вечно путаю.

— Думается, — произнес Данкен, поднимаясь, — нам не мешает заглянуть в церковь, пока еще светло. Возможно, мы отыщем там леди Диану.

— Как ваша голова, милорд? — справился Конрад.

— Побаливает, вдобавок на ней вскочила здоровенная шишка, но в остальном все в порядке.

Глава 8

Церковь не отличалась внушительностью размеров, однако при взгляде на нее возникало впечатление чего-то поистине грандиозного, во всяком случае, то была не заурядная часовенка, какие обычно строят в деревнях. Благочестивые крестьяне возводили ее, должно быть, не один десяток лет — вырубали и обтесывали камни, громоздили их друг на друга, настилали пол, вырезали из древесины дуба скамьи, алтарь и прочие предметы обстановки, выделявали вручную шпалеры, что украшали когда-то стены. В церкви ощущалась грубая простота, обладавшая тем неизъяснимым очарованием, какое редко встретишь, как сказал себе Данкен, в куда более просторных и изысканных по оформлению храмах.

Правда, внутри от былой красоты сохранились лишь жалкие остатки. Шпалеры валялись на полу, скомканные и растоптанные; судя по всему, их пытались поджечь, однако они не сгорели. Алтарь разнесли в щепки, скамьи и прочее убранство изрядно пострадали от рук нечестивцев Злыдней.

Ни Дианы, ни грифона в церкви не оказалось, хотя тут и там обнаруживались следы их присутствия. На полу красовались кучки грифоньего помета, один из боковых приделов служил, по всей видимости, спальней Диане — в нем имелось ложе из овечьих шкур и сложенный из камней очаг, рядом с которым стояла немногочисленная кухонная утварь.

Во втором приделе помещался длинный стол. Как ни странно, разорители почему-то пощадили его. На нем, среди свитков пергамента, возвышалась чернильница с гусиным пером.

Данкен подобрал один свиток. Тот захрустел в пальцах юноши. Написанное с трудом поддавалось прочтению. Кто-то родился, кто-то умер, кто-то обвенчался, падеж унес дюжину овец, от волков нет никакого спасу, ранние заморозки погубили урожай, снег выпал только под Рождество. Данкен бегло просмотрел остальные свитки. Везде то же самое. Приходские книги, летопись монотонной деревенской жизни. Рождения, смерти, свадьбы, мелкие происшествия, сплетни кумушек, пустяковые страхи и радости; лунное затмение и вызванный им ужас, пора звездопада, появление в лесу первых подснежников, яростные летние грозы, пиры и праздники, богатые жатвы и неурожаи, словом, подробное описание местных достопримечательностей, труд деревенского священника, настолько погруженного в повседневность, что ему, похоже, было все равно, что творится на свете в целом.

— Она рылась в этих книгах, — проговорил Данкен, обращаясь к Эндрю, — искала, очевидно, какое-нибудь упоминание о Вульферте, некий намек на то, что сильнее всего ее занимало; искала — и не нашла.

— Однако она должна была сообразить, что Вульферта уже нет в живых.

— Ее интересовал не сам Вульферт, — отозвался Данкен. — Она разыскивает амулет — дьявольское, по вашему выражению, изобретение.

— Признаться, не понимаю.

— Вас, верно, ослепило пламя свечи, все ваше благочестие, — бросил Данкен. — Или оно напускное?

— Да как сказать, — протянул Эндрю. — Но в общем, милорд, я человек честный, хотя отшельник из меня никудышный.

— Вы не видите дальше собственного носа, — сказал Данкен. — Вы не можете принять того, что бесовская штучка глядишь и пригодится добропорядочным христианам. Вам кажется недостойным признать заслуги чародея. Между прочим, в иных землях, где все поголовно христиане, к чародеям относятся с величайшим уважением.

— От них пахнет язычеством.

— Нельзя огульно отвергать древние обычаи и верования на том лишь основании, что они не христианские. Так или иначе, леди Диана искала то, что принадлежало чародею.

— Вы забываете об одной вещи, — произнес Эндрю вполголоса. — Она сама может быть чародейкой.

— То бишь колдуньей? Образованной ведьмой?

— Ну да, — ответил Эндрю. — Как ни назови, суть остается прежней. Вот о чем вы забыли.

— Пожалуй, — согласился Данкен, — пожалуй.

Сквозь высокие и узкие проемы в церковь проникали лучи полдневного солнца, весьма напоминавшие те, которыми, по воле художников, сопровождалась в церковных книгах изображения святых. Окинув взглядом немногие уцелевшие после бесчинств Злыdney витражи, Данкен на мгновение задумался о том, сколько денег пришлось выложить крестьянам на цветное стекло. Неужели набожность местных жителей была столь велика, что их не смущали никакие расходы? Или же за изготовление и установку витражей заплатили наиболее зажиточные — трое? четверо? пятеро? — приобретя тем самым славу праведников среди односельчан и уверенность в благосклонности небес? В лучах солнца танцевали крошечными мотыльками пылинки; они как бы наполняли свет движением, словно были живыми сами и стремились оживить все вокруг. А в тени — да, ошибки быть не могло — в тени что-то шевельнулось.

Данкен схватил Эндрю за руку.

— Там кто-то есть. Вон там, в углу, — он показал пальцем.

Отшельник прищурился, стараясь разглядеть то, что увидел юноша, потом хихикнул и облегченно вздохнул.

— Это Шнырки.

— Шнырки? Черт возьми, какой такой Шнырки?

— Я называю его так потому, что он вечно шныряет вокруг да около, выискивая, чем бы поживиться. Вообще-то он, разумеется, носит другое имя, однако нам с вами его не выговорить. Как бы то ни было, он охотно откликается на Шнырки.

— Ваше краснбайство однажды доведет вас до беды, — проронил Данкен. — Я всего лишь спросил, кто такой...

— Я думал, вы знаете, — Эндрю, похоже, удивился. — Мне казалось, я упоминал о нем. Шнырки — один из местных гоблинов. Он здорово докучает мне, поэтому особой любви я к нему не испытываю, но дело с ним иметь можно.

Пока они разговаривали, гoblin выбрался из угла и двинулся по направлению к людям. Он был невысокого роста — где-то по пояс взрослому человеку; в его облике прежде всего бросались в глаза огромные, заостренные кверху уши и лукавое выражение лица. В одежде он, по-видимому, предпочитал коричневые тона; по крайней мере, именно такого цвета были и куртка, и штаны, плотно облегавшие его ноги, которые сильно смахивали на паучьи лапы, и колпак, утративший от старости всякое подобие первоначальной формы, и даже башмаки с причудливо загнутыми носками.

— Теперь тут можно жить, — заявил Шнырки, обращаясь к Эндрю. — Теперь тут не так воняет святостью, а то прямо деваться было некуда. Верно, придется поблагодарить грифона. Нет лучшего средства против святости, чем грифоний помет.

— Ты снова дерзишь! — процедил Эндрю.

— Пожалуйста, — фыркнул гoblin, — могу и уйти. Всего хорошего. Вот и проявляй добрососедские чувства...

— Минуточку, — вмешался Данкен. — Будь снисходителен, пропусти слова отшельника мимо ушей. Он слегка погорячился — должно быть, оттого, что у него не все получается так, как следовало бы.

— Вы так думаете? — осведомился Шнырки, покосившись на Данкена.

— Мне кажется, такое вполне возможно, — ответил Данкен. — Сэр Эндрю рассказывал мне о своих тщетных попытках разглядеть что-либо в пламени свечи. Правда, по-моему, праведниками становятся несколько иначе, но я могу ошибаться.

— А вы, похоже, будете потолковей, чем тот ссохшийся тип, — одобрительно заметил Шнырки. — Если поручитесь честным словом, что не подпустите его ко мне и заставите держать рот на замке, я исполню то, зачем пришел.

— Обещаю приложить все усилия, — сказал Данкен. — Так зачем же ты пришел?

— Мне подумалось, что я смогу помочь вам.

— Не слушайте его, — предостерег Эндрю. — Он вам так поможет, что потом хлопот не оберетесь.

— Прошу вас, не мешайте, — проговорил Данкен. — Что плохого в том, что я его выслушаю?

— Видите? — воскликнул Шнырки. — Каждый раз одно и то же. Он начисто лишен чувства приличия!

— Давайте не будем отвлекаться на прошлые обиды, — предложил Данкен. — Если у тебя есть новости, которыми ты готов поделиться, то мы внимательно слушаем. Сдается мне, новости нам необходимы. Кстати говоря, я надеюсь, ты сумеешь унять мое беспокойство.

— А что вас беспокоит?

— Тебе, вероятно, известно, что мы намерены углубиться в те земли, по которым сейчас рыщут Злыдни, то есть пересечь Пустошь.

— Да, это мне известно, — подтвердил Шнырки, — потому-то я и пришел к вам. Я могу показать вам лучшую из дорог и описать, чего следует опасаться.

— Вот истинный повод моих тревог. Чего ради ты собираешься помочь нам? На мой взгляд, Злыдни для вас — чуть ли не кровные родичи, не то что мы, люди.

— В чем-то вы правы, — признался Шнырки, — однако пронизательным вас не назовешь. Быть может, причина в том, что вы знаете положение дел только понаслышке. Да, нам не за что любить людей. Мы — те, кого вы снисходительно называете Малым Народцем, — обитали здесь задолго до вашего появления. Затем явились вы, люди, вломились к нам без спросу, даже не потрудились узнать, будут ли вам рады. Вы не считали нас разумными существами, вы топтали наши права, относились к нам неучтиво, если не сказать презрительно. Вы вырубали священные рощи и оскверняли святыни, хотя мы стремились к тому, чтобы ужиться с вами, подладиться под ваш образ жизни. Вы явились к нам наглыми захватчиками, однако мы по-прежнему не таили на вас зла и рассчитывали, что сможем договориться к взаимной выгоде, на пользу тем и другим. Но вы не желали опускаться до разговоров с нами. Вы шли напролом, сгоняли нас с насиженных мест, вынуждали прятаться, и в конце концов мы озлобились; но в жестокости и склонности к насилию нам с вами не тягаться, и потому мы не столько сражались, сколько убегали. Я мог бы еще долго перечислять наши унижения, но вы, досточтимый сэр, поняли, верно, все и так

— Я признаю справедливость твоих слов, — отозвался Данкен. — Естественно, у меня найдется что возразить, тем не менее с фактами, как говорится, не спорят. Однако ты лишний раз убедил нас в правильности наших подозрений. Если вы испытываете к людям ненависть, откуда вдруг взялось желание помочь? И как мы можем верить в искренность ваших стремлений?

— Злыдней мы ненавидим сильнее, чем вас, — проговорил Шнырки. — Вы можете считать, что они нам родня — разве можно ждать от людей чего другого? Но на деле это вовсе не так. Они во многом отличаются от нас, равно как и мы от них. Во-первых, они целиком и полностью покорились Злу, живут лишь ради того, чтобы творить Зло и служить ему, в чем нас уж ну никак нельзя упрекнуть. Но люди, не мудрствуя лукаво, причисляют нас к Злыдням, и потому мы пользуемся дурной славой. Злыдни учиняют разбой, а вы все валите на нас. Если бы не Злыдни и не ваша человеческая тупость, мы с вами давно бы договорились! Вы хулите без разбору всех подряд — и правых, и виноватых. Правда, среди вас попадаются порой такие, у которых на плечах не шар, а голова, но их мало; большинство же — сущие дуrolомы, и их оголтелая злоба, разумеется, пересиливает сострадание горстки здравомыслящих людей. Если бы не наше колдовство, от которого вы столь высокомерно отказались, Злыдни причинили бы нам не меньше вреда, чем вам. В общем, вас мы не любим, а Злыдней ненавидим и поэтому хотим помочь вам.

— При таком отношении к нам, — пробормотал Эндрю, — доверять ему было бы чистейшей воды безумием. По совести говоря, милорд, пускай он однажды предупредил меня о приближении Злыдней, что-то мне не верится в его ненависть к ним. Заклинаю вас, не доверяйте ему!

— Вы утверждаете, что не состоите в родстве со Злыднями, — произнес Данкен, будто не слыша отшельника. — Тогда откуда же они взялись? Кто они такие?

— Впервые они появились приблизительно двадцать тысяч лет назад, — сказал Шнырки, — возможно, даже раньше. Так говорится в наших преданиях, а на них можно положиться: мы тщательно следим за тем, чтобы они передавались из поколения в поколение без малейших изменений. Поначалу Злыдней было всего ничего,

но с течением лет их численность неуклонно возрастала. В ту пору, когда они только обосновались у нас, нам представилась возможность доподлинно узнать, что они такое по сути. Спустя некоторое время мы сообразили, что при желании сумеем защитить себя. По всей видимости, первобытные люди тоже поняли, чем грозит нашествие Злыдней, но у них не было магии, а потому они были обречены. К сожалению, лишь немногие из них — наверное, в силу своей дикарской натуры — смогли принять нас. Остальные же не делали никакого различия между нами и теми, кого вы теперь называете Злыднями; в прошлом они звались иначе. У них множество прозвищ.

— Значит, они появились двадцать тысяч лет назад. Каким образом?

— Просто появились и все.

— Откуда?

— Одни говорят, с неба, другие — из-под земли, где томились под стражей и то ли сбежали, то ли одолели сторожей; или, быть может, их заключили под землю на определенный срок, который со временем, естественно, истек.

— Однако они не принадлежат к какому-то определенному виду. По слухам, среди Злыдней можно отыскать существ всех форм и размеров.

— Верно, — согласился Шнырки. — Они не вид. Они — рой.

— Не понимаю.

— Рой, — повторил Шнырки, — самый настоящий рой. Вы что, не знаете, что такое рой?

— Он говорит на собственном жаргоне, — заметил Эндрю. — Сколько я слышался от него диковинных словечек и выражений — не перечить.

— Ладно, неважно, — сказал Данкен. — Главное сейчас узнать, чем он хочет нам помочь.

— Вы и впрямь собираетесь поверить ему?

— Да, собираюсь, по крайней мере, выслушать.

— Я могу показать дорогу, которая будет для вас безопаснее всего, — произнес гоблин. — Могу нарисовать карту. Там, в приделе найдутся пергамент и чернила.

— Мы видели, — откликнулся Данкен.

— Приходские книги, — фыркнул Шнырки. — До чего же надо быть бестолковым, чтобы положить всю

жизнь на никому не нужную летопись зауряднейших событий!

— Ты несколько преувеличиваешь, — возразил Данкен. — Перед твоим приходом я как раз читал эти книги.

Шнырки направился к приделу. Данкен последовал за ним. Конрад поспешно присоединился к хозяину. Эндру замыкал шествие. Гоблин приблизился к столу, пошарил среди свитков и вытащил из груды тот, на котором оставалось немного свободного места. Он растелил свиток на столе, обмакнул перо в чернильницу и вывел на пергаменте знак «Х».

— Мы вот здесь, — сказал он, указывая на «Х». — Север тут. Вам следует идти на юг, по долине, чуть забирая к западу. На холмах могут находиться дозорные. Вряд ли они вас заметят, но предупредить не мешает. Даже если заметят, они, скорее всего, не станут нападать, а поторопятся предупредить тех, кем поставлены. Милях в сорока отсюда лежит болото — топкая местность, крутом вода, густые заросли...

— Не скажу, что мне нравится, — пробурчал Конрад.

— Держитесь левого края болота, — продолжал Шнырки. — Вдоль него тянутся холмы, у подножия которых достаточно сухо.

— А если нас загонят в болото, что тогда? — спросил Конрад.

— Болотом они на вас не пойдут, — заверил гоблин. — Болото непроходимо, а холмы такие крутые, что на них ни взобраться, ни спуститься.

— А как насчет драконов, гарпий и прочих летающих тварей?

— Их не так уж много, — ответил Шнырки, пожимая плечами. — Вы наверняка справитесь. С боков вас никто не обойдет, то есть нападения можно ожидать только спереди либо сзади.

— Да, утешил, нечего сказать, — хмыкнул Данкен. — Скажи мне, мастер гоблин, а нет ли другой дороги?

— Как не быть, есть, — отозвался Шнырки. — Гораздо длиннее и неудобнее: сплошные подъемы и спуски. Запросто можно сбиться с пути.

— Однако эта дорога опасна.

— Ну и что? Зато Злыдни вряд ли ожидают, что вы изберете ее. Если будете идти ночами и хорошенько прятаться...

Данкен покачал головой.

— Тут нет безопасных мест, — заявил гоблин. — Тут Пустошь, и этим все сказано.

— А ты сам пошел бы той же дорогой? — спросил Конрад.

— Опасности меня не пугают, — с гордостью произнес Шнырки. — Я иду с вами. Рисковать — так вместе.

— Упаси Господи, — пробормотал Данкен. — Отшельник, призрак, гоблин, ну и компания подбирается!

— Вы можете доверять мне.

— Посмотрим, — проговорил Данкен.

— Полоска сухой земли между болотом и холмами выведет нас к ложине, протяженность которой каких-нибудь пять миль.

— Ловушка, — буркнул Конрад. — Вы как хотите, а я чую ловушку.

— Миновав ложину, мы окажемся на другой стороне гряды холмов, на равнине. Там стоит замок.

— Я пойду рядом с тобой, — сказал Конрад. — Если ты заведешь нас в западню, я перережу тебе горло. — Гоблин пожал плечами. — Пожимай, пожимай. — По всей видимости, Конрад вовсе не шутил. — Может, перерезать сразу?

Шнырки в отчаянии отшвырнул перо. По пергаменту расплылись чернильные кляксы.

— Признаться, я не совсем понимаю тебя, — заметил Данкен. — Сначала ты предложил нарисовать карту, потом вызвался идти вместе с нами. К чему было упоминать о карте? Чего ты темнишь?

— Сперва у меня не возникало желания присоединиться к вам, — ответил гоблин. — Но когда вы поставили под сомнение мою искренность, я решил, что мне надо идти хотя бы затем, чтобы научить вас, кому следует верить, а кому нет.

— Мы ищем истину, а не веру, — заявил Конрад.

— Одно неразлучно с другим, — отозвался Шнырки.

— Ну ладно, — вздохнул Данкен. — Будь добр, продолжай. Ты сказал, на равнине стоит замок.

— Стоит, вернее, потихоньку рассыпается, того и гляди рухнет окончательно. От него так и разит дряхлостью. Не вздумайте приближаться к нему и уж тем

более заходить за стены. Там обитает зло — не то, которому служат Злыдни, но не менее страшное.

— Помяните мои слова, — перебил отшельник, — он не успокоится, пока нас всех не прикончат. Не верьте ему, милорд!

— Решайте сами, — сказал гоблин. — Я рассказал все, что знаю. Вот и помогай после этого людям. В общем, утром, если соберетесь идти, найдете меня здесь.

Он соскочил со стола и вышел из придела.

В залу осторожно, чуть ли не на цыпочках, прокрался Крошка. Он подобрался к Конраду и устроился у его ног. Снаружи доносилось конское ржание: то звал хозяина Дэниел.

— Итак? — спросил Эндрю.

— Не знаю, — произнес Данкен. — Надо как следует поразмыслить. Так или иначе, тут нам оставаться нельзя. — Он повернулся к Конраду. — Ты меня удивил. Мне казалось, ты не усомнишься ни в едином словечке гоблина, ведь дома у тебя сплошь и рядом находились среди Малого Народца друзья и приятели. Только вчера ты сокрушался, что мы никого не видим, и на тебе, пожалуйста!

— Вы правы, милорд, — отозвался Конрад. — У меня и впрямь много друзей среди Малого Народца. Однако этого гоблина нужно было испытать.

— И потому ты пригрозил перерезать ему глотку?

— Ну да, чтобы он понял.

— Каково же твое мнение?

— Сдается мне, милорд, мы можем доверять Шнырки. Я всего лишь хотел, чтобы до него дошло: шутить мы не намерены. Понимаете, они все невесть до чего проказливые! Хлебом не корми, дай только подшутить, даже над друзьями. Ну вот, я и припугнул его, чтобы он не выкинул какого-нибудь коленца.

— Обстоятельства и без того как будто не располагают к проказам.

— Вы ошибаетесь, милорд, — проговорил Эндрю. — Малый Народец не умеет обходиться без шуточек, порой весьма жестоких. Я тоже послежу за Шнырки. Если он улизнет от Конрада, я разможу ему голову своим посохом.

Глава 9

Да, мелькнула у Данкена мысль, там, в церкви, он ничуть не преувеличивал. Дольше оставаться здесь никак нельзя. Они попусту теряют время, а это сейчас — непозволительная роскошь.

Данкен сидел, прижавшись спиной к стене пещеры, накинув на ноги плотное одеяло. У входа в пещеру лежал Крошка, снаружи притоптывал копытом Дэниел, возле которого, судя по звукам, вертелась Красотка. В углу, перемежая храп могучей отрыжкой, развалился Конрад. Отшельник Эндрю на своем тюфяке зябко кутался в одеяло и что-то бормотал во сне. Призрак исчез без следа.

Разумеется, подумалось Данкenu, они с Конрадом могут вернуться в Стэндиш-Хаус, и никто их ни в чем не упрекнет. Первоначально предполагалось, что маленький отряд, передвигаясь быстро и неслышно, сумеет проскользнуть незамеченным через Пустошь. Ныне же подобный исход представлялся невозможным, ибо обстановка в корне изменилась. Впрочем, нужно смотреть правде в глаза: затея была обречена на провал с самого начала. Вдобавок, еще столкновение с безволосыми... Интересно, а не насторожила ли Злыдней погоня, устроенная Гарольдом Потрошителем? И что стало с Гарольдом и его головорезами? Если они кончили плохо, это ничуть не удивительно: какова жизнь, таков и конец.

Все не так, продолжал размышлять Данкен, все пошло наперекосяк. Неожиданно он сообразил, что в числе поводов для недавнего его беспокойства не последний — добровольцы, что вызвались идти в Оксенфорд. Ладно, с Призраком худо-бедно можно было примириться, но вот отшельник... Старый назойливый болван и к тому же редкостный трус. Уверяет, что жаждет стать ратником Господа: тут с ним не поспоришь, но зачем же надоедать другим? Правда, надо отдать ему должное, пока он не слишком навязчив, во всяком случае, не путается под ногами. Ну вот как быть с ним? Сказать, что его не берут? Что он не годится? И это после того, как они две ночи подряд пользовались его радушием? Может быть, сказал себе Данкен, все наладится само собой? Десять против одного, отшельник передумает, заявит в последний момент, что не может, в силу весьма серьезных причин, покинуть свою келью. Бог с ним; а как поступить с гоблином? Пожалуй, полагаться на Шнырки все-таки не стоит, хотя он вроде бы и заслуживает доверия. Ну ничего, Конрад присмотрит за ним. Шнырки, похоже, испугался Конрада и правильно сделал: тот ни капельки не шутил, угрожая перерезать ему горло. Конрад вообще не умеет шутить.

Так как же быть? Идти вперед или повернуть обратно? Оправдаться будет несложно. В конце концов, никто не обязывал их соваться в самое пекло, лезть напролом, невзирая на опасности. Однако, ставки необычайно высоки. Очень важно, чтобы манускрипт попал в руки мудрого клирика в Оксенфорде; а если они повернут обратно, епископ Уайз, по всей вероятности, уже никогда не увидит текста. Помнится, его милость говорил, что ученый старец стоит одной ногой в могиле.

Внезапно Данкену на память пришли другие слова архиепископа, сказанные им в тот далекий вечер в библиотеке Стэндиш-Хауса: «Свет гаснет, гаснет по всей Европе. По-моему, мы погружаемся в первобытную тьму». Разумеется, его милость иногда склонен к пустословию, однако он далеко не глупец. И если он заявил, что свет гаснет, вполне возможно, так оно и происходит в действительности, и мир исподтишка окутывает тьма, что довлела над ним на заре времен.

Архиепископ не сказал напрямую, что подтверждение подлинности манускрипта поможет отогнать мрак,

тем не менее он как будто подразумевал это. Если будет наверняка доказано, что два тысячелетия назад по земле ходил человек по имени Иисус, произносивший те самые слова, какие ему приписываются, умерший той самой смертью, какая изображена в Писании, тогда Церковь обретет дополнительное могущество. А укрепившись, она встанет на пути тьмы, о которой рассуждал его милость. Святая Церковь, оплот в море хаоса, единственное на протяжении почти двух тысяч лет хранилище мудрости и благочестия, источник надежды для тех, кто отчаялся в своих упованиях.

А если оксенфордский клирик, изучив манускрипт, объявит его подделкой, фальшивкой, грубой и жестокой шуткой?! Данкен крепко зажмурился и помотал головой. Об этом не следует даже думать! Сейчас, как никогда, необходима вера. Без веры здесь ровным счетом ничего не добиться.

Юноша улегся и закутался в одеяло, продолжая прислушиваться к одолевавшим его мыслям. Он не был ярым приверженцем Церкви и все же принадлежал к ней, ибо без малого сорок поколений предков Данкена были христианами — ревностными и не слишком, но христианами. Из века в век Стэндиши несли дозор, отражая нападки и насмешки язычников. Такое наследие требовало определенных поступков. И вот появилась возможность, которой не имел никто из предков; возможность на деле заступиться за Христа. Данкен понял вдруг с необыкновенной ясностью, что не сможет нарушить неписаную клятву, что не повернет обратно. Нет, он пойдет дальше, ибо вера, пускай она до смешного слаба, проникла ему в плоть и кровь, сделалась неотъемлемой частицей его души.

Глава 10

Наутро Шнырки в церкви не оказалось. Поиски ни к чему не привели, ожидание тоже не принесло результатов, и в итоге отряд двинулся в путь без гоблина. Впереди бежал Крошка, за ним шагал Конрад, далее следовали Красотка и отшельник Эндрю, а Данкен с Дэниелом замыкали шествие.

— Слава Богу, что его нет, — ворчал Эндрю, разумея Шнырки. — Я же говорил, ему нельзя доверять. Таков весь Малый Народец. Они переменчивы, как погода.

— Если бы он отправился с нами, — ответил Данкен, — мы бы не спускали с него глаз.

— Ну конечно, милорд. Однако, уверяю вас, этот пронырливый бесенок сумеет улизнуть от кого угодно. И потом, как бы вы поступили с остальными?

— Какими остальными?

— Со всеми прочими гоблинами, гномами, баньши, троллями, людоедами и так далее.

— Послушать вас, так тут их видимо-невидимо.

— Так оно и есть, милорд, и добра они не замышляют. Они ненавидят нас.

— Помнится, Шнырки сказал, что Злыдни ненавистны им больше нашего.

— На вашем месте, — заявил отшельник, — я не стал бы полагаться на его слова. Доверяться гоблину поистине неразумно.

— Тем не менее, когда Шнырки рассуждал о наиболее безопасной дороге, вы не возражали ему и не пытались поправлять.

— Здесь он был прав, — буркнул Эндрю. — Не знаю, как насчет безопасности, там поглядим, но уж легче дороги не найти, это точно.

Путь пролегал по лесистому оврагу. Ручеек, начинавшийся от родника близ пещеры Эндрю, весело журчал в зарослях кустарника. Постепенно овраг перешел в лощину, в которой, судя по всему, не так давно побывали Злыдни: плодовые деревья были срублены под корень, землю устилали спелые колосья, которые некому было убирать — из немногочисленных крестьянских домишек некоторые выгорели дотла, от других сохранились разве что почерневшие от копоти печи.

Призрак не показывался; впрочем, несколько раз Данкену казалось, он различает некую тень среди деревьев на гребне холма.

— Вы не видели Призрака? — проворчал отшельник. — Кому, скажите на милость, под силу понять привидение?

Он сердито стукнул посохом по земле; похоже, ему приходилось несладко.

— Почему бы вам не вернуться? — предложил Данкен.

— Я вызвался сам, — пробормотал Эндрю. — Если я отступлюсь сейчас, иной возможности постоять за Господа мне уже не представится.

— Ну, как хотите, — проговорил Данкен.

В полдень они устроили короткий привал, с тем чтобы немного отдохнуть и перекусить.

— Почему вы идете пешком, милорд? — полюбопытствовал Эндрю. — Лично я, будь у меня лошадь, не стал бы утруждать ноги.

— Я сяду на коня, когда придет время.

— То есть?

— Когда надо будет сражаться. Дэниел — боевой конь. Он обучен сражаться сам по себе и вместе со всадником.

Эндрю буркнул что-то себе под нос. Походило на то, что сегодня его раздражает буквально все.

— Слишком тихо, — сказал Конрад. — Мне это не нравится.

— Радовался бы лучше, а не беспокоился, — вернулся Эндрю.

— Крошка наверняка предупредит нас в случае опасности, — заметил Данкен.

— Они знают, что мы здесь, — произнес Конрад, ударяя дубинкой о землю. — Знают и поджидают.

Передохнув, маленький отряд продолжил путь. Данкен неожиданно про себя осознал, что тревога, терзавшая его с утра, мало-помалу сходит на нет. Несмотря на следы пожарищ и отсутствие живых существ, лощина, которая становилась все шире, навевала мир и покой. Данкен мысленно выругался и настороженно огляделся по сторонам, однако мгновение спустя вновь погрузился в размышления. В конце концов, мелькнуло у него в голове, впереди бежит Крошка, который, случись что, немедленно даст знать.

В те моменты, когда возвращался к действительности, Данкен подметил за собой одну странность: он посматривал не столько на окрестные холмы, сколько на небо. Ему потребовалась пара минут, чтобы сообразить, что он выискивает взглядом Диану и ее грифона. Куда она подевалась и, что гораздо важнее, почему убежала? Да и вообще, кто она такая? Будь у него побольше времени, он бы постарался узнать, что к чему, пристал бы к ней с расспросами. Диковинней всего ее интерес к Вульферту, чародею, что скончался столетие назад, чья гробница поросла серо-голубым лишайником. Вероятно, Диану интересует не сам Вульферт, а его медальон. Прах Вульферта ей ни к чему. Может, стоит повнимательнее изучить безделушку? Вдруг ему откроется какой-нибудь секрет? Нет, надеяться на это просто смешно. Как там выразился Эндрю — «дьявольское изобретение»? Что ж, как раз в его духе. Так или иначе, он, Данкен Стэндиш, в изобретениях не разбирается. Такими способностями могут похвастаться лишь отдельные мудрецы.

Задумавшись, Данкен налетел на круп Красотки. Он вздрогнул, отступил назад; Красотка покосилась на него и внезапно лягнула в колено. Она играла, а потому удар вышел несильным. Данкен осмотрелся и увидел, что все остановились и глядят на старуху, что ковыляла навстречу им, жалобно причитая и отмахиваясь от Крошки, который шагал следом.

— Молодец! — громко похвалил собаку Конрад.

Остальные молча ждали. Старуха, подойдя поближе, плюхнулась на землю и поплотнее закуталась в свои обноски. Она выглядела сущей ведьмой: крючковатый нос, из которого торчали похожие на паучьи лапки волоски, щетина на подбородке, щербатый рот, седые, ниспадавшие на глаза космы.

— Уберите пса! — взвизгнула она. — Я вам что, корова, чтобы посылать за мной собаку? Правда, он вел себя как джентльмен, не стал кусать мое бедное тело. Но спросите у него, зачем он выгнал меня из дома — мерзкое, доложу я вам, местечко, — и привел сюда? Мне не нравится, когда со мной так обращаются. Имей я хотя бы крупицу силы, я бы испепелила его. Но сила покинула меня. Вдобавок они забрали все, что у меня было, — совиную кровь, мозги нетопыря, глаза тритонов, кожу лягушки, пепел костра, на котором сожгли колдунью, зуб собаки, что укусила священника...

— Погоди, матушка, — перебил Данкен. — Кто забрал у тебя твоё богатство?

— Злыдни, кто же еще, — отозвалась старуха. — Они ободрали меня как липку, они насмехались надо мной. Да-да, насмехались. А потом выкинули меня из дому и подожгли мою хибарку!

— Тебе повезло, — буркнул Эндрю. — Скажи спасибо, что тебя не повесили или не толкнули в огонь.

— Мерзавцы! — Старуха с отвращением сплюнула на землю. — Негодяи! Подумать только, мы с ними чуть ли не родня. Они попрекали меня, честное слово, попрекали. Говорили, что я недостойна болтаться на веревке или гореть в огне.

— Так радуйся, — хмыкнул Эндрю. — Попреки попреками, но ты уцелела, хотя могла погибнуть.

— Сколько лет я положила на то, чтобы завоевать дурную славу, — причитала старуха, — сколько сил! Я изучала кабалу и практиковалась — день за днем, ночь за ночью. Я добывала снадобья, без которых нет настоящей ведьмы, копалась на кладбищах, рылась в могилах...

— Ты и впрямь изрядно старалась, — заметил Конрад.

— Верно, паренек, ох как верно. Таких ведьм, как я, еще поискать. Ну да, я была злой. Какая ж это ведьма, если она добрая? Так что я была злой, но честной. — Старуха посмотрела на Данкена. — А те-

перь, сэр, коль вам не терпится испробовать на мне свой меч...

— Я не собирался делать ничего подобного, — возразил Данкен. — С какой стати мне казнить честную ведьму?

— Ну так чего мне ждать? Раз уж я здесь, чего мне ждать?

— Во-первых, мы накормим тебя, — отозвался Данкен, — разумеется, если ты хочешь есть. Мне кажется, хочешь. Честная ведьма, для которой настали тяжелые времена, вправе рассчитывать на угощение.

— Милорд, вы пожалеете о своем поступке, — предостерег отшельник. — Те, кто знают с ведьмами, заражаются от них злом.

— Вы разве не слышали? — справился Данкен. — Она сказала, что утратила все свои принадлежности. Какая же она после этого ведьма?

Крошка уселся рядом со старухой и внимательно разглядывал ее с таким видом, как будто считал своей собственностью.

— Уберите от меня этого зверя! — воскликнула ведьма. — Морда у него добродушная, а глаз нехороший. Вон как зыркает!

— Крошка вовсе не злой, — вступился за мастифа Конрад. — Иначе ты бы давно лишилась руки или ноги.

Старуха попыталась встать. Конрад протянул руку и помог ей подняться. Она важно оправила обноски, едва прикрывавшие старческое тело.

— Вы двое, — проговорила она, — истинные джентльмены. Один отказался пронзить меня мечом, другой помог встать. Старая Мэг благодарит вас. — Ее взгляд переместился на Эндрю. — Насчет этого я не знаю. Уж больно хмуро он глядит.

— Не обращай внимания, — посоветовал Данкен. — Он отшельник, да и день для него выдался не из легких.

— Не люблю я ведьм, — признался Эндрю, — равно как и всех прочих — гоблинов, гномов, чародеев... Их слишком много, без них нам было бы куда спокойнее.

— Вы упомянули про еду, — сказала Мэг, повернувшись к Данкену.

— Мы остановимся на ночлег где-нибудь через пару часов, — ответил тот. — Если ты согласна подождать...

— У меня найдется кусочек сыру, — подал голос Эндрю. — Я сунул его в карман на тот случай, если проголодаюсь по дороге. Думаю, она не побрезгует...

— Эндрю, я думал...

— Ради женщины, милорд, — отозвался отшельник, — не ради ведьмы. Всякий, кто голодает...

Он достал сыр и протянул его старухе; та приняла его, стыдливо потупившись, — впрочем, трудно сказать, был ли то стыд.

— Благослови тебя Небо, — проговорила она.

— Только твоего благословения мне и не хватало, — буркнул Эндрю.

Глава 11

Они остановились на ночлег задолго до того, как солнце скрылось за горизонтом, и встали лагерем на опушке небольшой рощицы. Невдалеке протекал ручей, на песчаном берегу которого решено было развести костер.

— Нам не от кого прятаться, — заявил Данкен. — Те, кому надо, прекрасно знают, где мы находимся.

Мэг кое-как слезла с Дэниела, который поначалу когда ее только посадили в седло, поднялся было на дыбы, но вскоре утихомирился и шел дальше размеренным шагом, приноровившись к своей легкой, как пушинка, всаднице. Конрад уселся на корточки у огня и принялся поджаривать овсяные лепешки и ломтики грудинки.

За время ужина над местностью сгустились сумерки. Неожиданно из них возник Призрак.

— А, пропащий, — хмыкнул Эндрю. — Явился наконец! А мы-то гадали, что с тобой стало.

— Мне было страшно, — произнес Призрак, — но я преодолел свой страх и при дневном свете, который мне весьма неприятен, осмотрел окрестности.

— Как далеко ты забрался? — спросил Данкен.

— До того места, где начинается болото, дальше не рискнул. По правде говоря, там довольно жутковато.

— Пугало испугалось, — фыркнул Конрад.

— Я не пугало, — возразил Призрак, — а дух.

— Все равно. Естественно, ты никого не видел, так?

— Я видел тех, кого вы называете безволосыми, — откликнулся Призрак. — В нескольких милях к востоку отсюда. Их очень мало, но они движутся в том же направлении, что и вы, и с той же скоростью.

— В нескольких милях? Тогда понятно, почему Крошка не почуял их.

— Мне было страшно, — повторил Призрак. — Духу не пристало бродить по открытой местности. Ему необходима крыша, чтобы спрятаться от неба.

— Может, они и не подозревают о нас? — предположил Эндрю.

— Навряд ли, — покачал головой Данкен. — Зачем им тогда карабкаться по холмам? Если бы они не следили за нами, то пошли бы этой дорогой. У меня такое впечатление, что нас ведут к определенной цели, совсем как Крошка вел Мэг. Им известно, что на запад нас не пустит болото, поэтому они позаботились преградить нам путь на восток.

— Сэр, — проговорила Мэг, дергая Данкена за рукав, — остальные.

— Что? Какие остальные?

— Не безволосые, другие. Те, что смеялись над мной. Они поблизости. Я их чувствую.

— Почему тогда молчит Крошка? — удивился Конрад.

Мастиф развалился у костра, положив морду на вытянутые лапы. Судя по его виду, он ничего не чуял.

— Собака есть собака, — сказала Мэг. — Ее достаточно просто обмануть, особенно тем, кто необычайно ловок и искушен в обмане. Эти твари куда хитрей и опаснее тех, с кем вы сталкивались до сих пор.

— Потрошитель называл их демонами и бесами, — заметил Конрад, — а уж ему ль не знать? Он ведь сражался с ними.

— Детский лепет, — заявила Мэг. — Он, верно, не знает никаких других слов. Впрочем, на него, может статься, и впрямь напали бесы с демонами. Орда велика, и к ней пристают все, кто ни попадя, как мирные жители к проходящей армии.

— Однако ты осталась в стороне, — сказал Данкен, — хотя сама утверждала, что в тебе гнездится зло. Помнится, ты спрашивала, какая же это ведьма, если в ней нет хотя бы толики зла.

— Подловили вы меня, сэр, — вздохнула Мэг. — Я всего лишь пыталась быть злой. Мне ничего не стоило сделаться исчадием ада, и тогда я обрела бы истинное могущество, но я всего лишь пыталась. Порой мне чудилось, будто зло внутри меня разрастается, потому что я и не испугалась, когда нахлынула Орда. Я сказала себе: не бойся, они наверняка признают тебя за свою и оставят в покое или, может быть, научат творить черные дела. А они, стервецы, обокрали меня, сожгли мою хижину и наградили старую Мэг пинком под зад! Ну скажите, разве так обращаются с теми, кто норовит во всем подражать им?

— И тебе не стыдно? По-твоему, служить злу достойно человека?

— Я практиковалась в своем ремесле. — В голосе Мэг не слышалось и намека на раскаяние. — Ремесло на то и ремесло, чтобы совершенствоваться в нем, не думая о последствиях.

— Сдается мне, я слегка запутался, — проговорил Данкен.

— Я понял с первого взгляда, что в тебе нет зла, — сказал Конрад. — А если и есть, то его не больше, чем в гоблине или гноме.

— Некоторые верят, — вмешался Эндрю, — что гномы наравне с гоблинами — порождение зла.

— Ну уж нет, — возмутился Конрад. — Малый Народец отличается от нас, но зла в них вот ни на столечко. Да, они проказники, но никак не злодеи.

— Лично я, — бросил Эндрю, — сыт по горло их проказами. Они замучили меня чуть ли не до смерти.

— Так ты говоришь, что в темноте прячутся Злыдни? — справился Данкен у Мэг. — Почему же собака не почуяла их?

— Не знаю, — отозвалась старуха. — Может, он и чует, только не догадывается, кто они такие. А старая Мэг не настолько глупа. Ей ведомо, чего опасаться.

— Значит, ты уверена?

— Уверена, сэр.

— Выходит, мы не можем больше полагаться на чутье Крошки, — подытожил Данкен. — Нам придется всю ночь напролет нести дозор. Я стою первым, Конрад — вторым.

— А я? — воскликнул Эндрю. — Я требую, чтобы меня назначили часовым. Не забывайте, я ратник Господа! Я разделю с вами все тяготы и опасности пути!

— Отдыхайте, — посоветовал Данкен. — Завтрашний день обещает быть трудным.

— Можно подумать, вы с Конрадом не нуждаетесь в отдыхе!

— Ложитесь спать, — произнес Данкен, — а то утром, не дай Бог, окажется, что вы не в состоянии идти. Вдобавок, если вы завтра будете клевать носом, кто предупредит нас, коль мы собьемся с пути?

— Тут невозможно заплутаться, — упорствовал Эндрю. — Правда, может, это мне так кажется? Я ведь ходил туда-сюда не один раз.

— Вот именно. Ложитесь и отдыхайте.

Эндрю промолчал; позже, придвинувшись поближе к огню, он что-то пробормотал себе под нос. Видимо, уснуть ему мешала обида. Во всяком случае, лег он последним. Конрад плюхнулся на землю, закутался в одеяло и почти сразу же захрапел. Мэг, свернувшись калачиком рядом с седлом и поклажей, спала как ребенок, временами всхлипывая во сне. Поодаль улегся на траву Дэниел. Красотка спала стоя; она свесила голову так низко, что едва не задевала носом землю. Дремавший у костра Крошка порой просыпался, встряхивался и, порывая, обходил лагерь. Поведение собаки как будто подтверждало, что опасаться вроде бы нечего.

Данкен сидел у огня. Ему совершенно не хотелось спать. Юношу одолевали тревожные мысли, которые упорно не желали уходить. Ну, разумеется, хмыкнул он про себя, какой тут сон после рассуждений Мэг насчет близости Злыдней! Может, ведьма просто подшутила над ними? Как Данкен ни напрягал слух, как ни старался, ему никак не удавалось различить ни шелеста листьев, ни хруста веток под чьей-либо ногой, или лапой, или копытом. Все было тихо, лишь бормотал в темноте ручей да пару раз ухала в отдалении сова.

Данкен ощупал висевший на поясе кошелек и услышал слабое похрустывание пергамента. Подумать только, они забрались чуть ли не в самое сердце Пустоши ради нескольких листов рукописного текста! Между прочим, один лишь Конрад знает, за что он рискует головой; все остальные идут наобум, и что с ними станет, известно разве что одному Богу. Хрупкий

пергамент — великая драгоценность, средоточие волшебства. Если будет доказано, что он подлинный, Церковь обретет свежие силы, у веры появятся новые сторонники, жребий мира изменится к лучшему. Орда творит черную волшбу, Малый Народец наводит чары, чтобы вдоволь потешиться, а этот пергамент, возможно, обладает величайшей магией на свете. Данкен склонил голову и принялся без слов молиться о том, чтобы его упования сбылись.

Тогда-то, во время молитвы, и раздался некий звук, определить природу которого было поначалу крайне затруднительно, таким он был далеким и глухим. Данкен прислушался и понял наконец, что в ночи стучат копыта. Мгновение спустя до него донесся собачий лай. Звуки по-прежнему исходили как будто издалека, но становились все отчетливее: топот конских копыт, залиvistый лай собак и даже — Данкен не поверил собственным ушам — крики людей. Диковиннее всего было то, что звуки доносились с неба. Данкен запрокинул голову и окинул взглядом усыпанный звездами небосвод, с которого светила бледная луна. Там, разумеется, не было ни всадников, ни собачьих свор. Минуту-другую спустя звуки стихли, и ночь вновь исполнилась безмолвием.

Данкен, приподнявшись было, чтобы взглянуть на небо, снова опустился на землю. Крошка глухо зарычал. Данкен погладил пса по голове. Мاستиф перестал рычать и улегся у костра. Какое-то время спустя Данкен встал и направился к ручью, захватив с собой кружку. Из воды, нарушив ее серебристый покой, внезапно выпрыгнула рыбина. «Неужели форель?» — подумал Данкен. Если в ручье водится форель, поутру можно будет попробовать поймать пару-тройку штук на завтрак; главное — не слишком задерживаться: чем быстрее они уйдут отсюда, чем скорее пересекут Пустошь, тем лучше.

Когда луна начала клониться к западу, Данкен разбудил Конрада, который мгновенно вскочил, будто и не спал.

— Все в порядке, милорд?

— Да вроде бы, — отозвался Данкен. — По крайней мере, я ничего подозрительного не заметил.

Он умолчал о том, что слышал топот копыт и лай собак, ибо, прикидывая, каким образом рассказать об

этом Конраду, решил, что не стоит беспокоить товарища упоминанием об игре воспаленного воображения.

— Растолкай меня пораньше, — попросил он. — Хочу наловить форели на завтрак.

С этими словами Данкен лег на спину, сунул под голову скатанный в валик плащ и укрылся одеялом. Глядя на небо, он в очередной раз ощупал кошелек на поясе и крепко зажмурился, надеясь, что вот-вот заснет. Однако перед его мысленным взором возникла — сама по себе — картина, смысла которой он поначалу не понял. Но затем явилось осознание, и Данкен, упрекнув себя в чрезмерной возбудимости, попытался отрешиться от надоедливых мыслей, однако те не желали уходить. Юноша перевернулся на бок, открыл глаза и увидел пламя костра, неподвижно лежащего мастифа и широкоплечую фигуру Конрада. Он зажмурился вновь, уверенный, что уж теперь-то заснет непременно, но картина, возникшая у него в мыслях, отгоняла всякий сон. Он снова, будто наяву, увидел пронырливого коротышку, что следовал по пятам за горсткой людей, внимая словам тех, кто сопровождал высокого человека весьма благообразной наружности. Все эти люди были молоды и не по годам серьезны, глаза их лучились странным светом. Судя по одежде, поношенной и драгой, они принадлежали к простому народу. Один из них был обут в сандалии, другие ходили босиком. Порой вокруг них собирались толпы зевак, пришедших поглазеть на высокого человека и послушать, что он скажет. И постоянно возле молодых людей — то ли в толпе, сквозь которую норовил протиснуться поближе, то ли в одиночестве, когда толпа рассеивалась, — крутился тот самый коротышка. Он прислушивался столь усердно, что уши его, казалось, того и гляди отвалятся; похожие на лисьи, блестящие глазки щурились от солнечного света, но не упускали ни единого жеста, ни малейшего движения. А потом, вечерами, прижавшись спиной к валуну или скорчившись у костра, коротышка записывал все, что видел и слышал. Он писал мелким убористым почерком, стараясь уместить слова на тех кусках пергамента, какие ему удалось раздобыть, хмурил брови и поджимал губы, вспоминая, что именно и кем было сказано.

Данкену хотелось разглядеть его черты, определить по выражению лица, что он за человек, однако коротышка, как нарочно, то прятался в тени, то отворачивался в тот самый миг, когда Данкен мнил, что сумел-таки добиться своего. Коренастый крепыш, он также ходил босиком; ноги его были изрезаны острыми гранями камней. Наряд коротышки представлял собой пыльные лохмотья, едва прикрывавшие наготу. Длинные, спутанные волосы, нестриженная борода — человек толпы, ничем не примечательная личность, которую никто не удостоит второго взгляда. Ничто не выделяло его из общей массы; он, когда хотел, без труда растворялся в скопище людей. Данкен преследовал его, порывался обойти, с тем чтобы столкнуться лицом к лицу, однако раз за разом терпел неудачу. Впечатление было такое, словно коротышка догадывается, что за ним следят, и потому намеренно ускользает, а если не получается, просто отворачивается. Впрочем, даже если он и впрямь догадывался, то внешне это никак не проявлялось.

Кто-то потряс Данкена за плечо и шепотом велел молчать. Юноша открыл глаза и сел. Перед ним припал к земле Конрад. Не говоря ни слова, дозорный ткнул большим пальцем в темноту за костром. Там, на краю светового круга, застыл Крошка. Мاستиф слегка подался вперед, будто кто-то удерживал его на поводке, и оскалил пасть. Он глухо рычал. Из темноты таращились на лагерь огромные, широко расставленные глаза, в которых полыхало зеленое пламя. Ниже виднелся рот со множеством поблескивающих в пламени костра зубов. Все вместе представало чудовищной мордой, столь гнусной и отталкивающей, что рассудок отказывался воспринимать ее как действительность. Рот имел отдаленное сходство с лягушачьим, однако морда в целом состояла как бы из сплошных углов и граней; над ней возвышалось некое подобие креста. На глазах у Данкена чудовище пустило слюну. Оно явно было не прочь проникнуть в лагерь, но его отпугивал то ли Крошка, шерсть на загривке которого встала дыбом, то ли что-то еще. Неожиданно чудовище сгнуло без следа. Исчезли и огненные глаза, и грозные клыки. Последними растаяли в воздухе очертания морды.

Крошка, продолжая рычать, шагнул вперед.

— Стоять, — проговорил Конрад. — Стоять.

Данкен вскочил на ноги.

— Они шныряют вокруг уже час или около того, — сказал Конрад. — Но этот первый решил показаться.

— Почему ты не разбудил меня раньше?

— А зачем, милорд? Чтобы вы составили компанию нам с Крошкой?

— Как по-твоему, их много?

— Мне кажется, не очень.

Данкен подбросил в огонь хворосту. Крошка медленно двинулся в обход лагеря.

— Иди сюда, — позвал собаку Конрад. — Ложись. Больше они нас не потревожат.

— Откуда ты знаешь? — хмыкнул Данкен.

— Они всего лишь присматриваются к нам и догадались, что сегодня с нами связываться не стоит. Так сказать, отложили знакомство на потом.

— Откуда ты знаешь? — повторил Данкен.

— Я не знаю, я чувствую.

— Они нам что-то готовят, — проговорил Данкен.

— Может быть.

— Конрад, ты не хочешь вернуться?

— Когда дела пошли на лад? — с усмешкой ответил вопросом на вопрос Конрад.

— Я серьезно, — сказал Данкен. — Нас со всех сторон окружают враги. У меня нет никакого желания вести вас на смерть.

— А вы, милорд?

— Я пойду дальше. Наверно, в одиночку мне будет проще. Но все остальные...

— Старый хозяин наказал мне заботиться о вас. Если я вернусь один, он заживо сдерет с меня шкуру.

— Точно, сдерет, — со вздохом согласился Данкен. — Он грозит сделать это с тех пор, когда мы с тобой оба были мальчишками.

— Отошлите отшельника, — предложил Конрад. — Его наверняка не придется уговаривать. Он всю дорогу ворчит без умолку.

— Отшельник недаром назвался во всеуслышание ратником Господа, — возразил Данкен. — Анахорет из него никудышный, так что он пытается восстановить утраченное достоинство любыми доступными способами. Ему страшно до смерти, но он не повернет назад, пока и все прочие не поступят таким же образом.

— Значит, идем вместе, — заключил Конрад. — Трое товарищей по оружию. А как быть с ведьмой?

— Пускай решает сама. Насколько я понимаю, терять ей нечего.

Итак, подумалось Данкену, что бы ни говорил Призрак, нас сопровождают не только безволосые. Мэг оказалась права. Возможно, всю ночь за лагерем из темноты наблюдали другие Злыдни. Они таились во мраке и тогда, когда нес дозор он, Данкен, но предпочли не показываться; и что самое удивительное, Крошка их не почуял. Если бы не ведьма, сказал себе Данкен, мы бы ни о чем не подозревали. Кстати говоря, Мэг отнюдь не выглядела чрезмерно обеспокоенной. Во всяком случае, близость Злыдней совершенно не помешала ей свернуться калачиком на земле и крепко заснуть. Она не проснулась до сих пор и по-прежнему всхлипывала во сне; эти всхлипывания и поза, в которой она лежала, придавали Мэг сходство с маленькой девочкой. Быть может, она почувствовала, что опасаться нечего, что нынешней ночью нападения не произойдет? Что значит почувствовала? И почему Злыдни не напали? Ведь они запросто могли застать лагерь врасплох. Данкен недоуменно передернул плечами. Ладно, ночь почти пережили, а вот что будет дальше? Рано или поздно Злыдни нападут на них. Тут не поможет никакая бдительность. Если наберется достаточно Злыдней, готовых пожертвовать собственной жизнью, то все — пиши пропало. «Ну и что?» — мысленно воскликнул Данкен. Лично он не собирается поворачивать вспять. У него с собой талисман, способный отогнать первобытную тьму и зажечь потухшие было огни. Он продолжает путь и, значит, то же самое можно сказать про Конрада и отшельника Эндрю.

Близился рассвет. Сумерки понемногу рассеялись, и уже можно было разглядеть отдельные деревья в роще. Над лагерем, призывно крича, пролетела стая уток, что направлялись, должно быть, на излюбленное место кормежки.

— Конрад, — позвал Данкен. — Ты не замечаешь ничего странного?

— Странного, милорд?

— Да. Посмотри повнимательнее. Мне кажется, вчера вечером все было иначе.

— На рассвете всегда так бывает, — успокоил Конрад.

Нет, сказал себе Данкен, дело не только в рассвете. Он попытался определить причину своей тревоги, но быстро осознал тщетность подобной попытки. Сколько он ни напрягал зрение, ему так и не удалось установить, что же конкретно изменилось, однако Данкен ощущал перемену буквально собственной кожей. Изменились и роща, и ручей. Невольно складывалось впечатление, что некто слегка подправил местность, ровно настолько, чтобы перемена стала заметной, чтобы наблюдатель почувствовал, что ландшафт неуловимо изменился.

— Что случилось? — подал голос проснувшийся Эндрю.

— Ничего, — прорычал Конрад.

— Не обманывайте меня. Воздух совсем не тот.

— Ночью у нас был гость, — сообщил Данкен. — Вон в тех кустах.

— И не один, — добавил Конрад. — Остальные, правда, оказались трусоватей своего приятеля.

Эндрю быстро поднялся и схватил посох.

— Выходит, ведьма была права, — сказал он.

— Конечно, права, — хихикнула Мэг. — Старая Мэг всегда права. Я предупреждала вас, что они шныряют поблизости. Я говорила, что они следят за нами.

Дэниел вскочил, подступил было к кострищу — и замер. Затем яростно фыркнул и ударил оземь копытом.

— Дэниел тоже чувствует, — проговорил Конрад.

— Как и все мы, — отозвался отшельник. — Ну, что будем делать?

— Пойдем дальше, если ты, конечно, не против.

— С чего ты взял, что я против?

— Так, показалось.

Мэг откинула одеяло, встала и поправила свои лохмотья, придавая им более или менее приличный вид.

— Они ушли, — заявила она. — Я их больше не слышу. Да, они ушли, но перед уходом заколдовали нас. Мы в ловушке. У меня нюх на западни.

— Какая еще ловушка? — процедил сквозь зубы Конрад.

— Нет, — возразил Эндрю, — они заколдовали не нас, а это место.

— Откуда вы знаете? — спросил Данкен.

— Оно изменилось. Смотрите, над ручьем радуга!

Данкен посмотрел в ту сторону, куда показывал отшельник, но никакой радуги не увидел.

— Малый Народец порой пробует сотворить нечто похожее, — продолжал Эндрю, — но у них обыкновенно все выходит шиворот-навыворот. Они через одного недотепы.

— А Злыдни — нет?

— Злыдни — нет, — откликнулась Мэг. — Они умеют наводить чары.

Может, мы все спятили, подумал Данкен, раз стоим здесь и на полном серьезе рассуждаем о колдовстве? Впрочем, нельзя отрицать, что местность переменялась. Он вспомнил свои недавние ощущения. Да, сомневаться не приходится. Данкен не видел радуги, которую замечал Эндрю, однако замечал некоторые другие несуразности; оглядевшись по сторонам, он убедился, что их ничуть не убавилось.

— Пожалуй, пора трогаться, — сказал он. — Позавтракаем позже. Надеюсь, нам посчастливится добраться до черты, за которой колдовство, если вам угодно выражаться таким образом, уже не имеет силы. Сдается мне, оно вряд ли распространяется достаточно далеко.

— Дальше будет хуже, — предостерег Эндрю. — Я уверен, впереди нас поджидают тяжкие испытания. А если мы повернем обратно, колдовство, наверное, скоро кончится.

— От нас только того и ждут, — буркнул Конрад. — Иначе ради чего было стараться? Но мы не собираемся возвращаться. Милорд решил идти вперед. — Он подобрал седло, положил его на спину Дэниелу и затянул подпругу. — Иди сюда, Красотка, будем собираться.

Красотка, прядая ушами, подошла и встала так, чтобы Конрад мог навьючить на нее поклажу.

— Всем идти вовсе не обязательно, — сказал Данкен. — Мы с Конрадом никого не неволим.

— Мое мнение вы знаете, — бросил Эндрю.

— Знаю, — кивнул Данкен. — Вы идете с нами.

— Я тоже, — проговорила Мэг. — В этом запустении старуха вроде меня в одиночку пропадет в два счета. А что до колдовства, я выкидывала и похуже.

— Однако неизвестно, что ждет нас впереди, — предупредил Данкен.

— По крайней мере, вы меня всегда накормите, — отозвалась ведьма. — А без вас мне частенько приходилось питаться орехами да кореньями. Я столько рылась в земле под деревьями, что без малого превратилась в дикую кабаниху. И потом, я не какая-нибудь бука, чтобы избегать компаний, тем более что раньше мне водиться было и не с кем.

— Хватит болтать, — буркнул Конрад, подхватил Мэг на руки и усадил в седло. Дэниел загарцевал на месте, приветствуя всадницу. — Держись крепче. Крошка, пошли.

Мастиф побежал вперед. Конрад направился за ним. Далее двигались Красотка и Эндрю, усердно колотивший по земле посохом. Данкен с Дэниелом, как обычно, выступали в роли замыкающих.

Колдовство, в полном соответствии с предсказанием Эндрю, не ослабевало, а наоборот, делалось все более явственным. Местность постепенно приобретала весьма суровый вид. Путникам часто встречались густые дубравы и не менее густые заросли кустарника, которые словно окутывала некая пелена фантасмагоричности, так что люди невольно задавались вопросом: а существуют ли в действительности развесистые дубы и дремучие заросли, вправду ли валуны покрыты столь толстым слоем лишайника, что из-под него почти не видно самого камня? Вдобавок, вокруг царил угрюмый полумрак, а воздух пронизывало безмолвие — зловещее, роковое, предвещающее беду, сулящее гибель.

Если бы дубы были всего-навсего развесистыми, а кустарник густым, если бы валуны оказались на деле обыкновенными камнями, пускай даже сплошь поросшими лишайником, с этим, подумалось Данкену, можно было примириться. Однако во всем ощущалось что-то вроде искажения, извращения собственной сути, как будто деревья и прочие детали пейзажа очутились тут совершенно случайно, как если бы кому-то вздумалось нарисовать картину, а в разгар работы он принялся размышлять, какого рода картину ему хочется написать. Казалось, ландшафт дрожит и расплывается на глазах, подобно отражению на поверхности воды. Временами тут и там возникали призраки радуги, один из которых

Эндрю заметил еще на месте ночлега. Тогда Данкен засомневался в словах отшельника, поскольку сам ничего не видел, но теперь он различал их собственными глазами — нечеткие размытые цвета, похожие на те, в которые окрашивается луч света, проходя сквозь толстое стекло. Они то появлялись, то исчезали, существовали всего лишь какое-то мгновение и ни разу не образовали цельной радуги, только ее кусочки, словно кто-то взял радугу, стиснул ее в кулаке так, что она раскололась на части, а потом развеял по ветру.

Путешественники, как и прежде, двигались по лощине, справа и слева от них высились лесистые холмы. Однако едва заметная тропинка, по которой они ориентировались до сих пор, куда-то пропала. Поэтому идти приходилось наобум. Конрад удерживал Крошку возле себя, не позволяя собаке отбегать слишком далеко. Дэниел беспокоился, то и дело тряс головой и фыркал.

— Все в порядке, дружок, — сказал ему Данкен.

Дэниел тихонечко заржал в ответ.

Эндрю все так же колотил посохом по земле. Красотка все время жалась поближе к нему. Как ни странно, она, похоже, привязалась к неудавшемуся отшельнику. Может, она полагает, что приобрела собственного человека, как Крошка — Конрада, а Дэниел — Данкена? Юноша чуть было не расхохотался вслух.

Конрад остановился, поджидая остальных.

— Впереди болото, — сообщил он, убедившись, что все в сборе, — прямо поперек дороги. Может, это то самое?..

— Нет, — возразил Эндрю. — Наше болото лежит в стороне от дороги.

Топь, что угадывалась за деревьями, лишь в малой степени напоминала ту, о которой говорил Шнырки. Во всяком случае, крутом воды не наблюдалось.

— Возможно, мы сумеем перейти его, — сказал Данкен. — Главное — не удаляться от холмов.

Вдвоем с Конрадом они приблизились к кромке болота. Остальные терпеливо ждали.

— Сдается мне, тут везде трясина, — проговорил Конрад. — Кстати о холмах. Вы их видите?

Он подметил верно: куда ни посмотри, кругом простиралось болото, без конца и без края. Гряды холмов,

вдоль подошвы которой следовал отряд, внезапно оборвалась.

— Стой здесь, — велел Данкен и шагнул в топь.

Под ногами сразу захлюпала вода. С каждым шагом Данкен проваливался все глубже. С трудом выдирая сапоги из болотной жижи, он достиг ближайшей к берегу заводи. Вода в ней была черней чернил, с маслянистым отливом, и внушала неясную тревогу. Данкен свернул в сторону, и тут поверхность воды вскипела и забулжила, и над заводью гигантским горбом взметнулась спина неведомого животного. Данкен ухватился за рукоять клинка и наполовину обнажил его. Спина обрушилась вниз; мгновение спустя вода обрела прежнюю обманчивую неподвижность. Однако из соседней заводи выскочила вдруг отвратительная голова на длинной шее. Сплошь в чешуе, она было не столь громадной, как то представлялось по очертаниям спины, имела треугольную форму и оканчивалась неким подобием клюва. На макушке торчали два рога. Тварь разинула клюв, и оказалось, что пасть больше головы и изобилует к тому же отталкивающего вида клыками.

Данкен стиснул в руке меч и приготовился отразить нападение, однако удара не последовало. Чудовищная голова медленно, почти неохотно скрылась под водой. Над болотом вновь воцарился зловещий покой.

— По-моему, вам лучше вернуться, — сказал Конрад.

Данкен послушно развернулся и, внимательно глядя под ноги, направился обратно.

— Нам не перейти, — заключил Конрад.

Сопровождаемый верной Красоткой, к ним подковылял Эндрю.

— Здесь нет никакого болота, — воскликнул он, — нет и никогда не было! Это все чьи-то чары!

— Остерегайтесь, милорд, — посоветовала Мэг. — Пускай болото ненастоящее, зато погибнете вы не понарошку.

— Как же быть? — произнес Данкен.

— Свернуть на другую дорогу, — отозвался Эндрю. — Обойти стороной. Сдается мне, наши враги не настолько могущественны, чтобы заколдовать все вокруг. Им известно, куда мы направляемся, а потому они, вернее всего, наложили заклятие только на выбранный нами путь.

— Если я правильно понял, — сказал Данкен, — вы предлагаете повернуть к холмам. Вам хорошо знакомы окрестности?

— Не то чтобы хорошо, но заплутать не заплутаем. В нескольких милях к востоку отсюда начинается тропа через холмы. Идти будет тяжело, сплошные подъемы да спуски, зато какое-то время спустя мы окажемся на равнине.

— По-моему, — проговорила Мэг, — выбора у нас не осталось.

Глава 12

Тропа, о которой говорил Эндрю, отыскалась довольно быстро, однако, как вскоре выяснилось, толку от нее было чуть: она завела путников на крутой склон и словно растворилась в траве. Тем не менее они все-таки вырвались из колдовского плена. Местность не производила больше впечатления неуловимо переиначенной, выглядела так, как того и следовало ожидать; ни дубы, ни кустарник, ни лишайник на валунах уже не пугали и не предвещали чего-то ужасного. Мерцание красок в воздухе тоже давным-давно прекратилось. Эндрю ничуть не преувеличивал: идти и впрямь было нелегко — то вверх, то вниз, потом снова вверх и опять вниз, причем спуск зачастую оказывался куда утомительнее подъема.

Убедившись, что тропа исчезла, Данкен взглянул на солнце. Светило вот-вот должно было достичь зенита.

— Давайте немного отдохнем и подкрепим наши силы, — сказал юноша, — а затем двинемся на восток. — Он повернулся к Эндрю. — Вы уверены, что проход существует?

— Уверен, — кивнул отшельник. — Я сам пользовался им, правда, немало лет тому назад.

Прежде чем затеряться в траве, тропа вывела их на плоский уступ протяженностью в несколько ярдов; далее склон вновь круто уходил вверх.

Конрад набрал хвороста и развел костер. Крошка улегся на землю. Дэниел и Красотка, уставшие не меньше людей, показывали всем своим видом, что не прочь задержаться тут подольше.

— Нам сейчас пригодился бы Призрак, — заметил Конрад, — вот только где его искать?

— Он проявил себя с самой лучшей стороны, — произнес Эндрю. — Я и не предполагал, что он отважится путешествовать при свете дня. Надо отдать ему должное: он просто молодец.

Внизу, среди деревьев, мелькнула серая тень.

— Волк, — сказал Данкен.

— Точно, — подтвердил отшельник. — Между прочим, с тех пор как на нашей земле обосновались Злыдни, волков заметно прибавилось.

Вслед за первой тенью появилась на мгновение вторая, затем — третья.

— По крайней мере, трое, — проговорил Данкен. — Вообще же их, наверняка, гораздо больше. Как по-вашему, они преследуют нас?

— Не тревожьтесь, милорд, — заявил Конрад. — Волки — отъявленные трусы, они боятся людей.

— Они чуют кровь, — подала голос Мэг. Старуха сидела, обняв себя руками за плечи; ее била мелкая дрожь. — Эти твари способны учуять кровь задолго до того, как она прольется.

— Бабушкины сказки, — фыркнул Конрад.

— Нет, — возразила Мэг. — Они чувствуют приближение смерти.

— Пусть их, — буркнул Конрад. — Если кровь и прольется, то не наша.

Внезапно задул ветер. Завывая на разные лады, он петлял среди деревьев, что росли у подножия холма, ворошил палую листву, которая устилала землю толстым многоцветным ковром. Разлитая в осеннем воздухе прохлада обещала скорые заморозки и первый снег. Данкен ощущал смутное беспокойство, хотя опасаться было как будто нечего. Рано или поздно они отыщут проход и двинутся дальше, пускай и не той дорогой, которую избрали в начале пути. Интересно, как далеко до Оксенфорда? Трудно сказать; главное — преодолеть холмы, а там идти станет легче.

Пока они не слишком торопились, однако время поджигает, так что, очутившись на равнине, нужно будет прибавить шаг.

— Был бы с нами Шнырки, — сказал Эндрю, — он бы подсказал, куда смотреть и где искать тропу. Ну да ладно, обойдемся и без него. Честности в нем ни на грош. Маленький негодяй! Ведь давал слово что проведет нас.

— Сами справимся, — отрезал Данкен

— Так или иначе, — заметил Конрад, — мы ускользнули из колдовской западни.

— Да, — согласился отшельник, — но кто знает, что ждет впереди?

Перекусив, они продолжили путь, стараясь по мере возможности придерживаться направления на восток, что требовало немалых усилий, ибо холмистая местность громоздила перед ними препятствие за препятствием — крутые склоны, глубокие овраги буреломы, из-за которых приходилось порой делать значительный крюк. Но в общем и целом отряд упорно продвигался к востоку. Солнце между тем неумолимо клонилось в противоположную сторону. Пройденные ярды складывались в мили, а на тропу по-прежнему не возникало даже намека. Судя по всему, сюда еще не ступала нога человека. Вокруг не было видно ни следов пожарищ на месте сожженных дотла домов, ни полей ни садов. Унылое однообразие пейзажа нарушали лишь вековые деревья, гиганты с раскидистыми кронами, что ведать не ведали о страшной угрозе, которую таит в себе топор дровосека. Время от времени вдалеке, всегда на изрядном удалении, мелькали серые тени, однако определить, те же самые это волки или другие, не было ни малейшей возможности.

«Мы заблудились», — твердил себе Данкен. Уверенность, какую внушили ему поначалу слова Эндрю, потихоньку исчезала, сменялась убеждением в том, что отшельник ошибся, что им предстоит тащиться по холмам много дней подряд, чтобы в итоге вернуться туда, откуда стремились уйти. Возможно, всему виной колдовство Злыдней, которое продолжает действовать, хотя и не столь явно, как раньше. Впрочем, своими подозрениями он предпочитал пока не делиться с остальными.

Солнце почти село, когда они достигли обрывистого склона, уводившего в сумрачный распадок над кото-

рым словно витали в воздухе покой и грусть. Эта лощина была из тех мест, где поневоле хочется ходить на цыпочках и говорить вполголоса. Последние лучи солнца еще освещали макушки холмов и багрянили листву наиболее высоких деревьев, однако в распадке уже наступила ночь.

Данкен подошел к Конраду.

— Мне тут не нравится, — произнес тот.

— Нравится не нравится, — отозвался Данкен, — лучшего пристанища на ночь нам не найти. Внизу наверняка нет ветра, к тому же, если повезет, мы можем отыскать воду.

— Мне показалось, я различил там нечто вроде здания, — сказал Конрад. — По-моему, это было похоже на церковь.

— Откуда здесь взяться церкви?

— Не знаю. Может, померещилось. Темнота, хоть глаз коли.

Сопровождаемые Крошкой, они направились вниз по склону.

— Похоже, я что-то вижу, — проговорил Данкен мгновение спустя. — Смотри! Вон там, прямо перед нами.

Вскоре все и всяческие сомнения улетучились. В глубине распадка притаилась маленькая белая церквушка, увенчанная высоким шпилем. Входная дверь была распахнута настежь. Церквушку окружало пустое пространство: некто неведомый вырубил все деревья, что росли поблизости, и выкорчевал пни. Чем ближе они подходили к зданию, тем сильнее становилось недоумение Данкена. Кому понадобилось воздвигать здесь церковь? Нет, мысленно поправился он, не церковь — часовню? Ему вдруг вспомнились рассказы о часовенках, возведенных невест с какой стати в стороне от проезжих дорог. Неужели они набрали именно на такой храм?

— Часовня Иисуса-Холмовика! — воскликнул подбежавший Эндрю. — Я слышал о ней, но никогда не видел. Сдается мне, никто не знал, как до нее добраться. Зато слухов ходило — не перечесть.

— Видишь сам, слухи подтвердились, — буркнул Конрад.

— Святенья, — проговорил Данкен. — Должно быть, сюда в прежние времена стекались паломники.

— Она стала святыней не так давно, — возразил Эндрю. Отшельник был потрясен, руки его дрожали. — Понимаете, это место — нечестивое. Когда-то здесь было языческое капище.

— Насколько мне известно, — откликнулся Данкен, — многие христианские храмы возведены там, где прежде поклонялись своим богам язычники. Очевидно, духовенство полагало, что так проще обратить людей в истинную веру.

— Да, я знаю, — сказал Эндрю. — Помнится, мне попадались подобные мысли в писаниях святых отцов. Но тут... Тут все иначе.

— Вы упомянули капище. Скорее всего, здесь совершали службы друиды.

— Дело не в друидах, — отмахнулся Эндрю. — Молва утверждала, что сюда слеталась на гульбища всякая нечисть.

— Но если так, почему построили часовню? Мне кажется, Церковь, наоборот, должна была бы избегать этого места.

— Не знаю, — признался отшельник. — Впрочем, в былые дни среди церковников насчитывалось немало воинственных личностей, которые так и рвались в битву с дьяволом...

— И что, побеждали?

— Не знаю, — повторил Эндрю. — Легенды противоречат друг другу; вдобавок, как отличить в них правду от вымысла?

— Раз часовня стоит, — заявил Конрад, — значит, ей позволили стоять.

Данкен шагнул вперед, поднялся по трем выщербленным ступенькам на крыльцо и вошел в дверь. Внутри часовня казалась еще меньше, чем снаружи. Два окна, по одному справа и слева, невысокого качества цветное стекло, сквозь которое сочился тусклый свет заходящего солнца, скамьи в шесть рядов, по три с каждой стороны прохода, а над алтарем...

У Данкена пресеклось дыхание. Он ощутил во рту привкус желчи. Юноше казалось, что его вот-вот вывернет наизнанку. Желудок взбунтовался, сердце бешено колотилось, к горлу комом подкатила тошнота — и все из-за распятия, что висело над алтарем, вырезанное из цельного куска дубовой древесины. Оно изображало Христа вверх тормашками, словно ему вздумалось пе-

рекувырнуться на кресте. Резная фигура была с ног до головы заляпана испражнениями; алтарь украшали непристойные латинские надписи. Данкену почудилось, будто кто-то ударил его по лицу. Он с трудом устоял на ногах. Кошунство, немыслимое кошунство! Он мельком подивился собственному возмущению: ведь до сих пор христианская вера мнилась ему чем-то весьма и весьма отвлеченным; он ни в коей мере не относил себя к ее ревностным приверженцам. Пускай так, подумал он, однако даже будучи довольно посредственным христианином, он согласился рискнуть жизнью ради Христа, на благо матери-Церкви. Перевернутое распятие представляло собой издевательскую насмешку язычества, бесстыдное глумление над христианством, свидетельствовало о злобе — бессильной злобе — тех, кто его вырезал. Если с врагом не удастся справиться, над ним можно, на худой конец, вдоволь потешиться.

Конрад сказал, что язычники позволили возвести на их земле христианскую часовню. В его словах — сам он того, возможно, не сознавал — подспудно содержался вопрос, почему они допустили такое. И вот ответ: перевернутое распятие и намеренное осквернение святыни. Много лет назад сюда явился слугитель Господа, воинствующий церковник, который наверняка подкреплял свои проповеди доводами острого клинка. Он построил храм, не подозревая, должно быть, того, что покорность нехристей показная, что они всего-навсего затаились и терпеливо выжидают случая отомстить.

За спиной Данкена послышались исполненные ужаса возгласы: Конрад с Эндрю тоже увидели распятие.

— Насмешка, — прошептал Данкен, — насмешка над Господом. Но Господь выдержит, Он выдерживал и не такое.

Судя по всему, за часовней следили. Пол, похоже, недавно подметали, не было ни пылинки, скамьи и прочее убранство находились во вполне приличном состоянии. Если бы не алтарь... Данкен медленно попятился к двери, Эндрю и Конрад двинулись следом. Очутившись снаружи, он увидел на крыльце Мэг.

— Ну? — спросила та.

Данкен ошеломленно помотал головой.

— Я не знала, — проговорила старуха, — не знала, что мы идем сюда, иначе я попыталась бы остановить вас.

— Выходит, ты бывала здесь?

— Нет, не бывала, только слышала

— Что скажешь?

— А что тут можно сказать? Мне все равно, мое дело — сторона. Но вот вас я бы внутрь не пустила. Вы накормили меня, посадили на лошадь, отозвали своего пса, пощадили мою жизнь, тот верзила помог мне встать и посадил в седло, даже отшельник, хотя он и мерзкий тип, угостил меня сыром. Так что, с какой стати мне желать вам зла?

— Все в порядке, матушка, — сказал Данкен, погладив ведьму по голове. — Мы люди крепкие, думаю, переживем.

— Что будем делать? — спросил Эндрю

— Заночуем, — отозвался Данкен. — Переход был долгим и трудным, все устали до последней степени, поэтому нужно отдохнуть и подкрепиться

— Не знаю, как вам, — заявил отшельник, — а мне кусок в горло не полезет.

— Что вы предлагаете? — осведомился Данкен. — Лично у меня нет никакого желания карабкаться в темноте по холмам. Тем более кругом сплошные заросли. Мы не пройдем за ночь и мили

Внезапно у него мелькнула мысль, что не прибея к ним Мэг и Эндрю, они с Конрадом наверняка бы ушли отсюда и отыскиали бы, рано или поздно, подходящее место для ночлега, а то шагали бы всю ночь, чтобы отойти как можно дальше от часовни Иисуса-Холмовика. А так — Эндрю едва переставляет ноги от изнеможения, Мэг же, хотя она, скорее всего, станет это отрицать, того и гляди упадет и больше не поднимется. Что ж, вздохнул про себя Данкен, не зря он беспокоился за них перед тем, как тронуться в путь, там, в пещере отшельника.

— Я разведу костер, — вызвался Конрад. — Что касается воды, по-моему, в той стороне журчит ручеек.

— Я схожу за водой, — сказал Эндрю

Данкен внимательно посмотрел на него и мысленно похвалил отшельника за храбрость: трус трусом, а решился идти один в темноту. Затем он подозвал к себе Дэниела, расседлал коня и снял поклажу с Красотки. Освободившись от мешков, та прижалась к Дэниелу; конь, похоже, ничуть не возражал. Крошка, настороженно принюхиваясь, бродил вокруг часовни. Они то-

же чувствуют подумалось Данкену, чувствуют не хуже нашего.

С запада донесся волчий вой. Мгновение спустя он повторился, теперь уже на холме, к северу от распадка.

— Верно, те, которых мы видели днем, — заметил Конрад. — Чего им неймется?

— Волков нынче развелось видимо-невидимо, — заметил Эндрю.

В распадке было темно и сыро. Вдобавок, наступившая ночь внушала невольный страх. Казалось, во мраке таится некая неведомая опасность. Интересно, подумал Данкен, откуда взялось это чувство — от оскверненного распятия? Или оно никак не связано с часовней и тем, что внутри?

— Мы с Конрадом будем нести дозор, — произнес он.

— Вы снова забыли меня, милорд, — пожаловался Эндрю.

Он как будто огорчился, но что-то в голосе отшельника подсказало Данкену, что огорчение Эндрю — напускное.

— Вам необходимо отдохнуть, — проговорил юноша, — иначе завтра вы с Мэг окажетесь не в состоянии продолжать путь. Выходим на рассвете, как только станет возможно что-нибудь разглядеть.

Тем временем Мэг с Конрадом занялись готовкой ужина на костре, разведенном буквально в двух шагах от крыльца часовни. На белой стене крохотной церквушки плясали блики пламени. Данкен, стоя у костра, пристально вглядывался в темноту. Он отметил про себя, что ему стоит немало труда не поддаваться страху, не вообразить, будто различает во тьме некую тень или слышит посторонний звук. Дважды ему чудилось, что на самой границе круга света что-то движется, но оба раза он уверял себя, что там ничего нет, что это — шутки разыгравшегося воображения, восприятие действительности, обостренное страхом, наличие которого невозможно было отрицать.

Время от времени ночную тишину разрывал волчий вой. Он доносился теперь не только с запада и севера, но и с востока, и с юга. Походило на то, что окрестности прямо-таки кишат волками. Впрочем, судя по вою, серые хищники пока держались на почтительном удалении от часовни. Вероятно, их следует ждать позже,

когда они наберутся смелости, убедившись, что люди у костра легли спать. Ну да ладно, волков можно не опасаться. В случае чего, не понадобится даже обнажать клинки: Дэниел и Крошка справятся сами.

Да, если чего и следует опасаться, то никоим образом не волков. Данкену вспомнилась оскаленная пасть, сверкающие зеленым огнем глаза, морда, что состояла как бы из сплошных углов и граней... Что же все-таки за тварь тарасилась из темноты на них с Конрадом прошлой ночью? А та гадина, что вылезла вдруг из заводи на болоте? Брр...

Мэг позвала всех ужинать. Путники расселись на корточках вокруг костра и с жадностью накинулись на пищу. Эндрю, уверявший, что ему кусок в горло не полезет, ухитрился съесть едва ли не больше, чем все остальные вместе взятые. Общий разговор как-то не вязался, сотрапезники лишь изредка перебрасывались ничего не значащими фразами. Словно по молчаливому уговору, все избегали говорить о том, что обнаружили внутри часовни. Похоже, каждому хотелось как можно скорее забыть об ужасной находке.

Однако Данкен на собственном примере убедился, что отвлечься от мыслей об оскверненной святыне не так уж просто. Он прогонял эти мысли, но они неизменно возвращались и принимались мучить заново. Насмешка? Да, насмешка и кое-что еще. Злоба. Ненависть. И неизвестно, чего больше: насмешки или ненависти. Впрочем, ничуть не удивительно. Древние языческие боги вправе ненавидеть новую веру, которая зародилась всего-навсего около двух тысячелетий тому назад. Тут Данкен спохватился и укорил себя за то, что оправдывает ненависть языческих божеств, допускает хотя бы на миг, что они существовали на деле и продолжают существовать. Христианину так думать не пристало. Истинный христианин тот, кто полагает, что древние боги либо все без исключения низринуты в ад, либо не существовали вовсе. Но Данкену подобная точка зрения представлялась далекой от истины. Странствуя по Пустоши, он вынужден был — в силу обстоятельств — верить в языческих богов и считаться с их откровенной враждебностью.

Юноша ощупал висевший на поясе кошелек, услышал, как захрустел под пальцами пергамент. В манускрипте, подумалось ему, одна вера, здесь, в часовне и

окрест нее, другая. Вполне возможно, что другая вера ошибочна, что ее необходимо искоренять всеми доступными способами; тем не менее она остается верой, которой придерживались и придерживаются люди, утраченные необъятностью бесконечности и жестокостью судьбы, — невежественные люди, обратившиеся к ней, несмотря на ее отвратительность. Вероятно, им мнилось, что боги попросту обязаны быть жестоко-сердными и омерзительными, внушающими ужас, ибо только тогда они обретут могущество, которое одно в состоянии защитить от всевозможных опасностей. Очевидно, здесь, в часовне, отправлялись некие гнусные обряды, происходили церемонии, содержание которых, слава Богу, оставалось ему, Данкену Стэндишу, неизвестным; может статься, умирали на жертвенниках люди, проливалась кровь, творились нечестивые ритуалы, являлись жуткие твари, демоны, сущие исчадия ада, — и так повелось испокон веку, быть может, с того времени, когда на земле появился первый человек, и даже раньше.

Дэниел ткнулся носом в плечо хозяину. Данкен погладил коня по морде. Дэниел тихонечко заржал. С запада вновь донесся волчий вой; на сей раз он прозвучал как будто ближе к лагерю.

— Придется жечь костер всю ночь напролет, — сказал подошедший Конрад. — Волки боятся огня.

— Они нам не страшны, — отозвался Данкен. — Сейчас не зима, так что им есть чем поживиться и без нас.

— Однако они подбираются все ближе, — проговорил Конрад. — Я видел уже нескольких.

— Любопытничают, только и всего.

Конрад опустил на землю рядом с Данкеном и взвесил на руке свою дубинку.

— Что нас ждет завтра?

— Пойдем искать тропу, о которой говорил Эндрю.

— А если не найдем?

— Найдем, можешь не сомневаться.

— А вдруг опять колдовство? Вдруг Злыдни заколдовали тропу, и потому мы ее не видим?

— Думаю, ты зря беспокоишься, — ответил Данкен, а сам вспомнил, что днем ему в голову лезли похожие мысли.

— Мы заблудились, — произнес Конрад. — Лично я не знаю, где мы находимся. Да и Эндрю, сдается мне, знает не больше моего.

Внезапно из темноты на Данкена уставились два отливающих зеленым глаза. Не успел юноша пошевелиться, как они пропали.

— Я только что видел волка, — сказал Данкен. — По крайней мере, его глаза.

— Крошка давно их учуял. Если что, он нас предупредит.

Какое-то время спустя стало ясно, что за пределами светового круга, который отбрасывало пламя костра, собралась целая стая волков. Крошка было направился в темноту, но Конрад остановил его.

— Подожди, дружок. Еще рано.

Данкен поднялся.

— Попались, — проговорил Конрад. — Они вот-вот нападут.

Дэниел развернулся мордой к волкам, тряхнул гривой и тревожно заржал. Крошка, который вернулся к людям, повинуясь оклику Конрада, глухо зарычал; шерсть у него на загривке встала дыбом.

Один из волков выступил на свет. Крупный, мускулистый, он передвигался мелкими шажками, оскалив клыки. Глаза его сверкали, шкура серебрилась в бликах пламени. Следом появился второй зверь.

Данкен обнажил меч. Клинок вылетел из ножен со свистом, что прозвучало неестественно громко среди нависшей над лагерьем тишины.

— Спокойно, Дэниел, спокойно, — бросил Данкен.

Внезапно за его спиной послышался шорох, он riskнул обернуться и увидел, что на подмогу, стискивая в руке посох, спешит Эндрю. Седоватые волосы отшельника, подсвеченные пламенем костра, образовывали вокруг его головы нечто вроде нимба.

Неожиданное безмолвие нарушил звонкий голос, который произнес фразу на неизвестном Данкену языке. Это был не английский и не галльский, не греческий и не латынь. Голос словно выплевывал слова, будто привык не говорить, а рычать. Волки рванулись вперед, как если бы их спустили с невидимой цепи — тот крупный, что первым вышел на свет, его чуть менее храбрый собрат и прочие, что прятались до сих пор в темноте.

Дэниел поднялся на дыбы и ударил передними копытами. Крошка в мгновение ока очутился в самой середине стаи. Крупный волк — по всей видимости, вожак —

прыгнул на Данкена, норовя вцепиться в горло юноше. Данкен взмахнул клинком. Лезвие рассекло шею зверя. Волк рухнул на землю, умудрившись заодно повалить Данкена. Второй зверь угодил под дубинку Конрада, третий взлетел в воздух, подброшенный разъяренным Крошкой. Четвертый, разинув пасть, нацелился было на упавшего Данкена. Тот выставил перед собой клинок, однако его опередили: волк напоролся пастью на пушенный, подобно копыю, посох, и замертво покатился по траве. Данкен вскочил, но тут же споткнулся о посох и упал на колени. Если бы не Дэниел, ему пришлось бы туго. Но конь вовремя заметил опасность, в которой оказался хозяин, и могучим ударом копыт переломил хребет очередному хищнику. Данкен огляделся по сторонам. Тела Крошки и его противника сплелись в клубок, так что невозможно было разобрать, где пес, а где волк; Конрад, с дубинкой наготове, ожидал нападения тех членов стаи, что еще не вступали в схватку. А чуть поодаль изнемогала в сражении сразу с тремя волками Красотка. Данкен кинулся на выручку, но сделал всего лишь шаг или два, как его обогнала Мэг. Старуха размахивала пылающими ветвями. Двое волков из тех троих, что осаждали Красотку, шарахнулись прочь.

— Мэг! — крикнул Данкен. — Мэг! Осторожней, ради всего святого!

Старуха будто не слышала. Она бежала с удивительной для своего возраста легкостью. Очутившись рядом с Красоткой, она ткнула горячей веткой последнего волка, который вцепился мертвой хваткой в копыто ослицы. Волк взвыл, завертелся волчком, а потом, поскуливая, скрылся в темноте.

Вновь раздался тот же самый, громкий и отчетливый, голос, говоривший на неведомом языке. Уцелевшие волки немедленно развернулись и устремились в ночь.

Данкен замер, потом медленно повернулся влево, к костру, у которого стоял Дэниел. Бока жеребца бурно вздымались. Неподалеку, упираясь одной ногой в голову мертвого волка, старался извлечь свой посох из волчьей пасти Эндрю. Конрад подвел к огню Мэг. За ними шел Крошка, а следом, прихрамывая, ковыляла Красотка. Всюду, куда ни посмотри, валялись мертвые волки. Впрочем, один из них — тот, которому Дэниел сломал позвоночник, — был жив: он отчаянно пытался поползти в темноту, подтягиваясь на передних лапах.

Данкен приблизился к костру. Неожиданно Эндрю выронил посох, завопил дурным голосом и отпрянул от волка, закрывая лицо руками.

— Нет! Нет! — взвизгнул он. — Нет!

Данкен бросился к нему — и вдруг застыл как вкопанный, не веря собственным глазам. Волчье тело изменилось! Очертания звериной фигуры мало-помалу уступали место человеческим. Данкен ошарашенно воззрился на обнаженную женщину, изо рта которой по-прежнему торчал посох отшельника.

— Я бы сказала раньше, да не было времени, — произнесла дрожащим голосом Мэг. — Все случилось слишком уж быстро.

Конрад отодвинул Данкена в сторону, ухватился за посох и одним движением выдернул его изо рта женщины. Соседний волк обернулся мертвым мужчиной, а тот, что волочился по земле, неожиданно вскрикнул совсем как человек. В его голосе слышались боль и мука.

— Я позабочусь о нем, — проговорил Конрад урюмо.

— Нет, — возразил Данкен. — Оставь его.

— Но это же оборотни, — возмутился Конрад. — Чего их жалеть?

— Мне нужно кое-что узнать, — пояснил Данкен. — На нас напала не стая, то бишь не вся стая, не целиком, иначе бы несдобровать нам...

— Кто-то отозвал их.

— Нет, все не так просто. Дело в чем-то другом.

— Держи. — Конрад протянул Эндрю его посох.

— Нет! — воскликнул отшельник, делая шаг назад. — Я не хочу даже прикасаться к нему! Я убил им женщину!

— Ты убил не женщину, а оборотня. На, держи. Смотри не потеряй. Другого такого посоха не найти. — Конрад не отступался, и отшельник вынужден был принять посох.

— Я никогда не забуду, — простонал он.

— И правильно, — одобрил Конрад. — Ведь ты сражался за Господа.

Данкен приблизился к человеку с перебитым позвоночником, постоял над ним, затем медленно опустился на колени. Покалеченный оборотень оказался глубоким стариком: тонкие, как соломинки, руки и ноги, узловатые, со скрюченными пальцами; седые волосы, что

завивались на шее в мелкие кудряшки, а спереди прилипли к мокрому от пота лбу. Он был невероятно худ — кожа да кости — и глядел на Данкена со страхом и ненавистью в глазах.

— Скажи мне, — проговорил Данкен, — кто звал вас из темноты?

Старик оскалил желтоватые зубы, зарычал, потом сплюнул. Данкен протянул руку. Старик дернулся, разинул рот, запрокинул голову и закричал. На губах у него выступила белая пена; он кричал, стонал и слабо ерзал по земле в тщетных попытках уползти прочь.

Внезапно Данкена схватили на плечо и поставили на ноги.

— Пустите, милорд, — процедил Конрад, замахиваясь дубинкой.

Череп оборотня треснул от удара. Старик весь обмяк и затих.

— Зачем ты это сделал? — рассердился Данкен. — Я же велел тебе подождать!

— Со змеями не цацкаются, — пробормотал Конрад, — их убивают.

— Но я хотел спросить его...

— Вы спросили, и что он вам ответил?

— Он мог передумать.

— Ну нет, — покачал головой Конрад. — Он так испугался, что ничего не соображал от страха.

Пожалуй, так оно и было, подумал Данкен. Оборотень явно трусил. Как он кричал, как отчаянно рвался во тьму!..

— Пойдемте к костру, милорд, — сказал Конрад, — Мне надо посмотреть, что с Красоткой.

— Если бы не Мэг, мы бы остались с одним Дэниелом.

— Да, я видел.

— А что с Крошкой?

— Так, ерунда: разорванное ухо, пара-тройка укусов.

Возвращаясь к костру, они заметили, что Эндрю подбросил в огонь сушняка. Некоторые языки пламени были столь высоки, что, казалось, доставали до неба.

Эндрю и Мэг молча глядели на костер. Конрад отправился осматривать Красотку, а Данкен подсел к огню.

— Мы многим тебе обязаны, — сказал он Мэг. — Ты спасла Красотку.

— У меня был огонь, а оборотни боятся огня. Говорите прямо, милорд! — ни с того ни с сего вдруг

распалась Мэг. — Вам, верно, интересно, с какой стати я решила помочь, да? Ну разумеется, ведьма — и на́ тебе, помогает людям! Так слушайте! Когда колдовство не причиняет особого вреда, я не имею ничего против и в свое время сама понаводила достаточно пустяковых чар. Но истинное, неприкрытое зло — не для меня. Обратни исполнены зла, потому-то я не выношу их. Черное, отвратительное зло, которому даже не подберешь названия.

— Они явились сюда стаяй, — проговорил Данкен. — Я и знать не знал, что обратни бегают стаями. Что ж, зато теперь ведаю. Помнишь, прошлой ночью ты рассказывала мне о тех, кто сопровождает Злыдней? Обратни принадлежат к их числу? Если да, то откуда взялось столько перевертышей?

— Как откуда? Со всей Британии.

— Ты слышала голос? Что он говорил? На каком языке?

Мэг обхватила себя руками за плечи и зябко поежилась.

— Слов я не разобрала, — призналась старуха, — но язык мне знаком. Он очень древний.

— Насколько?

— Не могу сказать, сэр. Сдается мне, на нем говорили задолго до появления людей, а они появились не сто и не двести лет назад.

— Первобытное зло, — проронил Данкен. — Голос первобытного зла.

— Не знаю, милорд.

Его так и подмывало спросить Мэг, откуда ей знаком этот язык, но он удержался от вопроса, решив не давить на и без того расстроенную ведьму. Вполне достаточно, что она отвечала до сих пор как будто вполне искренно.

— С Красоткой все в порядке, — объявил возвратившийся Конрад. — Немножко похромает и перестанет. Можно считать, нам здорово повезло.

Вокруг было тихо. Тела оборотней лежали на границе света и тени темными бесформенными кучами.

— Может, похороним их? — спросил Эндрю.

— Оборотней не хоронят, — возразил Конрад, — разве что вгоняют в сердце кол. К тому же у нас нет ни единой лопаты.

— Мы не будем их трогать, — сказал Данкен. — Пусть себе лежат.

Пламя костра подчеркивало белизну стен часовни. Данкен кинул взгляд на распахнутую настежь дверь. Свет проникал в глубь часовни, но не настолько далеко, чтобы достичь перевернутого распятия, и юноша был тому только рад.

— Я наверняка не сомкну глаз, — проговорил Эндрю.

— Не зарекайся, — буркнул Конрад. — И потом, учти: впереди у нас тяжелый день. Ты уверен, что мы отыщем тропу?

— Уверенности во мне никакой, — покачал головой Эндрю. — Сколько ни смотрю, ничего не могу узнать. Все какое-то чужое...

Он не договорил. Ночную тишину прорезал пронзительный вопль, донесшийся откуда-то сверху.

— Господи Боже! — воскликнул Эндрю. — Неужели опять? Ну сколько можно?

Вопль повторился. В нем слышались невыразимая тоска и всеобъемлющая печаль. Звук был из тех, от которых кровь стынет в жилах, а сердце уходит в пятки. Неожиданно из темноты раздался спокойный голос:

— Не бойтесь. Это всего лишь баньши Нэн.

Данкен резко обернулся. Когда на свет выступил невысокий человечек — худые ручки и ножки, огромные уши, на голове обвислый колпак — он в первый миг узнал ночного гостя, а потом, слегка опешив, произнес:

— Вот как? Мастер Шнырки? Что ты здесь делаешь?

— Ищу вас, — отозвался Шнырки. — Вот уже несколько часов, с тех самых пор, когда выяснилось, что Призрак потерял ваш след.

Из мрака выпорхнул Призрак. Рядом с ним держалась некая фигура, чья чернота выгодно оттеняла его белизну.

— Я столкнулся с ним по чистой случайности, — заявил он.

— Случайностью тут и не пахнет, — возразил Шнырки, — ну да ты все равно не поймешь, а объяснять некогда.

Призрак опустил ниже, так что задел подолом савана землю. Баньши Нэн пристроилась у костра. Ее наружность внушала отвращение. Глубоко посаженные глаза внимательно разглядывали путников из-под кустистых бровей. Роскошные черные волосы ниспадали поч-

ти до талии; лицо баньши было немного вытянутым и хранило суровое выражение.

— Вы здорово спрятались, — похвалила она. — Мы вас едва нашли.

— Мадам, — отозвался Данкен, — мы вовсе не прятались. Так случилось, что мы вынуждены были заночевать здесь.

— Отличное местечко, — фыркнул Шнырки, подходя к костру. — Вы разве не знали, что сюда вам путь заказан?

— Это кем же? — поинтересовался Конрад. — Кстати, для сведения: мы не так давно перебили стаю оборотней. Кто у нас следующий?

— Мы ждали тебя, гоблин, — сказал Эндрю. — Почему ты не пришел в церковь, как обещал?

— Я извещал всех, кого требовалось, что вам нужна помощь. Между прочим, вы что, нарочно ввязываетесь во всякие неприятности?

— И где же твоя помощь? — презрительно осведомился Эндрю. — Что, кроме побитой молью баньши никого не нашлось?

— Если ты не заткнешься, я вырву твой паршивый язык! — процедила Нэн. — Грубиян неотесанный!

— Остальные на подходе, — заверил Шнырки. — Они помогут вам тогда, когда вы не сможете обойтись без них. А отсюда вам надо уходить. Что бы вы ни твердили в своем высокомерии и невежестве, тут вам оставаться нельзя.

— Нам известно, что в старину здесь было языческое капище, — сказал Данкен.

— При чем тут капище?! — воскликнул Шнырки. — Это место посвятили Злу задолго до того, как родились на свет те, кто стал почитать Зло. Еще на заре времен сюда приходили существа, от одного вида которых ваши ничтожные душонки скукожатся до размеров булавочной головки. Они не потерпят вашего присутствия. Вы оскверняете почву. Оборотни — только начало. Дальше будут другие, пострашнее оборотней.

— Но часовня...

— Они допустили, чтобы бестолковые люди, понукаемые глупыми церковниками, построили часовню, да, допустили, с тем чтобы потом, когда наступит срок расплаты...

— Тебе нас не запугать, — перебил Конрад.

— Возможно, нам следует испугаться, — проговорил Данкен. — Пожалуй, так будет разумнее всего.

— Верно, — сказала Мэг, — будет.

— Однако ты не возразила ни слова, когда мы..

— Да разве вы послушали бы бедную несчастную старуху? Вы бы прогнали ее, чтобы не болтала глупостей.

— Чего же ты увязалась за нами? Взяла бы да улетела на своем помеле, — съязвил Конрад.

— У меня никогда не было помела. Это только в сказках ведьмы летают на помеле...

— Нам необходимо отдохнуть, — произнес Данкен. — Мы с Конрадом в порядке, но ведьме требуется отдых, а Эндрю доблестно шагал целый день напролет, так что сами понимаете, в каком он состоянии.

— Однако, мне хватило сил, чтобы убить оборотня, — заметил отшельник.

— Ты всерьез? — спросил Конрад у Шнырки. — Или снова морочишь нам голову?

— Он всерьез, — подтвердила баньши.

— Эндрю можно посадить на Дэниела, — проговорил Конрад, — а Мэг поедет на Красотке. Она ведь легче перышка. Поклажу мы разделим между собой.

— Коли так, не мешкайте, — поторопил Шнырки.

— Заклинаю вас, — подал голос Призрак, — уходите как можно скорее, иначе поутру вы все окажетесь мертвецами. И кто знает, посчастливится ли вам присоединиться к племени духов?

Глава 13

Какое-то время спустя Данкен привык к темноте и обнаружил, что может видеть — то есть различать во мраке стволы деревьев и загодя сворачивать в сторону. К сожалению, земли под ногами было не разглядеть, а потому юноша раз за разом то спотыкался о какой-нибудь корень, то падал, провалившись ногой в очередную нору. Он не столько шел, сколько тащился сквозь тьму, ориентируясь на белый мешок на спине Конрада, без которого — это относилось как к Конраду, так и к мешку — наверняка бы давным-давно сбился с пути.

Первым шагал Шнырки, рядом с ним парил смутно различимый в темноте Призрак. За гоблином следовали Дэниел и Красотка, Конрад с Данкеном замыкали шествие. Нэн порхала над головами. Толку от нее было чуть, ибо благодаря своим черным и темно-коричневым лохмотьям она полностью сливалась с ночной тьмой. Ко всему прочему, у нее имелась досадная привычка ни с того ни с сего оглашать воздух душераздирающими воплями.

Эндрю сперва возражал против того, чтобы ехать на Дэниеле, однако, когда Конрад усадил его в седло, покорно подчинился. Заметив, как он ссутулился и мерно кивает головой в такт поступи коня, Данкен решил, что отшельник задремал. Мэг, примостившись на спине Красотки, круглой, словно бочонок, крепко вцепилась руками в приву животного.

Путь проходил в молчании. Луна неторопливо скользила на закат. Порой, как будто отвечая на вопли Нэн, подавали голос невидимые во тьме ночные птицы. Данкену хотелось, чтобы баньши наконец утомилась, но он знал, что утихомирить ее невозможно, кричи не кричи; вдобавок, у него совершенно не было сил кричать — настолько изматывающим оказалось продвижение в темноте, бесконечная череда подъемов и спусков. Ему казалось, что они движутся в том самом направлении, в котором лежит зачарованное болото, однако полной уверенности не было. Какая уж тут уверенность, когда голова идет кругом! Если бы не колдовство, они бы сейчас наверняка достигли той равнины за болотом, о котором говорил Шнырки, оставили бы за спиной эти проклятые, до смерти надоевшие холмы.

До чего же странно, подумалось юноше. Злыдни трижды пытались остановить их — на огороде близ церкви, на зачарованном болоте и совсем недавно у оскверненной часовни, и всякий раз схватка заканчивалась поражением нападавших. Безволосые твари позорно бежали, колдовство не сработало... Или сработало? Возможно, оно предназначалось всего-навсего для того, чтобы заставить путников свернуть с дороги, которой они следовали? А что касается стычки у часовни, то, если бы оборотни напали на лагерь все разом, они, бесспорно, добились бы своего. Тем не менее вервольфы предпочли бегство. Ерунда какая-то, сказал себе Данкен. Как ни крути, здесь что-то не так. Злыдни опустошили эти края, поубивали всех людей, сожгли деревни и хутора, однако до сих пор не сумели причинить сколько-нибудь значительного вреда маленькому отряду. Непонятно. Или причина в том, что все, кто нападал на них, не принадлежали к собственно Злыдням? Вероятно, к тем можно было отнести разве что угловатую морду с зелеными глазами, что тарасилась прошлой ночью на костер. А как же безволосые? Ведь Гарольд Потрошитель не задумываясь причислил их к Злыдням.

Может быть, продолжал размышлять Данкен, его с товарищами оберегает некая чудодейственная сила? Может быть, над ними простерта Господня длань? Не глупи, одернул он себя. Кто они такие, чтобы рассчитывать на столь редкую милость Всевышнего? Выходит,

дело в амулете из гробницы Вульфберта — побрякушке, как выразился Конрад? Неужели он не просто побрякушка? Эндрю назвал его дьявольским изобретением. Иными словами, если предположить, что так оно и есть в действительности, амулет способен творить чудеса по собственной воле, когда в том возникает необходимость. Юноша ощупал кошелек, в который положил талисман — вдобавок к драгоценному манускрипту. Подумать только, этакая безделушка охраняет отряд от ярости Злыдней!

Кто же такие на деле безволосые? Злыдни или всего лишь приспешники истинных Злыдней, дозор, выставленный на рубежах Пустоши, с тем чтобы не допустить чужаков туда, где совершаются таинственные ритуалы омоложения? Совершаются ли? Как знать, как знать. По сути, ни одна из теорий Его Светлости архиепископа не получила пока подтверждения. Господи Боже, воскликнул мысленно Данкен. Ну почему, почему все настолько запутанно и неопределенно?! Взять хотя бы Вульфберта. Деревенские считали его святым, а он не стремился разубедить их, поскольку в качестве святого чувствовал себя в безопасности, ибо кому взбредет в голову подозревать в местном святом затаившегося чародея? Однако с какой стати ему было таиться? И, между прочим, как насчет Дианы? Она знала, что Вульфберт был чародеем, и все же разыскивала его следы. А когда нашла, то ни с того ни с сего улетела прочь. Интересно, где она сейчас? Поговорить бы с ней, возможно, она объяснила бы, что происходит.

Луна опускалась все ниже, однако ничто не предвещало того, что скоро начнет светать. Надо бы спросить у Шнырки, когда привал. В конце концов, сколько можно без единой передышки карабкаться по холмам? Неужели они все еще недостаточно далеко от зловещей часовни Иисуса-Холмовика? Внезапно Данкен осознал, что уже довольно давно не слышит воплей Нэн. Он огляделся по сторонам и обнаружил, что деревья расступились, образовав нечто вроде частокола вокруг крохотной полянки. Впереди возвышался каменистый склон очередного холма. Подняв голову, юноша увидел Нэн. В бледном лунном свете баньши выглядела огромным черным нетопырем.

Судя по наступившей вдруг тишине — унялся даже легкий ветерок, что шелестел в листве деревьев, —

из-за горизонта вот-вот должно было показаться солнце. Безмолвие нарушалось лишь негромким цоканьем, когда Дэниел или Красотка случайно задевали копытом о подвернувшийся камень. Неожиданно с неба донесся иной звук, вернее, звуки: отдаленный топот копыт, приглушенный расстоянием собачий лай и возгласы людей. Данкену на миг почудилось, будто он неведомо как перенесся в прошлую ночь.

Шагавший впереди Конрад резко остановился. Так же поступили остальные. Шнырки поспешно забрался на гребень холма и уставился в небо. Мэг выпрямилась и тоже глядела вверх. Один только Эндрю оставался безучастным к охватившему путников беспокойству — он по-прежнему спал.

На севере, над макушками деревьев, появилась одинокая фигура всадника. Тот горделиво восседал в седле, помахивая громадным охотничьим рогом, и покрикивал на собак, что мчались по небосводу, преследуя невидимую добычу. Черный конь перебирал копытами по воздуху и быстро приближался к замершим на холме путешественникам. Мгновение — и он пролетел над ними. Различить черты лица всадника не представлялось возможным, ибо он был чернее самой ночи. Копыта коня стучали так громко, что, казалось, будили эхо в окрестных холмах; собаки заходились в неистовом лае. Всадник поднес к губам рог и протрубил в него единственный раз, а затем исчез вместе со своей сворой за деревьями на юг от холма. Шум постепенно утих; впрочем, Данкену еще долго чудилось, будто он слышит, как стучат в ночи копыта.

Нэн тяжело опустилась на землю поблизости от Данкена, чуть было не упала, но устояла на ногах, запрокинула голову и восторженно рассмеялась.

— Знаешь, кто это был? — спросила она.

— Нет. А ты знаешь?

— Ну конечно, — отозвалась баньши. — Это Дикий Охотник. Я видела его однажды много лет назад в Германии. Я тогда была молодой и странствовала в свое удовольствие по свету. Да, Дикий Охотник и его псы.

— Он никогда раньше не покидал Германии, — проговорила подошедшая Мэг. — Вот вам лишнее подтверждение моих слов: Злыдни притягивают к себе нечисть отовсюду.

— Он что, искал нас? — справился Конрад.

— Не думаю, — сказала Мэг. — Его называют Охотником, однако на деле он ни за кем не охотится, просто скачет по небу, вопит и трубит в рог, а его псы лают так, что способны кого угодно перепутать до полусмерти. Но по правде он не замышляет ничего дурного.

— Кто он такой? — любопытствовал Данкен.

— Никто не знает, — откликнулась Нэн. — Известно лишь, что он мотается по небу с незапамятных времен, так давно, что никто уже не помнит, как его зовут.

— Пошли, пошли! — воскликнул подбежавший Шнырки. — Осталось совсем чуть-чуть. Мы будем на месте с рассветом.

— Куда ты ведешь нас? — осведомился Данкен. — Сколько можно держать людей в неведении?

— К болоту, куда направлял вас с самого начала.

— К болоту? Но ведь там нас поджидает колдовская ловушка!

— Ничего там нет, — отмахнулся Шнырки. — Они не предполагали, что вы вернетесь.

Над головами путников возник из воздуха Призрак.

— Совершенно верно, — заявил он. — Я смею утверждать, что путь свободен.

— Нам необходимо отдохнуть, — проговорил Данкен. — Мы так долго не спали, что буквально валимся с ног.

— Все, кроме Эндрю, — фыркнул Конрад.

— Он заплатит за свою привилегию, — пообещал Данкен. — Когда придем на место, мы ляжем спать, а его назначим нести дозор.

Глава 14

Из болота вынырнула покрытая слизью тварь — треугольная рогатая голова, острые клыки, раздвоенный змеиный язык, бочкообразное чешуйчатое тело. Она взметнулась над ним, а он погрузился по бедра в трясины и потому не мог убежать, так что волей-неволей вынужден был сражаться с чудовищем. Он закричал на болотную бестию, а та зашипела в ответ, изогнувшись в воздухе, изготовилась к нападению, не спеша, ибо спешить ей было некуда — ведь жертва не могла ускользнуть. Он взмахнул клинком. Хорошая сталь, острая, смертоносная, как раз по руке, но против чудовищной твари она не более чем детская игрушка. Если не считать шипения монстра и звука, с каким разбивались о поверхность воды капельки влаги, стекавшие с его шкуры, над болотом царила тишина. Казалось, будто оно принадлежит иной плоскости бытия, будто выхвачено неведомой силой из иного мира и перенесено сюда, чтобы стать подобием рубежа между явью и грезами. Над черной застоявшейся водой струился туман. Эта вода запахом и цветом походила, скорее, на бесовское варево; тут и там из нее торчали хилые деревца, чьи серые облезлые стволы наводили на мысль о некой страшной, неизлечимой болезни, которой, возможно, поражен мир по ту сторону рубежа. Внезапно чудовище перешло к решительным действиям. Впечатление было такое, словно ударил гигантский

улака. Как он и глумал, меч оказался бесполезным; тварь начала обвиваться кольцами вокруг его тела, удушающие объятия грозили переломать ребра, он как бы сложился пополам и вдруг услышал голос, прорывавший:

«Осторожнее с этим псом! Свяжите его, но так, чтобы на нем не было ни царапины! Он для меня важнее всех вас, вместе взятых. Того, кто поставит ему синяк, я вздерну на первом же суку!»

Данкен сообразил, что рот его забит песком, что он отчаянно вырывается не из змеиных колец, а из чьих-то рук. Он лежал лицом вниз, кто-то упирался коленом ему в спину. Открыв глаза, он увидел перед собой сухой лист, по гладкой скользкой поверхности которого медленно ползло какое-то насекомое.

— Вяжите верзилу! — гаркнул тот же голос. — Не подходи к коню, остопоп! Или хочешь остаться без головы?

Где-то рядом раздавалось разъяренное рычание Крошки, ржал, отбиваясь, по всей видимости, от наседавших на него злодеев Дэниел. Слышались раздраженные возгласы и шарканье ног. Данкен ощущал, как веревка врезается в запястья. Неожиданно кто-то грубо схватил его и перевернул на спину. Не в силах пошевелить головой, он уставился в небо и тут заметил краем глаза человеческие фигуры. Стиснув зубы, он ухитрился сесть и огляделся по сторонам. В двух шагах от него катался по земле Конрад, скрученный, точно рождественский гусь.

— Мне бы только добраться до вас, — проревел он, — я вам всем кишки повыпускаю!

— Друг Конрад, — посоветовал один из людей, — на твоём месте я бы воздержался от угроз.

Голос человека показался Данкелю знакомым. Вот говоривший повернулся к нему лицом, и в тот же миг он узнал Гарольда Потрошителя. Юноша постарался собраться с мыслями, но те упорно разбегались. Воспринять действительность было невероятно сложно — слишком уж неожиданным оказался переход от сна к яви. Ну да, он заснул, и во сне ему пригрезилась та чешуйчатая тварь, что вылезла из болота; должно быть, сон навевала недавняя встреча с похожим чудовищем на краю колдовской топи. А затем, без предупреждения, проснулся в руках головорезов Потрошителя.

Окинув беглым взглядом опушку крохотной рощицы, где они остановились на заре и немедленно легли спать,

позабывшись лишь о том, чтобы сообщить Эндрю о возложенной на него обязанности, Данкен попытался оценить положение дел. Похоже, их застали врасплох. Эндрю привязали к небольшому деревцу, обкрутив веревкой чуть ли не с ног до головы. Мэг нигде не было видно, то же касалось и Дэниела, хотя и ведьма, и конь должны были находиться где-то поблизости. Красотка понуро топталась у дерева, соседнего с тем, которое подпирал отшельник; ей накинули на голову нечто вроде самодельной упряжи. Крошке предусмотрительно связали не только лапы, но и пасть. Мاستиф елозил по земле, норовя освободиться от пут, однако, судя по всему, на него рассчитывать не приходилось. Конрад кончил брыкаться и теперь сильнее прежнего походил на рождественского гуся, которого вот-вот сунут в печь.

Шнырки, баньши Нэн и Призрак, разумеется, улизнули; по крайней мере, с первого взгляда никого из них Данкен не заметил. Вполне естественно, сказал себе юноша. Выведя своих подопечных к болоту, Шнырки, сопровождаемый, вероятно, Нэн, отправился собирать Малый Народец, а Призрак устремился разведывать окрестности. Что он там говорил? Ах да. «Смею утверждать, что путь свободен». Откуда же тогда, черт побери, явился Потрошитель?

Гарольд Потрошитель неспешно направился к Данкену. Юноша внимательно наблюдал за ним, прислушиваясь к собственным мыслям. Гарольд внушал ему некоторый страх и ненависть, но ни страх, ни ненависть не могли пересилить того презрения, какое он испытывал к этому мерзавцу. Потрошитель мнился Данкену отребьем рода человеческого, гнусным негодяем, лишенным каких бы то ни было принципов; ничтожеством, полнейшим ничтожеством, с которым попросту противно было иметь дело. Гарольд подошел к наследнику Стэндиш-Хауса и, уперев руки в боки, глумливо воззрился на Данкена.

— Ну как, милорд? — хмыкнул он. — Нравится? Мы с вами квиты. Может, скажете, чего вас сюда занесло?

— Я уже говорил, — ответил Данкен. — Мы едем в Оксенфорд.

— Да, но вы не сказали зачем.

— Разве? Нам нужно передать послание.

— И все?

— И все, — пожал плечами Данкен.

— Посмотрим, посмотрим, — проговорил Потрошитель, наклонился и мощным рывком сорвал с пояса Данкена кошелек. Затем неторопливо расстегнул застёжки, сунул руку внутрь и извлек амулет Вульфберта. Тот засверкал в лучах заходящего солнца.

— Симпатичная вещичка, — произнес бандит, — и, должно быть, ценная. Что это такое?

— Побрякушка. Красивая побрякушка, — отозвался Данкен и мысленно взмолился: «Только не манускрипт! Пожалуйста, только не манускрипт!»

Потрошитель опустил амулет в карман, вновь сунул руку в кошелек и достал манускрипт.

— А это?

— Пергамент с рукописным текстом. — Данкену пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос не дрожал. — Я взял его, чтобы почитать по дороге.

— Фу! — воскликнул Потрошитель с отвращением, смял манускрипт в кулаке и отшвырнул в сторону. Ветер было подхватил пергамент и повлек по песку, но, к счастью, неподалеку оказался куст, за который и зацепились листки. Тем временем Потрошитель вынул из кошелька четки: слоновой кости крест и янтарное ожерелье. Он придирчиво оглядел свою находку.

— Никак, церковные причиндалы? Да еще небось освященные каким-нибудь монахом?

— Его милостью архиепископом Стэндишского монастыря. Они не представляют большой ценности.

— Зато приятно посмотреть, — возразил Потрошитель. — Пожалуй, я выручу за них грош-другой.

— Они стоят гораздо дороже, — сказал Данкен. — Ты сделаешь глупость, если отдашь их за медяк.

— Там поглядим, — буркнул Потрошитель, вынимая мешочек из оленьей кожи. Внутри того что-то звякнуло. — Ага, это уже лучше. — Бандит ухмыльнулся, развязал мешочек и высыпал на ладонь пригоршню золотых монет. — Как раз для человека в стесненных обстоятельствах. — Он ссыпал монеты обратно и запихнул мешочек в тот же карман, в который отправил перед тем амулет и четки. Затем взглянул в кошелек, перебрал остатки содержимого, произнес: — Мура, — и уронил кошелек на землю. — А теперь меч, клинок благородного дворянина. Верно, не чета нашим, а, милорд? — Он выхватил клинок из ножен, уселся на

корточки рядом с Данкеном и тщательно осмотрел оружие. — Отличная сталь. Но где же золото? Где самоцветы? Сдается мне, джентльмену не пристало носить столь бедно украшенный меч.

— Мой клинок боевой, а не церемониальный, — процедил Данкен.

— И то правда, милорд, — кивнул Потрошитель. — Острый, крепкий, просто загляденье. — Он приставил меч к горлу Данкена. — Ну так как, милорд, расскажете или нет, какой клад вы тут ищете?

Данкен промолчал. Он сидел неподвижно, хотя буквально каждая клеточка требовала отодвинуться на безопасное расстояние. «Что толку?» — сказал он себе. Положим, он отодвинется, однако в следующий миг Потрошитель вновь окажется в непосредственной близости от него.

— Я снесу вам голову, — пригрозил Потрошитель.

— Тогда ты тем более ничего не узнаешь, — отозвался Данкен.

— Ах, как верно! — восхитился Потрошитель. — Как верно, милорд! Пожалуй, лучше спустить с вас заживо шкуру. Скажите, милорд, вам доводилось видеть человека, с которого только что содрали кожу?

— Нет.

— Зрелище, доложу я вам, не из приятных. Действовать надо медленно, потихоньку. Существуют разные способы: кто начинает с пальцев рук, кто — ног. Главное — не торопиться, иначе все испортишь. Лично я предпочел бы начать с живота, а то и с промежности. Вот именно, с промежности, пускай это связано с дополнительными трудностями. Вы не поверите, милорд, как быстро можно добиться желаемого! А вы сами чему отдаете предпочтение? Не стесняйтесь, милорд. Обещаю, мы выполним вашу просьбу.

Данкен не проронил ни слова. Он чувствовал, что на лбу у него выступил пот, и надеялся, что это не слишком заметно. Похоже, Потрошитель не шутит, похоже, он говорит на полном серьезе.

Потрошитель как будто задумался.

— Может быть, — проговорил он, — мы для начала разберемся с кем-нибудь другим, а вы посмотрите. Сдается мне, вон тот верзила как раз подойдет. Великолепная шкура, не правда ли, и как ее много! Наверное, хватит на то, чтобы сшить куртку. Или сперва заняться

отшельником? Он-то будет вопить погромче верзилы. Кинется к моим ногам, станет молить о пощаде, воззовет к своему Господу — словом, устроит настоящее представление. Не знаю, не знаю. Между нами, его кожа такая сморщенная, что с ней больше намаешься, чем получишь удовольствие.

Данкен продолжал хранить молчание.

— Ладно, — заявил Потрошитель, махнув рукой, — время позднее, так что отложим до утра. Готовьтесь, милорд, благо впереди у вас целая ночь. А с рассветом мы возьмемся за дело. — Он поднялся, сунул клинок под мышку, похлопал по оттопыренному карману и притворился, будто уходит, однако тут же вновь повернулся к Данкену. — Думайте, милорд, думайте. Эйнер! Робин! — крикнул он своим людям. — Вы будете часовыми. Не спускать с них глаз, понятно? И учтите — никаких синяков. Если же вы попортите им шкуры или если они, чего доброго, сбегут, вы мне ответите головами!

— Потрошитель, — сказал Данкен, — ты ошибаешься, мы не ищем клада.

— Да? — осклабился бандит. — Возможно, милорд, возможно. Боюсь, однако, что, когда я выясню, что и впрямь ошибся, вам это будет без разницы. — Он отошел на несколько шагов в сторону. — Седрик, какого дьявола тебя туда понесло? Я же сказал, разбить лагерь поблизости!

— Здесь трава для лошадей, — донесся издали высокий голос пасечника, — и полным-полно хвороста для костра.

— Хорошо, хорошо, — буркнул Потрошитель. — В конце концов, они надежно связаны. Сам дьявол не освободит их.

— Так можно же перетащить их в лагерь, — предложил Эйнер, тот самый, что вынужден был уступить Данкену место за столом на пиру у Потрошителя. — Заодно поразвлечемся.

— Нет, — возразил главарь банды после непродолжительного раздумья. — Не хватало еще впустую тратить силы. Обойдемся часовыми. Вдобавок, пускай полежат в тишине и поразмыслят над своим будущим. — С этими словами он направился к роще. Остальные головорезы, кроме Эйнера и Робина, потянулись следом.

— Слышал, что он сказал? — спросил у Данкена Эйнер. — Так что никаких выкрутасов. Начнешь дер-

гаться, я накормлю тебя песком. И шкура цела, и беспокойства меньше.

— Милорд, — окликнул Конрад, — с вами все в порядке?

— А ну заткнись! — рявкнул Робин. — Вести себя тихо, ртов не открывать!

— Да, — отозвался Данкен, — и с Эндрю тоже. Я не вижу Мэг.

— Она слева, недалеко от Дэниела. Его привязали между двух деревьев.

— Я сказал, заткнись! — Робин угрожающе замахнулся ржавым клеймором *.

— Эй, полегче, — предостерег Эйнер. — Или жить надоело?

Робин угрюмо подчинился.

— Милорд, — проговорил Конрад, — сдается мне, нас ждут крупные неприятности.

— Похоже на то, — согласился Данкен.

Манускрипт по-прежнему трепетал на ветру, зацепившись за ветки крохотного куста.

* Клеймор — шотландский обоюдоострый меч.

Глава 15

На опушке рощицы, в тени ив, что-то шевельнулось. Данкен выпрямился и принялся внимательно, до боли в глазах, разглядывать то место, где, как ему показалось, заметил какое-то движение. Померещилось, подумал он. А если нет? Может, лисица? Нет, лисица навряд ли отважится подобраться так близко к людям. Ну тогда другое животное, привлеченное запахом пищи и громкими возгласами, что доносились не столь давно из лагеря бандитов. Там до сих пор горел костер — Данкен различал сквозь листву деревьев свет пламени, — однако буйное веселье, с криками и песнями, уже улеглось.

В небе неспешно поднималась луна. С болота раздавался неумолчный не то стон, не то вой; Данкен впервые услышал его, когда очнулся от своего кошмарного сна. Некоторое время назад юноша попытался избавиться от веревки, что стягивала запястья, но все попытки оказались тщетными: он лишь раскровил руки, и теперь каждое движение причиняло невыносимую боль. Тем не менее Данкен не оставил надежду на спасение. Он твердил себе, что должен быть какой-то выход из создавшегося положения, измысливал многочисленные способы бегства и, после всестороннего обдумывания, отвергал их один за другим. Может, найти камень поострее и перетереть об него веревку, по крайней мере, настолько, чтобы ее не составило труда разо-

рвать? Да, но где взять камень, когда кругом сплошной песок наполоам с суглинком? Может, попробовать извернуться так, чтобы связанные руки оказались не за спиной, а впереди? Вдруг получится перегрызть веревку зубами? Нет, часовые этого не допустят. И потом, акробат из него все равно неважный. Или подползти к Конраду — глядишь, кто-нибудь из них двоих сумеет освободить товарища от пут. Скорее всего, Конрад; его зубы больше и крепче... Опять-таки, все упирается в Эйнера с Робинем.

Порой Данкен принимался воображать, что им на выручку приходит то Шнырки, который возвращается, перерезает веревку на запястьях одного и бросается к другому, а первый тем временем схватывается с часовыми; то Призрак, который, обнаружив их бедственное положение, отправляется за помощью; то Диана, которая налетает на бандитов, размахивая топором; то даже Дикий Охотник со своей сворой... Впрочем, он быстро возвращался к печальной действительности. Судя по всему, сбежать не удастся, на счастливое спасение тоже рассчитывать нечего, так что поутру...

Однако Данкен запрещал себе думать о том, что ждет их поутру. О таких вещах лучше всего не думать. В те краткие мгновения, когда мысли о предстоящей расправе все-таки пробивались на поверхность сознания, он ясно понимал, что не выдержит пытки, не сумеет вынести ее достойным образом. И самое главное, истязание будет продолжаться до конца, ибо ему нечего сказать Потрошителю. С чего тот только взял, что они ищут клад? Смешно, право слово. Хотя для таких, как Потрошитель, подобный вывод напрашивается сам собой. Ведь мясник Гарольд, не мудрствуя лукаво, приписывает другим людям собственные побуждения, а уж ему-то наверняка везде мерещатся клады и бесценные сокровища.

Крошка, который довольно долго старался освободиться от веревок, устал и теперь тихо лежал на боку. Конрад не шевелился. С него станет заснуть, мысленно хмыкнул Данкен. Эндрю безвольно повис на веревке, которой был прикручен к стволу дерева. Из лагеря бандитов время от времени доносились пьяные вопли, уже не столь громкие, как прежде.

Манускрипт прочно застрял среди веток низкорослого куста; ночной ветерок шаловливо трепал листья

пергамента. Данкену отчаянно хотелось подобрать манускрипт и спрятать его подальше от посторонних глаз, однако он резонно опасался, что любое неосторожное движение может привлечь к документу ненужное внимание.

Часовых, разумеется, никто не позаботился сменить. Они тихонько переговаривались между собой, а потом принялись во всеуслышание поносить забывчивость Потрошителя.

Прислушиваясь к их словам, Данкен неожиданно сообразил, что проголодался и хочет пить. Жажда была вполне объяснимой, а вот чувство голода несказанно удивило юношу. Неужели человек в его положении способен испытывать нечто подобное?

Интересно, сколько дней назад они с Конрадом покинули Стэндиш-Хаус? Казалось, с тех пор миновала чуть ли не вечность, однако когда Данкен подсчитал в уме, у него получилось пять или шесть дней — точнее определить было трудно. Это же надо умудриться: вляпаться за столь короткий срок во столько неприятностей! И, вдобавок, преодолеть лишь малую часть того, что предстояло пройти!

— Нас давно должны были сменить, — заявил Робин. — Верно, перепились до потери сознания, благо вино дареное, а мы тут кукуй всю ночь ни в одном глазу.

— Да, я бы не отказался от стаканчика винца, — проговорил Эйнер. — Жаль, что оно попадаете нам так редко. Мы все больше глушим эль, а меня, по совести говоря, от него уже мутит.

— Схожу-ка я за бутылкой-другой, — сказал Робин. — Одна нога здесь, другая там.

— Ты что, спятил? Да Потрошитель тебя живым в землю закопает!

— Не ерунди, — отмахнулся Робин. — Наш атаман — человек разумный, он не станет горячиться по пустякам. Я поговорю с ним, и вот увидишь, он пришлет нам смену. Согласен?

— А как же пленники?

— А что пленники? Никто из них и не шевелится. Чего нам опасаться?

— Не нравится мне твоя затея, — пробормотал Эйнер.

— Разве тебе не хочется вина? — спросил Робин. — Разве честно выпивать без нас? Я мигом. Они наверняка изрядно поддали, так что меня и не заметят.

— Небось вина уже и не осталось.

— Ну да, не осталось! Не могли же они вылакать все три бочонка.

— Ладно, раз решил, иди. Но постарайся вернуться поскорее. По-моему, ты собираешься свалить дурака.

— Я сейчас, — пообещал Робин, развернулся и исчез за деревьями.

Вино, подумал Данкен. Черт возьми, кто мог поделиться с ними вином, какой бедолага?

В ивах что-то зашуршало. Лисица — или какой другой зверь — то ли вернулась, то ли просто устроилась поудобнее. Эйнер, должно быть, услышал шорох. Он было повернулся, но фигура, что выскользнула вдруг из рощицы, двигалась гораздо быстрее. Одна рука обхватила Эйнера за шею, во второй, прежде чем вонзиться с глухим стуком в грудь бандиту, сверкнул кинжал. Часовой вскинулся, затем весь как-то обмяк и рухнул на песок, судорожно подергивая ногой. Человек, который прятался в ивняке, подбежал к Данкену и опустился рядом с ним на колени. Лунный свет позволил юноше разглядеть его лицо.

— Седрик! — прошептал он.

— Я же говорил, — отозвался старый пасечник, — врежу, где получится. — Он перерезал веревку, что стягивала запястья Данкена, затем рассек ту, которой были связаны ноги юноши, и протянул молодому Стэндишу нож. — Держите. Он вам пригодится. — С этими словами Седрик поднялся и направился обратно.

— Погоди! — окликнул его Данкен. — Пойдем с нами. Если Потрошитель узнает...

— Спасибо, сэр, но я останусь со своими пчелами. Они без меня пропадут. Обо мне не беспокойтесь: все перепились настолько, что ничего не соображают.

Данкен поднялся рывком и чуть было не упал из-за внезапной слабости в коленях. Еще бы, подумалось ему, столько времени пролежать без движения! Старый Седрик, не обернувшись, исчез в ивняке.

Данкен бросился к Конраду, перевернул того на бок, чтобы достать до рук.

— Что случилось, милорд?

— Не шуми, — прошептал Данкен. Перерезав веревку на запястьях Конрада, он отдал нож товарищу. — Когда освободишься, позаботься об остальных. А я разберусь со вторым часовым.

— Спасибо тебе, Господи, — поблагодарил Конрад, стискивая нож.

Подбегая к ивняку, Данкен услышал шаги Робина: тот возвращался на пост, загребая ногами песок. Данкен подобрал меч, который выронил Эйнер, — тяжелый неуклюжий клинок; рукоять не желала уместиться в ладони, онемевшие пальцы отказывались как следует сжать ее, однако юноша кое-как ухитрился справиться с обоими затруднениями.

Робин заговорил с Эйнером, еще не миновав ивняк.

— Я притащил целый бочонок! — воскликнул он торжествующе. — Никто меня не остановил. Они там состязаются кто кого перехрапит. — Фыркнув, он перевалил бочонок с одного плеча на другое. — Нам с тобой хватит до утра, да и на день останется. Если захотим, можем вымыть в нем ноги.

Он обогнул ивняк, и тут его встретил Данкен. В ударе не было ни красоты, ни изящества. Данкен просто обрушил с размаху увесистый меч на голову Робина. Череп того раскололся пополам с таким звуком, с каким трескается спелая дыня; ржавое лезвие дошло до грудной кости. Сжимавшая меч рука Данкена мелко задрожала — такой силы вышел удар. Робин не издал ни звука, он рухнул наземь, как срубленное дерево. Бочонок покатился, и было слышно, как плещется внутри него вино.

Данкен наклонился, вынул из ножен клинок Робина, а затем устремился к кусту, за который зацепился манускрипт, подобрал драгоценный пергамент и сунул его за пазуху.

Он огляделся. Эндрю и Мэг расхаживали по опушке, разминая затекшие ноги. Конрад возился с Крошкой, осторожно разрезал веревку, которой мастифу стянули челюсти. Данкен поспешил к Дэниелу, привязанному между двух деревьев. Конь испуганно шархнулся от него.

— Спокойно, Дэниел, — проговорил Данкен. — Спокойно, дружок.

Он перерубил привязь. Дэниел рванулся вперед, потом остановился. Бока жеребца бурно вздымались. К

нему подбрела Красотка, за которой волочился по земле кусок веревки. Данкен протянул Конраду один из двух мечей, позаимствованных им у часовых. В ответ Конрад взмахнул своей дубинкой.

— Эти обормоты даже не потрудились убрать ее от меня, — буркнул он.

Данкен отшвырнул один клинок в сторону

— Что стряслось с Эндрю? — спросил он.

Отшельник бродил вокруг, пристально глядя себе под ноги. Данкен схватил его за плечо.

— Пошли, — сказал он. — Нам надо убираться отсюда.

— Мой посох, — пробормотал Эндрю. — Я должен найти свой посох. — Вдруг он нагнулся. — А, вот ты где!

Отшельник с силой стукнул посохом о землю.

— Куда идем, милорд? — справился Конрад.

— Обратно на холмы. Там мы будем в большей безопасности.

Конрад подхватил Мэг и усадил старуху на спину Дэниела.

— Держись крепче, — посоветовал он, — ехать придется без седла. Я понятия не имею, куда оно подевалось. И смотри, не ударься головой о какой-нибудь сук.

Глава 16

Они остановились передохнуть на гребне того самого холма, с вершины которого наблюдали за тем, как скачет по небу Дикий Охотник. Луна все сильнее клонилась к западу; в лесу одна за другой просыпались птицы. Мэг с облегчением соскользнула со спины Дэниела. Эндрю уселся на первый подвернувшийся камень.

— На них обоих страшно смотреть, — заметил Данкен, обращаясь к Конраду. — Может, задержимся здесь, пока они не придут в себя?

Конрад осмотрелся.

— Хорошее место, — одобрил он. — В случае чего нас прикроют со спины вон те валуны. Все лучше, чем угодить в ловушку в лесу. — Он вытянул перед собой руки, показывая Данкену кровоточащие ссадины от веревки на запястьях. — Сдается мне, у вас такие же отметины, милорд.

— Да, связали нас на совесть, — проговорил Данкен. — Если бы не старик...

— Ему надо было идти с нами. Когда Потрошитель узнает...

— Вполне вероятно, что он ничего не заподозрит. Они все перепились, как свиньи. Кто-то подарил им три бочонка с вином. Естественно, они вознамерились вылакать все до последней капли. Интересно, кто это оказался столь щедрым?

— Может, они нашли бочонки? В погребке какого-нибудь сожженного дома?

— Нет. Не помню, кто — то ли Робин, то ли Эйнер — сказал, что вино им подарили.

— Вы предлагали Седрику присоединиться к нам?

— Разумеется. Он ответил, что не может бросить пчел. Мол, те без него пропадут.

— А Призрак так и не показывался?

— Возможно, он увидел, что произошло, и отправился на розыски Шнырки.

— Вместо того, чтобы появиться перед часовыми и напугать их до смерти. Они бы точно вырубались от страха.

— Ну и что? — хмыкнул Данкен. — Нам от того не было бы ни малейшей пользы. Или, по-твоему, Призрак сумел бы перерезать веревки?

— Да, — протянул Конрад, — похоже, вы правы, милорд. Может, он и впрямь появился и улизнал снова. Ладно, Бог с ним. Что будем делать?

— Надо подумать, — отозвался Данкен. — По правде говоря, я не знаю. Может статься, разумнее всего спрятаться и выждать, пока переполох немного уляжется.

— Если уляжется, — буркнул Конрад.

— Так или иначе, что-то необходимо предпринять. У нас нет ни еды, ни одеял. Вдобавок, Потрошитель похитил амулет Вульферта.

— Невелика потеря, — заявил Конрад. — Подумаешь, побрякушка.

— Возможно, это не просто побрякушка, а могущественный талисман, — отозвался Данкен. — Может быть, именно благодаря ему мы до сих пор живы. Посуди сам: мы выбрались из колдовской западни, без труда победили безволосых и обратили в бегство оборотней. У меня такое впечатление, что нам помогает амулет.

— Однако от Потрошителя он нас не защитил.

— Правильно, — согласился Данкен, — не защитил. Но во всех прочих случаях нам без него, я уверен, пришлось бы туго.

— Я знаю, вы презираете меня, — вмешался в разговор подошедший Эндрю. — Не смею упрекать вас, ибо и впрямь пренебрег своими обязанностями. Вы поставили меня часовым, а я задремал и потому прозевал бандитов.

— Вот, значит, как? — прорычал Конрад. — Признаться, я подозревал, что без тебя тут не обошлось. Выходит, ты заснул? Интересно, с какой стати? Или не ты дрых всю прошлую ночь в седле на спине Дэниела?

— Я, — вздохнул Эндрю. — Но я совсем не выспался, и глаза у меня слипались сами собой. Впрочем, я не оправдываю себя. Всему виной слабость, телесная слабость. Умом я понимал, что должен бодрствовать, но потребности тела оказались сильнее. Почему-то у меня всегда плоть торжествует над духом.

— Потому, — фыркнул Конрад, — что болтаешь без умолку.

— У каждого из нас есть свои слабости, — вступился за отшельника Данкен. — Главное, что все кончилось благополучно.

— Я хочу искупить свою вину, — произнес Эндрю. — Я попытаюсь стать истинным ратником Господа. Отныне вы можете без колебаний полагаться на меня.

— Совесть замучила? — справился Конрад. — Дать бы тебе хорошего пинка, живо бы успокоился.

— Пожалуйста, добрый сэр! — Эндрю повернулся спиной и задрал рясу, выставив на всеобщее обозрение свою тощую задницу. — Я прошу только об одном, друг Конрад: вложи в удар всю силу, не жалея меня.

— Хватит ерничать! — В голосе Данкена прозвучали стальные нотки. — Стыдись, сэр отшельник! Какой из тебя после этого ратник Господа? Веди себя пристойно!

Эндрю покорно опустил рясу.

— Зря, милорд, — проговорил Конрад. — Глядишь, пинок помог бы ему образумиться, наставил бы, так сказать, на путь истинный.

— Тихо, — произнес Данкен, взмахом руки призывая спутников к молчанию. — Тихо. Слушайте!

Издалека донеслись приглушенные расстоянием крики. Порой они делались громче, порой почти сливались с шелестом ветра в листве.

— С болота, — определил на слух Конрад. — Точно, с болота.

Они продолжали прислушиваться. Крики было смолкли, но какое-то время спустя возобновились, затем стихли снова — теперь уже насовсем.

— Потрошителя навелили незваные гости, — заметил Конрад.

— Может, безволосые? — предположил Эндрю.

Небо на востоке постепенно розовело; в лесу вовсю щебетали птицы. Путешественники подождали, но крики больше не повторились.

— Мы должны выяснить, в чем там дело, — сказал Конрад. — Если бандиты погибли или бежали, значит, дорога свободна и нам не придется тащиться по холмам.

— Давайте я схожу посмотрю, — вызвался Эндрю. — Я буду очень осторожен. Меня никто не увидит. Пожалуйста, позвольте мне доказать, что я заслуживаю доверия.

— Нет, — отрубил Данкен, — мы останемся здесь. Откуда нам знать, что произошло? Если на нас нападут, лучше уж сражаться тут, а не на краю болота.

— Тогда разрешите мне, сэр, — подала голос Мэг. — В схватке от меня никакой пользы, а так я разведую, что там к чему.

— Ты? — изумился Конрад. — Да ведь тебя шатает, как былинку! Ты же еле переставляешь ноги!

— Ну и что? — огрызнулась Мэг. — Зато меня никто не заметит. И потом, не забывай: я могу наводить кое-какие чары.

Конрад вопросительно поглядел на Данкена.

— Пожалуй, — проговорил тот, — пожалуй. Мэг, ты и вправду хочешь, чтобы мы тебя отпустили?

— До сих пор я была вам обузой, — откликнулась ведьма, — и мне это надоело.

— Нам необходимо знать, что случилось, — размышлял вслух Данкен, — иначе мы можем просидеть на холме Бог весть сколько времени. Однако нас всего лишь четверо, то есть на счету буквально каждый, и...

— Был бы с нами Призрак, — вздохнул Конрад.

— К сожалению, его нет, — отозвался Данкен.

— Ну, я пошла? — спросила Мэг.

Данкен утвердительно кивнул. Ведьма сбежала по склону холма и двинулась быстрым шагом в направлении болота. Вскоре ее тщедушная фигурка затерялась среди деревьев. Данкен подошел к россыпи валунов, скатившихся когда-то со скалистого гребня, выбрал тот, который показался ему глаже других, и сел. Конрад и Эндрю последовали его примеру. Внезапно из-за большого камня появился Крошка. Мастиф не спеша приблизился к людям и улегся у ног Конрада. Дэниел и Красотка щипали траву у подножия холма.

Вот они мы, подумалось Данкену, сидим рядом на камнях посреди забытой Богом глуши, искатели приключений, на редкость разношерстная компания.

Желудок настойчиво требовал пищи, но юноша не стал заговаривать о том с товарищами, прекрасно понимая, что они голодны не меньше его, а разговорами сыт не будешь. Возможно, удастся подстрелить оленя... Данкен со вздохом напомнил себе, что на протяжении всего пути они не видели ни оленей, ни другой дичи, за исключением разве что зайцев. Ну да Крошке вполне по силам загнать одного-другого длинноухого, что он, кстати, и делает, когда проголодается, однако что такое один или два зайца для четверых истосковавшихся по еде людей? Можно, конечно, набрать ягод, кореньев и прочего, что растет в лесу; знать бы только, что съедобно, а что — нет. Пожалуй, надо спросить у Мэг. Ведьма должна разбираться в лесных дарах. Во всяком случае, молва утверждает, что ведьмам знакома каждая травинка.

Данкен задумался было о том, что ждет их впереди, но быстро обнаружил, что как раз об этом ему думать совершенно не хочется. С того дня, как покинули Стэндиш-Хаус, они прошли всего ничего, умудрившись тем не менее ввязаться во множество неприятностей. Теперь они лишились амулета, который худо-бедно охранял их на пути, так что беды, по всей видимости, не миновать. Данкен окончательно уверовал в то, что именно амулет Вульфберта спас отряд от безволосых, от западни на болоте и от оборотней. Впрочем, где-то в глубине души он все-таки сомневался. Что касается стычки с безволосыми — как можно говорить о том, что их выручил амулет, когда драгоценность нашлась уже после победы над мерзкими тварями? Допустим, случайное стечение обстоятельств; возможно, безволосых они одолели благодаря Диане и ее грифону. Да, скорее всего так и есть. Однако, если бы не талисман, они бы наверняка либо сгинули в зачарованном болоте, либо оказались добычей оборотней.

Так или иначе, сказал себе Данкен, с амулетом или без, надо идти дальше, невзирая на все и всяческие трудности. У него нет выбора; еще в первую ночь в пещере отшельника он решил, что честь рода не позволяет ему отступить. Итак, он продолжает путь, а остальные последуют за ним. Конрад ни за что не

бросит того, с кем вместе вырос; Эндрю настолько одержим желанием сделаться ратником Господа, что намеренно будет лезть на рожон. Мэг... Неизвестно, что ею движет, однако вряд ли она соберется оставить их.

Солнце поднималось все выше, в воздухе словно разливалась дремота. Данкен сообразил вдруг, что клюет носом и того гляди заснет. Он выпрямился, постарался сосредоточиться, а мгновение спустя вновь уронил голову на грудь. У него болели все до единой косточки, ссадины от веревки на запястьях по-прежнему кровоточили, в желудке урчало от голода; что самое главное, юношу неудержимо клонило ко сну. Если он заснет, то сон, возможно, притупит боль и муки голода. Но нет, спать нельзя. Сейчас не время спать.

Конрад приподнялся с камня, на котором сидел, сделал полшага вперед, не сводя взгляда с леса, и сказал:

— Вон она.

Данкен заставил себя встать. Эндрю не пошевелился: он крепко спал, согнувшись чуть ли не пополам и крепко вцепившись руками в посох. Данкен посмотрел в ту сторону, куда глядел Конрад, и различил среди деревьев сгорбленную фигурку Мэг. Ведьма неожиданно пошатнулась, упала, однако кое-как поднялась и едва ли не на четвереньках двинулась вверх по склону. Конрад бросился ей навстречу, подхватил на руки, взбежал на вершину и положил старуху к ногам Данкена. Мэг попыталась сесть, но не смогла, и тогда Конрад сам усадил ее, прислонив спиной к камню. Старуха оглядела мужчин и шумно втянула в себя воздух.

— Мертвы, — выдавила она.

— Мертвы? — переспросил Данкен. — Люди Потрошителя?

— Все до последнего, — подтвердила Мэг. — Лежат на песке.

— Все?

— Ну да. Живых я не нашла.

Глава 17

Задувавший над болотом ветер трепал лохмотья на мертвых телах, устилавших полоску сухой земли на краю трясины. Среди трупов — там были не только люди, но и несколько безволосых тварей — важно расхаживали большие черные птицы; кроме них, над полем брани кружили другие — крохотные лесные птицы, которые то клевали еще не остывших мертвецов, то принимались пить кровь, растекающуюся по земле многочисленными лужицами. Люди лежали друг подле друга, как будто они погибли, собравшись вместе, чтобы отразить нападение с трех сторон; бежать им было некуда, ибо позади находилось болото. Повсюду валялись переметные сумы, мешки, кухонная утварь, одеяла, кружки, оружие и одежда. От костра поднимался к небу тонкий дымок. Поодаль стояли, понутив головы, пять или шесть лошадей; остальные, должно быть, разбежались. Рядом с грудой хвороста виднелись сложенные в кучу седла и попоны.

Обогнув заросли ивняка, Данкен замер, словно налетел на невидимую стену. Спутники последовали его примеру. Он смотрел на залитую кровью землю и чувствовал во рту привкус желчи; к горлу комом подкатила тошнота. Данкен судорожно сглотнул, надеясь, что это поможет справиться с тошнотой. Разумеется, дома, в Стэндиш-Хаусе, ему доводилось читать красочные и весьма подробные описания сражений, однако он впер-

вые увидел собственными глазами последствия кровавой резни.

Как ни странно, гибель бандитов сильно взволновала юношу. Он не испытывал подобных ощущений ни при стычке с безволосыми, ни во время схватки с оборотнями. Да что там говорить: не так давно он раскроил череп беспечному Робину и ни на миг не усомнился в том, что поступает правильно. Почему же у него так горько на душе? Какое ему дело до головорезов Потрошителя? Или причина в том, что здесь погиб не один человек, а много, целая шайка? Ну и что? Ведь полегли те, кто угрожал ему и его товарищам жестокими пытками. Данкен попробовал убедить себя, что рад такому исходу, поскольку отныне может не опасаться мясника Гарольда, но быстро ощутил тщетность своих потуг.

Ему уже приходилось видеть мертвых людей. Данкену было лет десять или около того, когда старый Уэллс привел его в палату, в которой умирал его дед. Там собрались все члены семьи, но мальчик различал только ястребиный профиль старика, лежавшего на широкой кровати, по углам которой горели четыре высоких восковых свечи; их дрожащий, неверный свет не мог разогнать мрак приближающейся смерти. Рядом с кроватью стоял его милость архиепископ, облаченный в наряд, который приличествовал столь печальному случаю. Он бормотал латинские молитвы, призванные утешить умирающего и облегчить его страдания. Маленький Данкен не замечал никого вокруг; он видел одного лишь деда, лицо которого и на смертном одре хранило привычное непреклонное выражение. Впрочем, невольно чудилось, что это — всего-навсего маска, оболочка, шелуха, под которой пустота.

— Милорд, — проговорил Конрад, трогая Данкена за локоть.

— А? — Юноша недоуменно огляделся по сторонам. — Извини, Конрад, я вспомнил детство.

Они медленно двинулись вперед. При их приближении огромные черные стервятники негодующе загомонили, распростерли громадные крылья и нехотя поднялись в воздух. Чуть погодя, убедившись, что люди не намерены останавливаться, вспорхнули со своих мест птицы поменьше. Мертвецы равнодушно взирали на переполох пустыми глазницами: прожорливые пернатые первым делом выклевали глаза.

— Надо отыскать то, что они у нас забрали, — сказал Конрад. — Ваш меч, милорд, амулет, на который вы так полагаетесь, седло Дэниела, наши одеяла и провизию. Теперь Потрошитель нам не страшен.

Данкен остался стоять, где стоял, а Конрад направился в обход мертвецов. Мэг шарила по земле, удивительно напоминая порой одного из улетевших стервятников. Эндрю застыл как вкопанный в стороне, опираясь на свой посох. Крошка сопровождал Конрада, изредка порывая на трупы.

— Милорд, — позвал Конрад. — Идите сюда, милорд.

Данкен поспешно подошел к товарищу. Тот указал на тело у своих ног. Глаза лежавшего человека неожиданно открылись.

— Потрошитель, — проговорил Конрад. — Жив еще, сукин сын. Прикончить его?

— Не стоит, — отозвался Данкен. — Он сам долго не протянет.

Губы Потрошителя скривились в подобии усмешки.

— Стэндиш, — пробормотал он. — Вот и свиделись.

— Да, — подтвердил Данкен, — правда, при нескольких иных обстоятельствах. Так как насчет моей шкуры?

— Они предали меня, Стэндиш. — Глаза Потрошителя закрылись. Помолчав, он продолжил: — Да, предали. Они велели мне убить тебя, а я не убил...

— И потому рассчитываешь на мое снисхождение?

— Меня использовали, Стэндиш, использовали, чтобы покончить с тобой. У них самих не хватило духу.

— Кто такие «они»?

— Поклянись, что не совершь! — потребовал Потрошитель, открыв глаза. — Поклянись крестом!

— Ты умираешь, а потому я не стану тебе отказывать. Клянусь крестом, что скажу правду.

— Вы ищете клад?

— Нет, — ответил Данкен, — не ищем и не собираемся искать.

Потрошитель вновь зажмурился.

— Хорошо. Я верю тебе. А теперь пускай тот верзила...

Конрад взмахнул дубинкой.

— Остановись, Конрад, — произнес Данкен, качая головой. — Чего ради?

— Чтобы отвести душу.

— Не стоит, — ответил Данкен.

— Нужно прочесть отходную, — проговорил подошедший Эндрю, — напутствовать умирающего, иначе он не обретет покоя. К сожалению, я не знаю слов...

Веки Потрошителя на мгновение разомкнулись, но тут же сошлись снова.

— Уберите этого недоноска, — прошептал он еле слышно.

— Понял? — справился у Эндрю Конрад.

— Окажите мне милость, — выдавил бандит.

— Какую?

— Размозжите голову.

— Лично я отказываюсь, — заявил Конрад.

— Мои люди погибли. Помогите мне умереть.

— Ты умрешь и без нашей помощи, — сказал Конрад.

Эндрю швырнул на землю свой посох, выхватил у Конрада дубинку и с размаху опустил ее на голову Потрошителя. Конрад ошарашенно уставился на пустую ладонь.

— Хорошенькое напутствие, — хмыкнул Данкен.

— Я исполнил его просьбу, — отозвался Эндрю, возвращая дубинку хозяину.

Глава 18

Отряд остановился на ночлег на довольно значительном расстоянии от того места, где пали в схватке с безволосыми тварями люди Гарольда Потрошителя во главе со своим атаманом. С болота, над которым сгущались сумерки, доносился неумолчный жалобный стон. Путники развели костер, пламя которого, раздуваемое порывистым ветром, освещало то подножие холмов, то черную болотную воду. Сидя у огня, Данкен размышлял о том, что в болоте, в самой его унылой безбрежности, таится некая угроза. Куда ни глянь, повсюду заводи, травянистые кочки, поросшие ивняком и прочими водолюбивыми деревьями и кустарниками островки. Заплутаться среди них означает, по всей видимости, верную смерть, поскольку все доступные ориентиры до отвращения схожи между собой.

— Нам крупно повезло, милорд, — проговорил Конрад, сидевший напротив Данкена. — Мы не только остались в живых, но и получили обратно свое добро, и разжились, вдобавок, тем, чего у нас не было.

— Жаль Седрика, — вздохнул Данкен.

— Надо было похоронить его, — сказал Эндрю. — Он выручил нас из беды, а мы...

— Это было бесполезно, — буркнул Конрад. — Рано или поздно волки все равно разрыли бы могилу, будь она глубиной хотя бы с твой рост.

— Скоро совсем стемнеет, — заметил Данкен. — Обидно: идем-идем, а прохода все нет и нет.

Внезапно из сумерек болота возник Призрак.

— Кого мы видим! — пробормотал Эндрю. — Где ты шлялся? Мы тут попали в переделку...

— Я знаю, — перебил Призрак. — Я наблюдал за тем, что происходило прошлой ночью, но вмешиваться не стал, так как решил, что от меня в драке никакого толку. Поэтому я немедленно отправился на розыски Шнырки и его братьев, подумав, что они, возможно, сумеют вам помочь. Но их нигде не было...

— Этот мне Шнырки! — воскликнул Эндрю. — Такой же безответственный, как ты. Я говорил вам, милорд, ему нельзя доверять. Не стоило с ним связываться.

— Однако он выручил нас, — возразил Данкен, — там, у часовни. А потом привел сюда.

— Может быть, — неохотно согласился отшельник. — Иногда на него находит, и тогда он оказывается полезным. Но полагаться на гоблина!.. По мне, лучше уж сразу утопиться или повеситься!

— Я рад сообщить, — сказал Призрак, — что в настоящий момент вам ничто не угрожает. Безволосые находятся за холмами, далеко отсюда.

— Они были здесь сегодня утром, — заявил Конрад, — и прикончили Потрошителя.

— Я знаю, — повторил Призрак. — Но они не стали задерживаться.

— Должно быть, Потрошитель со своими подручными прятался в проходе, — проговорил Данкен. — Ты уверен, что безволосым не взбрело на ум то же самое?

— Уверен, — заявил Призрак. — Я только что отсюда. Пролетел из конца в конец. — Он содрогнулся. — Жуткое местечко.

— За проходом должен быть замок, — продолжал Данкен. — По крайней мере, так утверждал Шнырки.

— Развалины замка, — поправил Призрак. — Сплошные развалины, все во мху, а кругом деревья.

Мэг, которая сидела чуть поодаль, что-то бормотала себе под нос, снова и снова разбрасывая по земле горсть камешков, как будто играла в какую-то игру.

— Что говорят руны? — осведомился Эндрю с презрением в голосе. — Что нас ждет в будущем?

— Беда, — откликнулась ведьма. — Руны предвещают новую беду.

— Куда уж больше? — криво усмехнулся Данкен. — По-моему, мы натерпелись вполне достаточно.

— Как знать, как знать, — хмыкнула Мэг. — Беда если привяжется, от нее так просто не отделаешься. Кого-то она минует, а кому-то не дает передышки до смерти.

— Какая она? — справился Конрад. — Скажи нам, чтобы мы могли подготовиться.

— Этого руны мне не открыли. Я поведала все, что узнала.

— Ерунда, — фыркнул Эндрю. — Тоже мне, колдунья! За кого ты нас принимаешь? Ну-ка, покажи, где на твоих рунах магические знаки?

— Зачем же оскорблять человека? — укорил Данкен. — С какой стати нам подозревать ее в мошенничестве?

— Спасибо на добром слове, сэр, — поблагодарила Мэг. — Когда гадают, суть не в камнях, а в том, кто их бросает. Коли ты сведущ в ремесле, сгодится любой камень.

— Скажи мне вот что, — попросил Данкен. — Думаю, ты должна знать. Что это за стон, который раздается над болотом? Почему он такой жалобный?

— То не жалоба, милорд, — ответила Мэг, — то скорбь по всему миру, по всем существам на Земле — людям и всем остальным, даже тем, кто существовал задолго до людей.

— Ты кощунствуешь! — процедил Эндрю. — Я уже слышал нечто подобное, не так давно. Тогда я смолчал, но сейчас молчать не собираюсь. В Библии говорится, что до человека на Земле не было жизни, что все живые существа были созданы в один и тот же день. Так записано в Книге Бытия...

— Не горячись, друг мой, — прервал отшельника Данкен. — Некоторые великие ученые думают иначе. Они обнаружили отпечатки на камнях...

— Слышали, — отмахнулся Эндрю. — Не верю я, не верю, и все.

— Каждому свое, — пожал плечами Данкен. — Как говорится, о вкусах не спорят. — Он повернулся к Мэг. — Ты сказала, скорбь? Но кто скорбит по миру?

— Не знаю, — призналась ведьма. — Мне известно лишь, что такие звуки слышатся не только здесь, но

во многих местах, там, куда редко заглядывают люди. Может, мир оплакивает сам себя.

Данкен прислушался. Плач исходил откуда-то изда- лека, вовсе не обязательно с болота — он просто раз- носился над болотом. Возможно, этот плач зарождался в неведомом источнике, в котором накапливались все несчастья и разочарования мира. Плач по несбывшему- ся: по крестовому походу, который так и не состоялся, а потому Иерусалим до сих пор в руках неверных; по иберийским кораблям, которые так и не достигли зага- дочных портов; по Европе, которая так и пресмыкается в невежестве — ее крестьяне пахут землю теми же плутами, какими пахали их прапрадеды, и ютятся в тех же кособоких хибарках; вдобавок, тут и там сохрани- лись языческие капища, причем порой они укрываются в тени христианских храмов, возведенных во славу Господа. По словам его милости, Зло питается челове- ческими несчастьями, намеренно насылает на людей все новые напасти, чтобы ему и дальше было на чем жиреть. Оно наносит удары там, где намечается хоть какой-то прорыв к лучшему, а ныне поразило Брита- нию — страну, которая на протяжении веков остава- лась в стороне от событий, что сотрясали мир. Чем же она не угодила Злу?

— Добрый сэръ, — произнес Призрак, подплывая к Данкену, — надеюсь, вы не сердитесь на меня? Я старался, как мог, и ни разу не обманывал вас.

— Я признаю твою верность, — ответил Данкен, — хотя и не понимаю ее причин. Кажется, я ничем не заслужил такой преданности.

— Вы однажды сказали, что если я хочу присоеди- ниться к вам, то вы не видите, каким образом могли бы мне помешать. Разумеется, вы не хотели обидеть меня, но эти слова никак не дают мне покоя.

— А что еще я мог тебе сказать? — спросил Дан- кен. — Что приглашаю тебя с нами? Получилось бы, что я солгал, а ложь не по мне. Однако, раз уж мы заговорили об этом, знай — я рад, что ты с нами.

— Правда, сэръ?

— Чистая правда.

— Что ж, — проговорил Призрак, — вот мне и полегчало. Как по-вашему, сэръ, когда мы прибудем в Оксенфорд? Мне не терпится задать свои вопросы одному из ученых докторов.

— С той скоростью, с которой мы двигаемся, нам туда не попасть вообще.

— Вы шутите, сэр?

— Пожалуй. Рано или поздно мы доберемся до Оксенфорда.

«Доберемся ли?» — подумал Данкен. Они прошли пока всего ничего, а епископ Уайз, должно быть, с каждым днем становится все слабее; вполне вероятно, что он умрет прежде, чем манускрипт попадет к нему в руки. И что тогда? Со смертью епископа путешествие в Оксенфорд потеряет всякий смысл. Жаль, что они не знают местоположения Орды. По всей видимости, Злыдни обретаются где-то на севере Британии; может статься, творят ритуалы омолаживания. Очевидно, так и есть, продолжал мысленно рассуждать юноша, ведь не зря же Пустошь протянулась от моря до моря, перекрывая доступ туда, где совершаются таинственные обряды. Может быть, все задержки на пути связаны с тем, что некий Данкен Стэндиш со своими товарищами направляется прямоком в запретные места? Выяснить бы наверняка... Если бы догадка вдруг подтвердилась, они бы свернули в сторону, чтобы не дразнить Злыдней, а заодно — избежать лишних неприятностей.

Данкен принялся вспоминать, что случилось по дороге, надеясь натолкнуться на какой-нибудь оставленный без внимания факт, который позволит определиться с тем, как быть дальше. Естественно, он не мог не вернуться в мыслях к Диане и ее грифону. Напрасно он твердил себе, что встреча с нею была совершенно случайной. Память упорно возвращала юношу к событиям на огороде возле церкви. Он попытался вообразить Диану, однако быстро обнаружил, что помнит лишь топор, который она держала в руках, и грифона, на котором сидела. Какого цвета были ее волосы? А глаза? Забыл, все забыл, даже черты лица. Он неожиданно сообразил, что думал о Диане с того самого дня, как они встретились и расстались. Это произошло совсем недавно; тем не менее Данкену почему-то казалось, что миновала чуть ли не целая вечность. И чем только она его приворожила, что он постоянно думает о ней, хоть и забыл, как она выглядит?

— Милорд, — проговорил Конрад, — над болотом поднимается туман. Похоже, нам придется глядеть в оба.

Он не преувеличивал. На полоску сухой земли между болотом и холмами надвигалась белесая пелена. Издалека, слегка приглушенный туманом, по-прежнему доносился скорбный стон. Невидимые плакальщицы продолжали оплакивать мир.

Глава 19

Они достигли прохода ближе к вечеру, когда солнце уже окрасило небо в багровые тона. Проход представлял собой узкую расщелину, что рассекала пополам высокий холм. Впечатление было такое, будто ее прорубил в незапамятные времена некий великан, забавлявшийся со своим тяжелым клинком. На расстоянии нескольких шагов в глубь от горловины землю устилал толстым слоем песок, наметенный ветром с болота. На нем четко отпечатались следы человеческих ног и лошадиных копыт, оставленные, должно быть, шайкой Потрошителя. Однако дальше начинался камень. На первых порах дно прохода было ровным и гладким, а затем его загромождали валуны, что сорвались, вероятно, много лет назад с каменистой кручи. В проходе не было и намека на растительность: ни травинок, что пробивались бы сквозь камень, ни кустов, ни карликовых деревьев, прилепившихся к отвесным стенам, между которыми гулял ветер. Он то пронзительно завывал, то возвышал голос до рева, то понижал до зловещего шепота.

Путники, не сговариваясь, выстроились в том порядке, какой представлялся наиболее разумным. Впереди, стараясь, впрочем, не слишком отдаляться от Конрада, бежал Крошка, далее шагал сам Конрад, за ним двигались отшельник с Красоткой — проход был столь узок, что им зачастую приходилось идти не рядом, а друг за

другом. Затем шел Данкен, за которым следовал Дэниел. Мэг сидела в седле, крепко вцепившись в гриву коня, на случай, если Дэниел вдруг оступится.

В расщелине царил полумрак. Солнце проникало в нее лишь тогда, когда оказывалось точно сверху, а так оно освещало только верхушки стен, не достигая дна, где привольно раскинулась тьма. Данкену чудилось, будто они ступили в колодец, отделенный от остального мира непроницаемой перегородкой. Однако эта отделенность отнюдь не служила залогом безопасности: проход запросто мог оказаться ловушкой.

Юноша осознал, что привычный порядок передвижения, который целиком и полностью годился для открытой местности, здесь не подходит. Если бы Дэниелу было где развернуться, возможность нападения с тыла не вызвала бы ни малейших опасений. А так... Данкен остановился и прижался к стене, пропуская коня, но тот заупрямился, и юноше пришлось подогнать его. Наконец Дэниел понял, в чем дело, и протиснулся мимо хозяина. Теперь отряд был защищен и спереди, и сзади.

— Поглядывай вперед, матушка, — сказал Данкен Мэг. — Если что, сразу предупреди меня.

Над головами завывал ветер. Если не считать этого воя, тишину нарушало лишь цоканье копыт Дэниела и Красотки. Данкен ощупал кошелек, который вновь висел у него на поясе, погладил проступающий под тканью манускрипт. Когда он переместил ладонь чуть ниже, пальцы его наткнулись на твердый предмет — амулет Вульфферта, извлеченный из кармана мертвого Потрошителя. Данкен ощутил прилив уверенности. Нечто выручало их во всех неприятностях, нечто такое, что невозможно объяснить случайным стечением обстоятельств. Неужели амулет? Неужели он, пролежав столько лет в гробнице Вульфферта, не утратил своих волшебных свойств? Даже наоборот, обрел дополнительную силу, словно бренди, которое чем выдержаннее, тем приятнее на вкус? Какая разница? Главное, что амулет вернулся к нему, сказал себе Данкен.

Проходу, похоже, не предвиделось конца. Ну да, они движутся медленно, однако идут уже достаточно долго. Вон на сколько передвинулась тень на верхушке стены! Что там говорил Шнырки? Миль пять или около того? Впрочем, Эндрю утверждает, что гоблина нельзя верить. Так или иначе, если Шнырки ничего не напутал,

они давно должны были хотя бы увидеть просвет, означавший близость равнины. На мгновение Данкену представилось, что проход заколдован, а потому будет тянуться бесконечно, однако он поспешно отогнал эту мысль и тут почувствовал, что с ветром творится что-то странное: заунывный вой перешел, казалось, в стон, слетавший с уст тех, кого осудили на вечное проклятие. Затем ветер утих, и в проходе стало необыкновенно тихо. Тишина была грознее и ужаснее завываний и душераздирающих стонов. Звонкое цоканье копыт напоминало рокот барабана, под который путники маршировали навстречу неведомой судьбе.

Передохнув, ветер задул снова, и вновь слышались голоса — если и впрямь то были голоса, а не разыгравшееся воображение. Данкен ясно различил один голос, который возвысился над испуганными возгласами и жалобными стонами: «Свято! Свято! Свято!» Голос твердил это слово на разные лады, но всякий раз в нем звучал экстатический восторг. Слово слышалось то отчетливо, то глухо, так что его еле-еле можно было разобрать; тем не менее оно было исполнено безумной эйфории — сродни, очевидно, той, в какую впадает душа грешника, узнав, что освобождена от мук ада и вот-вот окажется перед воротами рая.

Данкен зажал руками уши, чтобы не слышать ликующего крика, а когда отнял ладони, различил восторженный вопль Конрада.

— Свет! Я вижу свет!

Данкен напряг зрение, но не увидел никакого света, чему, впрочем, не приходилось удивляться, поскольку разглядеть что-либо впереди из-за крупа Дэниела не представлялось возможным. Однако вскоре царивший в проходе полумрак как будто слегка рассеялся. Одиноким голос по-прежнему возвещал: «Свято! Свято! Свято!», но чем светлее становилось вокруг, тем слабее делался крик. Мало-помалу ветер вновь заговорил так, как и положено ветру. Стены прохода расступились, и путники очутились на зеленой равнине.

Равнина простиралась до самого горизонта, а посреди нее располагался замок, очевидно, тот, относительно которого предостерегал Шнырки. Как и говорил Призрак, от замка остались одни развалины, если не считать двух сторожевых башен, что возвышались над руинами. Судя по выветренности камней, замок был разрушен

довольно давно. Внимание Данкена привлекли стоявшие на значительном удалении друг от друга монолиты. Похоже, в былые времена они окружали замок со всех сторон, образуя нечто вроде кольца, наподобие того, которое, по слухам, находится в Стоунхендже. Однако, если верить тем же слухам, стоунхенджское кольцо, прикинул Данкен, гораздо меньше здешнего, которое занимает площадь в несколько акров. Должно быть, зрелище было весьма внушительное; но теперь монолиты, как и сам замок, производили поистине жалкое впечатление. Те, что когда-то стояли прямо, клонились под разными углами к земле; те, что лежали сверху, попадали вниз — одни попрятались в траве, другие встали торчком, словно не в силах расстаться с привычной опорой.

Солнце быстро садилось, тени становились все длиннее и гуще. За развалинами замка текла река, над которой кружили утки, то опускаясь на воду, то снова взмывая в воздух. За спиной у Данкена бубнил что-то свое вырывавшийся из расщелины ветер.

Юноша приблизился к Конраду, который молча наблюдал за Крошкой. Мастиф, настороженно принюхиваясь, направился к руинам.

— Я предлагаю спуститься к реке, — сказал Данкен. — Заночуем на берегу, а с рассветом двинемся дальше.

— Хорошо на приволье, — проговорил Конрад, утвердительно кивая головой. — Теперь мы пойдем быстрее.

— Да, — согласился Данкен. — Сколько времени потрачено впустую!

— Жаль, что нам не удалось поймать лошадей Потрошителя.

— Ты же видел: они не подпускают к себе чужаков.

— Ну и ладно, — заявил Конрад. — Пешком так пешком.

— Отшельник будет задерживать нас.

— Посадим их с Мэг на Дэниела. Конь вполне выдержит обоих.

— Посмотрим, — отозвался Данкен. — Отшельник наверняка заартачится. Он мнит себя ровней нам с тобой.

— Если нам не придется ползти из-за него, как улиткам, — сказал Конрад, — я первый признаю, что мы с ним ровня.

Они пошли следом за Крошкой, спустились по склону и ступили на равнину, когда сзади раздался истошный вопль Мэг. Мужчины резко обернулись. С холма, располагавшегося к востоку от расщелины, надвигались цепью безволосые твари, а за ними клубился туман — белесая пелена, которая бурлила так, словно в ней вращалось некое чудовище. От этой пелены ответвлялись многочисленные щупальца, и потому казалось, что безволосые бредут по колено в тумане. Временами сквозь пелену проглядывали невероятные в своей отвратительности морды — огромные клыки, рога, клювы, сверкающие глаза.

— Колдовство, — пробормотал Конрад, с шумом втягивая в себя воздух.

Маленький отряд выстроился в линию, лицом к безволосым и клубящемуся туману.

— Будем сражаться здесь? — спросил Конрад.

— Какая разница? — вопросом на вопрос ответил Данкен. — Кругом чистое поле. Если мы побежим, они без труда нас догонят.

— А как насчет развалин? По крайней мере, они защитят нас со спины.

— Не успеем, — проговорил Данкен. — К тому же, Шнырки советовал нам не приближаться к замку.

Юноша огляделся. Справа от него был Дэниел, слева — Эндрю, Красотка, Мэг, Конрад и Крошка.

— Мэг, убирайся отсюда! — велел Данкен. — Беги, куда глаза глядят. Скорей, иначе будет поздно!

— Я могу царапаться и кусаться, — хихикнула ведьма, — а еще... пинаться и наводить чары.

— Тоже мне, чародейка! — фыркнул Эндрю. — Поглядим, чего стоят твои чары против их колдовства.

Безволосые медленно спускались по склону холма, сжимая в когтистых лапах увесистые дубинки. За ними катился валом туман, в котором сверкали теперь ослепительно яркие молнии. В свете молний проступали на миг, с тем чтобы в следующее мгновение исчезнуть из виду, очертания чудовищных фигур. Последние лучи солнца озаряли макушки холмов к северу от расщелины, а на равнине уже сгущались сумерки.

Данкен стиснул в кулаке меч и с удовлетворением отметил про себя, что не испытывает страха. Он понимал, что им, скорее всего, не выстоять. Безволосые легко прорвут строй, а потом, заодно с чудовищами из тумана, расправятся с каждым поодиночке. Ну и как в таком случае поступить? Бежать, чтобы тебя поймали? Или упасть на колени и молить о пощаде, сознавая всю бесполезность мольбы? Или просто ожидать смерти с клинком в руке? Нет, он примет бой! А когда все закончится, никто не посмеет сказать, что он посрамил честь рода Стэндишей. Данкелю показалось, он воочию видит перед собой высокого человека с суровым лицом, коротко подстриженными усами, седыми волосами и пристальным взглядом — человека, который не допускает и мысли о том, что его сын способен опозорить столь славный род.

Данкен занес клинок над головой. Безволосая тварь замахнулась на него дубинкой, и тут он ударил и скорее почувствовал, нежели увидел, как сталь вонзилась в плоть. Тварь повалилась навзничь, однако ее место немедля заняла другая. Данкен ударил снова, однако противник вовремя подставил дубинку, и удар пришелся плашмя. Рядом неистово, как может только боевой конь, ржал поднявшийся на дыбы Дэниел; его подкованные железом передние копыта дробили черепа врагов. Слева от Данкена отшельник Эндрю пытался выдернуть свой посох из тела поверженного безволосого, не замечая, что к нему подкрадывается еще один недруг. Юноша поспешил на выручку; безволосый не успел даже развернуться, как оказался насаженным на меч. Данкен потерял счет времени. Для него сейчас не существовало ни прошлого, ни будущего. Он находился в кровавом настоящем, нападал и защищался, а противники все прибывали, как будто твердо намерелись одолеть его, задавить числом, как будто на равнине шла не смертельная схватка, а некая бестолковая игра, суть которой состояла в том, чтобы сразить как можно больше врагов. Сражаясь, Данкен не переставал удивляться, откуда у него берутся силы; ведь он давно должен был упасть от изнеможения.

Внезапно перед ним очутился не очередной безволосый, а черный, брызжащий слюной монстр, сплошные клыки да когти. Данкена охватила неведомая доселе ярость. Он обрушил меч на монстра и перерубил того

пополам. Тут кто-то отпихнул его в сторону, он потерял равновесие, покатился по земле, быстро вскочил... и обомлел. Он увидел кружившего над пеленой тумана грифона. Зверь царапался когтями, наносил удары клювом — словом, отчаянно бился с теми чудищами, которые прятались в исчерченной молниями белесой дымке. На спине грифона восседала рыжеволосая женщина в кожаной куртке. Она размахивала топором, с которого капала черная кровь.

Вдруг Данкен услышал над головой топот копыт, трубный звук охотничьего рога и многоголосый собачий лай. Он шагнул вперед, споткнулся и упал прямо на распростертое на земле тело отшельника. Мимо него проскользнул безволосый, который устремился к Крошке: мастиф терзал истощенно вопящего туманного монстра. Данкен не мешкая поднялся, догнал безволосого, пронзил его мечом, сохранив тем самым жизнь не в меру увлечемому псу.

Топот копыт и хриплый собачий лай сделались громче, и вот они низринулись с небес — призрачный всадник на огромном черном коне и буйная свора охотничьих собак. Вслед за ними налетел ветер, порыв которого чуть было вновь не свалил Данкена с ног. Дикий Охотник ворвался в пелену тумана, внутри которой скрывались омерзительные чудища, вынырнул из нее, взмыл в небо, поворотил коня и ринулся обратно.

— К замку! — крикнула Диана Данкену. — Бегите без оглядки! Скорее в замок!

Данкен повернулся к Эндрю, намереваясь подхватить бесчувственного отшельника на плечо, однако увидел, что тот уже пришел в себя. Одна щека Эндрю была исполосована когтями; кровь стекала на бороду и капала с нее на рясу.

— К замку! — бросил Данкен. — Торопись, человек, торопись!

— К замку! — разнесся над равниной голос Дианы. — Бегите, иначе вы погибли!

Данкен изловчился вцепиться в гриву разъяренному Дэниелу.

— Спокойно, Дэниел! — рявкнул он.

Безволосые отступили. По воздуху плыли клочья тумана — все, что осталось от белесой пелены, в которой сверкали молнии. Уцелевшие враги пятились вверх по склону холма. Данкен огляделся в поисках Конрада

и увидел, что тот, прихрамывая, движется к замку, волоча за собой упирающегося Крошку. Мэг изо всех сил старалась не отставать от мчавшейся впереди Красотки. Последним, сердито колотя по земле посохом, бежал Эндрю.

— Пошли, дружок, — проговорил Данкен.

Дэниел покорно последовал за ним.

На бегу юноша обернулся. Дикий Охотник в сопровождении своей своры поднимался в небеса. Грифон, направляемый твердой рукой Дианы, летел к замку.

Данкен бежал к покосившимся монолитам, гадая про себя, на что можно рассчитывать среди развалин замка. Если Злыдни и безволосые нападут снова — а так, вероятнее всего, и будет — значит, вновь придется сражаться. Разумеется, руины защитят их сзади, тем не менее шансов выжить — никаких. Если бы не Диана и не Охотник, все они полегли бы уже в первой стычке. Интересно, что привело сюда Охотника? С какой стати он помог им? Почему принял их сторону? Данкен кинул через плечо быстрый взгляд на поле битвы. Равнину устилали тела безволосых, вдобавок, тут и там валялись туманные чудища: то, которое он разрубил пополам, другое — растерзанное Крошкой... Возможно, двумя дело не ограничилось.

Юноша миновал монолиты... и не поверил собственным глазам. Он очутился на ухоженной лужайке с бархатистой, аккуратно подстриженной травой! Данкен поднял голову и невольно вскрикнул от удивления. Развалины исчезли. Перед ним возвышался прекрасный замок, поражавший великолепием архитектуры, настоящий дворец. Каменные ступени вели к освещенному факелами портику. Грифон приземлился на лужайке. Диана соскочила на землю и, по-прежнему сжимая в руке окровавленный топор, направилась к юноше. В лучах заходящего солнца ее волосы отливали червонным золотом. Остановившись в нескольких шагах от Данкена, она изобразила нечто вроде реверанса.

— Милости просим в Замок чародеев.

Данкен осмотрелся, проверяя, все ли на месте. Его товарищи, замерев на лужайке, ошарашенно разглядывали дворец. Внезапно Стэндиш сообразил, что до сих пор стискивает в кулаке рукоять клинка, и хотел было сунуть меч в ножны, однако Диана сделала отрицательный жест.

— Сначала вытрите, — сказала она и сняла с шеи белый шарф. — Вот этим.

— Но я не хочу...

— Не спорьте, — перебила она. — Он все равно старый. К тому же у меня их полным-полно.

— Я предпочел бы траву.

Диана покачала головой. Пожав плечами, Данкен взял у нее шарф. Ему показалось, что тот вовсе не такой уж старый.

— С вашего разрешения, миледи.

Юноша вытер клинок, стараясь, чтобы на лезвии не осталось ни единого пятнышка.

— Давайте сюда, — сказала Диана. Получив шарф обратно, она протерла им свой топор. — Вам понравилось? Лично я развлекалась от души.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — отозвался слегка озадаченный Данкен. — Нам приходилось туго, пока не появились вы с Охотником. Скажите, откуда вы взялись? И каким образом развалины...

— Я же сказала, — ответила Диана. — Вы в Замке чародеев. Сразу за монолитами начинается волшебство.

К ним, припадая на одну ногу, приблизился Конрад.

— Что стряслось? — спросил Данкен.

— Пропороли, — откликнулся Конрад, поворачиваясь боком, чтобы показать рваную рану, тянувшуюся от колена до бедра. — Должно быть, та бестия, которую разорвал Крошка. А с вами, милорд, сдается мне, все в порядке.

— Да, если не считать того, что грифон огрел меня крылом по голове.

Данкен провел рукой по лбу и посмотрел на ладонь: та была мокрой от крови.

— Прошу прощения, — проговорила Диана. — Хьюберт порой становится ужасно неуклюжим. Это, впрочем, неудивительно. В его-то возрасте... — Она повернулась к Конраду. — Твоя рана...

— Затянется, — буркнул Конрад. — Получали и похуже.

— В ней может быть яд. Надо наложить мазь. Доверься мне, я разбираюсь в лекарственных снадобьях.

— Благодарствую, — пробормотал Конрад, не желая, очевидно, выглядеть в ее глазах неотесанным мужланом.

Данкен посмотрел на монолиты. Как ни странно, огромные камни стояли прямо и казались вытесанными только вчера. Все они — и те, что служили опорами, и перемычки над ними — тускло сверкали в лучах заката. Разумеется, всякие следы выветривания исчезли, будто их и не было.

— Я ничего не понимаю, — произнес Данкен. — Камни, замок, лужайка... Откуда что взялось? Эти скамейки, пруды, дорожки...

— Вы попали в зачарованное место, — объяснила Диана. — Снаружи, из-за пределов магического круга, Замок мнится разрушенным. Вообще-то, так оно и должно быть, ведь его воздвигли не одно столетие тому назад. Однако внутри круга все сохраняется в своем первоизданном виде. Время здесь не властно. Когда-то тут жили могущественные чародеи, познавшие величайшие тайны природы. Они подчинили себе время и...

— Когда-то? А теперь что, не живут?

— Ныне в Замке обитает один-единственный чародей. Последний.

Данкена подмывало задать новый вопрос, однако он сдержался, мысленно укорив себя за неуместное любопытство.

— Вы хотели спросить про меня? — весело рассмеялась Диана.

— Я не вправе, миледи...

— Ничего страшного. Да, в моих жилах течет кровь волшебников.

— Выходит, вы — чародейка?!

— Нет, — покачала головой Диана. — Я пыталась ею стать, но обнаружила, что у меня не получается. Помните, я спрашивала о Вульферте?

— Конечно, помню.

— Это мой прадед. Однако что же мы стоим на пороге? Ваш товарищ истекает кровью, да и вас тоже не мешало бы подлечить. И потом, вы наверняка умираете от голода.

— Я бы не отказался заморить червячка, — ухмыльнулся Конрад. — Да и горло промочить было бы неплохо. После драки всегда хочется пить.

— Извините его, — сказал Данкен. — К сожалению, ему не бывает стыдно.

— Слуг у нас нет, — продолжила Диана. — Вернее, в былые годы они тут кишмя кишели, поскольку в

Замке жили люди, которым надо было прислуживать. Ныне же в этих стенах не осталось ни единого слуги. Старые умерли или поразбежались, а новых найти не так-то просто. Вдобавок, мы вполне обходимся без них. Зачем нам слуги? Достаточно заколдовать ту же постель, и она уберется сама.

— Знаете, миледи, — проговорил Конрад, — мы с милордом умеем готовить. Худо-бедно, но умеем. Да и Мэг, должно быть, тоже. Вот насчет отшельника я сомневаюсь.

— Тогда милости просим на кухню, — отозвалась Диана. — Все припасы в кладовой. Кстати говоря, они постоянно пополняются.

Сопровождаемая с одной стороны Данкеном, а с другой Конрадом, она двинулась к каменной лестнице, что вела к величественному портику. Мэг потащилась следом.

— Собака получит мясо, — сказала Диана, — а конь и ослик пускай пасутся на лужайке.

— Благодарю, миледи, — поклонился Данкен. — Вы чрезвычайно гостеприимны. Ваша помощь...

— Ерунда, — отмахнулась Диана. — Поверьте, вы помогли нам не меньше. Вам удалось выманить Злыдней из их логова. К тому же, вы изрядно их потрепали. Катберт наверняка обрадуется. Не будь он таким дряхлым, Злыдням досталось бы куда сильнее. Но Катберт почти не встает с постели, он стар и одинок. Кроме меня, у него никого нет.

— Катберт?

— Тот самый чародей, о котором я упоминала. Последний из здешних волшебников. Все остальные умерли. От тоски по ним он утратил значительную часть своего могущества, хоть и не желает признавать этого. Я стараюсь не напоминать ему...

— Вы сказали, он очень стар. Однако...

— Вам должно быть известно, что волшебники — отнюдь не сверхъестественные существа, — проговорила Диана. — Они обыкновенные люди, всего лишь сведущие в чародействе и потому способные творить чудеса. Не думайте, что болезни и старость минуют их из-за того, что они чародеи. Я намеревалась вернуться в ту деревню, где мы с вами встретились, но обнаружила, что Катберт совсем плох, и осталась ухаживать за ним.

— И как он?

— Спасибо, гораздо лучше. Он сам виноват, что захворал. Представляете, с тех пор как я улетела, он совершенно перестал есть! Утверждает, что было некогда. А в его возрасте со здоровьем не шутят.

Они подошли к лестнице и начали подниматься по ступеням. На середине пролета Данкен обернулся и увидел, что за кольцом монолитов возник лес.

— Ну и ну, — пробормотал он.

— Что такое? — справилась Диана.

— Вон тех деревьев раньше не было.

— Вы никак не поймете. Отсюда все видится таким, каким было изначально. Когда здесь построили Замок, окрестности представляли собой лесную глушь. Кругом были сплошные чащобы, в которых обитали дикие племена.

Поднявшись по лестнице, они прошли в дверь и очутились в просторной зале, пол которой был выложен разноцветной мозаикой. Справа и слева виднелись другие лестницы. На стенах висели канделябры со множеством толстых восковых свечей, пламя которых наполняло залу неярким, теплым светом. Посреди залы возвышалась каменная колонна футов шести в высоту и около трех — в поперечнике. При виде существа, которое восседало наверху, путники застыли как вкопанные.

— Пошли, — поторопила Диана. — Это только Царап. Не бойтесь, он ручной и мухи не обидит.

Существо наверху колонны придирчиво оглядело путешественников и произнесло ворчливым тоном:

— Только Царап! Подумаешь, эка невидаль! Она права, она всегда права, потому что говорит правду. Жалейте меня или презирайте, но вы видите перед собой демона, явившегося напрямиком из преисподней.

— Обычная история, — фыркнула Диана. — Он останавливает всех, кто идет мимо, и принимается пенять на судьбу. Как мне кажется, он здорово привирает, но язык у него что надо. Дай ему волю, он будет болтать целый день.

— Но кто он такой? — спросил Данкен.

— Он же представился. Демон из преисподней. Служит привратником чуть ли не с того дня, когда построили замок.

— Да, меня называют привратником, — подтвердил Царап, — но ни к каким воротам не подпускают. Я прикован к колонне, и надо мной потешаются все кому

не лень. Между прочим, по-моему, смеяться тут не над чем. Меня следует жалеть, ибо я несчастный из несчастнейших, бездомный изгой, который не в силах вернуться в родные места и вынужден поэтому мыкаться в здешних варварских краях. Смотрите, смотрите и судите сами, каково мне приходится. Рог погнулся, на спине горб, нога распухла, пальцы скрючены, а все почему? Потому, что климат здесь сырой и холодный, не то что у нас в аду.

— Заткнись, балабол, — велела Диана.

— А мой хвост! — воскликнул Царап, будто не слыша. — Гордость любого демона — рога и хвост. Ну скажите на милость, есть мне чем гордиться? Сломан в трех местах, весь какой-то кривой, хотя поправить его — минутное дело для последнего костоправа.

— Царап, — проговорила Диана, — замолчи. Перестань надоедать нашим гостям.

Рассматривая демона, Данкен мало-помалу убеждался, что тот ничуть не преувеличил собственное уродство. Нижняя треть хвоста имела причудливую зигзагообразную форму, как если бы никто не пытался правильно срastить сломанную кость, или пытался, но лишь еще сильнее напортачил. Левая лапа чудовищно распухла, ее обхватывал, чуть выше, металлический обруч, от которого тянулась длинная цепь, что лежала сейчас, свернувшись гигантской змеей, на полу. Другой ее конец крепился к вделанной в камень колонны металлической скобе. Между лопатками демона помещался отвратительного вида горб, из-за чего казалось, будто Царап постоянно сутулится. Левый рог на голове был коротким и прямым, зато правый закручивался в петлю, вдобавок, его сверху донизу покрывали диковинные зазубрины. Облик Царапа дополняли неестественно вывернутые руки с узловатыми пальцами.

Конрад приблизился к колонне и дотронулся до руки демона.

— Бедный ты сукин сын, — сказал он.

— Пойдемте, — повторила Диана. — Он ни капельки не заслуживает жалости.

Глава 20

Сперва Диана занялась ранеными. Она наложила мазь на ногу Конрада, промыла и подлечила щеку Эндрю, втерла какое-то снадобье в ссадину на голове Данкена. Мэг, которая ухитрилась не получить в сражении со Зльднями ни единой царапины, сидела на стуле, болтала ногами, не доставая ими до пола, и вспоминала свои подвиги.

— И то сказать, — хихикнула она, — старая Мэг знала, как себя вести. Я плюхнулась на землю, чтобы, не ровен час, не угодить кому-нибудь под горячую руку. Ну да, я никого не прикончила, зато хлопот из-за меня было хоть отбавляй. Я нашла на земле палку, вот, и принялась колотить по ногам, насколько хватало сил. Ух, как они прыгали! Милорд пронзал их мечом, а отшельник протыкал своим посохом!

— Прямо в живот, — с гордостью в голосе прибавил Эндрю. — Самое надежное место.

— И как вам удалось выстоять? — проговорила Диана. — Я поспешила на подмогу, но вы и без меня...

— Наши руки крепкие, — заявил Конрад, — а дело — справедливое.

Когда с лечением было покончено, они отправились в кладовую и позаимствовали оттуда кусок жареной говядины, большую буханку пшеничного хлеба, крут сыра, деревянное блюдо с остатками вчерашней дичи,

пирог с голубятиной, наполовину полный бочонок маринованной сельди и корзину сочных груш.

— Катберт, когда не забывает про еду, отнюдь не страдает отсутствием аппетита, — сказала Диана. — Он любит хорошо поесть и частенько перебирает. Не обжора, конечно, но где-то близко.

Они расселись вокруг кухонного стола, сдвинув в сторону лекарства Дианы.

— Прошу прощения, что кормлю вас на кухне, — продолжала женщина, — однако столовая слишком уж роскошна. Я там чувствую себя не в своей тарелке. Мне кажется, вам тоже было бы не по себе. И потом, пришлось бы мыть целую кучу фарфора и серебра, чего мне совершенно не хочется.

— Вы столь часто упоминаете Катберта, — задумчиво произнес Данкен. — Когда мы сможем увидаться с ним? Или на это не стоит и рассчитывать?

— Ну почему же? — откликнулась Диана. — Сегодня, правда, не получится. В последнее время он приобрел привычку рано ложиться спать, хотя раньше просиживал за работой чуть ли не до рассвета. Старый человек, все понятно... Пока суд да дело, может, вы поведаете мне, что произошло с вами, начиная с того дня, когда мы расстались? До меня, разумеется, доходили кое-какие слухи, но им особой веры нет. Итак?

— Рассказывать, собственно, нечего, — проговорил Данкен. — Мы только и делали, что попадали из огня в полымя; не однажды были на волосок от смерти, но всякий раз ухитрялись избежать гибели.

Тем не менее Диана настаивала, и они принялись рассказывать, друг за другом, а она внимательно слушала, слегка подавшись вперед, словно для того, чтобы подчеркнуть, как красиво отражается в ее длинных волосах пламя свечей. Данкен умолчал лишь об одном — остальные то ли не заметили, то ли решили, что у него есть на то причины; он ни словом не обмолвился об амулете, найденном в гробнице Вульфберта. Глядя на Диану, он никак не мог разобраться в своих чувствах. Может, все-таки рассказать? Ведь она, в конце концов, имеет право знать — тем более, если Вульферт и впрямь приходится ей родней. Однако что-то словно мешало ему заговорить об амулете.

Диана сама спросила о Вульферте.

— Помните, я разыскивала его, вернее, весточку о нем? Сэр отшельник, если мне не изменяет память, ты как будто утверждал, что тебе кое-что известно? Ну да, как раз перед тем, как на нас напали безволосые. По-моему, ты из-за чего-то беспокоился.

— Миледи, — ответил Эндрю, бросив беглый взгляд на суровое лицо Данкена, — мне известно только то, что он был похоронен на деревенском кладбище. А беспокоился я вот почему. Крестьяне считали его святым, а он, оказывается, был чародеем.

— Ну и что?

— Миледи, — повторил Эндрю, — мы, деревенские, люди простые, может статья, даже невежественные. Мы не водимся с чародеями, а потому думали...

— Я догадываюсь, о чем вы думали, — перебила Диана. — Помнится, ты говорил, что Вульфберта положили в гробницу. Да, что крестьяне воздвигли ему гробницу, потому что относились как к святому

— Да, — подтвердил Эндрю, — но потом на гробницу свалился огромный дуб. Должно быть, во время урагана.

— Существует предание, что Вульферт унес с собой в могилу волшебный талисман. Ты ничего такого не слышал?

— Увы, миледи, ничего.

— Ну конечно, — пробормотала Диана. — Вряд ли он кому-то показывал... Жаль, очень жаль.

— Почему? — удивился Конрад.

— Говорят, этот талисман — оружие против Орды, то бишь тех, кого в здешних краях именуют Злыднями.

— Значит, вы надеялись отыскать его? — полюбопытствовал Данкен.

— Да, надеялась. Он мне крайне необходим.

Данкен ощутил на себе взгляды товарищей.

— Однако вы не знаете, какой силой он обладает, верно? — произнес юноша. — Ведь нужно уметь им пользоваться.

— Мне кажется, достаточно было бы просто завладеть талисманом. Магия заключена в нем самом, поэтому никакого умения тут не требуется.

— Надо было заглянуть в гробницу, — посоветовал Конрад, заставив Данкена вздрогнуть.

— Возможно, — согласилась Диана. — Я собиралась пошарить в ней, когда вернусь. Но еще на огороде,

после стычки с безволосыми, мне почудилось, что Катберт в беде. Я прилетела сюда и обнаружила, что он действительно плох. Так что возвращение пришлось отложить. — Она махнула рукой. — По правде сказать, я сомневаюсь, чтобы мне посчастливилось что-либо найти в гробнице. Когда на нее обрушился дуб, верхняя плита наверняка сдвинулась, если не раскололась; в общем, залезай и ройся в свое удовольствие. А в твоей деревне, сэр отшельник, могу поспорить, имелись любители порыться в могилах. Иными словами, если талисман и был в гробнице, его давно оттуда извлекли.

— Может быть, может быть, — протянул Эндрю. — Так или иначе, мне не доводилось о нем слышать.

— Ты, видно, считаешь, что гробопотрошители хватаются своей добычей на каждом углу? — хмыкнула Диана.

— Думаю, что нет, — отозвался Эндрю.

Ну вот, сказал себе Данкен, дело сделано. Неважно, каковы были побуждения, — ложь произнесена. Товарищи не подвели, хотя прекрасно знали, что амулет, о котором идет речь, лежит в кошельке Данкена. Мэг единственная пока помалкивала, но насчет нее можно не волноваться: она не пойдет против остальных. Юноше вдруг отчаянно захотелось ощупать кошелек, убедиться, что амулет по-прежнему внутри, однако он совладал с собой

Крошка, который, проглотив изрядный кус говядины, дремал в уголке, куда-то исчез. Должно быть, отправился на разведку, благо в Замке, несомненно, имелось достаточно укромных местечек, которые следовало на всякий случай проверить.

— Меня, признаться, заинтриговала одна вещь, — сказал Данкен, обращаясь к Диане. — Я вас уже спрашивал, но вам было не до того. Почему в битву вмешался Охотник?

— Он ненавидит Зло, — ответила Диана, — и многие другие — тоже. Взять хотя бы Малый Народец. Они сторонятся Зла, всячески избегают его. По идее, должно быть наоборот, ведь они существа довольно-таки злобные. Такая уж у них натура. Однако в целом они, как и Охотник, на нашей стороне, в отличие, скажем, от оборотней, вампиров и прочих, которые примкнули к Злыдням, причем по доброй воле.

— Может, он все время наблюдал за нами? — размышлял вслух Данкен. — Мы видели его ночь или две тому назад, а еще раньше я слышал, как он скачет по небу.

— Может быть.

— Но какое ему до нас дело?

— Охотник — вольный дух. Я мало знаю о нем. Мы встречались с ним однажды. По-моему, он родом из Германии, но тут я могу ошибаться. Возможно, в прошлом он стал свидетелем безобразий, чинимых Злыднями, а потому впоследствии не спускал с Орды глаз.

— Этакий заступник человечества?

— Ну, я бы так не сказала.

— Тем не менее, — вмешался Эндрю, — мы ему искренне благодарны.

— Что оно такое, это Зло? — произнес Данкен.

— Спросите Катберта. Он объяснит вам лучше моего.

— Архиепископ из монастыря, что поблизости от моего дома, предполагает, что Злыдни питаются несчастьями человечества, а потому намеренно лишают людей радости.

— Я слышала подобные рассуждения, — отозвалась Диана, — но все же поговорите с Катбертом. Он многие годы изучает Зло. У него накопилось изрядное количество сведений о Злыднях.

— Захочет ли он беседовать с нами? Насколько мне известно, знатоки зачастую норовят поскорее избавиться от тех, кто приходит к ним за советом.

— Нет, Катберт не из таких.

Внезапно издалека донесся яростный лай. Конрад мгновенно оказался на ногах.

— Это Крошка! — воскликнул он. — Надо посмотреть. Порой в него словно черт вселяется.

Конрад выбежал из кухни. Остальные последовали за ним.

— Ату их, приятель! — крикнула Мэг.

— Замолчи! — осадил ее Конрад. — Мало ли на кого он лает!

Они пробежали через и впрямь потрясавшую великолепием убранства столовую и очутились в коридоре, который выводил в ту залу, где сидел на цепи демон. Крошка находился в зале. Он припал к полу, высоко задрав задницу, и не переставая вилял хвостом. Время от времени пес поднимал морду, чтобы обляять нахох-

лившегося демона. Конрад бросился к собаке, крича на бегу:

— Крошка, фу! Оставь в покое старину Царапа!

— Я не старина, — возразил искалеченный демон. — Старина Царап — это верховный дьявол. Меня называли так в шутку, хотя я не понимаю, в чем здесь соль. А те, кто поймал меня, когда придумали мне кличку, катались от смеха по полу. Они прозвали меня Молодым Царапом, чтобы, как было сказано, не путать со Старым. Однако постепенно я превратился просто в Царапа и остаюсь им по сей день. Не то чтобы я был чрезмерно доволен этим прозвищем, но другого все равно не будет, так что приходится мириться.

Конрад схватил Крошку за ошейник и как следует встряхнул.

— Как тебе не стыдно! — укорил он мастифа. — Ты-то на свободе, а он прикован цепью. Эх ты, горлодер!

Крошка вновь завилял хвостом, однако, судя по его виду, он считал, что стыдиться нечего.

— Ты в порядке? — спросил у демона Данкен. — Он не пытался тебя укунить?

— Ни в коем случае, — отозвался Царап. — Он всего лишь развлекался — по-своему, по-собачьи. Так что, сэр, я не в претензии. Мне кажется, он вовсе не собирался ни кусать меня, ни даже пугать. Хорошая собачка, веселая.

— Спасибо за комплимент, — фыркнул Данкен.

— Ну что вы, сэр, не стоит. Вам спасибо на добром слове.

— Кстати, — проговорил Данкен, — верно ли, что ты — демон из преисподней? Если да, то как ты попал сюда?

— Это долгая и грустная история, сэр, — заявил Царап. — Как-нибудь, когда у вас будет время, я расскажу вам ее во всех подробностях. Я был подмастерьем, проходил учебу, надеясь стать магистром inferнальных наук. Однако ученик из меня был, боюсь, никудышный. Так сказать, бревно с глазами. Меня вечно шпыняли за недостаток рвения, а в наказание поручали самую нудную работу.

— Возможно, ты не рожден быть демоном.

— Может быть. Но я демон, по крайней мере, снаружи, так что деваться было некуда. В общем, однажды мне все надоело, хотя, поверьте, я старался, как мог.

— И что же?

— Я убежал. Да, убежал, поскольку мое терпение иссякло. И знаете, сэр, что самое обидное? Меня даже не пытались задержать!

— Если не считать цепи, тут с тобой хорошо обращаются?

— Неплохо. Во всяком случае, лучше, чем обращались бы с человеком, который угодил бы в ад.

Глава 21

Катберт лежал на кровати, опираясь головой на подушки, что громоздились в изголовье. На нем был ярко-красный ночной колпак и рубашка с кружевными оборками на рукавах и воротнике. Колпак опускался на самые брови, седые и кустистые, из-под которых глядели глубоко запавшие глаза. Кожа туго обтягивала череп, нос выдавался вперед таким клювом, рот представлял собой узкую щель между носом и выступающим подбородком. Грудь была настолько впалой, что, казалось, доставала до позвоночника. Из-под одеяла проступали очертания тазовых костей — столь плоским, столь, опять-таки, впалым был живот чародея.

Посмотрев на Данкена, старик хрипло рассмеялся:

— Диана сказала мне, ты гнал их в хвост и в гриву. Молодец! Другого языка они не понимают.

— Я был не один, — ответил юноша. — Мне помогали мои спутники.

— Они зайдут попозже, — прибавила Диана. — Любопытная компания. Вы не обиделись, милорд, на такой отзыв о ваших друзьях?

— Пожалуй, подходящее определение, — отозвался Данкен, однако по голосу чувствовалось, что он не слишком доволен.

— Ты рассказывала мне о них, — проговорил Катберт, обращаясь к Диане. — Собака, конь и маленький ослик. Я хочу увидеть их.

— Собаку пожалуйста, — ответила Диана, — но не коня.

— Я хочу увидеть всех, — заявил Катберт. — Хочу взглянуть на тех, кто показал Злыдням, где раки зимуют. Разрази меня гром, приятно сознавать, что в наших краях не перевелись храбрецы. Что еще находятся люди, способные преодолеть страх.

— Конь и ослик просто не поднимутся сюда, — сказала Диана.

— Значит, я спущусь к ним.

— Сэр, вам нельзя напрягаться.

Катберт пробормотал что-то неразборчивое себе под нос и повернулся к Данкену:

— Вот что происходит, когда человек стареет. Нельзя напрягаться! Не разрешают даже дойти до туалета. Мол, есть горшок, им и пользуйся, старый хрыч. Если ходить, то медленно, а лучше вообще не вставать. Кормят какой-то ерундой, якобы желудок не выдержит мяса, а вина наливают на самое донышко. Словом, не делай ничего, что тебе нравится, зато изволь делать всякие глупости.

— Я искренне надеюсь, что вы скоро исцелитесь и вернетесь к прежнему образу жизни, — сказал Данкен. — Однако вам следует проявлять осторожность...

— И ты с ней заодно, — вздохнул Катберт. — Когда она только успевает задурить людям головы? А с виду-то, с виду! Ишь, закатила глазки!

— Сэр, — холодно произнесла Диана, — вам прекрасно известно, что я не имею такой привычки. А если вы не перестанете грубить, я приготовлю вам на ужин похлебку из трав и заставлю съесть вплоть до последней ложки.

— Вот видишь, — хмыкнул Катберт. — Разве против нее можно устоять, в особенности старику, вроде меня? Мой тебе совет: после тридцати на свете делать нечего. Ну да ладно, расскажи-ка мне о своих товарищах и о вашей стычке со Злыднями.

— Мы бы все погибли, — сказал Данкен, — когда бы не леди Диана с ее грифоном и не Дикий Охотник...

— Ах, Охотник... как же, как же, помню... — Старик пристально посмотрел на Данкена. — Значит, ты выдаешь себя за Охотника? Ну какой же ты Охотник? Может, вы с ним родственники, но ты — не он. Не пытайся обмануть меня...

— Сэр, — перебила Диана, — я рассказывала вам об этом дворянине. Он вовсе не выдает себя за Охотника. Снова вы навоображали невесть что. Данкен Стэндиш — отпрыск славного рода из северных земель.

— Да-да, — проговорил Катберт, — теперь вспоминаю. Стэндиш, Стэндиш... Если ты и вправду из Стэндишей, какими ветрами тебя занесло в наши края? Почему ты не отсиживаешься на севере, за крепостными стенами?

— Я иду в Оксенфорд, — ответил Данкен.

— Оксенфорд? А, Оксенфорд. Знаю, знаю. Прибежище мудрости. У меня там немало друзей.

Чародей откинулся на подушки и закрыл глаза. Данкен вопросительно посмотрел на Диану. Та жестом велела ему подождать. Некоторое время спустя старик шевельнулся, открыл глаза, сел прямо и уставился на юношу.

— Ты еще здесь, — буркнул он. — Я думал, ты ушел. Извини, что задремал. Ничего не попишешь, старость не радость.

— Вам лучше, сэр?

— Разумеется. Диана говорила, ты хотел о чем-то меня спросить.

— Да, насчет Орды. Архиепископ утверждал...

— Какой такой архиепископ?

— Его милость архиепископ Стэндишский.

— Чванливый болтун, — заявил Катберт. — Ты со мной не согласен?

— Порой мне казалось, что так оно и есть.

— Ну так что же он утверждал?

— Что Злыдни питаются человеческими несчастьями и что возникновение Пустоши связано с тем, что Орда омолаживается.

— А ты ждешь от меня ответа на вопрос, что такое Зло?

— Если вы знаете, сэр.

— Естественно, знаю. Чем, по-твоему, мы занимались столько лет с моими братьями? А? Мы искали истину. Само собой, мы просто не могли игнорировать Зло. Что ты хочешь узнать?

— Что оно такое, откуда взялось и как все началось.

— Оно пришло на Землю со звезд, — произнес чародей. — Это мы знаем наверняка. Почему — сказать трудно. Может быть, его изгнала некая сила, кото-

рой оно не смогло противостоять. Или на звездах не осталось того, чем можно было бы питаться; Зло предпochло смерти от голода поиски иных миров и, по чистой случайности, натолкнулось на наш. Здесь была жизнь, то есть то, чего Злыдням так не хватало. Они прочно обосновались на нашей планете, становясь с каждым столетием все многочисленнее и прожорливее. Если Зло будет распространяться и дальше, в скором времени оно поглотит Землю, а потом, вероятно, отправится подыскивать себе новую жертву. Оно явилось к нам давным-давно, задолго до появления человека. Когда же на Земле появились люди с их способностью к страданию — животные тоже страдают, но не так сильно, — Зло начало собирать богатый урожай. Оно жирело и разрасталось, и теперь сдержать его распространение едва ли возможно. Впрочем, надежда умирает последней. Вот почему я расхваливаю тебя за твое мужество. Я рад, что встретил людей, которые не испытывают страха.

— Вы ошибаетесь, — возразил Данкен. — Я испугался до полусмерти.

— Однако не побежал.

— А что мне оставалось делать, сэр? Бежать было некуда.

— Ты правдив и храбр, — проговорил старик. — Только такой человек может признаться в страхе. Говорят, ты доблестный воин?

— Какое там, — вздохнул Данкен. — Меня учили сражаться, но, до тех пор пока мы не отправились в путь, мне не приходилось обнажать клинок во гневе. Скорее, я земледелец. Мне гораздо интереснее разводить овец и баранов, выращивать хлеб...

— Это хорошо, — одобрил Катберт. — Британия да и весь мир нуждаются в таких земледельцах. Возможно, даже больше, чем в тех, кто ловко владеет мечом. Тем не менее боец из тебя неплохой. — Он повернулся к Диане. — Забудь о травах, девочка. Я не стану их есть. Каждый день одно и то же — похлебки да супы, а то еще размазня. Скажи мне, парень, как тут не загнуться, с такой-то кормежки?

— Возможно, ваш желудок... — Данкен не окончил фразы.

— Откуда озорнице вроде нее знать, что творится в желудке взрослого человека? Мне нужно мясо. До-

брый кусок мяса, поджаренный, но в меру, и обязательно с кровью.

— Помните, что было, когда я последний раз накормила вас мясом? — справилась Диана. — У меня нет большого желания снова вытирать пол.

— Ты просто плохо его приготовила, — заявил Катберт. — Молчишь? То-то. Нет, мне подавай говядину либо седло барашка, и тогда... — Он словно вдруг забыл, о чем говорил, и перевел взгляд на Данкена. — Ты меня о чем-то спрашивал, верно?

— Да, — подтвердил Данкен. — У меня к вам много вопросов. Архиепископ считает...

— Опять ты об этой старой бабе в рясе!

— Он считает, что Злыдни опустошают местность для того, чтобы никто не мешал им омоложаться. Дескать, они набираются сил, их, возможно, становится больше, а какое-то время спустя Зло вновь начинает распространяться по свету.

— Занятная теория, — пробормотал чародей. — Слышал я о ней, слышал. Может, в ней что-то и есть, однако мне представляется, что причина тут в другом: чинимое Злыднями опустошение препятствует развитию человечества. По крайней мере, относительно нашей Пустоши у меня сомнений нет. Никаким омоложением здесь и не пахнет, если и пахло когда-нибудь вообще. Зло напугано. В будущем должно случиться нечто такое, что приводит его в ужас, и потому оно накапливает силы и стремится предотвратить грядущие события. Сдается мне, Зло пребывает в некоторой растерянности, очевидно, из-за того, что до сих пор все усилия, какие оно предпринимало, шли насмарку. Сказать по правде, я даже обрадовался, когда узнал, что Замок оказался чуть ли не посреди Пустоши. Я сказал себе, что теперь у меня появится возможность изучать Зло не по старинным книгам, которые, к сожалению, изобилуют неточностями, а вживую. Мне выпала редкая, редчайшая возможность, но дело осложнилось тем, что я лишился верных сподвижников. Впрочем, я решил, что справлюсь и в одиночку, благо мои знания и опыт...

— Вы перетрудились, — прервала старика Диана. — Вот чем вызвана ваша болезнь.

— Мы говорили об Охотнике, — сказал Катберт, неожиданно сменив тему. — Между прочим, он как-то

прогостил у нас целую неделю. Тогда еще были живы мои братья, и мы позволяли себе время от времени принимать гостей. Однако Охотник явился незванным. Прискакал однажды вечером на своем жеребце, ворвался вместе с этой шумной сворой прямиком в столовую, где мы как раз заканчивали ужинать. Псы тут же стащили со стола жареную куропатку, окорок и остатки оленины и немедленно перегрызлись между собой. Мы глядели на них выпучив глаза. Охотник же схватил бочонок с пивом и разом опрокинул себе в глотку. Клянусь, было слышно, как жидкость булькает у него в животе. Ну вот, потом все более или менее наладилось. Они прогостили у нас неделю. Собаки постоянно требовали есть, а Охотник никак не мог утолить жажду, но мы не слишком расстраивались, потому что он рассказывал нам диковинные истории, которые настолько захватили нас, что мы еще долго вспоминали их после ухода гостей.

— Должно быть, в ту пору вам жилось весело, — изрек Данкен первое, что пришло на ум.

— Да уж, — подтвердил чародей. — Если попросишь, я, пожалуй, расскажу тебе о той ночи, когда компания пьяниц приволокла в Замок демона. Они хотели избавиться от него и придумали, как им казалось, отличную шутку: подарить беднягу нам. Кстати говоря, ты видел демона?

— Видел, — отозвался Данкен.

— Для демона он совсем не плох, — сказал Катберт. — По его собственным словам, зла в нем нет ни на мизинец. Я бы, правда, поостерегся утверждать наверняка...

— Сэр, — произнесла Диана мягко, — мы беседовали об Орде.

— Да? — Катберт, похоже, слегка удивился. — Неужели?

— Совершенно верно, сэр, — сказал Данкен.

— Ну ладно. Как я говорил... Говорил ли? Память стала никудышной, ничего не помню. Так вот, большинство людей не имеет ни малейшего понятия о том, как живут волшебники. Вероятнее всего, они сравнивают Замок чародеев с каким-нибудь монастырем, где влачат свои дни несчастные монахи, замученные теологическими догмами, едва смеющие дышать из страха ненароком втянуть в себя заодно с воздухом ту или иную ересь.

Вдобавок, попадают такие, которые воображают, что раз Замок — волшебный, там полным-полно потайных комнат и коридоров, по которым гуляет колдовской ветер; из лабораторий исходит отвратительная вонь, а в укромных углах прячутся зловещие фигуры в черных плащах с капюшонами. Однако и те, и другие ошибаются. Ныне здесь пусто и тихо, а в прежние времена жизнь была ключом. Мы любили посмеяться и знали толк в развлечениях. Разумеется, на первом месте для нас стояла работа — труд чародея, доложу я тебе, неимоверно тяжек, — но мы не забывали об отдыхе и веселье. Мне часто вспоминаются мои братья — Кэвлин, Артур, Этелберт, Рэдволд, Эдвайн, Вульферт... Вульферт, Вульферт! Мы поступили по справедливости, но решение далось нам нелегко. Мы выгнали его из Замка...

— Сэр, — перебила Диана, — вы запомнили, что я прихожусь родственницей Вульферту.

— Верно, запомнил, — вздохнул старик. — Эх, голова моя, головушка. — Он ткнул пальцем в Диану и прибавил, обращаясь к Данкену: — В ней и впрямь течет кровь волшебников. Да ты и сам знаешь. Она небось уже похвасталась тебе.

— Да, знаю, — сказал Данкен.

Чародей откинулся на подушки, и разговор оборвался. Минуту-другую спустя Катберт заговорил снова:

— Вульферт, мой добрый Вульферт... Он был мне как родной брат. Однако я тоже высказался за изгнание. — Помолчав, старик продолжил: — Всему виной высокомерие. Гордыня. Вульферт возомнил себя выше всех остальных, вместе взятых, поставил свои знания и опыт против наших. Мы твердили ему, что он зря тратит время, что его талисман ни на что не годен, а он упрямился: мол, нашими устами говорит зависть. Мы пытались образумить его, нянчились, словно с малым ребенком, но он не желал ничего слушать. Надо отдать ему должное, он был сведущ в ворожбе и умел творить чудеса, а потому изготовил весьма симпатичную вещицу, но ведь красота для талисмана — не главное...

— Неужели талисман на самом деле ни на что не годился? — спросила Диана.

— Если от него и была какая-то польза, то пустяковая. А Вульферт, безумец, утверждал, что эта побрякушка способна остановить Зло. Конечно, безумец!

Разве взбредет такое в голову человеку здравомыслящему?

— Почему вы не рассказали мне этого раньше? Вы же знали, что я разыскиваю талисман Вульфберта.

— Я не хотел причинять тебе боль, — откликнулся Катберт. — Промолчал бы и сейчас, когда бы не стариковская болтливость. Мне известно, что ты преклоняешься перед ним... или перед памятью, что, собственно, одно и то же. Помнится, ты говорила мне, что он умер.

— Да, умер, лет сто или даже больше тому назад. Я отыскала его могилу. Он похоронен в деревне за холмами. Оказывается, он выдавал себя за святого, иначе его прогнали бы на все четыре стороны. Деревенские терпеть не могут чародеев.

Глаза старика затуманились. По щеке сбежала слезинка. Он вяло махнул рукой:

— Идите. Оставьте меня с моим горем.

Глава 22

Данкен изнывал от беспокойства. У него возникли непредвиденные затруднения, причем такого рода, с какими он столкнулся впервые в жизни, поскольку до сих пор избегал лжи, говорил, что думал, и всегда придерживался той точки зрения, что откровенность гораздо лучше самого утонченного лукавства. И надо же такому случиться — он обманул, и не просто обманул, а совершил бесчестный поступок! Амулет, вернее, талисман — так отозвался о нем Катберт — принадлежал по праву Диане, и Данкен неоднократно говорил себе, что надо бы вернуть его законной владелице. Ведь Диана — правнучка Вульферта, то есть наследница скончавшегося чародея. Тем не менее юноша помалкивал; мало того, склонил к обману своих товарищей.

Катберт уверяет, что талисман не имеет силы. Однако Вульферт, прадед Дианы, был, похоже, настолько убежден в обратном, что предпочел стать изгоем, нежели признать правоту других чародеев. И каким-то неведомым образом это его убеждение передалось Данкену. Юноша полагал, что талисман и впрямь наделен известным могуществом. Потому-то он и солгал Диане. Ведь подобное подспорье на долгом и опасном пути дороже золота. Он обманул не ради собственной выгоды, а ради манускрипта, который необходимо во что бы то ни стало передать оксенфордскому клирику. Впрочем, какая разница? Он запятнал себя ложью. Однако его

милость архиепископ, помнится, сказал, что в манускрипте, возможно, заложено будущее человечества, что этот пергамент — единственная надежда, которая осталась у людей. Если так, то бесчестье — поистине ничтожная цена за подтверждение подлинности манускрипта.

Так или иначе, Данкен терзался угрызениями совести. Он чувствовал себя так, словно вывалился в грязи. Однако не сгущает ли он краски? Внезапно юноша осознал, что различие между добром и злом, правдой и кривдой, то различие, которое он проводил до сих пор чуть ли не по наитию, сделалось зыбким и смутным. Прежде с ним такого не случалось. Ну разумеется, мысленно усмехнулся Данкен, ему же не приходилось принимать сколько-нибудь серьезных решений.

Он сидел на нижней ступеньке каменной лестницы, что вела к портику, и глядел на парк, который тянулся от лужайки перед Замком до кольца монолитов. Парк пересекали в разных направлениях извилистые тропинки и вымощенные кирпичом дорожки. Лужайку украшали каменные скамьи, фонтаны с бассейнами и цветочные клумбы. Планировка парка и лужайки свидетельствовала о неплохом вкусе владельцев Замка.

Чудесное местечко, подумалось Данкену, пускай даже его красота не естественная, а рукотворная, созданная, к тому же, не обыкновенными людьми, а великими чародеями, которые превзошли своим волшебством саму природу. Над Замком витал дух умиротворения, несовместимый с представлениями Данкена о чародействе.

Теперь юноша понимал, насколько глубоко заблуждался, мня чародеев подручными дьявола. Хотя, если верить молве, среди них попадались такие, кто обращался ко злу. Искушение злом — вечная мука тех, кому довелось овладеть непостижимым могуществом, однако отсюда вовсе не следует, что они неминуемо подчинятся искушению. Их могущество столь велико в силу того, что они обладают громадными познаниями. Вот, наверное, почему в народе бытует враждебное отношение к волшебникам. Простые люди воспринимают даже незначительное превосходство в знаниях как нечто подозрительное; они отвергают все, что не могут понять, а деяния волшебников неизмеримо выше уровня мышления невежественной толпы.

Конрад с Крошкой развлекались тем, что играли поблизости от монолитов в «принеси палку». Конрад швырял как можно дальше подобранную с земли ветку, а Крошка, вне себя от радости, поскольку играть ему доводилось нечасто, мчался вдогонку и приносил палку обратно. Он так утомительно прыгал и вертелся волчком, что ни капельки не напоминал грозного боевого пса. Дэниел и Красотка наблюдали за игрой со стороны. Как показалось Данкену, во взгляде коня сквозило осуждение, как будто Дэниел считал, что такое поведение недостойно Крошки. Красотка же всем своим видом выказывала неподдельный интерес. Швырни Конрад палку ей, она бы, пожалуй, справилась не хуже мастифа. Время от времени Красотка опускала голову и принималась щипать траву.

Неподалеку разлегся на лужайке Хьюберт, старый грифон Дианы. Он совсем по-кошачьи свернул свой длинный хвост и медленно водил головой из стороны в сторону. Зеленая трава подчеркивала золотистую рыжину могучих лап.

Услышав позади шорох, Данкен обернулся и увидел Диану — совершенно иную, чем та, к которой он успел уже привыкнуть. Прозрачное, плотно облегавшее фигуру платье ниспадало до самых пят; в талии его перехватывал пояс. Оно было бледно-желто-зеленым, цвета первой весенней листвы на плакучей иве. Огненно-рыжие волосы Дианы составляли платью разительный контраст.

— Миледи! — воскликнул Данкен, вскакивая на ноги. — Вы восхитительны!

— Благодарю вас, сэр, — улыбнулась Диана. — И то сказать, сколько можно расхаживать в мужской одежде?

— Даже в ней вы выглядели очаровательно. А сейчас...

— Я редко одеваюсь подобным образом. Но когда в Замке гости, положение обязывает.

Она присела на ступеньку.

— Я следил за Конрадом, как он играет с Крошкой, — проговорил Данкен, усаживаясь рядом.

— Та еще парочка, — фыркнула Диана. — Вы давно их знаете?

— С Конрадом мы вместе росли, а Крошка попал ко мне щенком.

— Мэг колдует на кухне, готовит нечто невразумительное из кислой капусты и свиных голяшек. Утверждает, что давным-давно мечтала о таком блюде. Вы как, не откажетесь?

— Ни в коем случае, — заявил Данкен. — А что поделявает отшельник? Я не видел его с самого утра.

— Бродит по парку. То и дело останавливается, опирается на свой посох, стоит и смотрит в никуда. Станный он человек.

— Он просто запутался в собственных мыслях, — объяснил Данкен. — Его постоянно одолевают сомнения. Он никак не может определить, к чему предназначен. Долгие годы безуспешно пытался стать святым, а ныне сделался ратником Господа и, кстати, проявил себя совсем неплохо.

— Бедняжка, — посочувствовала Диана. — Жаль, что он не понимает себя. Ну да ладно. А как вам Катберт?

— Чародей, — ответил Данкен уважительно. — Вот только не всегда можно сообразить, куда он клонит.

— Он выживает из ума, — заявила Диана.

— Вы уверены? — недоуменно спросил Данкен.

— А вы нет? — отозвалась Диана. — Когда-то ему не составляло труда решить наисложнейшую задачу, а теперь он не в состоянии вспомнить то, о чем рассуждал мгновение назад. Я боюсь, как бы он ненароком чего-нибудь себе не повредил.

— Мне кажется, его что-то тревожит.

— Он последний из чародеев, которые обитали в Замке на протяжении столетий. Они стремились сохранить свой союз, набирали учеников, но у них ничего не вышло. Сдается мне, время великих чародеев миновало. Чтобы стать волшебником, необходим особый дар — способность усваивать громадное количество сокровенных знаний и умение пользоваться ими. Может быть, этого мало. Может быть, нужен талант, врожденная склонность к ворожбе. Сегодня на свете людей с такой склонностью раз-два и обчелся.

— А вы?

— Женщины редко достигают успеха в чародействе, — откликнулась Диана, покачав головой. — Возможно, дело в том, что тут требуется мужской ум. По всей вероятности, существует некоторая разница между умами мужчины и женщины. Я пыталась чего-то

добиться, и наставники поощряли мои усилия, ибо по-прежнему восхищались Вульфбертом, хотя и изгнали его, а потому считали себя обязанными каким-то образом отблагодарить того, кто был, несмотря на свои недостатки, величайшим из всех чародеев Замка. Однако мне не удалось подняться выше начального уровня, потому что я не гожусь для волшебства. Разумеется, в открытую так не говорили, я догадалась сама, что из меня никогда не получится настоящей чародейки. А раз так, чего попусту тратить время? Миру не нужны волшебники-неумейки.

— Тем не менее вы живете в Замке чародеев.

— Опять-таки потому, что во мне течет кровь Вульфберта. Так сказать, дань памяти. Когда мои родители умерли от чумы, что свирепствовала в наших краях, Катберт впервые в жизни покинул Замок, разыскал меня и объявил, что я — правнучка его близкого друга, который, как я теперь знаю, к тому времени уже умер. Ну вот, Катберт привез меня в Замок. Чародеи заменили мне родителей. Я полюбила их и потому постаралась научиться ворожить, однако не смогла. Вы понимаете, о том, как попала сюда, я рассказываю вам со слов Катберта, ибо сама была тогда слишком маленькой, чтобы что-то запомнить. Да, чародеи воспитывали меня и подарили мне Хьюберта, который раньше принадлежал Вульфберту. Естественно, прадед не мог взять грифона с собой.

— Рано или поздно Катберт умрет, — проговорил Данкен. — Что вы тогда будете делать? Останетесь здесь?

— Не знаю, — призналась Диана. — Я предпочитаю не задумываться об этом. Без Катберта тут мне будет одиноко. Но мир за пределами магического круга — не для меня. Я не понимаю, что там к чему, не имею ни малейшего понятия, как себя вести. Вдобавок, в конце концов выяснится, что мой предок был чародеем. Боюсь, тогда мне не избежать неприятностей.

— Мир может быть жестоким, — произнес Данкен, — и, к сожалению, часто бывает беспощаден.

Диана подалась вперед и прикоснулась губами к щеке юноши.

— Мир может быть добрым, — возразила она, — и ваша доброта тому доказательство.

— Спасибо, миледи, — сказал Данкен, — спасибо за похвалу и за поцелуй, особенно за последнее.

— Вы смеетесь надо мной.

— Ни в коем случае. Я искренне благодарен вам, Диана, тем более что ничем не заслужил такой чести.

— Катберт хотел вас видеть, — резко сменила тему Диана.

— Хорошо, — согласился Данкен. — А потом мы двинемся дальше.

— Куда вы торопитесь? Отдохните как следует. Вам просто необходимо отдохнуть.

— Мы и так задержались, — пояснил Данкен. — Нам давно надо было быть в Оксенфорде.

— Оксенфорд подождет.

— Прошу прощения, миледи, однако вы ошибаетесь.

— Пойду проведаю Катберта, — заявила Диана, поднимаясь со ступеньки. — Его нельзя надолго оставлять одного.

— Я с вами, — сказал Данкен. — Он ведь хотел меня видеть?

— Не сейчас. Я позову вас.

Глава 23

— Вы куда-нибудь спешите, сэр? — осведомился Царап, едва Данкен вошел в залу, посреди которой возвышалась колонна с прикованным к ней демоном. — Если нет, не уделите ли вы мне толику вашего внимания? Поболтайте со мной, сэр. Знаете, когда крутом сплошной камень, не с кем и словечком перекинуться, так становится порой тошно, что хоть на стенку лезь.

— Вообще-то я ничем не занят, — отозвался Данкен, приближаясь к колонне. — Госпожа Диана отправилась к чародею, а мои товарищи развлекаются кто как умеет. Так что мы с тобой вполне можем побеседовать.

— Здорово! — воскликнул демон. — До чего же приятно коротать время в достойной компании! Но вам нет никакой необходимости стоять задрав голову, иначе вы наверняка свернете себе шею. Помогите мне спуститься, и мы с вами сядем вон на ту скамью. Цепь достаточно длинна, поэтому все будет в порядке.

Данкен вскинул руки. Демон повалился вниз. Юноша подхватил его и осторожно опустил на пол.

— Если бы не распухшая нога и не цепь, я бы запросто спустился сам, — сообщил Царап. — По правде говоря, я так и делаю, когда мне наскучивает торчать наверху. Но зрелище, сэр, поистине жалкое. — Он вытянул перед собой свои изуродованные артритом руки. — Тем более что на них рассчитывать тоже не приходится.

Человек и демон уселись на скамью. Царап положил ногу на ногу, пошевелил той, которая распухла, и цепь негромко звякнула о каменный пол.

— Помнится, — сказал демон, — я вам объяснял накануне, как вышло, что меня прозвали Царапом, Молодым Царапом, если быть точным, и что Старина Царап — вульгарная кличка Его Важности повелителя преисподней. Прозвали так прозвали, никуда не денешься, но я, сами понимаете, не в восторге. В конце концов, что я, собака, что ли? Даже грифона госпожа кличет Хьюбертом — вполне пристойное имя, гораздо симпатичнее, нежели Царап. Сидя на колонне, я размышлял о многих вещах и в частности о том, какое имя пришлось бы мне по вкусу. Я перебрал сотни имен, подыскивая какое-нибудь поприличнее и поблаговзвучнее; торопиться мне было некуда, так что я взвешивал каждое имя, рассматривал его, так сказать, под разными углами, пробовал на слух; после многих лет мучительных исканий, набрел-таки на то, которое мне, кажется, подходит и в котором нет ничего оскорбительного для меня. Спорим, вы не угадаете, какое?

— Не угадаю, — согласился Данкен. — Считай, что я спросил.

— Уолтер, — заявил Царап. — Чудесное имя, правда? Как по-вашему? Все такое круглое, раскатистое и ничуть не похоже на прозвище. Впрочем, его можно сократить до Уолта. Однако, если бы меня звали Уолтером, я бы не допустил никаких сокращений. Такие имена не сокращают. Доброе, славное имечко, под стать тому, чье поведение заслуживает исключительной похвалы.

— Значит, вот как ты проводишь время, — хмыкнул Данкен. — Придумываешь себе новое имя. Что ж, занятие не хуже других.

— Я занимаюсь не только этим, — сообщил Царап. — Я много воображаю. Например, как бы все перевернулось, сложились обстоятельства иначе. Если бы я был прилежным учеником, если бы не отлынивал от учебы, то теперь был бы уже старшим демоном или — как знать? — младшим бесом. Я бы, наверно, сделался куда крупнее. Хотя, хотя... Я сызмальства был коротышкой; может быть, в том и лежит причина всех моих несчастий. Сдается мне, коротышки заведомо обречены на неудачу. Однако воображение у меня развито не по

росту. Ну так вот, я воображаю себя старшим демоном или даже младшим бесом, эдаким брюхастым типом с волосатой грудью и гнусной ухмылкой на физиономии. Чего мне, кстати, никогда не удавалось добиться, так это гнусной ухмылки, от которой у человека стыла бы в жилах кровь.

— Мне нравится, что ты философски относишься к своей участи, — заметил Данкен, — не особенно жалуешься и не клянешь белый свет.

— А что толку жаловаться? — с горечью в голосе осведомился Царап. — Любить меня никто не полюбит, скорее наоборот. Скажите на милость, кто способен полюбить страдальца? Правда, не мне бы рассуждать о любви, ибо я ни от кого ее не видел. Разве можно любить демона? Да, некоторые меня жалеют, но ведь жалость — не любовь. Чаще же всего надо мной смеются. Люди потешаются над моим хвостом, над распухшей ногой и перекрученным рогом. А насмешку, милорд, вынести совсем не просто. Если бы от меня шарахались в ужасе или кривились от отвращения, мне бы и то было бы легче. Отвращение можно пережить.

— Я не смеюсь над тобой, — сказал Данкен, — и не то чтобы сильно жалею, но и о любви речи не идет.

— Я от вас ничего такого и не ждал, — отозвался Царап. — Пожалуй, того, кто признается мне в любви, я первым делом заподозрю в злом умысле.

— Разумно, — одобрил Данкен. — Однако, раз мы выяснили, что меня тебе не стоит опасаться, могу я задать один вопрос?

— Сочту за честь ответить на него, милорд.

— Что ты знаешь об Орде? Должно быть, ты почерпнул кое-какие сведения из разговоров чародеев, что обитали в этом Замке?

— Так и есть. Но что конкретно вы хотите узнать? Кстати говоря, вы вроде бы свели со Злыднями близкое знакомство? Мне передали, вам пришлось отбиваться от них в окрестностях Замка.

— Да. Но их было мало, в основном — безволосые. Какова же численность Орды на самом деле и сколько у Злыдней разновидностей, мне неизвестно.

— Безволосые, — пустился объяснять Царап, — если я правильно понял, кого вы имеете в виду, — это дозорные, охранники рубежей, сторожевые псы. Они в действительности не принадлежат к Орде. Все их до-

стоинство — крепкие мышцы. Колдовать они если и могут, то совсем чуть-чуть.

— А остальные? Я разговаривал с человеком, который утверждал, что ему доводилось видеть других. Он называл их бесами и демонами, однако мне кажется, что такие определения здесь не годятся. В схватке на равнине я убил одного Злыдня, а Крошка прикончил второго, и оба они не относились ни к бесам, ни к демонам.

— Вы совершенно правы, — сказал Царап. — Бесы и демоны — исконные обитатели нашего мира, а Орда явилась со звезд.

— Мне говорили об этом, — кивнул Данкен.

— Злыдни — порождение иных миров, которые, как я подозреваю, сильно отличаются от нашего. Отсюда вполне логично предположить, что Зло, которое сеет Орда, ничуть не похоже на зло Земли. Злыдней столько, причем самых разных форм и размеров, что их не перечесать. Пришельцы, одна только чужеродность которых уже повергает в ужас! Сдается мне, на Земле не найти таких существ, с какими можно было бы сравнить Злыдней. Лично я полагаю, что истинного Злыдня нельзя вообразить.

— Мне как-то сказали, — заметил Данкен, — что Орда на деле не орда, а рой. Как по-твоему, что сие означает?

— Не знаю, — признался Царап. — Понимаете, я лишь излагаю вам то, что слышал от чародеев.

— Понимаю. Однако что касается роя... О нем упомянул некий пасечник, с которым мы перед тем беседовали о пчелах. Ты не видишь тут никакой связи?

— Однажды, — проговорил демон, — я подслушал разговор... Может статься, он вас заинтересует.

— Ну-ка, ну-ка, — встрепнулся Данкен.

— В пору, когда Орда принимается за опустошение той или иной местности, как то происходит сейчас на севере Британии, — начал Царап, — Злыдни склонны собираться вместе громадной толпой, какую можно, пожалуй, уподобить пчелиному рою. Чародеи, суть беседы которых я вам передаю, были весьма озадачены сообщениями об этом, тем более что обычно, то есть когда опустошения и не предвидится, Злыдни предпочитают, как явствует из наблюдений, действовать пооди-

ночке или, в крайнем случае, небольшими группами. Однако со временем они стекаются в одно место...

— Погоди, погоди, — перебил Данкен. — Похоже, мы нашли зацепку. Не так давно я разговаривал с ученым человеком, и тот сказал мне, что Злыдни опустошают местность, дабы осуществить без помех собственное омоложение. Мол, нечто вроде того, как поступают иные церковники. Может...

— И впрямь похоже! — воскликнул демон. — Я никогда не слышал об омолаживании, однако такое вполне возможно. Тесная близость, чуть ли даже не слияние, и как результат — обретение новых сил, обновление себя. Ну, что скажете? На мой взгляд, все ясно.

— Я рад, что мы с тобой мыслим одинаково.

— Теперь понятно, при чем тут рой.

— Кажется, да. Хотя всей правды мы не знаем, и вряд ли нам доведется когда-нибудь ее узнать.

— Жаль, — вздохнул Царап, — уж больно хороша теория. Вы ведь говорили с Катбертом. Что он вам ответил?

— По поводу роя — ничего. Я не стал упоминать, а он если и имел какие-то соображения, то предпочел их не высказывать. Гипотеза насчет омоложения показалась ему, по-моему, не заслуживающей внимания. Он сказал, что Орда чем-то напугана, а потому объединяет силы и пребывает, вдобавок, в растерянности. Послушай, Царап, если бы тебе пришлось выбирать, если бы от выбора было не отвертеться, на чью сторону ты бы встал?

— Вы можете заподозрить меня в неискренности, — отозвался демон, шевельнув ногой, отчего вновь зазвенела цепь, — но я бы остался с людьми. Пускай меня и моих родичей упрекают в злодействе, однако мы злодеи здешние, то бишь земные. Я не собираюсь примыкать к чужакам, ибо мы с ними совершенно разные. У зла много облиций, которые сильно разнятся между собой, хотя по сути едины.

На лестнице, что сбегала в залу с балкона, послышались шаги. Данкен обернулся и увидел Диану. По-прежнему облаченная в свое роскошное платье, та как будто парила над ступеньками. Если бы не цокот каблучков, можно было подумать, что она обрела способность летать. Юноша вскочил со скамьи, демон весь пододбрасываясь и соорудив кислую гримасу.

— Царап, ты почему вниз? — спросила Диана.

— Миледи, — поспешно вмешался Данкен, — не ругайте его. Это я виноват. Мне не хотелось стоять задрав голову, поэтому я пригласил Царапа присесть со мной рядом на скамью.

— Он здорово вам надоедал?

— Ни капельки. Мы с ним очень хорошо поговорили.

— Полезу-ка я обратно, — буркнул демон.

— Подожди, я тебя подсажу, — сказал Данкен. Он нагнулся, подхватил Царапа и поднял так высоко, что тот без труда перебрался на свое привычное место. — Приятно было побеседовать. Спасибо, что помог мне скоротать время.

— Вам спасибо, милорд. Надеюсь, мы вернемся к нашей беседе?

— Разумеется, — уверил Данкен и повернулся к Диане, которая ожидала его у выхода из залы.

— Я хотела показать вам парк, — сказала она, — если вы, конечно, не против.

— Ни в коем случае, — откликнулся юноша. Он предложил Диане руку и повел молодую женщину вниз по лестнице. — Как себя чувствует Катберт?

— Хуже, чем вчера, — ответила Диана, печально качая головой. — Я беспокоюсь за него. Он становится таким беспомощным! Я рискнула оставить его только потому, что он заснул.

— Может, мне не следовало заходить...

— Вы тут ни при чем, — возразила Диана. — Просто болезнь постепенно берет свое. Иногда он немного оживает, но такое случается все реже. Он сильно сдал с тех пор, как я покинула его и отправилась на поиски Вульфберта. Наверно, мне нужно было остаться, но он сказал, что справится сам...

— Вы любите его, как отца.

— Он заменил мне родителей, вырастил и воспитал. Мы с ним одна семья.

Спустившись по лестнице, они свернули на тропинку, которая уводила в дальнюю часть парка. Там расстилась лужайка, а поблизости протекала река, отгороженная от Замка шеренгой величественных монолитов.

— Вы наверняка считаете, что я строга с Царапом, — проговорила Диана.

— Мне так показалось. Почему бы не разрешить ему слезать с колонны и сидеть на скамье?

— Так он изводит всех своей болтовней! Ныне в Замке редко бывают гости, но в прежние времена к нам заглядывало много людей, и он приставал к каждому с просьбой поговорить с ним, чуть ли не когтями вцеплялся. Катберт, да и остальные, воспринимали его как досадную помеху.

— Понятно, — сказал Данкен. — По-моему, он вовсе не такой уж плохой. Правда, я не знаток демонов, так что...

— Данкен...

— Что?

— Давайте поговорим о серьезных вещах. Мне нужно кое-что сообщить вам, прямо сейчас, иначе я никогда не соберусь.

Они остановились на повороте тропы, которая огибала в этом месте березово-сосновый перелесок. Данкен заметил, что Диана вдруг побледнела.

— Неужели у вас столь дурные вести? — воскликнул он, подразумевая изменившееся выражение лица своей спутницы.

— Боюсь, что да, — призналась Диана. — Помните, около часа назад вы сказали, что торопитесь в путь, а я предложила вам задержаться подольше и как следует отдохнуть?

— Да, помню.

— Мне надо было объяснить вам сразу... Но я не смогла. Не хватило смелости. — Увидев, что юноша раскрыл было рот, она жестом попросила его помолчать. — Выслушайте меня. Иной возможности уже может не представиться. Данкен, дело вот в чем: вам не уйти отсюда. Вы не в силах покинуть Замок.

Юноша ошеломленно воззрился на нее, не в состоянии постичь смысл прозвучавшей фразы.

— Что значит «не уйти»? — пробормотал он. — Я не...

— Вы не можете уйти, понимаете? Вас не выпустит то самое волшебство, какое охраняет Замок. Его не превозмочь.

— Однако вы говорили, что у вас бывали гости. И потом, вы с вашим грифоном...

— Это связано с магией, — ответила Диана, — той, которая заключена в человеке. Чтобы воспользоваться ею, нужно обладать немалыми познаниями в ворожбе. Все наши гости были искусными чародеями и потому

могли проходить туда, куда простым смертным путь заказан. И я тоже кое-что знаю...

— Вы разумеете, что, поскольку никто из нас не обладает...

Диана кивнула. В ее глазах блеснули слезинки.

— А вы нам не поможете? Вы или Катберт?

— Нет. Тут приходится полагаться только на себя.

— Черт побери! — процедил Данкен, чувствуя, как закипает внутри ярость. — Зачем же вы велели нам бежать в Замок? Ведь вы знали, что произойдет, знали, что мы угодим в ловушку! Вы знали...

Заливаясь слезами, она взглянула на него и быстро отвернулась.

— Иначе вы бы погибли, — прошептала она. — Мы отразили первый натиск Злыдней, однако они бы не успокоились. Они бы вернулись и покончили с вами, загнали поодиночке, как диких животных. Понимаете?! Пожалуйста, поймите меня! — Диана в отчаянии всплеснула руками и шагнула к Данкену. Юноша привлек ее к себе, крепко обнял, и она прильнула к его груди и заплакала в голос, не стыдясь рыданий. — Я не спала всю ночь, — проговорила она какое-то время спустя. — Никак не могла решить, сказать вам или промолчать. Я даже хотела попросить Катберта, чтобы он объяснил вам, что к чему, но потом сообразила, что так не пойдет. Раз я виновата, мне и отвечать. Ну вот, теперь вы знаете...

Глава 24

Когда Данкен кончил рассказывать, воцарилось молчание, как будто слушатели пребывали в таком изумлении, что у них отнялись языки. Первой опомнилась Мэг, которая постаралась развеселить товарищей.

— Ну и ладно! — воскликнула она. — И то сказать, лучше местечка, пожалуй, и не найдешь. Обидно, конечно, зато приятно будет умирать.

Ее веселость никого не обманула.

— Выходит, нужно быть сведущим в сокровенных знаниях, — пробормотал Конрад. — А где бы нам их приобрести, милорд?

— Не знаю, — отозвался Данкен. — Мне кажется, тут нам ловить нечего. Во-первых, эти знания необычайно обширны. Во-вторых, вполне может оказаться, что мы не в состоянии их усвоить. В-третьих, кто нас будет учить? Катберт умирает, Диана сама знает всего ничего. К тому же, насколько я понял, она всякий раз произносит некое заклятье...

— Ясно, — буркнул Конрад. — Вдобавок, учиться нам некогда. Время поджимает.

— Поджимает, — согласился Данкен. — Здесь умирает Катберт, а в Оксенфорде — епископ Уайз, к которому мы, собственно, и направляемся.

— А как насчет Крошки, Дэниела и Красотки? Их учи не учи волшебству, толку не будет. А расставаться с ними лично я не собираюсь.

— Возможно, все не так плохо, — сказал Данкен. — Возьми хотя бы грифона Дианы: он летает туда-сюда, не имея наверняка ни малейшего представления о чарах и прочей дребедени.

— Зачем искать учителей, когда есть книги? — вмешался Эндрю. — Я с утра бродил по Замку и случайно попал в библиотеку. Ручаюсь, вы вообразить себе не можете, сколько там книг!

— У нас нет времени, — проговорил Данкен. — Тем более, мы даже не догадываемся, какого рода знание необходимо, чтобы выбраться отсюда, а потому неизбежно задержимся на неопределенный срок, пока не изучим все, что можно. И потом, я предвижу затруднения с языком. Многие книги, скорее всего, написаны на древних наречиях, которые сегодня почти не употребляются, по крайней мере, среди обыкновенных людей.

— Что касается меня, — заявил Эндрю, — особой трагедии в случившемся я не вижу. Я бы охотно поселился здесь: место и впрямь замечательное, просто рай для отшельника. Однако я искренне сочувствую вам. Вы так стремились в Оксенфорд!..

— Мы должны попасть туда! — бросил Конрад, стукнув по земле дубинкой. — Должны и попадем! Я уверен, если поискать, выход непременно найдется.

— Я согласен с тобой, — сказал Данкен.

— Между прочим, — проговорил Эндрю, — меня посетило предчувствие беды. Когда я увидел птиц и бабочку...

— Ради всего святого, — воскликнул Данкен, — при чем тут птицы и бабочки?!

— Я обнаружил их в том лесу, что начинается сразу за камнями, — сообщил Эндрю. — Птицы сидели на ветках и не шевелились, будто вдруг позамерзли, хотя выглядели вполне живыми. А на стебле молочая пристроилась маленькая желтая бабочка. Она тоже словно застыла. Вы, верно, замечали, что бабочки не сидят спокойно. Они то складывают крылышки, то вновь разворачивают. Ну вот, а эта, сколько я на нее ни смотрел, даже не шелохнулась. Мне почудилось, хотя утверждать не берусь, я различаю на ее тельце тонкий слой пыли, как если бы она сидела на цветке так долго, что успела запылиться. По-моему, лес — заколдованный. Время тут остановилось для всех, кроме людей и

Хьюберта. То есть окрестности выглядят так же, как выглядели в пору строительства Замка.

— Интересно, — пробормотал Данкен. — Значит, время остановилось? Может быть, может быть. Замок смотрится как новый, а монолиты будто только вчера вытесали...

— Однако снаружи, — прибавил Конрад, — в том мире, из которого мы бежали, Замок лежит в развалинах, а камни почти все попадали. Скажите мне, милорд, что происходит?

— Волшебство, — проговорила Мэг. — Необыкновенно сильное волшебство.

— Нас уже пытались зачаровать, — заявил Конрад, — и ничего не вышло.

— Те чары предназначались всего лишь для того, чтобы запутать нас, вынудить свернуть с тропы, — объяснила Мэг. — Здешнее волшебство гораздо могущественнее.

А она права, подумалось Данкену. Несмотря на все старания убедить друг друга в том, что выход из положения существует, несмотря на браваду Конрада, следовало, пожалуй, признать, что из Замка им не вырваться.

Путники сидели на той же нижней ступеньке лестницы, что вела к портику. Перед ними простиралась лужайка, на краю которой поблизости от монолитов, паслись Дэниел и Красотка. Грифон Хьюберт лежал на том же месте, что и раньше. Очевидно, он был настолько стар, что двигаться предпочитал как можно меньше.

— А где Крошка? — спросил Данкен.

— Да где-нибудь тут, — отозвался Конрад. — Пять минут назад рыл землю — хотел, видно, поймать мышь.

Что ж, сказал себе Данкен, они очутились в ловушке, устроенной с изумительным коварством. Манускрипт теперь ни за что не попадет в Оксенфорд; мало того, он навсегда потерян для человечества — по крайней мере, оригинал. Слава Богу, что монахи догадались сделать две копии! Лорд Стэндиш, владеец Стэндиш-Хауса, и его милость архиепископ будут ждать вестей, а их не будет, не будет, и все. Данкен? Конрад? Сгинули без следа, канули в небытие. Впрочем, возможно, удастся переправить весточку — через Диану. Ее здесь ничто не удерживает, так что она, если, конечно, пожелает, может долететь до Стэндиш-Хауса, даже заодно прихватив с собой манускрипт. Тогда придется снова посы-

лать кого-то через Пустошь в Оксенфорд. Нет, не через Пустошь — этот путь чересчур опасен. Нужно отправить манускрипт морем. Пираты все-таки не Злыдни. И потом, как знать, — вдруг достанет времени на то, чтобы собрать сильный флот, способный отразить нападение пиратов.

— Милорд, — окликнул Конрад Данкена.

— Да?

— Надо бы посоветоваться.

— Ну? Что такое? Давай выкладывай.

— Злыдни не хотят, чтобы мы добрались до Оксенфорда, так? Сдается мне, они не хотят, чтобы мы вообще куда-либо добрались. Они раз за разом старались остановить нас. Что ж, им это удалось. Больше они нас могут не опасаться.

— К чему ты клонишь?

— Леди Диана.

— Что «леди Диана»?

— Может, она заодно с ними? Может, она нарочно нас сюда заманила?

На щеках Данкена заалел румянец. Юноша открыл было рот, но сдержался и промолчал.

— Я думаю, Конрад ошибается, — поторопился встать Эндрю. — Она дважды выручала нас из беды. Наверяд ли она поступила бы так, если бы была заодно со Злыднями.

— Наверно, — хмуро согласился Конрад. — Однако лучше подозревать друга, чем прозевать врага.

Вновь установилось молчание. Данкен вернулся к мысли о доставке манускрипта в Оксенфорд кружным путем. Он понимал, что эта затея заранее обречена на провал. Разумеется, Диана может долететь до Стэндиш-Хауса и рассказать лорду Дугласу и его милости, что произошло; однако дорога морем заказана. Ведь недаром Стэндиш-старший и архиепископ выбрали именно этот путь, через Пустошь. Вполне возможно, отец снова попытает счастья на суше: соберет дружину и отправит ее в поход. Но тут надеяться не на что. В шайке Потрошителя было без малого тридцать человек, и где они? Все мертвы. Им самим, продолжал размышлять Данкен, пока везет, к тому же их оберегает талисман. Но подожди-ка! Что мешает Диане, если она согласится, полететь не на север, а в Оксенфорд? Она передаст

манускрипт епископу Уайзу, дождется ответа и прилетит обратно. Все очень просто.

Увы, вздохнул про себя Данкен, все это, к сожалению, беспочвенные фантазии, тщетные попытки отыскать хоть какую-нибудь лазейку. Он не рискнет расстаться с манускриптом, не отдаст его ни Диане, ни кому другому. Почему? Да потому, что не доверяет ни одному человеку, за исключением Конрада. В конце концов, кто заманил их сюда, в колдовскую ловушку? Диана. Теперь она извиняется, даже плачет, однако извиниться куда легче, нежели исправить содеянное, а слезы быстро высыхают. Вдобавок, манускрипт доверили только ему; выходит, он просто не имеет права отдавать документ в чужие руки. Он — единственный, кто облечен, можно сказать, доверием Господа! Данкену стало стыдно, что он забыл, в чем клялся, когда брал у архиепископа драгоценный пергамент.

— Вот еще что, — прибавил Конрад. — Надо поговорить с демоном: а вдруг он сумеет нам помочь? Может, у него есть в запасе пара фокусов. Если мы пообещаем, что отпустим его на волю, если убедим...

— Лично я, — заявил Эндрю, — не собираюсь сговариваться с демоном. Он — исчадие ада.

— А мне показалось, с ним можно иметь дело, — заметил Данкен.

— Ему нельзя доверять, — возразил Эндрю. — Он рано или поздно обязательно подведет.

— Ты утверждал, что нам не следует доверять Шнырки, — буркнул Конрад. — Между тем послушай мы гоблина, нас бы тут не было. Он предупреждал, чтобы мы не подходили к замку.

— Поступайте, как вам вздумается, — фыркнул Эндрю. — Я умываю руки. А вы хоть целуйтесь со своим демоном.

— А если он нам поможет?

— Ну да, станет он помогать просто так! Помяните мои слова, он своего не упустит!

— Я готов на все, лишь бы спастись, — ответил Конрад.

— Нет, — хмыкнул Эндрю, — такая цена не по мне.

Бесполезно, подумал Данкен. Пускай Царап — на удивление приличный демон, помочь он не сможет. И потом, еще неизвестно, а не притворяется ли он, всего-навсего, таким добродетельным. Как ни крути, выручить

их некому. Диана, если бы могла, давно бы открыла проход на свободу. А уж если ей не под силу, значит, надежда вообще не осталось. Подобное волшебство наверняка рассчитано на то, чтобы на поддаваться на ухищрения всяких глупцов и самозванных чародеев. Итак, пора признавать поражение. Они не могут покинуть Замок, то есть манускрипт не попадет в Оксенфорд; средоточию людских упований, как выразился его милость, уготовано бесславное прозябание в заколдованной глуши.

Данкен тяжело поднялся и двинулся вверх по лестнице.

— Вы куда, милорд? — справился Конрад.

Данкен не ответил, ибо не знал, что отвечать. Он не имел ни малейшего представления о том, куда направляется. Ему почудилось вдруг, будто его голова превратилась в полый шар, внутри которого не сохранилось ни единой мысли. Он сознавал только, что должен уйти; правда, не догадывался — от чего. Внезапно его как осенило: он понял, что уйти не получится, однако упрямо поставил ногу на следующую ступеньку. И тут услышал вопль — душераздирающий, исполненный невыразимого ужаса, нечто вроде полуизга-полувоя, какой, если верить молве, издают души грешников. Данкен застыл как вкопанный, не в силах шевельнуть ни рукой ни ногой. Вопль доносился из Замка. Первая мысль Данкена была о Диане. Однако он быстро сообразил, что Диана так кричать не может: слишком уж низким для женского был этот крик. Кто тогда? Катберт! Неужели Катберт?

Сжав волю в кулак, юноша разорвал путы страха, принудил тело к повиновению, в два прыжка взлетел по лестнице и оказался в зале, где немедленно убедился в правильности своей догадки. Катберт бежал по балкону в своей ночной рубашке с кружевными оборками на воротнике и рукавах и в ярко-красном колпаке. Он размахивал руками, словно отбивался от кого-то невидимого; на лице запечатлелось поистине дьявольское выражение, губы были все в пене. На середине очередного вопля чародей перескочил через балюстраду, перекувырнулся в воздухе, пронзительно взвизгнул и врезался в пол. Весь в белом, за исключением колпака, он лежал на полу такой бесформенной кучей. Данкен рванулся к нему и неожиданно краем глаза заметил

Диану, которая, все в том же платье, сбегала по лесенке, что спускалась с балкона в залу. Он хотел было поднять Катберта на руки, но увидел, что по мозаичному полу растекается лужа крови. Тогда он перевернул чародея, взглянул ему в лицо, вернее, в то, что недавно было лицом, и уложил старика в прежнее положение, а затем двинулся навстречу Диане, схватил ее и не отпускал, хотя она отчаянно пыталась вырваться.

— Не смотрите туда, — проговорил юноша. — Прошу вас, не смотрите.

— Но Катберт...

— Он мертв.

Над ними что-то затрещало. Данкен вскинул голову и увидел, что балюстрада разваливается на глазах. Часть ее рухнула вниз; камни разлетелись в разные стороны, а откуда-то из подвалов Замка раздался протяжный стон. Неожиданно одна из тех колонн вдоль стены, что поддерживали балкон, покачнулась и медленно опустилась на пол, выгнувшись сверкающей дугой, как будто устала и прилегла отдохнуть. Однако, несмотря на всю плавность своего падения, от соприкосновения с полом она раскололась на мелкие кусочки.

— Бежим отсюда! — крикнул Конрад. — Замок рушится!

Исходивший словно из подвалов стон повторился. То стонала от невыносимого напряжения каменная кладка. По стенам залы зазмеились трещины, послышался глухой скрежет. Стены задрожали: это воровались составившие их камни.

— Милорд! — надрывался Конрад. — Бегите, милорд! Бегите, ради всего святого!

Данкену мнилось, что все происходит во сне. Он направился к выходу, таща за собой упиравшуюся Диану. Позади с грохотом осыпались стены. Мэг и Эндрю стояли на лестнице. Конрад кинулся к Данкену, намереваясь, очевидно, помочь хозяину.

— Помогите! — возопил кто-то дурным голосом. — Не оставляйте меня!

Данкен резко обернулся. Демон Царап спрыгнул со своего постамента, очутился на полу и теперь пытался вырвать из колонны цепь, которой был прикован. Данкен подтолкнул Диану, руку которой до сих пор сжимал в ладони:

— Беги! Беги и не оглядывайся!

Не дожидаясь, пока она подчинится, юноша бросился к демону. Однако Конрад опередил его, отпихнул Царапа в сторону, ухватился за цепь и дернул изо всех сил. Цепь тоненько зазвенела, но скоба не поддавалась.

— Разом! — выдохнул Данкен, тоже хватаясь за цепь. — Ну-ка, взяли!

Но скоба словно выросла в камень.

— Бесполезно! — проговорил Конрад. — Ничего не выйдет.

— Посмотрим! А ну! — Данкен отступил на шаг, обнажил клинок, занес над головой и обрушил с размаху на натянутую цепь. Сталь лязгнула о железо, посыпались искры, но цепь выдержала. Данкен ударил снова, потом еще раз, однако результат оказался тем же. Дальняя стена залы исчезла, с потолка падали увесистые булыжники, в воздухе висела каменная пыль, пол усеивали многочисленные обломки. Данкен понимал, что скоро от Замка не останется и следа.

— Бросьте вы эту цепь! — простонал демон. — Отрубите мне ногу, и дело с концом.

— Он прав, — буркнул Конрад. — Слышите, милорд? Иначе нам его не спасти.

— Ложись на пол! — рывкнул Данкен, поворачиваясь к демону. — И подними повыше ногу!

Демон плюхнулся на пол и задрал ногу. Данкен примерился, как лучше нанести удар. Внезапно кто-то отпихнул его в сторону. Оглянувшись через плечо, он увидел Эндрю.

— Отойди! — крикнул юноша. — Отойди, ты мне мешаешь!

Вместо того чтобы послушаться и отойти, отшельник взмахнул посохом. Многострадальная цепь содрогнулась — и лопнула! По-прежнему сжимая в правой руке посох, Эндрю стиснул левой локоть демона и поволок его к выходу.

— Бежим!

Услышав крик Конрада, Данкен побежал. Следом за ним неслись Конрад, а впереди мчался, выказывая изумительную прыть, отшельник Эндрю, осыпаемый проклятиями разъяренного демона, который требовал отпустить его. Едва они выскочили на лестницу, зала с грохотом как бы сложились внутрь себя; над ней поднялось облако пыли. Эндрю наконец внял требованиям Царапа, и демон теперь уже самостоятельно устремил-

ся вниз по лестнице. На лужайке тем временем Мэг боролась с Дианой, не пуская молодую женщину обратно в Замок. За спиной у Данкена, судя по чудовищному раскату, грянулась оземь главная башня.

Данкен бросился к Диане и схватил ее за руку.

— Ты туда не вернешься.

— Катберт, — простонала она. — Катберт!

— Хотела бежать обратно, — проговорила Мэг. — Не знаю, как я ее удержала!

— Все в порядке, — отозвался Данкен. — Мы в безопасности. — Он потряс Диану за плечи. — Пойми, ему уже не поможешь. Катберт мертв. Он разбил себе голову, свалившись с балкона.

Дэниел и Красотка внимательно наблюдали издалека за своими хозяевами и за тем, как рушится Замок. Крошка стрелой неся к лестнице: хвост торчком, уши прижаты.

Грифона Хьюберта нигде не было видно.

Царап подковылял к Эндрю и, склонив голову набок, устоялся на отшельника.

— Благодарю тебя, преподобный отец, — сказал он. — Твой посох воистину чудесен.

Эндрю издал такой звук, будто поперхнулся чем-то невыразимо отвратительным на вкус; лицо его исказилось гримасой омерзения, он побледнел и был, казалось, готов повалиться без чувств на землю.

— Я испугался не смерти, — продолжал Царап. — Сомнительно, чтобы я мог умереть. Нет, смерть мне не страшна. Как это ни ужасно, я подозреваю, что бес-смертен. Однако, если бы Замок обрушился на меня, я бы мыкался под развалинами до тех пор, пока не рассыпались бы в прах сами камни...

— Оставь меня в покое, — выдавил Эндрю, взмахом руки отгоняя от себя демона. — Изыди, мерзкая тварь, я не желаю тебя видеть!

— Ты что, отвергаешь мою благодарность?

— Только ее мне и не хватало. Говорю тебе, изыди! Дай мне забыться.

— Эндрю, — возразил Конрад, — этот калека всего лишь пытается выразить тебе свою признательность. На твоем месте я бы не стал отбрыкиваться. Какая разница, кто он там — демон или не демон? Главное, что он тебя благодарит. И потом, он прав: твой посох и

впрямь чудо. Почему ты не сказал нам, что владеешь столь могучим оружием?

— Убирайтесь! — взвыл Эндрю. — Убирайтесь все! Ну что вы вылупились на меня? Рады моему позору?

Он развернулся и широким шагом двинулся прочь. Конрад, похоже, намеревался пойти за ним, но Данкен удержал приятеля.

— Он же спятил, милорд! — воскликнул Конрад.

— Это пройдет, — откликнулся Данкен. — Дадим ему побыть одному.

Диана высвободила руку и взглянула на юношу.

— Со мной все в порядке, — проговорила она. — Я знаю, что случилось. Смерть последнего чародея положила конец волшебству.

Солнце, которое совсем недавно щедро заливало лучами землю, куда-то исчезло. Со стороны реки напоздали сумерки. Замок превратился в груду развалин, над которой возвышались две уцелевшие башни. Между ними дрожала в воздухе смутно различимая завеса пыли.

— Смотрите, милорд, — пробормотал Конрад. Данкен посмотрел туда, куда указывал товарищ, и увидел при свете луны — луны! — что камни магического круга утратили свою величественность: многие из них наклонились под разными углами к земле, перемычки в большинстве своем попадали в траву. Юноша вновь повернулся лицом к Замку. Тот предстал перед ним таким, каким явился глазам путников, когда они выбрались из расщелины, ветер в которой завывал человеческим голосом и все возглашал: «Свято! Свято! Свято!»

— Кончено, — произнесла Диана глухо. — Последний чародей умер, а вместе с ним умерло волшебство.

— Костры, — буркнул Конрад, ткнув пальцем в направлении холмов.

На равнине действительно теплилось множество огоньков.

— Орда? — спросил демон. — Неужели они поджидали нас?

— Вряд ли, — отозвался Данкен. — Злыдням костры вроде бы ни к чему.

— Скорее всего, Шнырки и его банда, — прибавил Конрад.

— Тебя никто не держит, — сказал Данкен Царапу. — Мы не требуем никакой платы за твое освобождение. Так что, если тебе есть куда идти...

— Вы прогоняете меня?

— Нет, — возразил Данкен. — Если хочешь, оставайся.

— А отшельник? Он наверняка будет против. Признаться, я не понимаю...

— Не обращай внимания, — посоветовал Конрад. — Он проветрится и отойдет.

— Мне некуда идти, — сказал демон. — У меня нет друзей, кроме вас. Возможно, я вам пригожусь. Например, я могу тащить поклажу.

— Оставайся, — повторил Данкен. — Чем дальше мы забираемся, тем диковинней становится наша компания. Так почему бы в нее не затесаться демону?

Внезапно юноша осознал, что под ногами у него уже не бархатистая трава замковой лужайки, а буйное разнотравье, в котором прячутся ямы и буторки. Где-то вдалеке заухала сова, в холмах раздался тоскливый волчий вой. Луна, которой оставалось всего лишь день или два до полнолуния, светила достаточно ярко, чтобы различить во мраке серебристую ленту реки. Спасены, подумал Данкен, спасены снова, в тот самый миг, когда утратили всякую надежду. Кто мог предположить, что со смертью старого чародея волшебство утратит силу? Катберт совершил самоубийство, намеренно или в припадке безумия; он упал с балкона на каменный пол, и его гибель освободила пленников зачарованного Замка.

К Данкену подошла Диана. Он обнял ее и прижал к себе. Она положила голову ему на плечо.

— Мне очень жаль, — проговорил он. — Жаль, что все так вышло.

— Я могла бы догадаться, — промолвила Диана. — Могла бы сообразить, что Замок перестанет существовать со смертью Катберта. Мне кажется, я в глубине души всегда это знала, но старалась даже не думать о подобном исходе.

Данкен обнимал Диану, пытаясь, насколько мог, утешить ее, и разглядывал пылавшие на равнине костры.

— Сколько же их там? — подумал он вслух. — Похоже, Шнырки набрал целую армию.

— Ты не видел Хьюберта? — спросила Диана.

— Нет. Он где-нибудь здесь. Не так давно он лежал на лужайке.

— Боюсь, его я тоже потеряла, — сказала Диана, покачав головой. — Он прожил в Замке так долго, что сроднился с ним.

— Как только рассветет, организуем поиски, — пообещал Данкен. — А глядишь, он и сам явится до рассвета.

— К нам кто-то идет, — заметил Конрад.

— Где?

— Видите, вон, за камнями? Должно быть, Шнырки. Наверно, надо пойти ему навстречу. Они побоятся зайти за камни. Чуют, что что-то случилось, да никак не поймут что.

— Им ничего не грозит, — сказала Диана.

— Они-то о том не знают, — хмыкнул Конрад.

Он двинулся в сторону огней. Остальные последовали за ним, миновали монолиты и увидели впереди пять или шесть крохотных фигурок. Одна из них шагнула к людям и заговорила голосом Шнырки.

— Я же предупреждал вас! — заявил гоблин обвиняющим тоном. — А вы не послушались. Ясно ведь было сказано: не приближайтесь к Замку.

Глава 25

Шнырки опустился на колени и подобрал с земли палку.

— Смотрите, — сказал он. — Я нарисую вам карту, чтобы вы уяснили себе положение дел.

Данкену вспомнилось, как гоблин рисовал им карту в тот день, когда они впервые встретились в церкви. Он наклонился и прищурился, чтобы ненароком не посмотреть чего-либо важного.

— Мы здесь, — сообщил Шнырки, тыкая в землю, затем провел севернее получившейся ямки ломаную линию. — Тут холмы, а вот тут, — с юга появилась новая линия, — река. — На западе гоблин изобразил третью линию, которая сперва шла на юг, потом поворачивала на запад и загибалась к северу.

— Болото, — проговорил Конрад.

— Оно самое, — кивнул Шнырки. Он указал палкой на ту линию, которая обозначала холмы, продолжил ее к востоку и довел до реки. — Орда расположилась здесь, здесь и здесь. Стоит стеной на севере, востоке и юге. В основном безволосые, но есть и другие. В общем, нас прижали к болоту.

— И не прорвешься? — справился Конрад.

— Мы не пытались, — пожал плечами гоблин. — Нам-то что, мы всегда сумеем проскользнуть. Вдобавок, они не станут нас задерживать. Им нужны вы. Они потеряли ваш след, но не сомневались, что вы где-то

поблизости — возможно, в развалинах Замка. Раз так, они решили дожидаться, пока вам надоест прятаться. Словом, положение аховое.

— Ты разумеешь, — сказал Данкен, — что, пока мы находились в Замке, вы так и сидели друг против друга — твои друзья тут, а Злыдни там?

— Не совсем так, — возразил гоблин. — Мы вовсе не сидели сложа руки. Мы наставили кучу ловушек, не слишком, правда, серьезных, но способных сбить с толку, запутать и одурачить кого угодно. Злыдни о них знают, а потому предпочитают оставаться на месте. Как только они двинутся вперед, мы сразу узнаем, ибо какая-нибудь из ловушек обязательно работает.

— Мы вам крайне признательны, — произнес Данкен, — но, признаться, не ожидали, что вы нам поможете.

— Я же говорил, — отозвался Шнырки, — нам ничто не грозит. Мы всегда сумеем ускользнуть. А вот вы в опасности, поэтому вам надо помочь.

— Сколько у тебя народу?

— Несколько сотен. Где-то около тысячи.

— Я и не предполагал, что ты наберешь такое войско! Не ты ли утверждал, что Малый Народец недолюбливает людей?

— Помнится, я прибавил, что Орду мы терпеть не можем. Едва по округе разошлась весть, что маленький отряд людей движется напрямик к логову Злыдней, ко мне со всех сторон начали стекаться те, кто хотел оказать вам посильную помощь. Но лукавить не стану: мои сородичи не будут сражаться за вас. Они далеко не бойцы, а потому рассчитывайте в драке только на собственные силы.

— И на том спасибо, — сказал Данкен.

— Если бы вы послушались меня, — продолжал Шнырки, — дела сейчас обстояли бы иначе. Я вас предупреждал: не приближайтесь к Замку. Когда бы не всегдашнее человеческое везение, вы торчали бы в нем до сих пор. — Гоблин покачал головой. — И чего вам, людям, так везет? Не понимаю.

— У нас не было выбора, — заметил Конрад. — Если бы мы не укрылись в Замке, то наверняка бы погибли.

— Переберись вы через реку...

— Мы не могли этого сделать, — перебил Данкен. — Злыдни догнали бы нас в два счета.

— Отдать вам должное, — буркнул Шнырки, — судя по тому, что мы нашли на поле боя, вы им задали перцу.

— Повезло, — усмехнулся Конрад. — Долго мы бы не выдержали. Нас спасли Диана и Охотник. Они застали Злыдней врасплох...

— Знаю, знаю, — прервал Шнырки.

— Обещаю, что теперь мы в точности исполним твой наказ, — проговорил Данкен. — Ну, что ты нам посоветуешь?

— Ничего, — отозвался гoblin, усаживаясь на корточки. — Просто-напросто ничего.

— То есть как? Совсем ничего?

— Мы судили и рядили, — сказал Шнырки, — гадали, что можно сделать, перебирали все возможности и в конце концов поняли, что нам нечего предложить. Боюсь, капкан захлопнулся.

Данкен искоса поглядел на Конрада.

— Выберемся, милорд, — уверил тот.

— Ну разумеется, — откликнулся юноша.

А не хитрит ли Малый Народец, мелькнула у него мысль; что это — жестокая шутка или еще более жестокая правда?

— Тем не менее, — заявил Шнырки, — кое-чем мы вам можем помочь. Мы разыскали одеяло для леди Дианы, так что она не замерзнет даже в своем тоненьком платьице. А без одеяла она превратилась бы к утру в ледышку.

Данкен, который по-прежнему стоял, наклонившись над картой гоблина, медленно выпрямился и огляделся. За жарко пылавшим костром переминались с ноги на ногу Дэниел и Красотка. Крошка дремал, свернувшись в клубочек рядышком с Конрадом. Вокруг костра располагался Малый Народец — гоблины, гномы, эльфы, духи, пикси. Знакомых среди них не было, если не считать баньши Нэн. Та сидела у огня, укутавшись в собственные крылья; ее глаза сверкали такими самоцветами из-под копны иссиня-черных волос. Данкен попытался определить по лицам, как настроены эти диковинные существа, но попытка оказалась тщетной. Он не увидел ни дружелюбия, ни ненависти, ни даже любопытства, хотя уж оно-то, по идее, должно было

присутствовать. Впрочем, сказал себе юноша, вполне возможно, что они и впрямь изнывают от любопытства, только не хотят этого показывать.

— Слушай, — проговорил Конрад, обращаясь к Шнырки, — неужели против нас собралась вся Орда?

— Нет, — ответил гоблин, — лишь малая ее часть. Сама Орда за болотом, на западе, она направляется вдоль берега на север.

— Чтобы окружить нас со всех сторон?

— Вряд ли. Во всяком случае, если что, Призрак немедленно нас известит.

— Призрак? Где он сейчас?

— Где-то там, — отозвался Шнырки, сопроводив свои слова неопределенным взмахом руки. — Они с Нэн сообщают нам обо всем, что творится на Пустоши. Я надеялся, что прилетят и другие баньши, но, к сожалению, Нэн единственная откликнулась на призыв. Баньши — они такие, каши с ними не сваришь.

— Ты сказал, что Орда вряд ли собирается окружать нас. Что ты имел в виду?

— Призрак считает, что завтра или послезавтра Злыдни переместятся дальше на север, уйдут от болота. Но какая вам разница? Болото вы не перейдете, тут нечего и мечтать. Сплошная трясина, зыбучие пески, бездонные ямы, которых не заметишь, пока не провалишься. Вроде под ногами твердая почва, а шагнул вперед или в сторону — и готово, прощайся с жизнью. Нет, болото ни за что не перейти.

— Посмотрим, — буркнул Конрад. — Коли не останется ничего другого, попытаем счастья на нем.

— Если бы с нами был Хьюберт, — сказал Данкен, — Диана могла бы летать на разведку вместе с Призраком и Нэн.

— Хьюберт?

— Так зовут грифона Дианы. Он куда-то пропал, когда рухнул Замок.

— Утром мы его отыщем, — заявил гоблин.

— Мне кажется, его уже не найти, — вздохнул Данкен.

— Все равно поискать надо. Потерялся ведь не только грифон, верно?

— Верно, — согласился Конрад. — Мы потеряли все: одеяла, кухонную утварь, снедь...

— Не страшно, — успокоил Шнырки. — Миледи, наши портные шьют для вас костюм из оленьей кожи. В таком наряде вы далеко не уйдете.

— Спасибо за заботу, — поблагодарила Диана. — Вот если бы вы еще одолжили мне какое-нибудь оружие...

— Оружие? — переспросил гоблин.

— Мой топор остался в Замке.

— Не знаю, как насчет топора, а меч мы, пожалуй, найдем. Ну да, я даже припоминаю, где можно его взять.

— Я была бы тебе весьма признательна.

— Зачем вам оружие? — фыркнул Шнырки. — Вы попались в ловушку, из которой, сдается мне, не выбраться. Орда не выпустит вас, обзаведись вы хоть целым арсеналом.

Сидевшие у огня существа закивали в знак согласия.

— Ну и трусы же вы, однако, — буркнул Конрад. — Какого черта вы тогда околачиваетесь тут? Давайте собирайте манатки и уматывайте. Обойдемся без вас.

Он поднялся и двинулся прочь, в темноту.

— Извините моего друга, — проговорил Данкен. — Он не из тех, кто мирится с неудачей.

Внезапно юноша уловил краем глаза на границе света и тени мимолетное движение. Он вскочил на ноги. Ему показалось, он различает среди темневших неподалеку деревьев сутулую человеческую фигуру.

— Эндрю? — окликнул он. — Это ты? Что стряслось?

— Что вам от меня нужно?

Судя по его тону, отшельник до сих пор пребывал в расстроенных чувствах.

Данкен решительно направился к нему.

Видя, что спрятаться не удалось, Эндрю выступил из-за дерева.

— Хватит валять дурака, — произнес юноша, окинув отшельника суровым взглядом.

— Я и не валяю, милорд.

— Валяешь. Поговорим?

Свет костра не достигал того места, где они стояли, и потому Данкен не мог увидеть выражения лица Эндрю.

— Помните наш разговор в моей пещере? — пробормотал тот. — Я рассказал вам, как пытался стать настоящим отшельником — читал труды отцов Церквы,

глядел часами на пламя свечи... Я объяснил вам тогда, что у меня ничего не вышло, что все мои попытки обрести хотя бы толику святости пошли прахом. Сдается мне, я даже рассуждал в том смысле, что, наверно, не гожусь для подвижничества. Да, я говорил вам об этом и о многом другом. Я мучился сознанием собственной никчемности, терзался мыслями о том, что все мои надежды и мечты оказались бесплодными, что рвение было напрасным и Господь отвернулся от меня.

— Помню, — сказал Данкен. — Если мне не изменяет память, я подумал тогда, что ты преувеличиваешь. К тому же, ты ведь изъявил желание стать ратником Господа, правильно? Так вот, Эндрю, тебе это удалось. Ты славно послужил Божьему делу, пускай тебя и не назовешь солдатом, а потому не стоит изводить себя глупыми подозрениями.

— Вы не понимаете.

— Что ж, просвети меня, — хмыкнул Данкен.

— Разве вы не видите, к чему привело созерцание свечей? Разве не замечаете, чем обернулось мое желание сразиться за Господа? Я вовсе не уверен в том, что могу именоваться святым человеком. Да что там говорить, сказать так — означало бы совершить непростительный грех! Однако у меня проявились способности, о каких я и не подозревал. Мой посох...

— А, вот оно что, — усмехнулся Данкен. — Тебе не дает покоя тот факт, что ты разорвал цепь, которой был прикован демон? Что она лопнула после твоего удара, хотя мой клинок не причинил ей ни малейшего вреда?

— Я знаю, вы согласитесь со мной, — проговорил Эндрю. — Сам по себе посох не мог разбить цепь. Значит, тут не обошлось без волшебства, которое заключено то ли в посохе, то ли в человеке, что владеет им...

— Конечно, соглашусь, — откликнулся Данкен. — Я сразу понял, что ты приобрел некую чудодейственную силу. Так радуйся, человек! Или ты не доволен, что Господь отметил тебя среди других?

— Да что же это такое, Боже ты мой?! — простонал Эндрю. — Вы никак не хотите услышать меня!

— Признаться, я и вправду слегка запутался.

— На что я употребил дарованную мне силу? Чтобы освободить демона! Демона! Святой человек (если сила

от Господа, выходит, она наделяет меня святостью) освобождает заклятого врага матери-Церкви!

— Не знаю, не знаю, — произнес Данкен. — Как мне кажется, Царап не подходит под образ заклятого врага. Разумеется, он демон, но какой? Не сумевший даже чему-либо научиться, демон-неудачник. Он сбежал из ада, ибо сообразил, что там ему не место. А дьявол со своими подручными и не пытался его остановить, и наш приятель лишний раз убедился в том, что такие, как он, не нужны и в преисподней.

— Вы очень добры, милорд. Только зря вы стараетесь доказать мне, что страшного ничего не произошло. Я же чувствую, что отмечен черной меткой.

— Ерунда! — в голосе Данкена прозвучало раздражение. — Полная ерунда! Какая такая метка?

— Дьявол заклеил мою душу, — изрек отшельник. — До конца своих дней мне не избавиться от этого клейма. Оно жжет меня изнутри и, должно быть, пребудет со мной и после смерти.

— Лучше объясни мне вот что, — сказал Данкен. — Почему ты решил ударить по цепи посохом? Ведь ты видел, что меч ее не берет. У тебя что, было предчувствие?..

— Нет, милорд, никакого предчувствия... — отозвался Эндрю. — Я действовал не по своей воле. Мне вдруг почудилось, что вы с Конрадом занимаетесь тем, чем следовало бы заняться мне, и тогда я решил вмешаться.

— Иными словами, ты все-таки хотел помочь демону?

— Наверно, — вздохнул Эндрю, — хотя в тот миг у меня ничего подобного и в мыслях не было. Я просто ударил и все. А потом, когда я опомнился, мне стало стыдно за себя. Как я мог опуститься до того, чтобы помогать демону?! Как я мог?

— Ты хороший человек, Эндрю, — сказал Данкен, стискивая рукой плечо отшельника. — Гораздо лучше, нежели тебе кажется.

— Как же так? — изумился Эндрю. — Какой же я хороший, если выручил из беды демона? Вы ошибаетесь, милорд, я плохой человек. Разве стал бы истинный служитель Господа помогать тому, от кого за милую разит серой?

— Не забывай, — напомнил Данкен, — Царап бежал из преисподней, повернулся к ней спиной, отринул

дьявола, пускай не потому, что осознал греховность зла. Он на нашей стороне. Понимаешь? Он заодно с нами. Пускай от него разит серой, однако он — с нами.

— Не знаю, — пробормотал Эндрю. — Мне надо подумать.

— Пойдем к костру, — пригласил Данкен. — Посиди погрейся, утоли голод. Может, тебе станет легче.

— Вообще-то я и впрямь проголодался. Там, в Замке, Мэг стряпала солянку из свиных голяшек. Стоит мне вспомнить об этом, как у меня начинают течь слюнки. Сто лет не ел солянки!

— Ну, Малый Народец солянкой тебя не накормит, однако нас угостили жарким из дичи. Пальчики оближешь! По-моему, осталось вполне достаточно, чтобы наесться до отвала.

— А они примут меня? — робко осведомился Эндрю. — Я не против, но...

— Они обрадуются тебе, — уверил отшельника Данкен. — Между прочим, они спрашивали, куда ты подевался. — Он мысленно упрекнул себя за ложь, но тут же отговорился от укоров совести тем, что действует на благо человека. — Пошли.

Юноша обнял Эндрю за плечи и повел к костру.

— Я все еще сомневаюсь, — предостерег Эндрю. — Не думайте, что переубедили меня окончательно.

— А я и не думаю, — откликнулся Данкен. — Просто, на мой взгляд, неразумно размышлять на пустой желудок.

У костра Данкен препоручил отшельника заботам Дианы и Нэн.

— Привел голодающего, — сообщил он баньши. — Найдется для него кусочек жаркого?

— И не один, — отозвалась Нэн. — Хоть напади на него едун, всего ему не съесть. Садись к огню, — сказала она Эндрю. — Сейчас мы тебя накормим.

— Спасибо, мэм, — поклонился отшельник.

Данкен осмотрелся. Конрада нигде не было видно. Шнырки тоже куда-то запропал. По крайней мере, среди теснившегося у костра Малого Народа гоблина не наблюдалось.

Юноша взглянул на луну. Та стояла высоко в небе. Должно быть, время к полуночи, подумалось Данкену. Скоро надо будет ложиться спать: ведь вставать придет-

ся на рассвете. Как ни крути, им необходимо что-то предпринять, иначе может оказаться поздно. Где же Конрад? Куда он сгинул? Верно, отошел к соседнему костру.

Данкен направился к мерцавшему вдалеке огоньку, однако не прошел и половины расстояния, как из зарослей кустарника, которые он только что миновал, раздалось негромкое шипение. Юноша резко обернулся; пальцы сами легли на рукоять клинка.

— Кто там? — окликнул он. — А ну, покажись!

Из кустов выдвинулась уродливая тень. Лунный свет замерцал на причудливо изогнутом роге.

— Царап! — воскликнул Данкен. — Что ты здесь делаешь?

— Поджидаю вас, милорд, — ответил демон. — Мне нужно перекинуться с вами словечком-другим. Наедине, чтобы нас никто не слышал.

Данкен опустил на корточки и вопросительно уставился на демона. Тот наклонился вперед. Казалось, горб вот-вот перевесит, и он свалится на землю.

— Сдается мне, вы попали в беду, — начал Царап.

— Обычное дело, — фыркнул Данкен. — Неприятности нас словно преследуют.

— Однако сейчас вы окружены со всех сторон.

— Увы, — вздохнул юноша.

— И никакой возможности спастись?

— Так утверждает Малый Народец. Мы им не особенно доверяем.

— Я знаю путь через болото, — сообщил Царап.

Что происходит? Неужели демон говорит правду? Он же никогда не покидал Замка! Откуда ему знать что-либо о болоте?

— Вы не верите мне.

— В такое трудно поверить. Откуда тебе известно, что через болото можно пройти?

— Помните, я обещал вам рассказать свою историю?

— Помню. Однако давай оставим ее до лучших времен. Мне некогда. Я ищу Конрада.

— Выслушайте меня, — попросил Царап. — Я расскажу только то, что вы должны узнать. Когда я бежал из ада, люди скоро прослышали, что в округе появился демон — беглец, лишенный милости Старины Царапа, беззащитная тварь, поймать которую легче легкого. На

меня устроили охоту. Спасаясь от травли, я забрался на болото, схоронился как раз поблизости от того места, где мы с вами сейчас находимся. Я выжидал несколько лет, потом решил, что про меня забыли, выбрался из топи... и, как вы знаете, тут же был схвачен.

— Но болото непроходимо, — возразил Данкен. — Все уверяли нас в один голос...

— Тем не менее его можно перейти.

— Откуда ты знаешь?

— Мне поведал водяной, сварливый такой тип, который почему-то пожалел меня. Если идти осторожно, все будет в порядке. Там достаточно ориентиров.

— Однако ты не был на болоте невесть сколько лет! Ориентеры могли исчезнуть...

— Острова не исчезают.

— Разве? Они запросто могут быть затоплены.

— Те острова, о которых я говорю, — это остатки древнего кряжа, то бишь вершины холмов. Уж они-то никуда не денутся. Между ними тянутся под водой, от одного к другому, каменные гребни, по которым вам и следует идти. Только по ним, не сворачивая ни вправо ни влево.

— Там глубоко?

— Местами мне по шею, но не глубже.

— И что, так до противоположного берега?

— Совершенно верно, милорд. Правда, иногда попадают ямы...

— Ты помнишь, где?

— Память меня еще ни разу не подводила.

— Покажешь дорогу?

— Досточтимый сэр, — произнес Царап, — я перед вами в неоплатном долгу. Я охотно соглашусь быть вашим проводником, хотя отдаю себе отчет в том, насколько ничтожна моя благодарность. Но примете ли вы мои услуги?

— Разумеется, примем. Раз события разворачиваются таким образом...

— Каким?

— По слухам, Орда движется вдоль западного берега болота. Будем надеяться, она продолжит движение в избранном направлении, то есть на север. Тогда мы пропустим ее, воспользуемся твоей помощью и перейдем болото.

— Сэр...

— Да?

— Ближе к тому краю болота расположен огромный остров, больше всех остальных. Его стерегут драконы.

— Почему именно драконы?

— Потому, — ответил демон, — что это Остров печали. Обитель мировой скорби.

Глава 26

Сопровождаемый демоном, Данкен вернулся к костру. Диана, Мэг и баньши сидели чуть в сторонке. Эндрю растянулся на земле у огня, накрылся овечьей шкурой и, судя по храпу, погрузился в сон. На коленях у Дианы лежал кусок черного бархата.

— Смотрите, что получила Диана, — хихикнула Мэг. — Покажи им, девочка, что тебе подарил Шнырки.

Данкен перевел взгляд на Диану. Та улыбнулась, глаза ее сверкнули в свете костра. Она осторожно развернула бархат, и блики пламени отразились от длинного лезвия, а самоцветы на рукояти заискрились мириадами огоньков.

— Я сказала ему, что не могу принять такой роскошный подарок, — проговорила Диана, — но он настоял на своем.

— Гоблины хранили этот клинок как святыню, — подала голос Нэн. — Не думали не гадали, что однажды он попадет в человеческие руки. — Баньши передернула плечами. — С другой стороны, ни гоблину, ни кому другому из нас в одиночку его даже не поднять.

Данкен опустил перед Дианой на колени и протянул руку к мечу.

— Можно? — спросил он.

Диана кивнула. Юноша провел пальцами по лезвию — чуть ли не благоговейно, как будто притронулся к великой драгоценности.

— Данкен, — позвала тихо Диана, — Данкен, мне страшно.

— Страшно?

— Да, я боюсь меча. Шнырки не сказал мне, кому он принадлежал...

— Значит, так и надо, — отозвался Данкен, подобрал бархат и вновь обернул клинок. — Воздух сырой, ночь холодная, а с таким оружием следует обращаться бережно. — Он повернулся к Мэг — Матушка, я хочу тебя кое о чем спросить. Ты как-то на днях рассказывала нам о плаче по миру. Нельзя ли поподробнее?

— Я рассказала все, что знала, милорд.

— Ты упомянула, что на свете несколько подобных мест. Насколько я понял, ты считаешь, что одно из них как раз на болоте?

— Так мне говорили.

— А кто плачет?

— Женщины, милорд. Кому еще плакать, как не им? Разве у них мало поводов оплакивать судьбу?

— Их никак не называют?

— Не знаю, милорд, — произнесла Мэг после некоторого раздумья. — Лично я никогда не слышала, чтобы их как-то называли.

— А ты? — справился Данкен у Нэн. — Может, то не женщины, а баньши?

— Нет, — возразила Нэн. — Баньши нет дела до всего мира. Мы оплакиваем лишь тех, кто сильнее всего в том нуждается.

— Тогда вам тем более пристало оплакивать весь белый свет, который задыхается под бременем несчастий.

— Может быть, — согласилась Нэн, — но мы плачем дома, в обжитых уголках — о женщинах, что остались без мужей, о голодных детях, о нищих стариках и тех, кого забрала смерть. Нам просто некогда плакать обо всех. Мы садимся на крыши убогих хибар, негодуем на тех, кто причинил зло, горюем...

— Понятно, понятно, — перебил Данкен. — Иными словами, о мировой скорби тебе ничего не известно?

— Только то, о чем уже сказала ведьма.

Позади Данкена послышался шорох.

— О какой такой скорби речь? — осведомился подошедший Шнырки.

— Демон утверждает, что на болоте кто-то плачет, — ответил Данкен, повернувшись лицом к гоблину.

— Он прав, — заявил Шнырки. — Я и сам частенько слышал. Однако с какой стати вас это заинтересовало?

— Царап сказал мне, что знает путь через болото.

— Что-то мне сомнительно, — пробубнил гoblin, соорудив гримасу. — Всегда считалось, что болото непроходимо.

— Считалось или известно наверняка?

— Какой дурак рискнет проверять на собственном опыте? Вы как хотите, а у нас таких глупцов не водится.

— Что ж, — хмыкнул Данкен, — тогда полюбуюсь на меня. Я попробую перейти болото.

— Вы погибнете.

— Какая разница, как погибать? Путь к реке преграждают Злыдни. Выходит, остается болото.

— А Орда на дальнем берегу?

— Ты же сказал, что, по словам Призрака, она движется на север. Если так, встреча с нею нам не грозит.

— Те, что у реки, начали затягивать сеть, — проговорил Шнырки. — Они надвигаются с востока. Мне донесли, что кто-то угодил в расставленные нами ловушки.

— Тем паче стоит попытаться счастья на болоте

— Злыдни у реки наверняка знают о том, что вы здесь, иначе они не снялись бы с места, а раз так, об этом, скорее всего, пронюхали и те, что сторожат болото.

— Однако они вряд ли предполагают, что мы отважимся пересечь трясину.

— Ступайте! — воскликнул гoblin, всплескивая руками. — Ступайте, куда вам вздумается. Что толку вам советовать, если вы не желаете меня слушать?

— Извини, — сказал Данкен, — но твой совет не оставляет нам возможность спастись, а на болоте может случиться всякое. В общем, я иду. Со мной пойдет демон — он будет указывать дорогу — и, вероятно, Конрад.

— И я, — прибавила Диана. — Когда будет готов тот костюм, о котором ты упоминал? — спросила она у Шнырки. — Не могу же я лезть в болото в этом платье.

— К рассвету, — отозвался гoblin. — Думаю, портные успеют.

— Мы не сможем выйти на рассвете, — заметил Данкен, — как бы мне того ни хотелось. Нам нужно отыскать грифона.

— Его уже искали, — отозвался Шнырки, — и нигде не нашли. Поутру мы возобновим поиски, но, честно сказать, надежда слабая. Слишком уж тесно он был связан с Замком, чародеями и всякими волшебными штучками. Вполне возможно, он решил, когда умер последний чародей, что наконец-то пробил его час. Миледи, я полагаю, разделяет мое мнение.

— Пожалуй, — сказала Диана. — Но с Хьюбертом или без него, я все равно иду через болото.

— Ты можешь сесть на Дэниела, — предложил Данкен.

— Нет. Дэниел — боевой конь, поэтому на нем достоин сидеть лишь тот, кто умеет сражаться в седле. Ведь недаром ты ни разу не садился на него на протяжении всего пути. Вы двое — одно, а третий тут лишний.

— Я тоже пойду с вами, — заявила Нэн. — Болото меня не пугает, благо я могу летать, пускай неуклюже, но могу. Может быть, я сумею вам чем-то помочь.

— Раз уж все началось с меня, — проворчал гоблин, — то мне, видно, на роду написано сопровождать вас.

— В том нет никакой необходимости, — возразил Данкен. — Ты не веришь в благополучный исход нашей затеи, и потом, нельзя же оставлять войско без полководца.

— Какой там полководец! — заартачился Шнырки. — Я никого и куда не вел — просто кликнул клич, и все дела. Народ собрался не на войну, а так, поразвлечься. Дождаться, когда запахнет жареным, никто не станет. Все разбегутся при малейшей опасности. Сказать по правде, они уже начали разбегаться. Так что за них можно не беспокоиться.

— А почему бы тебе не проявить мудрость и не сбежать вместе со всеми? Спасибо, конечно, что ты вызвался идти с нами, но...

— Вы что, хотите лишить меня приключения, о котором я смогу рассказывать много лет подряд, и каждое мое слово будут ловить на лету? — воскликнул гоблин, искусно притворяясь оскорбленным в лучших чувствах. — Между прочим, Малый Народец, как вы снис-

ходительно именуете нас, живет достаточно скучной жизнью. Нам редко представляется случай доказать, что и мы не лыком шиты. Немногим из нас посчастливилось совершить более или менее героические деяния. Но в старину, до того как явились люди, все было иначе. Мы безраздельно владели землей, и никакие чванливые болваны не мешали нам жить в свое удовольствие. А теперь нас прогнали с насиженных мест да еще при первой же возможности напоминают, кто мы такие, мол, не суйтесь, куда вас не просят! А нам всего-то и нужно, что слегка позабавиться...

— Ладно, ладно, — прервал Данкен, — коли так, присоединяйся. Но учти, мы можем встретиться с драконами.

— Эка невидаль! — презрительно усмехнулся Шнырки, прищелкнув пальцами.

В темноте хрустнула ветка. В следующий миг в круг света, который отбрасывал костер, вступил Конрад. Он ткнул пальцем себе за спину.

— Глядите, кого я привел.

Из мрака медленно выплыл Призрак.

— Я вас обыскался, милорд, — пожаловался он Данкену. — И туда летал, и сюда, а вы как сквозь землю провалились. Однако я не забывал о том, что мне поручено следить за Ордой. Поскольку вас нигде не было, я сообщал обо всем Шнырки. Он удивлялся не меньше моего, куда вы могли запропасться, но потом стал подозревать, что здесь каким-то образом замешаны развалины Замка, и оказался прав, как подтвердил Конрад, с которым мы случайно столкнулись, и...

— Погоди, — перебил Данкен, — погоди. Мне надо кое-что у тебя выяснить.

— А мне надо кое-что сказать вам. Но сначала, милорд, уймите, пожалуйста, мое беспокойство. Вы намерены идти в Оксенфорд или думаете повернуть обратно? Я надеюсь на первое, ибо меня по-прежнему одолевают вопросы, которые я хотел бы задать тамошним мудрецам. Может быть, они окажут мне такую милость: ответят на мои вопросы, которые не дают мне ни минуты покоя.

— Да, мы идем в Оксенфорд, — подтвердил Данкен. — А теперь скажи мне вот что: где находится та часть Орды, что двигалась вдоль западного берега болота?

- Направляется на север, — ответил Призрак.
- И не собирается останавливаться?
- Наоборот, милорд. Злыдни уже не идут, а бегут.
- Решено, — подытожил Данкен с удовлетворением в голосе. — Отправляемся завтра, выходим так рано, как только сможем.

Глава 27

Поиски Хьюберта возобновились с первым проблеском рассвета. Грифона не оказалось ни на развалинах Замка, ни на лугу у реки; он сгинул без следа. Те из Малого Народца, кто еще оставался с путниками, охотно помогали в поисках, однако по их завершении начали потихоньку исчезать. Вскоре равнина опустела. О тех, кто был здесь ночью, напоминали разве что черные круги кострищ.

Данкен собрал свой маленький отряд и вместе с Конрадом повел товарищей к болоту. На севере виднелся тот самый холм, который рассекал надвое мрачный проход; западный склон холма круто обрывался к невидимой отсюда топи. На юге лениво струила воды река. Путешественники двигались вразброд, не соблюдая даже подобия строя. Путь пролегал по открытой местности, поросшей густой травой. Тут и там виднелись рощицы, перелески, заросли орешника. Утро поначалу выдалось ясным и безоблачным, однако с запада постепенно напозли тучи; солнце едва просвечивало сквозь них и выглядело этаким бледным светящимся пятном. Где-то через час после выхода стало возможно различить далекий плач. В нем звучала полная безысходность, как будто плакальщицы отказались от всех и всяческих надежд на лучший жребий для мира.

Шагавшая рядом в Данкеном Диана поежилась.

— Какой жуткий звук! — проговорила она. — Пробирает до костей.

— Ты разве не слышала его раньше?

— Слышала, конечно, однако не обращала внимания. С болота ведь постоянно исходят всякие диковинные звуки. Я не представляла...

— Но чародеи должны были знать...

— Если они и знали, то мне ничего не говорили. И потом, я редко покидала Замок. Тогда я этого не сознавала, но теперь понимаю, что жила в тепличных условиях.

— Неужели? Дева-воительница...

— Ты заблуждаешься, — сказала Диана. — Разумеется, я не плакса, но и не рыцарь без страха и упрека. Да, меня научили обращаться с оружием, я несколько раз отправлялась исполнять довольно опасные поручения, но и только. Кстати говоря, я должна поблагодарить тебя за доверие.

Она подразумевала клинок, который сжимала в руке, поскольку ножен для него не было. Диана взмахнула мечом над головой, и тот заблестал на солнце, как будто оно светило в полную силу.

— Отличная сталь, — похвалил Данкен.

— И все?

— Очевидно, у Шнырки были основания не посвящать тебя в подробности.

— Однако в старину потерялся меч, который...

— В старину потерялось много мечей.

— Что ж, — проговорила Диана, — может, не будем об этом?

— По-моему, так будет лучше, — отозвался Данкен.

Путники миновали протяженную низину, поднялись на склон холма и остановились, глядя на запад, где прорисовывалось в отдалении тонкой полоской голубизны желанное болото. Между холмом и болотом возвышался лес, который тянулся от северной оконечности гряды на юг, насколько хватал глаз. Царап подковылял к Данкену и дернул юношу за полу куртки.

— Чего тебе? — справился Данкен.

— Лес.

— Что «лес»?

— Его тут не было. Я хорошо помню: до самого болота — никаких лесов.

— Сколько воды утекло с тех пор, когда ты здесь околачивался? — хмыкнул Конрад.

— Несколько столетий, — ответила за демона Диана.

— За такой срок кучка деревьев вполне могла разрастись в пущу, — заметил Данкен.

— Или наш друг просто запомнил, — прибавил Конрад.

— Не слушайте его, — проворчал Эндрю, стукнув по земле посохом. — Сатанинское отродье, смутьян рогатый!

— Мэг, а ты что скажешь? — спросил Данкен.

— Ничего, милорд. Я тут в жизни не бывала.

— По-моему, все в порядке, — успокоил Конрад. — Уж я-то всегда чую беду, так что на мой нюх можно положиться.

— Мне тоже кажется, что все в порядке, — присоединился к Конраду Шнырки.

— Говорю вам, никакого леса здесь не было! — воскликнул Царап.

— Будем идти осторожно, — сказал Конрад. — Как ни крути, иначе чем через лес до болота нам не добраться.

Данкен поглядел на Царапа, который по-прежнему держался за полу его куртки, намереваясь, по всей видимости, дернуть еще раз. В левой руке демон сжимал остро отточенный трезубец с длинной рукоятью.

— Где ты раздобыл эту штуку? — полюбопытствовал юноша.

— Я ему дал, — проговорил Шнырки. — Трезубец принадлежал моему знакомому гоблину, но для таких, как мы, он чересчур тяжелый.

— Мастер Шнырки сказал, — сообщил Царап, — что трезубец для меня — самое подходящее оружие.

— Что значит подходящее?

— Да, милорд, — вздохнул гоблин, — с теологией у вас плоховато.

— При чем тут теология? — удивился Данкен.

— Может, я ошибаюсь, — заявил Шнырки, — однако мне кажется, это давняя традиция. Некоторое время назад я натолкнулся в церкви на свиток; судя по всему — с текстами из Библии. Разбирать закорючки, которые вы почему-то именуете буквами, мне было некогда, однако картинки я рассмотрел. На одной из них — скажем прямо, достаточно примитивной — изображались демоны, точь-в-точь как наш друг, которые подталкивали к адскому пламени толпу безутешных грешников. Демоны были вооружены некими предмета-

ми, весьма напоминавшими трезубцы. Вот почему я сказал, что трезубец для Царапа — самое подходящее оружие.

— Ну-ну, — фыркнул Данкен.

По склону сбегала едва различимая тропинка, которая уводила напрямик в лес. Деревья на опушке казались вполне обычными, да и весь лес не производил сколько-нибудь угрожающего впечатления.

— Ты уверен, что леса здесь не было? — осведомился Данкен у Царапа.

— Целиком и полностью, милорд, — ответил тот, почесывая искалеченным копытом другую ногу. — У меня нет ни малейшего сомнения.

— Иначе как через лес нам до болота не добраться, — повторил Конрад.

— Хорошо, — Данкен принял решение. — Конрад, вы с Крошкой ступайте вперед. Далеко собаку не отпускай. Мы с Дианой пойдем сзади. Тропинка узкая, так что придется идти гуськом.

Мэг молча соскользнула со спины Дэниела.

— Залезай обратно, — буркнул Конрад. — Мы идем дальше.

— Тем более, — откликнулась Мэг. — Хватит, насиделась, надо и ножки размять. Вдобавок, случись что, от меня коню будет сплошная обуза, так что нам с ним лучше разделиться.

— Я присмотрю за ведьмой, — заявил Эндрю.

— Благодарю тебя, добрый сэр, — хихикнула старуха. — Подумать только, какой чести удостоился ходячий мешок с костями!

— Мэг, — проговорил Данкен, — ты что-то чувствуешь? В чем ты можешь стать обузой коню? Или...

— Я ничего не чувствую, милорд, — покачала головой ведьма. — Просто лес есть лес, его всегда опасешься.

Данкен жестом велел трогаться. Конрад двинулся по тропинке следом за Крошкой, который, будучи раз одернут, постоянно оглядывался, проверяя, не далеко ли он отбежал. Диана с Данкеном замыкали шествие; перед ними, опираясь на перевернутый трезубец, тащился изувеченный демон.

Осенний лес навевал мысли о близости зимы: с высоких, раскидистых деревьев — стволы некоторых прямо-таки поражали своей неохватностью — облетала

листва, подлесок уже тронули первые заморозки. Однако в остальном лес казался ничем не примечательным, каким, впрочем, ему и следовало быть. Среди деревьев преобладали дубы, хотя попадались и другие породы. Тропу, что вела через пушу, протоптали, скорее всего, дикие звери — вероятно, олени. Над лесом нависала тишина. Не слышалось даже шороха листвы, что было довольно странно, ибо, как сказал себе Данкен, редко бывает так, чтобы листья не шелестели. И в безветренный день нет-нет да и зашуршит какой-нибудь неприметный листок, а тут... Никто не произносил ни слова, как будто люди и все прочие настолько прониклись лесной тишиной, что старательно избегали нарушать ее. Тропинка, подобно большинству своих товарищей, была весьма извилистой. Она то ныряла в заросли кустарника, то огибала могучий ствол поваленного ветром лесного великана, то резко сворачивала в сторону, прочь от покрытых лишайником валунов, то змеилась по пригоркам, избегая приближаться к многочисленным бочагам, то есть петляла в свое удовольствие.

Данкен шагал последним, за Дианой, перед которой ковылял демон. Неожиданно юноше почудилось, будто на него кто-то смотрит; он ощутил, что называется, спиной чей-то пристальный взгляд. Данкен обернулся. Разумеется, позади никого не было. Ему подумалось, что этим неприятным ощущением он обязан Шнырки: гоблин утверждал, что равнину после ухода Малого Народца заполонят Злыдни. Уж теперь-то Малый Народец наверняка разбежался; самые нетерпеливые исчезли еще ночью. По крайней мере, около их костра к утру остались только Шнырки, который, на пару с Конрадом, возглавлял сейчас отряд, и Нэн — та, должно быть, кружила над лесом, высматривая, не затаились ли где враги. Итак, Злыдни уже на равнине, а значит, могут в любой момент пуститься в погоню. Ловушки, о которых упоминал Шнырки, сколь бы ни были хитроумными, надолго их не задержат. По всей видимости, они окажутся не более чем досадными помехами.

Данкен ощущал кошелек, провел пальцами по небольшой выпуклости — то выпирал из-под материи амулет Вульфберта, легонько надавил на пергамент, чтобы услышать знакомый хруст. Если слова Царапа подтвердятся, если они и впрямь сумеют перейти болото, если на дальнем берегу их не встретит Орда, в таком случае

вновь появится возможность благополучно добраться до Оксенфорда. Это будет последний шанс, сказал себе юноша, а потому его во что бы то ни стало необходимо использовать.

Убедившись в неосновательности своих подозрений, Данкен устремился вдогонку за Дианой. Внезапно он различил слабый стон и отнюдь не сразу сообразил, что слышит все тот же плач, что доносится с болота, только приглушенный деревьями, которые выстроились на его пути величественной преградой. Неожиданно ноги вынесли юношу на крохотную полянку, почти идеально круглую, словно здесь поработал некий дровосек, который вырубил деревья, выкорчевал пни и оттащил их подальше в лес, чтобы не портили картины. Товарищи Данкена замерли посреди полянки. Юноша направился к ним, озираясь по сторонам, и вдруг ему показалось, что полянку окружают куда более высокие, чем прежде, деревья с куда более толстыми стволами. Куда ни посмотри, повсюду возвышались раскидистые гиганты; их ветви тесно переплетались над самой землей, образуя нечто вроде живой изгороди. Мало того, деревья росли так близко друг от друга, что между ними невозможно было обнаружить хотя бы подобие просвета.

— Чего ты остановился? — спросил Данкен у Конрада. — Или забыл, что мы не на прогулке?

— Тропа исчезла, — ответил Конрад. — Она привела нас сюда и куда-то запропастилась.

— Кстати сказать, — заявил Эндрю, и в его голосе прозвучало раздражение, призванное, должно быть, скрыть страх, — тропы нет ни спереди ни сзади.

Данкен оглянулся. Эндрю ничуть не преувеличивал. Деревья каким-то образом отрезали путникам дорогу обратно. Невольно складывалось впечатление, будто полянку обнесли высоченным частоколом.

— Если постараться, — сказал Конрад, — мы сможем выбраться. Но вот как быть с Дэниелом? Он ведь не умеет ползать. Так что придется нам с вами, милорд, поработать лесорубами.

— Это колдовство, — проговорила Мэг, — самое настоящее колдовство. Его творили знатоки своего дела. Вот почему я ничего не учула.

— Чтoб им провалиться! — завопил Шнырки, взмахнув руками. — Остолопы несчастные! Я же говорил этим бестолковым гномам: никаких ловушек на пути к

болоту! Я велел им заняться равниной к северу от реки, но они не послушались, и вот результат. Еще бы, разве пристало гномам слушать какого-то гоблина! Недоумки! Где их теперь искать? Своими силами нам не выкарабкаться. Ну, попадись они мне когда-нибудь!

— Ты уверен, что ловушку поставили гномы? — спросил Данкен.

— Не то слово.

— А как ты определил?

— Я знаю гномов. Вечно поступают наперекор другим, но в умении колдовать им не откажешь. Никто иной не смог бы наложить на местность такое заклятие, чтобы...

Шнырки не закончил. Над головами путников послышалось хлопанье крыльев. Источником переполоха оказалась Нэн, отчаянно пытавшаяся замедлить свое падение. Она тяжело плюхнулась на землю, тут же вскочила и кинулась к товарищам, выкрикивая на бегу:

— Злыдни! Они преследуют нас! Они спустились с холма к лесу!

— Что же делать? — простонал Эндрю. — Что же делать?

— Перестать болтать, — отозвался Конрад, — и вспомнить, что мы — ратники Всевышнего.

— У меня с вашим Богом свои счеты, — бросил Царап, — но, если стычки не миновать, я буду сражаться бок о бок с вами. Предупреждаю сразу, меня лучше не трогать.

— Да уж, — хмыкнула Мэг.

— Будем надеяться, что колдовство гномов подействует и на Злыдней, — сказал Данкен. Внезапно у него перехватило дыхание. — Боже мой! Вы только посмотрите!

Ему вспомнилось вдруг, что много лет назад в Стэндиш-Хаус попросился переночевать бродячий художник, который в итоге провел в замке чуть ли не год, а в конце концов перебрался в монастырь, где, должно быть, рисует миниатюры и всячески разукрашивает рукописные тексты. Данкен, который в ту пору был еще маленьким, повсюду следовал за художником, правда, имя его с годами выветрилось из памяти. Не отходил от стола, за которым тот работал, зачарованно наблюдал за магическими движениями карандаша, что творили поистине диковинные изображения. На картинке, которая

направлялась ему больше всего и которую он потом получил в подарок, деревья каким-то образом превращались в людей: они обретали грубые, лишь отдаленно схожие с человеческими лица, их сучья становились руками, а ветки — растопыренными пальцами, то есть деревья оборачивались в чудовищ. И надо же такому случиться — в колдовском лесу гномов происходило, только наяву, то же самое! Стволы разинули слюнявые пасти, в некоторых из них торчали клыки; над пастями виднелись отвратительные приплюснутые носы и не менее отвратительные, вурдалачьи глаза. Теперь со всех сторон доносился шелест листвы, который стихал по мере того, как сучья и ветки деревьев перевоплощались в руки, когтистые лапы или змееподобные щупальца, и все эти конечности тянулись к путникам, чтобы схватить их и задушить, растерзать, разорвать на кусочки. Отряд очутился в окружении чудовищ, которые были деревьями, или деревьев, что пытались стать чудовищами.

— Вонючие гномы! — воскликнул Шнырки. — Совершенно никакого разума! Что же это за магия, которая не в состоянии отличить друга от врага?

Издали — вероятно, с опушки леса — доносились глухие вопли.

— Безволосые, — проговорил Конрад. — Они тоже повстречались с деревьями.

— Они не произвели на меня впечатления крикунов, — возразил Эндрю. — Скорее, мы слышим голоса деревьев.

— Мэг, ты ничего не можешь сделать? — спросил Данкен. — Нет ли у тебя заклинания, которое могло бы нам помочь?

Эндрю подступил к деревьям, что высились стеной вокруг полянки, замахнулся посохом и принялся бормотать латинские молитвы. Данкен с трудом разбирал слова, настолько ломаной была латынь отшельника.

— Заткнись, Эндрю! — рявкнул юноша. — Ну так что, Мэг?

— Попробую, — откликнулась ведьма. — Хотя, как я вам говорила, силы мои уже не те. К тому же, у меня похитили все колдовские причиндалы...

— Знаю, знаю, — нетерпеливо перебил Данкен. — Ты рассказывала. Нетопыриная кровь, дерьмо хорька и все такое прочее. Но разве в тебе не таится сила,

которая может творить волшебство без посторонней помощи? — Он повернулся к Эндрю. — Я же сказал, прекрати! Тут не место для церковных песнопений!

— Может, он подпоет мне? — предложила Мэг.

На полянку выплыл из-за деревьев полупрозрачный клочок тумана.

— Милорд, — сказал Конрад, приближаясь к Данкену, возле которого стояла Диана, — это не простой туман. Помните битву у Замка? Тогда Злыдни напустили на нас туман, который вонял точно так же, как...

— Я что-то не припоминаю какого-либо запаха.

— Зато я помню прекрасно. У меня нюх еще тот.

— Орда стремится проникнуть в лес, — проговорила Диана. — Колдовство гномов если и задержит их, то ненадолго. Шнырки упоминал, что ловушки Малого Народа по сути бессильны против Злыдней.

— Да, — согласился гoblin, — однако эта посерьезнее всех прочих. Гномы постарались на славу. Если бы не они, мы бы уже достигли болота.

— Остается уповать на Мэг, — буркнул Конрад.

— Пока Эндрю не заткнется, у нее, сдается мне, ничего не выйдет, — пробормотал Данкен.

В лесу за пределами полянки творилось что-то невообразимое. Деревья сотрясались от корней до макушек и яростно размахивали ветвями. Разинутые пасти раскрылись шире прежнего. Казалось, из них вот-вот вырвется отчаянный вопль. Однако вопля так и не последовало. Слышались лишь треск и стоны да глухие крики.

— Безволосые, — проговорил Конрад, крепко стискивая в ладони дубинку. — Они пробиваются к нам.

Над верхушками деревьев неожиданно возникла омерзительная черная тварь: две головы, острые клыки, крылья оканчиваются крючковатыми когтями.

— Берегись! — гаркнул Конрад.

Тварь ринулась вниз. Диана отпрыгнула в сторону, а затем в ее руке сверкнул подаренный гоблином клинок. Лезвие отсекло крыло бестии, и та перекувырнулась в воздухе и рухнула наземь, наткнувшись перед тем на меч Данкена и потеряв одну голову и остаток крыла. Конрад обрушил дубинку на уцелевшую голову твари. Бестия задергалась, заерзала по земле и вдруг подскочила в воздух — ни дать ни взять цыпленок, которому только что отрубили голову.

Данкен посмотрел на свой меч. Лезвие было в черной крови, как и в тот раз, в битве на равнине, когда он сразил напавшее на него из тумана чудище. Юноша глянул в небо. Там кружила другая тварь. Впрочем, устрешенная, очевидно, участью товарки, она не стала снижаться, а полетела прочь, тяжело взмахивая когтистыми крыльями.

Данкен кинул взгляд на Мэг и увидел, что ведьма все-таки решила воспользоваться помощью отшельника. Старуха и Эндрю стояли плечом к плечу, обратившись лицом к дальней стороне полянки. Отшельник потрясал посохом и по-прежнему изрыгал чудовищно исковерканные латинские фразы. Мэг воздевала руки в обрядовых жестах и читала нараспев заклинания. Слов было не разобрать; Данкен, сколько ни прислушивался, так и не сумел угадать, на каком языке вещала ведьма.

Тем временем колдовской туман становился все гуще. Из-под деревьев высунулась зловещая морда, за которой показалось по-змеиному длинное тело, передвигавшееся на коротеньких ножках. Тварь покрутила головой, поднялась, готовясь к нападению, на дыбы, но не успела сделать и шага, как перед ней сверкнул грозовой молнией клинок Дианы. Клов твари щелкнул будто сам собой, голова отделилась от туловища и покатилаь по земле, а из раны хлынула потоком черная кровь. Однако тело продолжало двигаться, правда, недолго. Лапы подогнулись, и змеевидное создание повалилось навзничь бесформенной грудой плоти.

Деревья яростно размахивали ветвями, словно на полянке задувал огромной силы ветер; пасти на стволах не закрывались, конечности производили хватательные движения. Порой из лесной чащи раздавались невнятные вопли, которые, как правило, тут же обрывались. Вот к небу взмыл гигантский сук, на котором, стиснутое добрым десятком рук, болталось тело безволосого. Второй безволосый, продравшись сквозь подлесок, выбрался на полянку, упал было на колени, однако мгновенно вскочил и кинулся к людям, сжимая в кулаке дубинку. Данкен устремился ему навстречу, но дорогу безволосому уже преградил Конрад, который нанес сокрушительный удар. Что-то хрустнуло; безволосый с проломленным черепом рухнул на землю, но на поляну, один за другим, выскакивали его собратья. По всей видимости, они благополучно избежали расставленных

Малым Народцем ловушек. Данкен заметил краем глаза опускавшуюся дубинку и инстинктивно вскинул меч. Дубинка отскочила от лезвия и вскользь задела юношу по плечу. Чуть поодаль сверкал клинок Дианы. Данкен хотел было обернуться, но вовремя увидел, что на него мчится очередной противник. Миг — и меч юноши вонзился безволосому в горло. Но тут подоспел еще один, и Данкен вдруг сообразил, что на сей раз не успеет отвести удар. Внезапно над его плечом мелькнули конские копыта. Поразив врага, Дэниел по ходу движения навалился на хозяина. Юноша плюхнулся на землю, а жеребец, заслонив его собой, продолжал расправляться с безволосыми, действуя то копытами, то зубами.

Данкен огляделся. Конрад тоже лежал на земле, судя по всему, раненный в правую руку. Над ним возвышался безволосый, готовый обрушить занесенную над головой дубинку. Данкен выскользнул из-под Дэниела и рванулся на выручку товарищу, сознавая, впрочем, что вряд ли сумеет спасти Конрада. Внезапно безволосый весь как-то обмяк: неизвестно откуда взявшийся Царап насадил его на свой трезубец, острия которого насквозь пронзили шею приспешника Злыдней.

— Тропа! — разнесся над поляной торжествующий крик Эндрю. — Мы нашли тропу!

Данкен не знал, куда смотреть: то ли на ликующего отшельника, то ли на безволосого, который медленно пятился назад, выронив из руки дубинку. Царап следовал за ним, отчаянно пытаясь выдернуть трезубец. Крошка, что терзал неподалеку тело противника, поднял голову и принялся озираться по сторонам в поисках новой жертвы. Однако неожиданно выяснилось, что сражаться не с кем. Деревья по-прежнему размахивали ветвями, над землей все так же клубился туман, но те безволосые, что напали на отряд, были перебиты все до единого.

— Мы нашли тропу! — вопил Эндрю. — Мы нашли тропу!

— Быстро к нему! — гаркнул Данкен. — Бежим отсюда!

Он нагнулся, подхватил Конрада и поставил того на ноги. Поднимаясь, Конрад дотянулся до своей дубинки, стиснул ее в левой руке и сделал неуверенный шаг

вперед. Данкен кое-как ухитрился развернуть товарища в нужном направлении.

— Эндрю отыскал тропу, — проговорил юноша. — Пошли к нему.

К ним подбежал Крошка. На морде мастифа было написано беспокойство. Он прижался к Конраду, будто норовя поддержать своего друга. Следом подковылял демон, сумевший в конце концов вытащить трезубец из тела безволосого. Сразу сообразив, в чем дело, Царап втиснулся между Конрадом и Крошкой.

— Вот, — сказал он, подставляя плечо, — обопрись. Данкен отобрал у Конрада дубинку.

— Не бойся, я ее не брошу, — кинул он приятно. — Обопрись на демона. Того и гляди снова сва-лишься.

— Сам справлюсь, — прорычал Конрад.

— Не валяй дурака, — посоветовал Данкен.

Конрад утрюмо подчинился и, опираясь на Царапа, поплелся к отшельнику. Данкен огляделся по сторонам. Дэниел, направляемый Дианой, пересекал поляну, двигаясь к просвету среди деревьев. Туда же скакала Красотка, которую подгонял Шнырки. Юноша посмотрел на лес. Тот все еще пребывал в ярости; из него по-прежнему сочился туман, однако ни безволосых, ни прочих тварей, по счастью, нигде не было видно. Данкен понимал: им нужно спешить. Неизвестно, сколько продержится колдовство гномов. Вполне возможно, оно вот-вот утратит силу, и тогда уже ничто не остановит Злыдней. Боже, помоги нам, взмолился юноша, дай время добраться до болота! Там, на болоте, они, может быть, окажутся в относительной безопасности. Даже если безволосые или сами Злыдни попытаются преследовать их, отбиваться будет гораздо легче.

Кто-то потянул Данкена за рукав.

— Пора, — сказала Диана. — Мы с тобой последние.

Он молча повернулся и пошел за женщиной.

Тропа была настолько узкой — с обоих боков теснились деревья и кусты, — что идти по ней было трудно даже в одиночку. Похоже, подумалось Данкenu, Дэниелу придется несладко. Внезапно ему вспомнились слова Шнырки. Разъяренный гoblin утверждал, что колдовство гномов не способно отличить друга от врага. Получается, что Шнырки ошибался. Заколдованный лес

совладал с магией Злыдней, однако не устоял против заклинаний Мэг и ломаной латыни Эндрю. Данкен оглянулся. Тропа позади исчезала буквально на глазах. Деревья то возникали на ней прямо из воздуха, то смыкались зеленой стеной. Густые заросли кустарника делали преграду практически непреодолимой.

— Бежим! — крикнул юноша Диане.

Мгновение спустя они очутились на опушке. Остальные путники уже спускались по склону холма, что ниспадал прямиком к болоту. Замыкал отряд Конрад, который придерживал на бегу здоровой левой рукой поврежденную правую. Впереди всех несли демон. Достигнув кромки воды, он остановился и осмотрелся, выискивая, должно быть, первый ориентир, а затем смело ступил в воду.

Диана и Данкен последовали за товарищами. Они шли, настороженно глядя под ноги, проваливались временами по колено, однако в целом вода едва доставала им до щиколоток. Вдалеке виднелся скалистый островок. Путники один за другим взобрались на него и пропали из виду. Данкен ускорил шаг. Когда они с Дианой добрались до островка и миновали нагромождение валунов, то обнаружили, что товарищи притаились на дальней оконечности каменной глыбы, а Дэниел, которому, очевидно, не хватало места на суше, стоит в воде.

— Спрячемся здесь, — заявил демон, показывая жестом, что людям следует пригнуться. — Если нас не заметят, значит, все в порядке. Злыдни понятия не имеют, что болото проходимо.

Укрывшись за камнями, путешественники наблюдали за берегом. Отсюда казалось, что в лесу все тихо и спокойно — лишь изредка над деревьями всплывали клочья тумана. Над болотом разносился плач. Он слышался громко и отчетливо, то несколько приглушенно.

— Эти недоумки, — пробормотал гоблин, разумея, по всей видимости, гномов, — наверняка и не подозревают, что натворили. Даже ведьма не смогла определить, что лес — заколдованный. Надо же, все стоит!

И тут лес исчез, сгинул, будто его и не было. На склоне холма не осталось ни единого деревца. Зато теперь стало возможным рассмотреть преследователей — кучку безволосых и прочих тварей, которые высывались из клубов тумана.

Безволосые медленно двинулись вниз. Подойдя к воде, они на мгновение замерли, а потом забежали по берегу, точно собаки, которые потеряли след. Некоторое время спустя они полезли обратно на холм, прошли сквозь пелену тумана и направились прочь, а туман потянулся за ними. Вскоре они исчезли за гребнем холма.

— Подождем до вечера, — сказал демон. — Солнце скоро сядет. Тогда пойдем дальше. Совсем темно тут не бывает.

Данкен подошел к Конраду, который ссутулившись сидел на камне, прижимая к груди покалеченную руку.

— Дай я посмотрю, — проговорил юноша.

— Больно, — пожаловался Конрад. — Замучила, проклятая, но кость, сдается мне, не пострадала. Я могу шевелить пальцами, только очень уж болит, окаянная. Какой-то мерзавец заехал дубинкой чуть ли не по плечу.

Его рука распухла до такой степени, что напоминала толщиной ствол дерева. От плеча к локтю пролегла алая, начинавшая понемногу багроветь полоса. Данкен легонько сжал ладонь приятеля. Тот вздрогнул и скривился от боли.

— Полегче, — пробормотал он.

Данкен ощупал локоть.

— Тебе повезло, — сказал юноша. — Кость и впрямь цела.

— Надо наложить повязку, — посоветовала Диана. — Так будет лучше. — Она достала из кармана куртки свернутое в узелок платье. — Раз нет ничего другого, воспользуемся этим.

— Зачем? — простонал Конрад. — Если дома узнают...

— Ерунда, — перебила Диана. — Ну-ка сиди смирно.

— Держи.

Данкен положил рядом с Конрадом его дубинку.

— Спасибо, милорд, — поблагодарил раненый. — Мне так не хотелось бросать ее! Помните, сколько я с ней возился?

Диана умело сложила платье так, что получилось некое подобие бинта, обвязала им руку Конрада и затянула на плече пострадавшего.

— Вот так, — она усмехнулась. — Пожалуй, вышло немного неуклюже, но ты уж потерпи. Сам пони-

маешь, это мое единственное платье. Разрывать я его не могу — вдруг пригодится?

— Все, верно, проголодались, — заключил Конрад, довольно ухмыльнувшись. — Красотка, должно быть, рядом с Дэниелом. Надо снять с нее поклажу. В одном из мешков — наши припасы.

— Мы не можем развести костер, — напомнил Данкен.

— Значит, будем грызть так, — отозвался Конрад. — Хвороста все равно ведь нет. Кругом одни камни.

Ближе к вечеру Данкен с Дианой уселись на валун у кромки воды. Какое-то время они молчали, потом Диана сказала:

— Данкен, тот меч, который подарил мне Шнырки...

— Что с ним такое?

— Ничего. Но как-то...

— Ты просто к нему не привыкла.

— Нет, дело не в том. Понимаешь... Мне как будто кто-то помогает. Мне кажется, в меня вселился некий дух, который водит моей рукой. Не то чтобы я не справляюсь с клинком, но...

— У тебя разыгралось воображение.

— Не думаю, — покачала головой Диана. — Говорят, что в старину был меч, который кинули в озеро...

— Хватит, — перебил Данкен. — Перестань изводить себя всякими глупостями.

— Данкен, мне страшно.

— Все в порядке, — сказал юноша, привлекая Диану к себе. — Все в полном порядке.

Глава 28

Он чувствовал себя так, словно шел не по настоящему болоту, а по нарисованному кистью живописца. Ему постоянно приходили на память картины, что висели на стенах одной из гостиных Стэндиш-Хауса — голубые пастельные пейзажи, написанные так давно и столь долго хранившиеся в некоем укромном уголке, что никто уже не мог сказать, как звали художника. Все они были выполнены в голубых тонах; с голубизной соперничал разве что бледно-желтый цвет луны, свет которой пробивался сквозь завесу облаков. Если смотреть на них издали, пейзажи мнились чем-то вроде неизвестно с какой стати оправленных в рамы голубых пятен на стене. Однако при ближайшем рассмотрении проступали детали, и только тогда можно было в некоторой степени представить себе, что же стремился изобразить художник. Так вот, один из пейзажей удивительно походил на болото, каким оно было в этот час: почти бескрайняя водная гладь, лишь где-то в глубине, едва намеченная скупыми мазками — береговая линия, а в небе — призрачно-желтая луна.

Они шли по болоту несколько часов подряд, растянувшись цепочкой и чуть ли не наступая друг другу на пятки — поворачивали там, где делали поворот идущие впереди, стараясь ненароком не оступиться и не упасть с подводного гребня, по которому их вел ковылявший впереди Царап.

В небе поблескивали звезды. Время от времени небосвод затягивали облака, однако это продолжалось, как правило, недолго, и по истечении какого-то срока ночные светила вновь начинали отражаться от гладкой, словно зеркало, поверхности воды.

Глаза путешественников привыкли к темноте; к тому же, блики на воде давали достаточно света, и потому путникам чудилось, будто они пробираются через трясину не ночью, а в сумерках, какие наступают в ту пору, когда вечерний полумрак перетекает в ночную тьму.

Диана шагала следом за демоном, а Данкен замыкал цепочку. Перед ним плелся отшельник, который, как казалось юноше, уставал все сильнее и сильнее. Он то и дело спотыкался, тыкал посохом в воду, отыскивая, на что бы опереться, и тогда над болотом разносился громкий плеск. Данкен понимал, что скоро им придется остановиться, чтобы передохнуть. Он надеялся, что из сумрака вот-вот возникнет другой скалистый островок, подобный тому, на котором они прятались от Злыдней, и тем двум, что миновали по дороге. А если не возникнет? Так или иначе, Эндрю явно нуждался в отдыхе, да и остальные наверняка тоже. По крайней мере, Конраду с его рукой, как он ни храбрился, передышка была просто необходима. Утомляло не столько само продвижение — вода лишь изредка доходила Данкenu до колен, — а медительность и осторожность, к которым вынуждали обстоятельства: при каждом шаге, прежде чем перенести вес с одной ноги на другую, требовалось проверить, что там под водой — камень или пустота.

Слава Богу, сказал себе Данкен, что им пока удавалось избегать каких бы то ни было столкновений. Правда, дважды из черных заводей вздымались гигантские туши болотных монстров, но оба раза все обошлось, поскольку чудища не могли из-за мелководья подобраться достаточно близко к гребню. Одного монстра Данкен даже и не видел, ибо тот вынырнул из воды во главе колонны. Юноша услышал только оглушительный плеск, когда чудовище предприняло попытку достичь гребня. Второй же просто-напросто мелькнул на миг в лунном свете: длинное, бочкообразное тело, огромная, похожая на лягушачью голова; отчетливее всего в памяти Данкена запечатлелся один-единственный глаз, размером с человеческий кулак, отливавший кроваво-алым в свете луны.

Всю ночь над болотом раздавался плач. Данкену чудилось, что они мало-помалу приближаются к тому месту, откуда исходит этот заунывный звук. Во всяком случае, плач звучал гораздо громче прежнего и никуда не пропадал. Если прислушаться к нему, размышляя юноша, он способен не только вызвать раздражение своей монотонностью, но и — незаметно, исподволь — лишить человека мужества. Впрочем, отметил про себя Данкен, вот уже около часа жалобный звук нисколько не раздражает его. Да, привыкнуть можно ко всему — или почти ко всему.

Эндрю споткнулся в очередной раз и повалился ничком в воду. Данкен поспешно помог отшельнику подняться.

— Устал? — спросил он.

— До смерти, — проскулил Эндрю. — Я устал душой и телом.

— Насчет тела понятно, — сказал Данкен, — а вот при чем здесь душа?

— Господь явил мне Свою милость, — пробормотал Эндрю. — Он дал понять, что годы моего тяжелого труда не остались втуне. И как же я воспользовался Его даром? Как употребил дарованную мне силу? Освободил из заключения демона! Ну да, я победил или помог победить зловещую языческую магию, но кому? Погрязшей в грехе ведьме! Служителю Господа не пристало споспешествовать ведьме или кому другому из исчадий ада. Вдобавок, милорд, откуда мне знать, что открыло нам тропу — колдовство или мои молитвы. Если колдовство, значит, я грешен вдвойне, ибо, сам того не подозревая, содействовал колдунье.

— Когда-нибудь, — произнес Данкен сурово, — твоя жалость к себе доведет тебя до беды. Вспомни, что ты ратник Господа! Пускай самозванный, но все-таки ратник.

— Да, — согласился Эндрю, — ратник из меня такой же никудышный, как и отшельник. У меня внутри все дрожит от страха, я пугаюсь каждого куста и чем дальше, тем яснее сознаю, что взвалил на себя непосильную ношу.

— Ты почувствуешь себя лучше, когда сможешь отдохнуть, — заверил Данкен. — День выдался не из легких; к тому же ты не молод. Между прочим, ты явил

всем пример бодрости духа, достойной истинного ратника.

— Мне было бы куда приятнее, — возразил Эндрю, — если бы я остался в своей пещерке, а не шлялся где и с кем попало. Наше путешествие позволило мне увидеть себя таким, какой я на самом деле, показало то, чего я, по совести говоря, ввек предпочел бы не знать. Я...

— Погоди, — перебил Данкен. — Мне кажется, ты клеветашь на себя. Ведь если бы ты не освободил демона, Царап не смог бы провести нас через болото.

— И правда! — воскликнул Эндрю, просветлев лицом. — Но я помог сатанинскому отродью...

— Запомни раз и навсегда: Царап — вовсе не сатанинское отродье. Он бежал из преисподней, ибо не в силах был вынести тамошних порядков.

— Однако он — демон, лишенный Господней милости, и...

— Ты хочешь сказать: он не обратился в христианство? Разумеется, это так. Тем не менее он оказал нам неоценимую услугу, и мы все у него в неоплатном долгу.

— Знаете, милорд, порой мне кажется, что вы придерживаетесь несколько странных взглядов.

— О вкусах не спорят, — усмехнулся Данкен. — Ладно, пошли. Если снова упадешь, не бойся: я рядом.

Шагая за отшельником, который никак не мог утомиться и все бормотал что-то себе под нос, Данкен глядел на болото, которое простиралось сразу во все стороны. Куда ни посмотри, всюду поблескивала вода, лишь кое-где проступали в полумраке черные пятна — должно быть, заросли тростника на мелководе или крохотные островки, а может быть, раскидистый ивняк.

Плач по-прежнему плыл над болотом этаким нескончаемым стоном. В нем было столько горечи, что у того, кто прислушался бы к нему, пытаясь разобраться, кто и о чем именно плачет, от тоски разорвалось бы сердце. Невольно чудилось, будто он обладает собственным весом. Во всяком случае, звук буквально пригибал к воде. Вполне возможно, подумалось Данкену, что болото сделалось таким плоским, таким ровным под бременем этого сокрушенного звука. Бремя мировой скорби может придавить кого и что угодно; так неужели оно никак не затронуло болото?

Внезапно впереди замаячили очертания долгожданного островка. Данкен ускорил шаг, подхватил Эндрю под локоть и помог отшельнику перебраться через массивный валун, затем отыскал более или менее удобный камень и усадил на него старика.

— Сиди и отдыхай, — сказал Данкен. — Никуда не уходи, пока я не приду за тобой. Не строй из себя героя.

Эндрю не ответил. Он сдвинул колени, сгорбился, положил под голову руки и как будто заснул. Остальных спутников Данкен нашел совсем рядом, в двух шагах от того камня, на котором прикорнул отшельник.

— Пожалуй, нам придется задержаться тут подольше, — проговорил юноша, обращаясь к Шнырки. — Все изрядно устали. А Эндрю вообще не стоит на ногах.

— Похоже на то, — согласился гoblin. — Конрад вроде вон какой здоровый, а того и гляди свалится. Правда, не столько от усталости, сколько от раны. Вразумите Царапа, милорд. Он настаивает на том, что надо двигаться дальше. Повторяет, как одержимый: «Вперед, вперед!» Сдается мне, он ведать не ведает, что значит выбиваться из сил.

— А куда он торопится?

— Не знаю. Мы, верно, прошли чуть ли не половину болота. Кстати, до чего же трудно ориентироваться! Куда ни кинь, везде вода.

— Я поговорю с демоном, — пообещал Данкен. — Думаю, мы с ним найдем общий язык. Ты не видел Нэн?

— По-моему, она смылась.

Шнырки скорчил гримасу.

— То есть бросила нас?

— Ну да. Летун-то из нее неважнецкий. Так, больше пыжится, чем летает.

— Допустим. Ну и что?

— На суше она в любой момент может опуститься на землю. А здесь куда ей прикажете опускаться? Крутом вода, а баньши ненавидят воду. И потом, она наверняка почувствовала опасность.

— Ты про тех тварей, что хотели нами закусить?

— Про них самых. Пока мы идем по гребню, нам ничто не угрожает. Мы им не по зубам — они слишком большие, а возле гребня чересчур мелко. Иначе они бы давно нас сожрали. Вдобавок...

— Что?

— Да так, — ответил гоблин, передернув плечами. — Насчет болота ходит столько слухов! Не знаешь, чему и верить. Вернее, кому. Сюда ведь до сих пор никто не забирался.

— Значит, ты предполагаешь, что Нэн улетела?

— Я могу ошибаться, но подозреваю, что да. В общем, я ее не видел.

— Наверно, она решила, что мы вполне обойдемся без нее.

— Может быть, — отозвался Шнырки.

Данкен поднялся, осмотрелся по сторонам и направился туда, где сидел на валуне у самой кромки воды нахохлившийся демон.

— Послушай, Царап, — сказал юноша, — все настолько устали, что не в состоянии сделать и шага. Что нам мешает задержаться здесь хотя бы до рассвета?

— Мы должны как можно скорее пересечь болото, — заявил демон. — Взгляните туда, милорд. — Он ткнул пальцем во мрак. — Видите, вон там три пика?

— Не уверен, — покачал головой Данкен. — Мне то кажется, что я что-то вижу, то наоборот.

— Эти пики не что иное, как Остров мировой скорби.

— То есть логово драконов?

— Совершенно верно, милорд. Ночью они нас могут не заметить. Драконы, насколько мне известно, если и видят в темноте, то не слишком хорошо. Добравшись до острова прежде чем рассветет, мы избежим самого худшего. Иначе они переловят нас поодиночке и прикончат за милую душу.

— Что-то я не пойму. Мы что, укроемся на острове, который и охраняют драконы?

— Естественно. Они не смогут приблизиться к нам, потому что побоятся зацепиться крыльями за скалы. А уж на земле-то мы с ними справимся. Стоит нам убить одного-другого, как все остальные разбегутся. Да будет вам известно, милорд, драконы — изрядные трусы.

— Так когда, по-твоему, нам следует выходить?

— А что нас держит?

— Эндрю едва волочит ноги, а Конрад того и гляди потеряет сознание.

— Посадите кого-нибудь из них на коня.

— А куда девать Мэг? Мне как-то не хочется наваливать на Дэниела лишний вес. Он лучший боец из всех нас. Так что случись нам схватиться с драконами, он

должен быть в полном порядке, поэтому утомлять его никак нельзя.

— Милорда, — проговорил Царап, — так или иначе, нам необходимо достичь острова еще до рассвета.

— А как далеко от него до берега?

— Рукой подать. Что-то около мили.

— Иными словами, можно уже будет не опасаться драконов?

— Думаю, когда они увидят, что мы уходим, то не станут проявлять излишнего рвения. Их дело — сторожить остров. Мне кажется, они позволят нам уйти.

Вверху что-то зашуршало. Данкен поднял голову и увидел Призрака.

— Я принес печальные вести, — заявил тот. — Произошло непредвиденное.

Призрак выдержал многозначительную паузу.

— Что именно? — справился Данкен. — Хватит паясничать. Тоже мне, лицедей! Не тяни, давай выкладывай.

— Я вовсе не паясничаю, — обиделся Призрак, выдержав перед тем драматическую паузу. — И уж никак не отношусь к лицедеям. И тянуть тоже не собираюсь.

— Ну так не тяни, — буркнул Данкен. — Что еще стряслось?

— Орда повернула обратно, — сказал Призрак. — Сейчас она находится на западном побережье, напротив Острова мировой скорби, и начинает образовывать огромный шар.

— Боже мой, — пробормотал Данкен. — Неужели рой?

— Рой? — переспросил Призрак.

— Рой, рой, — Данкен повернулся к демону. — Помнится, ты рассказывал мне о повадках Злыдней.

— Я лишь повторял то, что мне когда-то довелось услышать.

— Ты упомянул про тесную близость, про слияние, результат которого — обретение новых сил. Итак, сплочение перед лицом опасности?

— Так я слышал.

— А опасность, разумеется, мы.

— Если все то, что я рассказал вам раньше, истина, — проговорил демон, — то вы, пожалуй, правы. Иной опасности для Орды как будто не предвидится.

— Катберт говорил, что Орда чем-то напугана, — произнес Данкен, — однако чем, он не мог даже пред-

положить. Но почему они боятся нас? Ведь мы только и делаем, что убегаем от них. Нет, я окончательно запутался.

— То, что они страшатся вас, подтверждается многими фактами, — изрек Призрак. — Во-первых, сами Злыдни предпочитают не связываться с вами. Они насылают на вас безволосых, которые, очень может быть, и не принадлежат к Орде. Может статься, безволосые всего-навсего — исчадия колдовства, игрушечные солдатики, которые умеют лишь беспрекословно выполнять приказы.

— Разумно, — согласился Царап. — Если бы Орда не боялась вас, вы бы давным-давно погибли.

— Что вы собираетесь делать? — осведомился Призрак. — В нынешних обстоятельствах...

— Отступать мы не можем, — сказал Данкен. — Мы зашли чересчур далеко, чтобы отступать. Чем быстрее мы пересечем болото, тем скорее сойдемся со Злыднями. Возможно, нам удастся проскользнуть мимо них, не знаю. Главное — время поджигает. Нельзя допустить, чтобы Орда закончила роиться.

— А как вы поступите, если они обнаружат вас? — спросил Призрак. — Моя душа — по-моему, она у меня все-таки есть — съеживается от страха в комочек при одной только мысли об этом.

— Там поглядим, — отозвался Данкен. — Будет день, будет пища. — Он встал. — Готовься к выходу, Царап. Выступаем немедленно.

Плач становился все громче и тяжелее — тяжелее в том смысле, что он буквально придавливал воду, сушу и тех живых существ, которые обитали в болоте или двигались по нему; казалось, над болотом простерта некая невидимая длань, которая опускается все ниже и ниже.

Конрад споткнулся и качнулся вперед. Его рука соскользнула с плеча Данкена, на которое он опирался. Данкен попытался подхватить товарища, однако не устоял на ногах и рухнул вместе с ним в воду. Конрад падал уже в третий раз. Вернее, спотыкался он гораздо чаще, но в нескольких случаях Данкен успевал поддерживать приятеля.

Юноша поднялся и кое-как ухитрился посадить Конрада на колени. Тот закашлялся, потом выплюнул воду, которой наглотался, и прошептал:

— Милорд, бросьте меня тут.

— Мы были вместе с самого начала, — отозвался Данкен, — и вместе же дойдем до конца.

— Рука, — пробормотал Конрад, медленно выпрямляясь во весь рост. — Если бы не она... Идите, милорд. Я пойду за вами, поползу, если не смогу идти, но вы меня не ждите.

— Если придется, я тебя понесу.

— Где уж вам, милорд. Вы бы еще взялись тащить на себе лошадь.

— Тогда поволоку за ноги.

— А где моя дубинка?

— У Шнырки, — ответил Данкен.

— Он ее обязательно выронит. Такой плюгавенький, куда ему...

— Слушай, — перебил Данкен, — прямо перед нами остров. До него около полумили. Потерпи, осталось совсем чуть-чуть. Похоже, мы успеем: светать пока не светает.

— А драконы? — спросил Конрад. — Где они? Или Царап наврал?

— Пошли, — распорядился Данкен. — Давай стисни зубы и шагай. Обопрись на меня.

— Милорд, я не могу...

— Обопрись, черт тебя возьми!

Конрад подчинился и, едва переставляя ноги, двинулся вперед. Он весь дрожал, дыхание его было натужным и прерывистым. Тем не менее они с Данкеном шаг за шагом приближались к острову. Остальные путники тоже отнюдь не бежали. Последний переход вымотал всех до изнеможения. Эндрю засыпал на ходу, и Диане приходилось раз за разом будить его и следить, чтобы он, чего доброго, не оступился и не плюхнулся в воду. Что касается драконов, они до сих пор никак не давали о себе знать. Может, их и вовсе нет, подумалось Данкену. Впрочем, юноша понимал, что о подобной возможности лучше даже и не мечтать, чтобы потом не расстраиваться. Только бы стих этот вой, молил он мысленно, стих хотя бы на минуточку, чтобы люди могли вздохнуть полной грудью! Проклятье! Будто мало болота с его чудищами! И ведь никуда от него не денешься, сколько ни затыкай уши!

Внезапно — то ли по наитию, то ли по чьей-то неизреченной милости — Данкен осознал истину, ко-

торая представилась в тот миг таким откровением свыше. Он понял, что ему на плечи давит не плач, а мировая скорбь, средоточие всех человеческих горестей, всей ненависти и боли, всего страха и чувства вины. Впечатление было такое, будто на острове, что возвышался впереди, находится хранилище людских бед, будто здесь люди со всех концов света получают отпущение грехов и освобождаются от того, что тяготит их души. А может, плач — это преображенные ненависть и страх, боль и мука, которые разносят по миру злобные ветры?

Открытие ошеломило Данкена. Он не желал примириться с истиной, ибо воспринимал ее как кощунство, бесстыдное надругательство над святым, омерзительное богохульство. Почему же тогда не сотрясается в корчах остров, не выкипает вода в болоте? Или природу не трогают человеческие несчастья? Тем не менее, упрямо отказываясь признать истину, юноша сознавал, что с очевидным не поспоришь, и оттого плач сделался словно горше прежнего, а бремя на плечах — еще тяжелее.

Впереди, в какой-нибудь сотне ярдов от Острова мировой скорби, виднелся крохотный островок, размерами всего-навсего с не слишком крупный валун. За ним, на фоне бледно-голубого неба, отчетливо вырисовывались три зазубренных пика. Луна вот-вот должна была скрыться за горизонтом. То происходило на западе, а на востоке, похоже, занимался рассвет. Во всяком случае, небо как будто слегка посветлело.

Шагавший впереди всех демон взобрался на крохотный островок, перевалил через него и исчез из виду. Следом за Царалом двигался Дэниел, на спине которого, вцепившись в гриву, полулежала Мэг. За жеребцом, изящно перебирая копытами и время от времени даже пританцовывая, выступала Красотка. В утреннем полумраке казалось, что над ней плывет нечто большое и белое. На самом деле то была поклажа Красотки. Далее показалась Диана; женщина поддерживала Эндрю, который, несмотря на всю свою усталость, крепко стискивал в руке посох. Последним в поле зрения Данкена появился Шнырки. Гоблин лихо перепрыгивал с камня на камень, по всей видимости, совершенно не заботясь о том, что дубинка Конрада, которую он тащил на плече, может перевесить и скинуть его в воду.

Поднимая кучу брызг, к Данкену с Конрадом подбежал Крошка. Мاستиф внимательно поглядел на Конрада и ткнулся носом тому в бедро.

— Порядок, приятель, — буркнул Конрад сквозь зубы. — Беги вперед.

Удовлетворенный тем, что его друг в состоянии идти, Крошка развернулся и понесся к островку. Мужчины побрели за собакой. Когда они достигли островка, Данкен сказал:

— Хватайся за меня. Не бойся, я не сломаюсь.

— Договорились, милорд, — произнес Конрад с вымученной улыбкой.

— Смотри, куда ставишь ногу, — посоветовал Данкен. — Тут кругом камень, падать вовсе не мягко.

Они медленно, с остановками, перебрались через островок и вновь очутились в воде. Их товарищи прошли уже половину расстояния до Острова скорби. Драконов по-прежнему не предвиделось. И слава Богу, подумал Данкен, и слава Богу.

— Ну, еще немного, — сказал он Конраду. — А там передохнем и постараемся выспаться.

Данкен вдруг вспомнил, что и не предполагал, будто такое возможно. Для себя он отводил на переход через болото не менее двух дней, а вышло так, что они преодолели трясины за одну-единственную ночь. Юноша осознал, что глядит себе под ноги, словно стараясь различить протянувшийся под водой скалистый гребень. Он выпрямился, расправил плечи, посмотрел в направлении ушедших вперед товарищей и увидел, что все они остановились и, запрокинув головы, уставились в небо. Диана отпустила Эндрю, и тот не преминул свалиться в воду. Дэниел поднялся на дыбы; Мэг скользила по его спине вниз, в болотную жижу. Данкен поглядел вверх: прямо над ним кружило в воздухе огромное существо — похожие на нетопырьи крылья, зловеще изогнутый хвост, голова с оскаленной пастью на длинной, вытянутой шее.

— Стой на месте! — крикнул юноша Конраду. — Это дракон! Стой где стоишь!

Сам же бросился к товарищам, обнажая на бегу меч. Неожиданно Данкен поскользнулся. Он попытался сохранить равновесие, но не устоял на ногах и рухнул в воду, погрузившись в нее с головой. На юношу волной накатил панический ужас. Едва он вынырнул, его чуть было не оглушил пронзительный вопль: то затрубил

дракон, ухвативший обеими лапами Красотку. В шею чудовищу впился зубами Дэниел, однако дракон как будто не чувствовал боли и лишь отчаянно хлопал крыльями, стараясь взлететь вместе с добычей. Поодаль сверкнул клинок Дианы; второй дракон, стремясь уклониться от разящей стали, пронесся над самой водой, взмахом крыла сбив Диану с ног.

На глазах у Данкена к Дэниелу, который изнемогал в борьбе с драконом, подбежал Конрад — подпрыгнул, обвил здоровой рукой шею крылатой бестии, и дракон, не в силах удержать добавочный вес, тяжело плюхнулся в воду. Могучие когти разжались, и тело Красотки, давно уже переставшей испуганно кричать, закачалось на волнах, поднятых тушей дракона. Крошка вцепился в горло обидчику своей приятельницы. Тот забил крыльями, дернулся туда-сюда, а затем весь обмяк и замер в неподвижности. Второй дракон медленно набирал высоту, будто удирая от мгновенно вскочившей Дианы.

Услышав над собой хлопанье крыльев, Данкен вскинул голову. Небо словно потемнело: столько в нем парило драконов. Вот и все, подумалось юноше, вот и конец пути. Отряд, измотанный утомительным переходом ночью и без сна, оказался застигнутым на открытой местности, в какой-нибудь сотне футов от спасительного острова. Из горла Данкена вырвался яростный рев — ни дать ни взять бешеный рык берсеркера; размахивая мечом, юноша кинулся туда, где замерли в ожидании новой беды его спутники. И тут откуда-то из глубины голубых небес донесся топот копыт, которому вторили хриплый звук рога и залиvistый лай доброй сотни охотничьих псов.

Драконы заметались из стороны в сторону, норовя, должно быть, поскорее улизнуть, а в следующий миг среди них очутился Дикий Охотник, копыта жеребца которого высекали из воздуха искры. Конь промчался так низко над землей, что Данкен успел разглядеть, пускай даже мельком, лицо всадника: кустистые брови, из-под которых глядели сверкавшие свирепым огнем глаза, густая белая борода. Затем конь вновь устремился в небеса. Охотник потрясал зажатым в кулаке рогом, а собаки преследовали драконов, что улепетывали без оглядки, трусливо поджав хвосты.

Данкен увидел, что его товарищи бегут к Острову скорби — Диана тянет за собой Эндрю, Конрад, как ни странно, движется без посторонней помощи. Юноша приблизился к телу Красотки. Он знал, что на чудо надеяться не приходится. Вздохнув, Данкен направился к острову, волоча по воде мертвого ослика. Он вытащил Красотку на берег, сел рядом, положил ее голову себе на колени, осторожно погладил бархатистую шерсть на ушах животного. «За что? — воскликнул он мысленно. — Или Красотка причинила кому-нибудь зло, что с ней обошлись так сурово?» Кто-то ткнулся носом в плечо Данкену. Юноша обернулся. Это был Дэниел; он тихонечко заржал. Данкен потрепал коня по шее.

— Что ж, Дэниел, — проговорил он, — вот и нет больше Красотки.

Данкен шел по лесной тропинке, и вдруг дорогу ему заступил великан. Дело было весной, все деревья словно облачились в желто-зеленые кружева — то начинали распускаться почки; а землю будто устилал пестрый ковер: цветы, поражавшие буйством красок, кивали Данкену, когда тот проходил мимо, как бы говоря: «Здравствуй, друг». В лесу было светло, дышалось на удивление легко; словом, этот лес ничуть не напоминал те чащобы, которые, кажется, так и норовят залучить путника и погубить его. Данкен не знал ни того, где находится лес, ни откуда вышел, ни куда направляется. Он просто шел по тропинке среди деревьев и наслаждался мгновением настоящего. Ему не нужно было ни стыдиться прошлого, ни опасаться будущего. А потом появился великан, и они двинулись навстречу друг другу. Тропа была узкой, и разойтись на ней, не уступив дороги, не представлялось возможным. Однако уступать ни тот ни другой, по всей видимости, не собирался. Они остановились; Данкен грозно посмотрел на великана, тот ответил не менее свирепым взглядом, а затем наклонился, протянул огромную ручищу, схватил юношу и потряс его. Голова Данкена болталась из стороны в сторону, ноги сами собой выделявали замысловатые коленца, а руками он не мог даже пошевелить, поскольку те были плотно прижаты к телу. Великан приговаривал:

— Проснитесь, милорд. Проснитесь. Тут с вами хотят побеседовать.

— Оставь меня в покое, — буркнул Данкен, желая досмотреть сон до конца.

Но великан все твердил: «Проснитесь, проснитесь», и внезапно юноше показалось, что он узнает этот голос, что слышит вовсе не неведомого великана, а старого доброго демона Царапа. Кто-то снова потряс Данкена за плечо. Он открыл глаза и вправду увидел над собой Царапа, над головой которого нависали мрачные скалы.

— Вот вы и проснулись, — заявил демон. — Прошу вас, милорд, не засыпайте снова.

Данкен сел и потер ладонью глаза, а затем огляделся по сторонам. Они с демоном, который сидел на корточках в двух шагах от него и не сводил с юноши пристального взгляда, находились в тени большого валуна. Там, где тень обрывалась, каменистую почву заливали лучи солнца; чуть поодаль поблескивала вода. Невдалеке, привалившись к Крошке, раскинулся на камне Конрад. Возле них сладко похрапывал Эндрю. Данкен было приподнялся, но тут же вынужден был сесть, испытывая приступ слабости, вызванный запоздалым страхом. Подумать только, все они заснули, не приняв никаких мер предосторожности! Никто не позаботился обыскать окрестности, никому и в голову не пришло назначить часовых. Должно быть, они провалились в сон, едва ступив на сушу. Ладно остальные, но он — как он мог?

— Все в порядке? — справился Данкен слабым голосом.

— В полном, — уверил демон. — Я охранял ваш сон.

— Разве ты не устал?

— Нет, — покачал головой Царап. — Мы, демоны, не ведаем усталости. Однако, сэр, с вами хотят поговорить. Иначе я не стал бы будить вас.

— И кому я понадобился?

— Женщинам, милорд. Довольно приятным пожилым женщинам.

— Спасибо, Царап, — поблагодарил Данкен, со стоном поднимаясь.

Прямо от камня, на котором он лежал, начиналась тропинка, и юноша направился по ней сам не зная куда. Стоило ему выйти из тени валуна, который, как выяснилось, служил вдобавок такой преградой на пути звука, как на него тяжким бременем обрушился горестный плач. Однако всего лишь мгновение спустя Данкен понял, что плача на деле не слышно. Но как такое может быть?.. И тут он сообразил, что на плечи давит не плач, а мировая скорбь, сосредоточенная на этом

острове, стекающая сюда, чтобы преобразиться в плач. Напор скорби был настолько сильным, что юноша даже зашатался; в сердце ему закралась грусть — беспросветная тоска, что заглушала все прочие чувства, превращала в ничто радости жизни, заставляла склониться перед ненавистью и мукой.

Женщины, о которых говорил Царап, поджидали в том месте, где тропа поворачивала прочь от кромки воды и устремлялась вверх, к трем остроконечным пикам. Их было трое; все в одинаковых платьях, что ниспадали им до щиколоток. Вполне возможно, эти платья простого покроя, без каких бы то ни было рюшей и оборок были когда-то белого цвета, но теперь выглядели чуть ли не запачканными сажей. В руках женщины держали корзины.

Данкен постарался расправить плечи. Подойдя ближе, он остановился. Женщины молча глядели на него. В ответ он принялся без зазрения совести рассматривать их. Они были далеко не молоды, но и слово «старухи», несмотря на морщинистые лица, к ним как-то не подходило. Скорее, морщины придавали им благообразие; от женщин веяло покоем, который никоим образом не сочетался с господствовавшей над островом скорбью. Та женщина, что стояла немного впереди двух других, заговорила с Данкеном:

— Молодой человек, это ты так жестоко обошелся с нашими драконами?

Вопрос оказался настолько неожиданным, а его смысл — настолько извращенным, что Данкен невольно расхохотался; смех вышел отрывистым, каким-то лающим.

— Тебе не следовало путать их, — продолжала женщина. — Они до сих пор не вернулись, и мы не знаем, где их искать. И потом, ты, кажется, убил одного из них?

— Он напал первым, — отрезал Данкен. — Я бы его не тронул, если бы он не схватил Красотку.

— Красотку? — переспросила женщина.

— Да, нашего ослика.

— Эка невидаль! — фыркнула женщина.

— Мэм, — ответил Данкен, — в моем отряде, помимо ослика, конь и собака. Они не просто животные, они — наши товарищи.

— Ты забыл упомянуть демона, отвратительного демона с искалеченной ногой, который оскорбил нас и

пригрозил нам своим трезубцем, когда мы спустились по тропе.

— Да, — согласился юноша, — среди нас есть и демон, и ведьма, а также гоблин и отшельник, который мнит себя ратником Господа.

— Ну и компания! — проговорила женщина, качая головой. — А сам ты кто такой?

— Мэм, я Данкен из рода Стэндишей.

— Из Стэндиш-Хауса? Так почему ты не дома, а на болоте, и путаешь безобидных драконов?

— Мадам, — отозвался Данкен, — мне представляется невероятным, что вы ничего не слышали, но раз так, я вам расскажу. Ваши безобидные драконы — кровожаднейшие твари на свете. Вдобавок мы, к сожалению, были не в состоянии проучить их так, как они того заслуживали. Драконов разогнал Дикий Охотник.

Женщины вопросительно переглянулись.

— Я вам говорила, — сказала одна из тех, что стояли чуть позади, — говорила, что слышала рог Охотника и лай его псов. А вы все твердили, что мне померещилось! Вы утверждали, что Охотник в жизни не наберется смелости приблизиться к нашему острову, ни за что не отважится соперничать с нами.

— Скажите, а чем вы, собственно, занимаетесь? — справился Данкен. — Вы и вправду оплакиваете мир?

— Юный Стэндиш, — произнесла первая женщина, — наши дела тебя совершенно не касаются. Здешние таинства не для смертных. Между прочим, вы осквернили священную почву Острова скорби.

— Тем не менее, — прибавила вторая, — мы готовы простить вам это святотатство. Мы знаем законы гостеприимства и потому принесли вам пищу. — Она шагнула вперед и поставила на тропу свою корзину. Товарки последовали ее примеру. — Бери. Ну, смелее. Уверяю тебя, ты не отравишься. В мире и без того достаточно горя, чтобы мы решились причинить его сами.

— Да уж, кому, как не вам, рассуждать о горе, — пробормотал Данкен и тут же укорил себя за жестокие слова. Женщины молча повернулись, собираясь, по-видимому, уходить, но Данкен остановил их вопросом: — Вы, случайно, не видели поблизости Орды?

— Какой же он глупый, сестры! — воскликнула одна из женщин. — Забрался в самое сердце Пустоши и спрашивает об Орде! Может, пожалеем его?

— Можно и пожалеть, — откликнулась та, что первой заговорила с юношей. — Вреда от того никому не будет. Знай, сэр Данкен: Орда находится на западном побережье болота, совсем близко отсюда. Они, должно быть, знают о вас, ибо сплачиваются в рой, хотя мне непонятно, чем вы могли их так сильно напугать.

— Оборонительный порядок, — прошептал Данкен.

— Что ты сказал?

Данкен рассмеялся.

— Смейся, смейся, молодой человек, — произнесла женщина. — Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда очутишься лицом к лицу со Злыднями.

— А если мы попробуем вернуться, ваши любезные драконы раздерут нас в клочья, верно?

— Ты несносен в своей невоспитанности! Не смей так отзываться о наших друзьях.

— Друзьях?

— Ну разумеется. Драконы — наши любимцы, а без Злыдней в мире было бы куда меньше бед.

— Меньше бед... — Внезапно Данкену все стало ясно. Остров был не приютом для страждущих, не местом искупления грехов, а обителью радости, почерпнутой из людских скорбей; здесь наслаждались горестями, от которых изнывал на протяжении веков человеческий род. — Ах вы, стервятницы!..

Господи Боже, неужели в мире не осталось ничего святого? Нет, он не прав. Взять хотя бы Нэн и других баньши. Они оплакивают вдов, матерей, которые потеряли детей, дряхлых стариков, больных и покинутых. Они сочувствуют тем, кого постигло несчастье, скорбят по тем, кого больше некому жалеть. Но эти... Так называемые плакальщицы, которые якобы оплакивают мир — то ли втроем, то ли в компании других! Или, может быть, они пользуются неким устройством, способным издавать те самые надрывные звуки, — перед мысленным взором Данкена возникло нечто вроде громадного колокола, раскаты которого и порождали над болотом стон... Так или иначе, эти омерзительные создания жадно поглощали людские невзгоды, упивались ими, купались в них, точно свиньи в грязных, вонючих лужах.

— Ступайте, мерзавки, — пробормотал юноша вслед женщинам, которые направились вверх по тропе. Он не стал кричать на них, понимая, что поступить так означало бы уронить собственное достоинство. Они не заслуживали ни гнева, ни презрения. Обращать на них внимание было недостойно порядочного человека. Данкен наклонился, схватил одну корзину и швырнул ее в болото. Такая же участь постигла две других. — Вот вам ваше гостеприимство! — процедил он сквозь зубы. — Подавитесь своей жратвой и будьте прокляты!

Вернувшись туда, где оставил Царапа, он увидел, что рядом с демоном сидит проснувшийся Конрад.

— Где остальные? — спросил юноша.

— Отшельник и ведьма отправились за поклажей Красотки, — сообщил Царап. — Мешки прибило к берегу прямо под нами. Наверное, в них найдется чем подзакусить.

— Как ты себя чувствуешь? — справился Данкен у Конрада.

— Отлично, — усмехнулся тот, — лучше не бывает. Рука почти не болит, да и опухоль немного спала.

— Что касается миледи, — прибавил демон, — она пошла вон туда. — Он ткнул пальцем в сторону. — Сказала, что хочет осмотреть окрестности. Она ушла еще до того, как мне пришлось разбудить вас.

Данкен взглянул на небо. Солнце миновало точку зенита и постепенно клонилось к западу. Выходит, они проспали добрую половину дня.

— Сидите тут и никуда не уходите, — велел юноша. — Я пойду поищу Диану. Так куда мне идти?

Ухмыльнувшись, Царап повторно указал направление.

— Найдете что поесть, — сказал Данкен, — ешьте. Нам скоро выходить. Время поджигает.

— Милорд, — проговорил Конрад, — вы намерены идти напролом?

— Иного нам не остается, — ответил Данкен. — Мы не можем ни вернуться, ни оставаться здесь. Этот остров — гнусное местечко.

— Я буду рядом с вами, — пообещал Конрад. — Была бы дубинка, а рука найдется.

— И я, — добавил демон. — Шнырки молодец, что дал мне трезубец. Он правильно сказал: подходящее оружие. Пусть только кто-нибудь на меня нападет, я ему покажу!

— Ладно. Я не задержусь, — бросил Данкен.

Он нашел Диану на невысоком выступе над болотом. Услышав шаги, она обернулась.

— Что, уже пора в путь?

— Не совсем, — отозвался Данкен.

— Не знаю, не знаю... Как представляю себе Орду...

— Мне надо кое-что тебе сказать, сказать и показать. Я должен был сделать это давным-давно.

Данкен сунул руку в кошелек, достал оттуда талисман и протянул Диане. У той пресеклось дыхание. Она было подставила ладонь, однако отдернула ее.

— Вульфберта?

Данкен кивнул.

— Где ты его взял? И почему не сказал мне?

— Потому что боялся, что ты потребуешь его себе. Он был мне нужен.

— Зачем?

— Против Орды. Для той цели, для которой и предназначал его Вульфберт.

— Но Катберт говорил...

— Катберт ошибался. Талисман охранял нас с того самого дня, когда я нашел его. Поразмысли-ка: Злыдни насылали на нас своих приспешников, а сами все время держались в стороне. Как ты думаешь, почему?

Диана взяла талисман, повертела его в пальцах, любуясь бликами солнечного света на поверхности камня.

— Какой красивый, — прошептала она. — Где ты его нашел?

— В гробнице Вульфберта. Меня туда засунул Конрад, после того как я получил дубинкой по голове в стычке на огороде. Помнишь, мы тогда впервые встретились?

— Как странно, — промолвила Диана. — Класть живого человека в гробницу...

— Да, на Конрада порой находит. Однако обычно все оказывается к лучшему.

— Значит, ты наткнулся на него по чистой случайности?

— Когда я очнулся, то почувствовал, что лежу на чем-то таком, что здорово колется. Сперва я решил, что подо мной камень, а потом, когда уже выбрался, обнаружил талисман. Я хотел отдать его тебе, но...

— Понимаю. Ты хочешь воспользоваться им против Орды? Надеешься, что поможет?

— Да, — кивнул Данкен. — Я уверен настолько, что готов даже побиться об заклад. Ведь ты не будешь отрицать, что нас что-то оберегает? Мне кажется, мы владеем неким оружием, которого опасается Орда. Это должен быть талисман. Иначе с какой стати Злыдням бояться нас?

— Выходит, Вульферт был прав. Выходит, чародеи напрасно не поверили ему.

— Чародеи — тоже люди, — буркнул Данкен, — а людям свойственно ошибаться.

— Хорошо, — сказала Диана. — Но, может, ты объяснишь мне, что привело тебя сюда? Что происходит? Почему тебе столь необходимо попасть в Оксенфорд? Ты до сих пор отмалчивался, скрывал и от меня, и от Катберта. Кстати говоря, у Катберта было много друзей среди оксенфордских ученых. Он переписывался с ними немало лет подряд.

— Что ж, — отозвался Данкен, — пожалуй, теперь можно и рассказать. Мне поручено доставить в Оксенфорд один манускрипт. С твоего разрешения, я не буду слишком уж вдаваться в подробности, — и он принялся излагать историю драгоценной рукописи.

— Оксенфордский клирик, — проговорила Диана, — единственный человек на свете, который способен установить подлинность манускрипта. Как его зовут?

— Уайз, епископ Уайз. Слабый здоровьем старик. Вот почему мы так торопимся. Он может умереть со дня на день. Как выразился его милость, епископ стоит одной ногой в могиле.

— Данкен, — прошептала Диана, — Данкен...

— Что? Тебе знакомо это имя?

— Да. Твой епископ был старинным другом Катберта.

— Замечательно.

— Ах, если бы... Данкен, епископ Уайз умер.

— Умер?

— Катберт узнал о его кончине несколько недель тому назад. Скорее всего, ты тогда еще не покидал Стэндиш-Хауса.

— Боже мой! — воскликнул юноша, опускаясь на колени. Бесцельное, бессмысленное путешествие! Человек, способный определить подлинность рукописи, умер, и не на днях, а давным-давно! Теперь все кончено. Быть может, лет через сто появится другой ученый, столь же образованный, как епископ Уайз. Появится

ли? Всем, всем придется подождать — его милости, матери-Церкви, всему христианскому миру... Возможность упущена, и неизвестно, представится ли когда-нибудь новая. — Диана, — вырвалось у Данкена, — Диана!

Она притянула его к себе. В ее движениях сквозила материнская ласка. Он положил голову ей на колени.

— Поплачь, милый, нас никто не видит. Поплачь, и тебе станет легче.

Однако Данкен был не в силах плакать, хотя внутри у него все перевернулось, а к горлу подкатил комок. Он понял вдруг, что до сих пор избегал даже думать о том, что такое манускрипт не для всего человечества, а для одного-единственного человека по имени Данкен Стэндиш; понял, что, пускай верил в Бога постольку-поскольку, он все равно надеялся, что Тот, кого звали Иисусом, вправду ходил по земле, произносил те слова, какие приписывали Ему легенды, творил чудеса, смеялся на свадебных пирах, пил вино со Своими учениками и был в конце концов распят римлянами на кресте.

— Данкен, — проговорила Диана, — мне очень жаль...

— Талисман, — произнес он, вскинув голову.

— Да, мы воспользуемся талисманом именно для того, для чего он был изготовлен Вульфбертом.

— Положимся на него и сразимся со Злыднями.

— Ты уверен, что он не подведет?

— А разве у нас есть выбор? — пожал плечами Данкен.

— Нет, — согласилась Диана.

— Вполне возможно, что талисман не спасет нас от гибели.

— Я не покину тебя.

— Иными словами, погибать — так вместе?

— Что суждено, то суждено. Однако мне кажется, что все будет в порядке. Вульфберт...

— Ты веришь в него?

— Ничуть не меньше, чем ты в свой манускрипт.

— А что потом?

— Ты о чем? Когда все закончится?

— Да. Я вернусь в Стэндиш-Хаус. А ты?

— Без крыши над головой не останусь. Меня с радостью примут в замках других чародеев.

— Пойдем со мной.

— И кем я буду? Приживалкой? Или хозяйкой?

— Моей женой.

— Данкен, милый, во мне течет кровь волшебников.

— А во мне — кровь бессовестных искателей приключений, лихих вояк, пиратов, мародеров и убийц. Бог весть с кого начинался наш род.

— А твой отец? Ведь он — лорд.

Данкен представил себе отца: вот он стоит, высокий и стройный, подкручивает усы, а глаза глядят сурово и вместе с тем доброжелательно.

— Ну и что? — проговорил юноша. — Он прежде всего благородный человек. Он полюбит тебя как дочь. У него никогда не было дочери. Я единственный, кто остался. Моя мать умерла много лет назад. Пойдем со мной. Стэндиш-Хаус истосковался по женской руке.

— Мне надо подумать, — ответила Диана. — Правда, одно могу сказать прямо сейчас. Я люблю тебя.

Глава 31

Рой располагался на вершине невысокого гребня, недалеко от кромки воды, и производил весьма устрашающее впечатление: черная клубящаяся масса, в которой то и дело что-то сверкало, наподобие зарниц, что пляшут на небе летними ночами. Временами рой словно обретал устойчивую форму и плотность; временами же он сильно напоминал смотанный на скорую руку клубок шерсти или мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть. Он пребывал в постоянном движении, как будто те существа или кто они там были, которые его составляли, беспрерывно подыскивали себе местечко поудобнее, выстраивались то так, то этак, дабы создать наиболее приемлемый порядок. Порой казалось, что в общей массе можно различить отдельные фигуры, однако они буквально в следующий миг исчезали из виду. И слава Богу, подумал Данкен, ибо то, что он успел разглядеть, внушило юноше настоящий ужас. Твари, которые образовывали рой, превосходили своей отвратительностью самые кошмарные фантазии.

— Итак, все решено, — сказал Данкен, обращаясь к отряду. — Я понесу талисман, вот так!

Он поднял руку, и драгоценные камни амулета засверкали в лучах заходящего солнца, точно охваченные неким мистическим пламенем, переливаясь всеми цветами радуги, но гораздо, гораздо ярче, нежели обыкновенная радуга.

— А если не сработает? — проворчал Конрад.

— Должно сработать, — отрезала Диана.

— Да, — согласился Данкен, — должно. Однако в случае чего — бегите обратно к болоту и постарайтесь добраться до острова.

— К черту! — возразил Конрад. — Лично я не побегу. Мне надоело бегать...

Внезапно кто-то выхватил талисман из руки Данкена.

— Эндрю! — воскликнул юноша.

Отшельник, похоже, не слышал. Он бежал туда, где клубился рой, издавая громкие, нечленораздельные вопли. В одной руке он держал талисман, а другой сжимал посох, которым торжествующе потрясал на бегу.

— Стой, сукин сын! — взревел Конрад. — Стой, ублюдок полоумный!

Данкен кинулся было вдогонку, но тут впереди сверкнула молния. Эндрю мгновенно оказался заключенным в огненную клетку. Пламя опало, а отшельник застыл на месте догоревшим факелом, фитильком, который задуло порывом ветра; над его воздетыми к небесам руками вился тоненький дымок. Талисман куда-то исчез. Мгновение спустя Эндрю рухнул наземь бесформенной грудой обугленной плоти.

Данкен упал ничком на землю. Внезапно ему стало ясно, что Орда боялась вовсе не талисмана. Выходит, не талисман защищал их на долгом пути через Пустошь? Ну разумеется, и как он сразу не догадался! Там, на полоске сухой земли между холмами и болотом, Злыдни натравили на них Гарольда Потрошителя — да, использовали его, а потом сами же и расправились с ним, чтобы заполучить то, чего опасались, то единственное, чем не смели завладеть самостоятельно. А талисман тогда остался лежать на песке — никому не нужная, лишенная всякой ценности безделушка. Единственной же вещью, которая так и не попала к ним в лапы, был манускрипт.

Манускрипт! Ну конечно же, манускрипт! Именно за ним охотилась Орда, именно для того, чтобы уничтожить его, Злыдни опустошили север Британии, а затем двинулись на Стэндишский монастырь, где находилась желанная рукопись. Но к тому времени, когда это произошло, оригинал — творение пронырливого коротышки, который только и делал, что смотрел и слушал, — покинул стены монастыря. Катберт говорил, что Орда в

растерянности, словно не знает, что ей предпринять. Так оно и было! Злыдни то ли получили сообщение, то ли почувствовали, что манускрипта в монастыре уже нет, что его несут через Пустошь, то есть через территорию, облюбованную Ордой.

«Маленький проныра, шустрый, изворотливый коротышка, — мысленно обратился Данкен к тому человеку, который в незапамятные времена околачивался вокруг Иисуса, стараясь особенно не попадаться на глаза, который смотрел и слушал, а потом, скорчившись в укромном уголке, записывал то, что увидел и услышал, — ты и не подозреваешь, что на самом деле совершил. Ты записал подлинные слова Иисуса, не перефразировав, не добавив ничего от себя; ты сберег для потомков его жесты и мимику. Ты и впрямь сотворил чудо, если по истечении стольких лет твоя рукопись сохранила свою магию, что ничуть не удивительно — ведь в ней все события изложены так, как они и происходили в действительности. Скажи, человеке, почему ты ни разу не позволил мне увидеть твое лицо? Почему ты либо отворачивался, либо прятался в тень? Хотя я понимаю: ты не искал славы для себя, а лишь стремился донести до нас величие Того, за Кем следовал всегда и повсюду, пока Его не распяли на кресте. Что ж, значит, тебе суждено оставаться в веках человеком без лица».

Данкен нащупал в кошельке манускрипт, достал его, вскочил на ноги, воздел пергамент над головой и с исполненным ликования возгласом устремился навстречу Орде. Рой засверкал вспышками, и чем ближе подбегал юноша, тем ярче становились эти вспышки, однако они пламенели внутри клубящейся массы, будто что-то не пускало их наружу. Те же самые молнии, что вырывались из пелены тумана на равнине у Замка, те же самые, что и та, которая испепелила Эндрю; они полыхали внутри роя, но словно не могли пробиться наружу.

Внезапно молнии слились в одну особенно яркую вспышку, рой превратился в огненный шар и... словно взорвался, рассыпался на мелкие кусочки, которые, падая на землю, корчились единое мгновение, будто в агонии, а затем замирали в неподвижности.

С Ордой было покончено. В сумерках, что наступили с заходом солнца, над побережьем поплыла тошнотворная вонь. Данкен опустил руку, в которой по-прежнему

сжимал манускрипт. Пергамент весь сморщился от того, что его с силой стискивали пальцы юноши.

Неожиданно сумерки огласились рыданиями. То был не плач по миру, нет; рыдания раздавались где-то рядом. Данкен обернулся и увидел Мэг, что стояла на коленях возле обугленного тела Эндрю. Она плакала в голос и заламывала в отчаянии руки.

— Как странно, — пробормотала подошедшая Диана. — Отшельник и ведьма...

— Он отдал ей при встрече кусок сыра, — произнес Данкен. — Помогал идти по лесной тропе, поддерживал, когда она пыталась отыскать выход с поляны. Разве этого недостаточно?

Глава 32

Итак, подлинность манускрипта установить невозможно. Со смертью епископа Уайза сделать это стало, к сожалению, некому. И потому пергамент возвратится в Стэндишский монастырь, где пролежит — быть может, в инкрустированном ларце — еще Бог весть сколько лет, неизвестный миру, скрытый от людей, ибо теперь на Земле нет ни единого человека, способного определить, истинный ли перед ним текст или всего лишь подделка, пускай даже сложенная из самых лучших побуждений. И все же, сказал себе Данкен, лично у него подлинность манускрипта не вызывает ни малейших сомнений. Ведь именно благодаря своей подлинности, благодаря тому, что в нем достоверно изложены слова и деяния Иисуса, манускрипт сумел уничтожить магию Орды, с которой вряд ли бы справилось что-либо другое.

Юноша ощупал кошелек. Сколько раз он проделывал то же самое, сколько раз прислушивался к хрусту пергамента, но никогда еще не испытывал по отношению к манускрипту ни благодарности, ни счастливой уверенности.

Диана, сидевшая рядом, повела плечами. Данкен привлек ее к себе. Царап, сдвинув в сторону часть угольев, поджаривал на них с помощью Конрада рыбу, которую они с тем же Конрадом поймали в протекавшем непо-

далеку ручье, использовав в качестве сети рубашку Данкена.

— А где Призрак? — спросил юноша. — Крутился-крутился вокруг, и на тебе — пропал.

— Ты его больше не увидишь, — отозвалась Диана. — Он отправился в Замок.

— В какой такой Замок?

— В котором жили мы с Катбертом. Он попросил у меня разрешения.

— И что?

— Я сказала, что от меня тут ничего не зависит, так что он может действовать, как ему заблагорассудится. Тем более что я не вижу способа остановить его.

— Ты повторила мои слова, — усмехнулся Данкен. — Он услышал их от меня, когда просился с нами в Оксенфорд. Странно, что он решил обосноваться в Замке. Вроде так рвался в Оксенфорд...

— Он говорил, что хочет найти дом, что ему нужно место, чтобы являться, что его повесили на каком-то чахлом деревце, а ведь в деревьях, особенно в таких кривых и низкорослых, призраки не являются...

— Сдается мне, — заметил Данкен, — я эту песню уже слышал. А что сказал бы Катберт?

— Мне кажется, он был бы доволен. Знаешь, мне так стало жалко Призрака. Бедняжка никогда не...

— Вот уж был любитель поплакаться, — хмыкнул Данкен. — Ну да ладно, ушел так ушел. Откровенно говоря, я рад, что мы от него избавились.

— А что станется с демоном? — полюбопытствовала Диана.

— Пойдет с нами. Конрад пригласил его пожить в Стэндиш-Хаусе.

— Приятно слышать. Похоже, они с Конрадом подружились. Это хорошо. Царап хоть и демон, но характер у него вполне приличный.

— Он спас Конраду жизнь, — откликнулся Данкен. — А Конрад не из тех, кто забывает о подобных вещах.

— И потом, — прибавила Диана, — вы с Конрадом первые отнеслись к нему по-доброму. До вас никто и не смотрел на него иначе как на забаву.

Мэг принесла им жареную рыбу на самодельных тарелках из березовой коры.

— Не торопитесь, — предупредила она. — Пускай немножко остынет.

— А что ты собираешься делать? — справилась Диана. — Царап идет с нами. А ты?

— Присоединяйся, — пригласил Данкен. — В Стэндиш-Хаусе наверняка найдется местечко для удалившейся от дел ведьмы.

— Нет, — покачала головой Мэг. — Я тут пораскинула мозгами и кое-что придумала. Как раз хотела поговорить с вами. Жить мне и впрямь негде, но у Эндрю была пещера. Можно ли мне поселиться в ней? Я вроде знаю, в какой она стороне. А если заплутаю, Шнырки покажет дорогу.

— Что ж, — проговорил Данкен, — по-моему, Эндрю был бы счастлив узнать, что ты поселилась в его пещере.

— Сдается мне, — продолжала Мэг, — мы с ним понимали друг друга. Помните, при первой встрече он угостил меня сыром. На том куске были следы зубов, потому что Эндрю грыз его по дороге, но все равно это был подарок от чистого сердца, и...

Ее голос пресекся. Она провела рукой по глазам, поднялась и ускользнула в темноту.

— Она любила Эндрю, — сказала Диана. — Ведьма и отшельник...

— Мы все любили его, — отозвался Данкен, — несмотря на занудливость, избытком которой он отличался.

Да, Эндрю был занудлив, однако у него не отнять мужества. Он был истинным ратником Господа, стал им еще в ту пору, когда сам себя именовал отшельником, и принял смерть, как и положено тому, кто сражается во Имя Божье. Эндрю и Красотка — ратник Господа и маленький терпеливый ослик. Мне будет не хватать их, подумал Данкен.

Издали донесся протяжный стон — над болотом вновь раздавался плач по миру. Что ж, сказал себе Данкен, отныне в мире станет меньше слез. Орда исчезла, а потому людям будут досаждать только их собственные невзгоды. Так что стервятницам на Острове скорби придется потуже затягивать пояса.

Диана поставила свою тарелку на землю и потянула Данкена за рукав.

— Пойдем со мной, — попросила она. — Одна я не наберусь смелости. Хотя бы постой рядом, ладно?

Диана обогнула костер и подошла к Шнырки, который уплетал за обе щеки свою долю рыбы. Она протянула гоблину обнаженный клинок.

— Этот меч не может принадлежать человеку, — сказала она. — Будь добр, возврати его Малому Народцу. Пусть хранят его у себя, пока он не понадобится вновь.

Шнырки вытер руки о траву и принял у Дианы меч. В глазах гоблина заблестели слезы.

— Выходит, миледи, вам известно, кто владел мечом? Диана молча кивнула.

— Хорошо, — проговорил гoblin, — мы принимаем его, будем беречь и почитать. Возможно, однажды он снова потребуется кому-то из людей. Но никто из них, миледи, не сравнится с вами.

— Пожалуйста, передай Малому Народцу, что я благодарю их за честь, — сказала Диана.

— Мы знали, что вам можно доверять, — ответил Шнырки. — Если что, вы в Стэндиш-Хаусе?

— Да, — отозвалась Диана. — Мы отправляемся туда поутру.

— Мы как-нибудь соберемся и навестим вас.

— Будем ждать, — сказала Диана. — Обещаю пироги с элем и танцы на лужайке. — Она повернулась к Данкену и взяла юношу за руку. — А теперь пускай наступает завтра...

Содержание

Дети наших детей, роман, <i>перевод с английского К. Королева</i>	5
Братство Талисмана, роман, <i>перевод с английского К. Королева</i>	195

Миры Клиффорда Саймака кн. 9 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 463 с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах

Книга девятая

Составитель *В. Быстров*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *М. Проворова, Т. Бережных*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *А. Хиришфелде, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Болтач*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Цветные иллюстрации и форзац: *Л. Булькина*
Оформление шмуцтитолов: *А. Бибанаев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством

ЛР № 082455 от 23.03.93

Подписано в печать 08.04.94. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

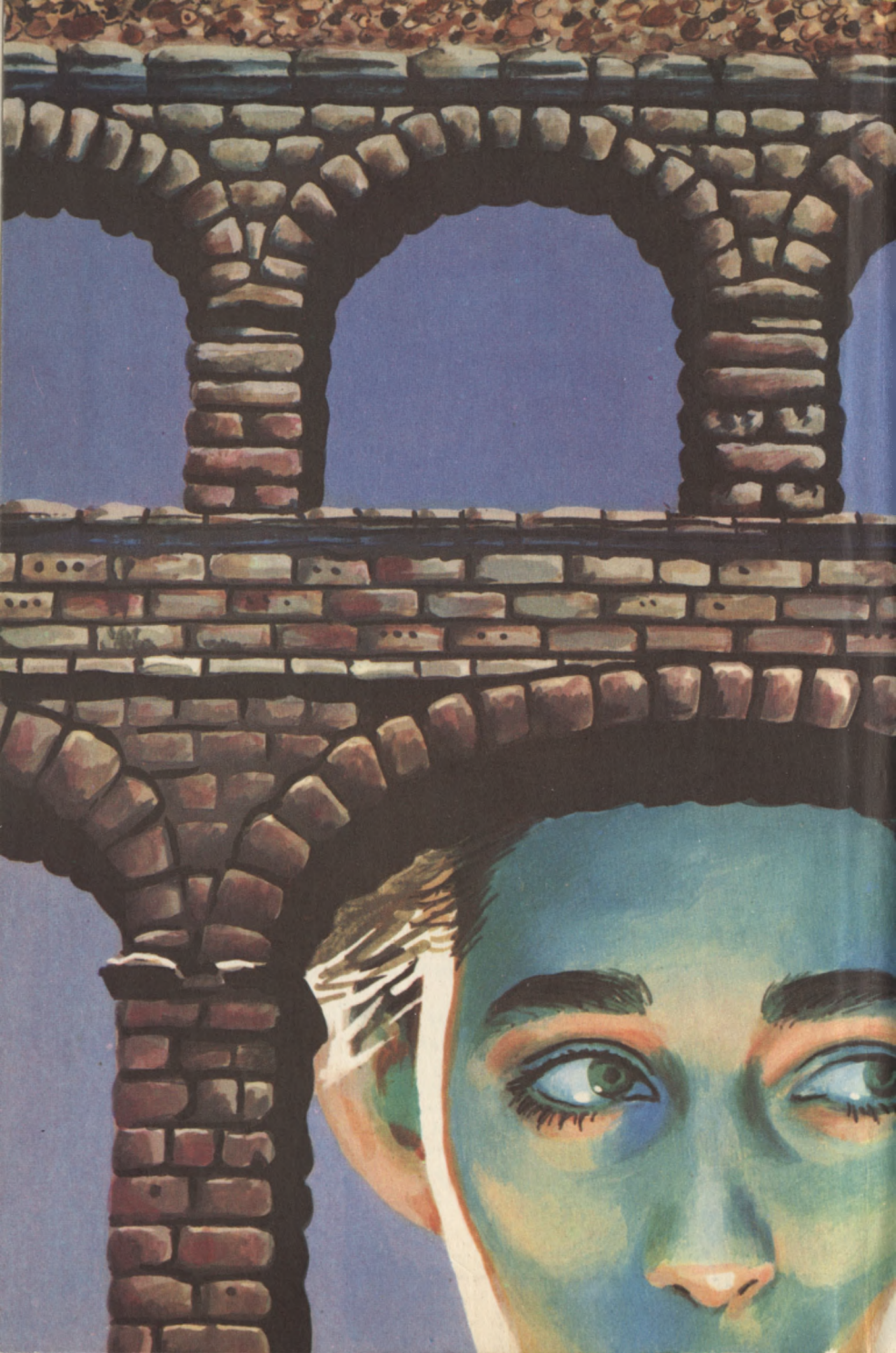
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2694. С 029

Издательская фирма «Полярис»

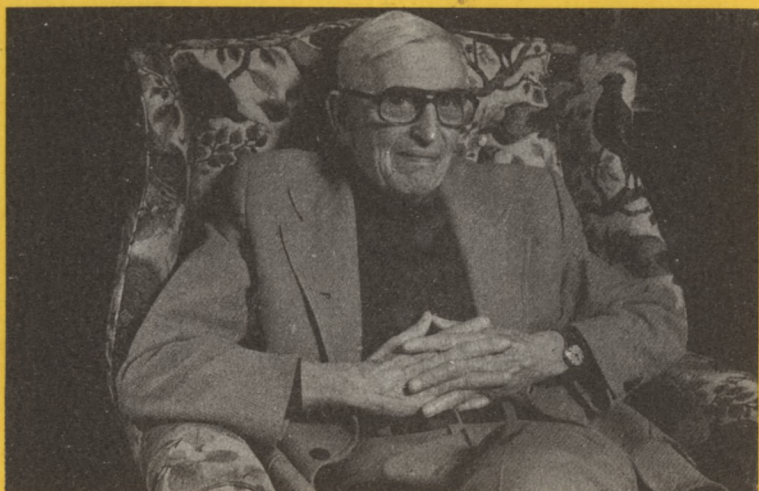
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена
Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской
литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers